801-10
520
И 27/484

ОБЪ
УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ,
ДОЗНАНІИ
И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ
ПО СУДЕБНЫМЪ УСТАВАМЪ 1864 ГОДА.

Теоретическое и практическое руководство

СОСТАВЛЕННОЕ

А. КВАЧЕВСКИМЪ.

Часть первая.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

Могилевская, 7.

1866.

2007066414

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
В. И. ЛЕНИНА

ф 38979-42

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I — VIII

Введеніе.

1. Общія понятія объ уголовномъ судопроизводствѣ. § 1 . . 3 — 8
2. Значеніе, свойства и цѣль формъ уголовнаго судопроизводства. § 2 . . . . . 8 — 10
3. Существенныя начала порядка и формъ уголовнаго правосудія. § 3 . . . . . 10 — 16
4. Временныя и мѣстныя условія, отъ которыхъ зависитъ устройство уголовнаго судопроизводства . . . . . .
   А. Вообще. § 4 . . . . . 16 — 20
   Б. Русское законодательство. § 5 . . . . . 20 — 46
5. Составныя части уголовнаго судопроизводства. Взаимная ихъ связь. § 6 . . . . . 46 — 49

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Объ уголовномъ преслѣдованіи и объ искѣ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія.

ГЛАВА I.

Значеніе и свойства уголовнаго преслѣдованія и иска о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія.

I. Общія понятія. § 7 — 9 . . . . . 53 — 64

II. Ученіе объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ въ законодательствахъ. § 10 . . . . . 64 — 70

III. Ученіе объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ по русскому законодательству. § 11—12 . . . . . стр. 70 — 83

ГЛАВА II.

О лицахъ, вѣдающихъ уголовнымъ преслѣдованіемъ и производящихъ искъ объ убыткахъ отъ преступленія.

Раздѣлъ I. О лицахъ, вѣдающихъ уголовнымъ преслѣдованіемъ.
I. Общія понятія объ этомъ предметѣ. § 13 . . . . . 83 — 90
II. Ученіе иностранныхъ законодательствъ. § 14—15 . . . 90 — 101
III. Русское законодательство. § 16 . . . . . 101 — 103
А. Устройство прокурорскаго надзора. § 17 . . . . . 103 — 118
Б. Участіе чиновъ прокурорскаго надзора въ уголовномъ преслѣдованіи. § 18—22 . . . . . 118 — 147
В. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи мировыхъ судей. § 23 . . . . . 147 — 155
Г. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи судебныхъ слѣдователей. § 24 . . . . . 155 — 16
Д. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи судебной палаты. § 25 . . . . . 161 — 16
Е. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи кассаціоннаго департамента сената. § 26 165
Ж. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи полицейскихъ и разныхъ административныхъ властей. § 27—29 . 165 — 17
З. Участіе частныхъ лицъ въ уголовномъ преслѣдованіи. § 30—31 . . . . . 172 — 18
а) по дѣламъ, подвѣдомымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ. § 32 . . . . . 180 — 186
б) по дѣламъ, подсуднымъ окружнымъ судамъ. § 33 187 — 195
Раздѣлъ II. О лицахъ, производящихъ гражданскій искъ. Условія вчинанія гражданскаго иска и права гражданскаго истца. § 34 . . . . . 195 — 208

ГЛАВА III.

Главныя правила производства уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

Общія понятія объ этомъ предметѣ. § 35 . . . . . 208 — 20
Раздѣлъ I. Главныя правила производства уголовнаго преслѣдова

I. Право и обязанность обвинителей производить уголовное преслѣдованіе. § 36 . . . . . стр. 209 — 214
II. Мировыя сдѣлки по уголовному иску, отреченіе, отказъ отъ него, передача его. § 37 . . . . . 214 — 217
III. Отводъ и устраненіе чиновъ прокурорскаго надзора. § 38 217 — 219
IV. Отвѣтственность за уголовное преслѣдованіе. § 39 . . . 219 — 225
Раздѣлъ II. Главныя правила производства гражданскаго иска.
I. Независимость гражданскаго иска отъ уголовнаго преслѣдованія. Отказъ отъ гражданскаго иска, мировыя сдѣлки о немъ, передача правъ его и отреченіе отъ него. § 40 . 225 — 228
II. Подсудность гражданскаго иска уголовному или гражданскому суду, избраніе истцомъ того или другаго суда. § 41 228 — 230
III. Отвѣтственность гражданскаго истца. § 42 . . . . . 230 — 231

ГЛАВА IV.

О предѣлахъ уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска въ отношеніи къ подданству и территоріи государства.

§ 43 231
Раздѣлъ I. Объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ въ предѣлахъ территоріи государства.
I. Уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ въ отношеніи къ подданнымъ и иностранцамъ. § 44 . . . . . 232 — 233
II. Территорія государства; юридическія предположенія, соединяемыя съ этимъ понятіемъ, въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію и гражданскому иску. § 45 . . . . 233 — 236
III. Изъятіе изъ территоріальной подсудности для дипломатическихъ агентовъ и консуловъ. § 46 . . . . . 236 — 238
Раздѣлъ II. Объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ по преступленіямъ, совершеннымъ за границею. § 47 238 — 242
Раздѣлъ III. О выдачѣ преступниковъ.
I. Общія понятія объ этомъ предметѣ. § 48 . . . . . 242 — 245
II. Лица и преступныя дѣйствія, на которыя распространяется выдача преступниковъ. § 49 . . . . . 245 — 248
III. Порядокъ и формы выдачи преступниковъ. § 50 . . . . 248 — 250

ГЛАВА V.

О пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

§ 51 250

Раздѣлъ I. Причины, пріостанавливающія уголовное преслѣдованіе. § 52 . . . . . стр. 251

I. Недостатокъ жалобы потерпѣвшаго лица.

1. Свойства преступленій, преслѣдуемыхъ не иначе, какъ по жалобѣ. § 53 . . . . . 251 — 255

2. Условія и послѣдствія жалобы. § 54 . . . . . 255 — 261

II. Пріостановленіе уголовнаго преслѣдованія, по случаю разрѣшенія предварительныхъ вопросовъ. § 55 . . . . . 261 — 263

III. Пріостановленіе уголовнаго преслѣдованія, по особымъ личнымъ качествамъ обвиняемыхъ.

1. Общее понятіе объ этомъ предметѣ. § 56 . . . . . 263 — 264

2. Уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ.

А. По французскому законодательству. § 57 . . . . 264 — 272

В. По русскимъ законамъ. § 58 . . . . . 272 — 277

3. Лица, имѣющія право пользоваться особыми преимуществами по уголовному преслѣдованію за преступленія должностей. § 59 . . . . . 277 — 278

4. Дѣйствія, на которыя распространяются преимущества по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ. § 60 . . 278 — 281

5. Власть, отъ которой зависитъ преданіе должностныхъ лицъ суду. § 61 . . . . . 281 — 285

6. Права и отношенія судебнаго и административнаго вѣдомствъ по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ. § 62 . . . . . 285 — 301

Раздѣлъ II. Причины, пріостанавливающія гражданскій искъ. § 63 301

I. Пріостановленіе гражданскаго иска до окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла. § 64 . . . . . 301 — 307

II. Пріостановленіе гражданскаго иска противъ должностнаго лица до разрѣшенія надлежащей власти. § 65 . . . . . 307 — 310

ГЛАВА VI.

О прекращеніи уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

§ 66 . . . . . 310 — 311

I. Смерть преступника. § 67 . . . . . 311 — 313

II. Прекращеніе уголовнаго преслѣдованія по неподлежности вторичному преслѣдованію за одно и тоже преступленіе

1. Общія понятія объ этомъ предметѣ. § 68 . . . . . 313 — 318

2. Разъясненіе и примѣненіе законовъ. § 69 . . . . . 318 — 332

	стр.
III. Давность.	
1. Общія понятія объ этомъ предметѣ. § 70	332 — 333
2. Разъясненіе законовъ	
а) Срокъ давности. § 71	334 — 338
б) Время, съ котораго начинается теченіе давности. § 72	339 — 340
в) Причины, прерывающія теченіе давности. § 73 . .	340 — 342
IV. Помилованіе. § 74	342 — 345
V. Примиреніе, отказъ, отреченіе отъ уголовнаго иска. § 75 .	345 — 346
Раздѣлъ II. Причины прекращенія гражданскаго иска. § 76	346 — 352

II 22
444

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Правильное отправленіе уголовнаго правосудія требуетъ теоретическаго и практическаго знанія юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ того порядка и образа дѣйствій, которыми совершается уголовный судъ. Конечно эти отношенія опредѣляются самимъ закономъ; но знаніе одного закона недостаточно для полнаго уразумѣнія дѣятельности оффиціальныхъ и частныхъ лицъ, участвующихъ въ производствѣ суда. Законъ предписываетъ только правила для дѣйствій; но не учитъ, не высказываетъ основаній, по которымъ установлены предписываемыя правила и безъ которыхъ нерѣдко нельзя понять значеніе правилъ и ихъ границы; законъ невсегда указываетъ способъ выполненія ихъ; законъ выражаетъ общее начало, объемлющее цѣлый рядъ частностей, тогда какъ жизнь даетъ лишь частные случаи, требующіе приложенія къ нимъ закона; при всей своей точности и полнотѣ, законъ не можетъ предопредѣлить всѣхъ подробностей и мелочей, которыми полна живая дѣйствительность. Столкновеніе закона съ послѣднею всегда рождаетъ необходимость въ толкованіи законнаго постановленія. Нельзя правильно толковать законъ, не умѣя добираться до истиннаго смысла, значенія и способа примѣненія его къ даннымъ фактамъ, не прибѣгая къ помощи научнаго знанія, освѣщающаго истину, раскрывающаго

сродство понятій и явленій, повидимому, ничѣмъ несвязанныхъ между собою. Посредницами въ этой трудной и важной работѣ являются теорія и практика. Первая стремится сознать явленія дѣйствительности, указать разумныя основы, на которыхъ опираются юридическія учрежденія и отношенія, открыть значеніе, причины, взаимную ихъ связь; вторая, при помощи выводовъ, сдѣланныхъ изъ наблюденія надъ приведеніемъ законовъ въ исполненіе, изъ сравненія ихъ дѣйствія и силы въ различныхъ мѣстахъ и при разныхъ условіяхъ, старается выяснить законныя постановленія для вѣрнѣйшаго и точнѣйшаго приложенія ихъ къ различнымъ обстоятельствамъ, для оцѣнки практическаго достоинства и годности законныхъ правилъ. Почерпая содержаніе для себя изъ одного источника—міра дѣйствительности, который ставитъ насъ въ опредѣленныя отношенія къ частнымъ лицамъ, обществу и государству, идя къ одной цѣли — достичь истины, справедливости и законности, теорія и практика, юридическая наука и жизнь должны идти рука объ руку, и обоюднымъ содѣйствіемъ давать надежную опору тому, кто ищетъ ихъ помощи. Такимъ образомъ для яснаго пониманія законовъ и вѣрнаго примѣненія ихъ къ частнымъ случаямъ оказывается необходимость въ юридическихъ свѣдѣніяхъ, добытыхъ теоріею и практикою.

Высказанное нами относится къ такимъ же азбучнымъ часто твердимымъ понятіямъ, какъ всѣмъ извѣстная пословица — ученье свѣтъ, а неученье тьма. Но эти общеизвѣстныя мысли невольно напрашиваются у насъ на повтореніе всякій разъ, какъ зайдетъ рѣчь о законахъ и необходимости юридическихъ знаній. Попробуйте завести о нихъ рѣчь съ истыми «практиками», — волею неволею приходится твердить эту азбуку, потому что изъ высказываемыхъ ими мнѣній выносится убѣжденіе, что имъ она или вовсе неизвѣстна или слишкомъ мало знакома. Они воюютъ противъ теоріи, не признаютъ ее и ставятъ во враждебное отношеніе къ практикѣ. Не станемъ винить ихъ въ этомъ: самые наши судебные порядки, тяжелыя канцелярскія формы, сложное письмоводство, меха-

ническая обрядность пріучили ихъ проникаться несокрушимымъ уваженіемъ къ одной практикѣ, то есть къ механической обрядности, къ безсознательному формализму, породили вражду между нею и наукою. Это боготвореніе практики должно миноваться само собою съ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, потому что практика, вынесенная изъ старыхъ судовъ, отвергающая требованія науки, не найдетъ себѣ мѣста въ новомъ порядкѣ судоотправленія: этотъ порядокъ по своимъ свойствамъ не благопріятствуетъ исключительному господству механизма. Стремленіе ввести и въ новый порядокъ старый механизмъ, старыя формы и тѣмъ отнять у него благодѣтельную его силу, надѣемся, встрѣтитъ сильный отпоръ въ самыхъ формахъ и капитальныхъ основахъ, оберегающихъ новое зданіе отъ порчи и гнили, — въ публичности и гласности судебнаго дѣла.

При негодности приложенія къ новымъ началамъ старыхъ обрядовъ и формъ, пріобрѣтенныхъ навыкомъ въ прежнемъ письмоводствѣ, при бѣдности и слабомъ распространеніи юридическихъ свѣдѣній у насъ, при недостаточности изученія однихъ правилъ положительнаго закона для точнаго пониманія и исполненія ихъ, остается одно средство — прибѣгнуть къ руководству научнаго знанія. При этомъ нельзя упускать изъ виду, что всѣ новыя судебныя должности не могутъ быть замѣщены лицами, получившими юридическое образованіе, что въ числѣ условій, дающихъ право на полученіе этихъ должностей принято и прохожденіе службы по судебному вѣдомству, хотя бы ему и не предшествовало изученіе юридическихъ наукъ въ учебномъ заведеніи. Мы не отвергаемъ, что юридическія науки можно изучать и не бывъ въ учебномъ заведеніи, что и у насъ найдутся просвѣщенные практики, которые опытъ свой связали съ наукою; есть и столь сильныя натуры, что ихъ не сломила узкая рутина формализма, что они не простились съ наукою, разставаясь съ академическою скамьей, усвоили себѣ свѣтлый взглядъ на дѣло, который дастъ имъ силу справиться и съ новымъ устройствомъ

суда, не отнимая и при немъ цѣны ихъ опытности; но едвали такихъ практиковъ, такихъ дѣятелей у насъ много. Безъ сомнѣнія многимъ придется учиться и доучиваться вновь, чтобы стать въ уровень съ требованіями новаго суда.

Вотъ почему мы придаемъ большую важность для самой практики тѣмъ способамъ, какіе предлагаются нашею юридическою литературою къ уразумѣнію новаго судебнаго порядка, въ переводахъ замѣчательныхъ иностранныхъ учебниковъ и въ отдѣльныхъ статьяхъ по разнымъ частямъ судопроизводства оригинальныхъ и переводныхъ. Безъ сомнѣнія сравнительное изученіе иноземныхъ законодательствъ выяснитъ много разныхъ практическихъ вопросовъ новаго судопроизводства, опытъ другихъ странъ, въ которыхъ оно введено съ давняго времени, не можетъ не быть поучительнымъ и для насъ. Отдѣльныя статьи знакомятъ со всѣми сторонами того предмета, изслѣдованію котораго онѣ предназначены въ теоретическомъ, или въ практическомъ отношеніи. Но и тѣ и другія кажутся намъ не вполнѣ достаточными для тѣхъ нашихъ практиковъ, которымъ мало извѣстны первоначальныя понятія юридической науки. Положимъ, мировой судья желалъ бы основательно усвоить себѣ свѣдѣнія, нужныя для исполненія его обязанностей и, не ограничиваясь буквою закона, обратился бы къ переводнымъ учебникамъ и статьямъ; не каждый нашелъ бы въ нихъ то, чего искалъ; эти учебники мало доступны для него, потому что они предполагаютъ уже извѣстными многія предварительныя понятія, техническіе термины. Положимъ, онъ освоился съ небольшимъ кругомъ его собственной спеціальности, но по 118-й ст. уст. уголовн. судопр., ему приходится сообразить постановленія для мировыхъ судей съ подробными правилами судопроизводства въ общихъ судебныхъ мѣстахъ; не имѣя точныхъ свѣдѣній объ общемъ судопроизводствѣ, онъ пожелаетъ отчетливо знать не одну букву закона; такое желаніе тѣмъ естественнѣе, что ему нужно не только имѣть свѣдѣнія объ общемъ порядкѣ судопроизводства но и умѣть сообразить правила этого порядка съ особенными

постановленіями для мировыхъ судей, чтобы разрѣшить затрудненіе, встрѣтившееся въ данномъ случаѣ. Если онъ обратится къ переводному учебнику, то придетъ въ большее смущеніе, очутившись, какъ въ непроходимомъ лѣсу, среди неважныхъ или ненужныхъ ему подробностей и мелочей, между которыми легко запутаться и не открыть существеннаго, главнаго, пригоднаго для разъясненія даннаго случая. Въ подобномъ положеніи можетъ оказаться не одинъ мировой судья, но и другія неопытныя должностныя лица судебнаго вѣдомства. Притомъ какая сложная работа рыться въ иноземныхъ законахъ по учебникамъ о нихъ, сличать ихъ съ русскими законами и догадываться, что общее приложимое въ тѣхъ и другихъ; такая работа не подъ силу каждому и требуетъ много досуга, который рѣдко случается у занятаго службою; ознакомленіе съ предметомъ занятій по отдѣльнымъ статьямъ имѣетъ то неудобство, что онѣ большею частью слишкомъ спеціальны, слишкомъ дробятъ науку, изъ отрывочныхъ свѣдѣній не выходитъ ничего цѣльнаго. Но главный недостатокъ переводныхъ учебниковъ и статей тотъ, что въ нихъ все вниманіе сосредоточено на иноземныхъ учрежденіяхъ и уставахъ; тогда какъ для русскаго юриста на первомъ планѣ должны стоять свои учрежденія и уставы.

Правда что наши новые уставы и учрежденія еще ждутъ своего приложенія и практическая разработка ихъ впереди. Но развѣ они не имѣютъ своего прошлаго и развѣ все прошлое должно быть отринуто, какъ ни къ чему непригодное? Мы этого вовсе не думаемъ, да едвали кто нибудь допуститъ такую мысль. Изъ старыхъ законовъ о судопроизводствѣ нѣкоторые нашли для себя мѣсто и въ новыхъ уставахъ, выработавшаяся по нимъ практика, на сколько она сообразна съ новымъ порядкомъ суда, не можетъ утратить своего значенія. Сверхъ того старые обряды и формы могутъ внушить полезное наставленіе и съ отрицательной стороны служить указаніемъ на то, чего нужно избѣгать, остерегаться. Для разъясненія теоретической и практической стороны новаго судопроизводства мы

владѣемъ богатыми матеріалами, содержащимися въ замѣчаніяхъ нашихъ теоретиковъ и практиковъ по поводу обнародованныхъ основныхъ положеній судоустройства и судопроизводства, а также въ основаніяхъ, различныхъ мнѣніяхъ, и замѣчаніяхъ, образовавшихся при составленіи и разсмотрѣніи проектовъ судебныхъ уставовъ.

Всѣ эти соображенія и доводы побудили насъ приняться за составленіе руководства, котораго назначеніе заключается въ изъясненіи нашихъ судебныхъ уставовъ по части уголовнаго преслѣдованія, дознанія и предварительнаго изслѣдованія преступленій. Мы выбрали эти части судопроизводства не потому, что считали ихъ важнѣе другихъ частей его; напротивъ, по нашему мнѣнію, всѣ онѣ важны, каждая имѣетъ свое значеніе. Мы думаемъ, что не можетъ быть и рѣчи о преимуществѣ той или другой части: нельзя назвать здоровымъ тотъ организмъ, въ которомъ одна сила живетъ на счетъ другой, одинъ членъ преобладаетъ надъ другимъ и отнимаетъ отъ него долю назначенной ему самостоятельной дѣятельности; каждый членъ долженъ имѣть свое отправленіе въ опредѣленныхъ для него границахъ. Такъ и въ судопроизводствѣ, живомъ общественномъ организмѣ, каждая дѣятельность должна играть свою роль и въ этомъ смыслѣ нельзя говорить о бо̀льшей или меньшей важности той или другой. Выборъ нашъ сдѣланъ не на основаніи особенной важности упомянутыхъ частей уголовнаго судопроизводства, а во вниманіи къ тому, что преслѣдованіе, дознаніе и предварительное изслѣдованіе преступленій вызываютъ болѣе самодѣятельности въ должностныхъ лицахъ, которыя дѣйствуютъ въ этихъ частяхъ судопроизводства; притомъ ошибки ихъ большею частью непоправимы; поэтому намъ казалось, что они болѣе нуждаются въ ясномъ пониманіи своихъ обязанностей, чтобы стать къ порученному имъ дѣлу въ свободныя отношенія; имъ некого спрашивать совѣта, которымъ могутъ воспользоваться лица, отправляющія обязанности въ коллегіальномъ составѣ. Наконецъ намъ однимъ не по силамъ обработать всѣ части уголовнаго судо-

производства; поэтому нужно ограничиться тѣмъ, что возможно. Избранныя нами части, хотя каждая изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ дѣйствій, тѣсно связаны между собою, какъ это объясняется въ своемъ мѣстѣ, и потому мы соединили ихъ въ одинъ общій трудъ, впрочемъ безъ объединенія ихъ насильственными узами. Въ нашемъ трудѣ мы не задавались слишкомъ широкими рамками, желали высказать все то, что составляетъ, по нашему пониманію, насущную потребность. Поэтому мы отказались отъ всякой роскоши: мы не бросались въ подробныя «теоретическія воззрѣнія»; обильно трактующія о тѣхъ или другихъ ученіяхъ, которымъ и назначено было остаться лишь въ учебникахъ безъ практическаго приложенія. Преслѣдуя прежде всего насущную практическую цѣль, мы оставили другимъ разработку исторической части нашего предмета, хотя и признаемъ всю ея важность; эта часть въ приличномъ ей объемѣ требуетъ усидчивыхъ занятій многихъ лѣтъ, а откладывать работу на долгое время намъ казалось несообразнымъ съ назначеніемъ ея. Мы не всегда обращались къ сравненію нашего закона съ западно-европейскимъ, прибѣгали къ этому методу на столько, на сколько имъ можно было воспользоваться для уясненія основаній и причинъ законныхъ постановленій, значенія и дѣйствія учрежденій. Мы имѣли въ виду не только должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, но и частныхъ лицъ, принимающихъ участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія; для послѣднихъ такъ же нужно знать ихъ права и обязанности, какъ и для первыхъ, чтобы умѣть ограждать свою личность и имущество отъ произвольныхъ дѣйствій и неправильныхъ требованій. Нашъ опытъ убѣдилъ насъ, какъ мало извѣстны имъ законы и сколько произвола объясняется только этимъ невѣденіемъ. Соображаясь съ запасомъ юридическаго знанія у людей неслужившихъ по судебной части, мы должны были расширить предѣлы нашего труда, болѣе чѣмъ казалось нужнымъ съ перваго взгляда.

Для бо̀льшаго удобства въ справкахъ къ концу послѣдней части руководства будутъ приложены алфавитный указатель содержащихся въ немъ предметовъ и понятій и указатель главнѣйшихъ статей законовъ, разъясняемыхъ имъ.

ОБЪ

УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ,

ДОЗНАНІИ

И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМЪ ИЗСЛѢДОВАНІИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Общія понятія объ уголовномъ судопроизводствѣ.

§ 1. Въ природѣ человѣка лежитъ потребность оберегать свой интересъ, заключающійся въ благахъ, необходимыхъ для жизни и ея нуждъ; такъ какъ съ этими благами соединяются права на нихъ, то человѣкъ по свойству своей природы не можетъ оставаться равнодушнымъ къ нарушенію его правъ. Поэтому ему свойственно искать удовлетворенія за нарушеніе правъ, домогаться возмездія за причиненные ему этимъ нарушеніемъ вредъ, оскорбленіе, обиду, убытокъ. Если бы человѣку было предоставлено самому расправляться съ обидчикомъ, нарушителемъ его правъ, то личный интересъ заглушилъ бы въ немъ чувство справедливости и самоуправство превысило бы мѣру должнаго возмездія, обратилось бы въ такое же нарушеніе правъ, къ удовлетворенію котораго онъ стремился. Съ другой стороны онъ не всегда былъ бы въ состояніи выполнить самовольную расправу: недостатокъ силы, поврежденіе здоровья обидчикомъ и лишеніе жизни отняли бы у него возможность получить удовлетвореніе путемъ самоуправства и личной обороны. Въ отвращеніе нарушенія правъ отъ личной расправы обиженнаго съ обидчикомъ и для доставленія справедливаго и полнаго возмездія за обиду и вредъ, оборону обиженнаго, защиту его правъ беретъ на себя общество,

составляемое отдѣльными лицами для достиженія благъ, осуществленіе и охрана которыхъ невозможны безъ устроеннаго правильно общежитія, а въ государствѣ, какъ совокупности недѣлимыхъ и обществъ, оборона правъ отъ нарушеній принадлежитъ правительству, которому подвластны и недѣлимыя и общество, и которое опредѣляетъ законами права, обязанности, отношенія тѣхъ и другихъ между собою. Не только существованіе отдѣльнаго лица немыслимо безъ правъ, но общество и государство не могутъ имѣть жизни безъ нихъ: у нихъ есть также свои цѣли, свои потребности и соотвѣствующія имъ права, и потому нарушеніе ихъ также должно быть ограждено, какъ и нарушеніе правъ частныхъ лицъ. Нарушенныя права частныхъ лицъ, обществъ и государства возстановляются судебною властью, какъ частицею той власти, которая въ полномъ объемѣ принадлежитъ правительству. Способы возстановленія нарушенныхъ правъ зависятъ отъ свойствъ послѣднихъ. Гражданское право, заключающее въ себѣ лишь частный интересъ, предоставленный произвольному распоряженію владѣльца права, возстановляется судомъ гражданскимъ посредствомъ имущественнаго удовлетворенія обиженнаго за понесенный отъ нарушителя правъ вредъ и убытокъ и принужденія къ такому удовлетворенію притомъ не иначе какъ по его требованію. Нарушенія правъ связанныя съ интересомъ общественнаго быта, возмущающія спокойствіе не однихъ частныхъ лицъ, но и общества, колеблющія въ бо̀льшей или меньшей степени порядокъ и обязанности, установляемые государственнымъ союзомъ на пользу общежитія, возстановляются судомъ уголовнымъ посредствомъ кары этихъ правонарушеній, по требованію обиженнаго, а если этого требованія въ виду нѣтъ, то и по требованію самаго общества и представляющей его власти. Правонарушенія этого рода въ отличіе отъ первыхъ называются преступленіями; а для точнѣйшаго опредѣленія ихъ правительство объявляетъ извѣстныя дѣйствія или бездѣйствія (оупущенія) запрещенными подъ страхомъ наказанія. По существу своему преступленіе

есть противозаконное посягательство на чье-либо право столь существенное, что государство, считая это право однимъ изъ условій общежитія при недостаточности другихъ средствъ охранительныхъ, ограждаетъ ненарушимость его наказаніемъ*). Такимъ образомъ для кары преступленій необходимы слѣдующія условія: 1) *противозаконность дѣйствія*, или *бездѣйствія*, такъ какъ дѣянія, закономъ незапрещенныя предполагаются дозволенными. Законъ воспрещаетъ не только извѣстныя дѣйствія, но и бездѣйствія, то есть недѣланіе того, что человѣкъ по извѣстному отношенію своему къ другимъ и въ извѣстныхъ случаяхъ былъ обязанъ сдѣлать. 2) Противозаконное дѣйствіе или бездѣйствіе должно заключать въ себѣ *посягательство на чье-либо право*; право можетъ принадлежать не только отдѣльному лицу, но и цѣлому обществу и государству, а такъ какъ праву всегда соотвѣтствуетъ извѣстная обязанность что-нибудь сдѣлать или чего-либо не дѣлать, то преступленіе есть отрицаніе, неисполненіе предписанной обязанности. 3) *Право должно быть необходимымъ условіемъ для общежитія* и только такое право, въ силу его *важности*, общество и государство берутъ подъ свою охрану и защиту, потому что видятъ въ посягательствѣ на него, *опасность для себя*, хотя бы право принадлежало частному лицу и по своимъ наружнымъ признакамъ казалось вреднымъ только для этого лица. Такъ какъ въ посягательствѣ на право по внутреннему его значенію кроется возмущеніе общественнаго порядка, ограждающаго не одно частное лицо, но и весь общественный союзъ, *то власть государственная сама* и *охраняетъ* это *право*, *независимо отъ воли обиженнаго лица*. 4) Государство ограждаетъ *ненарушимость права наказаніемъ* только *въ тѣхъ крайнихъ случаяхъ*, *когда другія средства огражденія оказываются безсильными*, *недостаточными*. Въ извѣстныхъ предѣлахъ государство предоставляетъ охрану права и расправу съ нарушителемъ его частному лицу и союзамъ

*) Учебникъ уголовнаго права Спасовича, стр. 83 — 86.

частныхъ лицъ, семьѣ, церкви, сословію и цѣлому обществу, потому что въ этихъ случаяхъ неприкосновенность права имѣетъ лишь отдаленную цѣль для государства и ближе для интересовъ частныхъ лицъ и общественныхъ союзовъ, чѣмъ для него, или же потому, что государство въ извѣстномъ случаѣ не въ состояніи оградить право частнаго лица, какъ напримѣръ при необходимой оборонѣ. Охранительныя средства, предоставленныя частнымъ лицамъ и общественнымъ союзамъ, состоятъ въ воспитаніи, въ выраженіи общественнаго мнѣнія о поступкахъ, въ особыхъ мѣрахъ гражданскихъ взысканій, въ исправительныхъ (дисциплинарныхъ) наказаніяхъ, которымъ семья, церковь, школа и сословіе подвергаютъ своихъ членовъ, наконецъ въ мѣрахъ предупредительной полиціи. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что преимущественно государству принадлежитъ право и власть расправляться съ нарушеніемъ правъ. Преимущество государства въ этомъ отношеніи предъ частными лицами и другими общественными союзами опирается на томъ, что государство имѣетъ болѣе, чѣмъ они силъ охранить пользованіе благами и правами, которыя оно признало и закрѣпило положительнымъ закономъ и оградить ненарушимость этого закона: оно поставлено на ту высоту, которая ручается за безпристрастное и справедливое принятіе средствъ, употребляемыхъ въ расправѣ съ посягательствомъ на права и съ нарушителями ихъ, для охраны закона. Эти средства относительно преступника приводятся ко взысканію опредѣленнымъ наказаніемъ. Праву государства взыскивать съ преступника наказаніемъ соотвѣтствуетъ, принадлежащая правительству, особая власть, которая въ отличіе отъ другихъ властей, находящихся въ его распоряженіи, называется *властью карательною*. Дѣйствуя этою властью, правительство назначаетъ извѣстную кару, которой долженъ подвергнуться преступникъ за зло имъ причиненное въ посягательствѣ на чье-либо право и опредѣляетъ цѣнное вознагражденіе за вредъ и убытокъ, происшедшій отъ нарушенія права, подлежащаго оцѣнкѣ. Для этой цѣли правительство

1) опредѣляетъ уголовнымъ закономъ, какія именно дѣйствія или бездѣйствія признаются запрещенными подъ страхомъ наказанія, обозначаетъ ихъ преступность и наказуемость; 2) учреждаетъ представителей карательной власти, которые прилагаютъ этотъ законъ къ даннымъ случаямъ на основаніи правилъ, также опредѣленныхъ закономъ. Совокупность законныхъ постановленій, предписывающихъ образъ, способъ и порядокъ дѣйствій разныхъ органовъ карательной власти, съ цѣлью взысканія съ преступниковъ за преступленія, называется *уголовнымъ судопроизводствомъ*. Правила, которыми должны руководиться органы карательной власти въ своихъ дѣйствіяхъ, могутъ быть предметомъ не одного закона, изданнаго верховною властью, но и научнаго изслѣдованія: законодатель предписываетъ правила для дѣятельности представителей уголовной власти, на основаніи соображеній разума и практическихъ указаній, данныхъ потребностями народа, его свойствами и обычаями, степенью умственнаго и нравственнаго развитія, духомъ времени и положеніемъ страны; юристъ дѣятельностью ума повторяетъ эту работу съ цѣлью научнаго изслѣдованія, путемъ логическихъ построеній выводитъ начала и причины, родившія предписаніе закона, его сообразность съ требованіями справедливости и нуждами народа вообще и въ данное время, словомъ стремится открыть смыслъ, значеніе, полезность и достоинство закона и всѣ эти выводы приводитъ въ порядокъ, въ единство. Систематическое изложеніе, по правиламъ науки, основныхъ началъ отправленія уголовнаго суда, истекающихъ изъ идеи правды и указаній опыта, называется *теоріею* или *наукою уголовнаго судопроизводства*. Можно разсматривать законъ и теорію уголовнаго судопроизводства по отношенію къ законодательству многихъ странъ или относительно извѣстнаго народа. Въ нашемъ изложеніи мы будемъ имѣть въ виду преимущественно законодальство русское.

2. Значеніе, свойства и цѣль формъ и обрядовъ уголовнаго судопроизводства.

§ 2. Мы сказали, что правила уголовнаго судопроизводства опредѣляютъ образъ, способъ и порядокъ дѣйствій органовъ уголовнаго правосудія. Всѣ эти правила сводятся къ различнымъ обрядамъ и формамъ, имѣющимъ въ виду раскрытіе противозаконнаго свойства дѣяній, указаніе виновника ихъ и разъясненіе степени его отвѣтственности за уголовную вину предъ обществомъ, интересъ котораго нарушенъ дѣяніемъ, вреднымъ для общежитія, и предъ лицомъ, пострадавшимъ отъ беззаконія; выполняемые по этому поводу формы и обряды клонятся къ тому, чтобы подвергнуть преступника заслуженной карѣ за его дѣяніе, опасное и вредное какъ для общества, такъ и въ частности для лица, пострадавшаго отъ преступленія и притомъ по справедливой мѣрѣ, сообразной съ бо̀льшею или меньшею важностью противозаконнаго дѣянія, съ качествомъ вреда причиненнаго имъ, со степенью личнаго участія виновника въ совершеніи преступнаго дѣянія и со свойствами его злой воли.

Такая сложная и трудная задача вызываетъ особенную сложность формъ и обрядовъ, выполняемыхъ должностными и частными лицами, участвующими въ отправленіи уголовнаго правосудія; этими свойствами и цѣлью формъ и обрядовъ объясняется особенная важность ихъ. Они по своему назначенію должны имѣть постоянно въ виду два интереса, заслуживающіе равнаго вниманія, заботы и защиты: а) *интересъ общества*, требующій немедленнаго и справедливаго взысканія съ преступника, посягающаго на права, которыми обезпечиваются блага и цѣли общежитія; б) *интересъ нарушителя* этихъ *правъ*, дорогой какъ для него самого, такъ и для общества, требующій, чтобы при взысканіи наказаніемъ и въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ по этому поводу, были ограждены свобода и личная неприкосновенность отъ всякаго пристрастія и неправды. Учреждая тотъ или другой порядокъ отправ-

ленія уголовнаго правосудія, установляя для него тѣ или другіе формы и обряды, необходимо соглашать оба эти интереса; нужно, чтобы уголовная власть имѣла всѣ способы къ раскрытію преступленія и вины преступника и къ удостовѣренію въ очевидной дѣйствительности ихъ, чтобы виновникъ понесъ за нихъ справедливое наказаніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы обвиняемый владѣлъ и могъ безпрепятственно пользоваться всѣми средствами защиты и оправданія себя, нужно, чтобы въ борьбѣ, которая завязывается между нимъ и уголовною властью не вторгались никакія иныя побужденія, кромѣ побужденій правосудія и своимъ вмѣшательствомъ не нарушали равновѣсія этой борьбы; нужно, чтобы и обвиняемый и уголовная власть нашли въ судебныхъ установленіяхъ и учрежденіяхъ покровительство и ограду, равносильныя и дѣйствительныя. Формы и обряды, установляемые для дѣятельности правосудія, должны быть таковы, чтобы не были помѣхою ни уголовной власти, ни обвиняемому. Если они будутъ обставлены чрезмѣрными предосторожностями; то власть, запутанная въ нихъ, останется безсильною, а обвиняемый будетъ не въ состояніи изъ-подъ гнета ихъ выгородить защиту свою и вмѣсто ограды найдетъ въ нихъ для себя одно лишь стѣсненіе. Напротивъ, если дѣйствія представителей уголовной власти будутъ оставлены на ихъ волю, если правила опредѣляющія формы и обряды, будутъ неполны и не предусмотрительны, то правосудіе, сдѣлавшись игрушкою случая и страсти, превратится въ грубый произволъ; при такомъ состояніи въ немъ нѣтъ охраны для общества и членовъ его, оно поражало бы самыя драгоцѣнныя блага общежитія — жизнь, честь, свободу, собственность, оно смѣшало бы невиннаго съ виновнымъ, наказаніе сдѣлало бы местью. Недаромъ говорятъ объ уголовномъ правосудіи, что оно держитъ въ рукахъ своихъ мечъ обоюдоострый. Формы и обряды, которыми окружаетъ себя правосудіе, могутъ показаться слишкомъ обременительными для лица, ищущаго удовлетворенія за нанесенный ему преступленіемъ вредъ и убытокъ; но по отношенію къ свободѣ

Всесоюзная библиотека имени В.И. Ленина

и безопасности, ими ограждаемыхъ, тѣ же формы и обряды иногда окажутся слабыми; стѣсненія, соединенныя съ ними, для лицъ причастныхъ правосудію, составляютъ лишь малую плату за всѣ выгоды его, за зорко сторожимыя формами правду, и личную неприкосновенность.

Такимъ образомъ формы и обряды уголовнаго судопроизводства указываютъ путь, которымъ совершаютъ свои дѣйствія оффиціальныя и частныя лица, принимающія посредственное или непосредственное участіе въ отправленіи уголовнаго правосудія, останавливаютъ всякія уклоненія отъ назначеннаго ему порядка, облекаютъ торжественностью каждый шагъ его, ограждаютъ отъ произвола и злоупотребленій уголовной власти, придаютъ несомнѣнность и непоколебимость ея актамъ. Основное начало ихъ составляетъ обезпеченіе правъ, которыя должны быть предоставлены какъ цѣлому обществу и каждому изъ его членовъ по взысканію за преступленіе съ виновника его, такъ и обвиняемому въ преступленіи для свободной защиты себя; конечною цѣлью для нихъ служитъ полное раскрытіе истины въ уголовномъ судѣ.

3. Существенныя начала порядка и формъ уголовнаго правосудія.

§ 3. Отправленіе уголовнаго правосудія, для разрѣшенія своей великой задачи, нуждается въ прочныхъ началахъ, на которыхъ должно быть основано устройство органовъ его, порядка дѣйствій этихъ органовъ и которыми укрѣпляется и поддерживается правильность ихъ дѣятельности. Укажемъ на тѣ изъ нихъ, которыя столь необходимы, что безъ нихъ успѣшность уголовнаго судопроизводства и немыслима.

1. Какъ бы удачно ни создавалось судопроизводство, какими бы формами ни было обставлено, оно не достигнетъ желаемой цѣли, коль скоро не найдетъ въ самомъ *устройствѣ суда* и *различныхъ органовъ судебной власти* соотвѣтствующихъ имъ ка-

чествъ: формы, безъ достойныхъ и удобно поставленныхъ исполнителей, то же, что тѣло безъ души; словомъ хорошее судопроизводство предполагаетъ и хорошее устройство суда и должностей, соприкасающихся съ нимъ. То же должно сказать и объ уголовномъ судопроизводствѣ. Главными основаніями такого устройства суда, по извѣданному опыту и требованіямъ науки, признаются: а) *самостоятельность судовъ и судей*, то есть такое положеніе, при которомъ они могутъ дѣйствовать независимо отъ посторонняго вмѣшательства и вліянія, которыми болѣе или менѣе стѣсняется ихъ дѣятельность. Для самостоятельности суда нужны: аа) *отдѣленіе его отъ администраціи.* Назначеніе того и другой особое: судъ подводитъ данные случаи подъ законъ, соображаясь единственно съ его предписаніями, съ опредѣленными имъ формами и обрядами, не увлекаясь никакими временными и мѣстными соображеніями; администрація, напротивъ, подчиняется этимъ соображеніямъ, поэтому ея дѣйствія носятъ на себѣ характеръ подвижности, уступокъ, измѣнчивости, переходности отъ однѣхъ мѣръ къ другимъ; администрація требуетъ отъ управляемыхъ исполненія закона и предупреждаетъ нарушеніе законнаго порядка, а судъ возстановляетъ порядокъ уже нарушенный и опредѣляетъ послѣдствія нарушенія; судъ рѣшаетъ, администрація управляетъ; и тотъ и другая имѣютъ свою область, свою роль и должны быть поставлены въ такія взаимныя отношенія, которыя не препятствовали бы имъ отправлять каждому свое дѣло, сообразно съ своимъ назначеніемъ и цѣлью, а давали бы возможность помогать другъ другу тамъ, гдѣ ихъ роли сходятся. бб) *Несмѣняемость и отрѣшимость судей отъ должности не иначе какъ по суду.* Судья можетъ исполнять свои обязанности самостоятельно, не подчиняясь другой волѣ, давать мнѣніе, приговоръ сообразный лишь съ законами, а не съ чуждымъ ему внушеніемъ, когда онъ увѣренъ, что не можетъ быть смѣненъ по произволу, что будетъ отвѣчать за свои дѣйствія только предъ судомъ, когда ему нечего бояться и нельзя ожидать, что его участь и положеніе зависятъ отъ ласки и бла-

госклонности извѣстныхъ лицъ и должностей. б) *Назначеніе на должности судей лицъ способныхъ къ ней.* Въ судѣ, какъ во всякомъ дѣлѣ, есть своя техническая, спеціальная сторона, требующая и соотвѣтсвующихъ ей знаній. Скажемъ болѣе: чѣмъ важнѣе дѣло по своимъ послѣдствіямъ, тѣмъ нужнѣе строгое вниманіе къ качествамъ лицъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ. Уголовный судъ, раскрывая преступленіе и вину преступника, карая виновныхъ, оправдывая невинныхъ, держитъ въ своихъ рукахъ вѣсы, тяготѣющіе надъ участью подслѣдственныхъ и подсудимыхъ: отъ него зависятъ жизнь, свобода, честь, благосостояніе не только ихъ самихъ, но и лицъ неразрывно связанныхъ съ ними. Поэтому вся мудрость въ отношеніи правосудія должна клониться къ тому, чтобы эти тяжкіе вѣсы были ввѣрены достойнымъ рукамъ. На этомъ основаніи для правильнаго устройства суда нужно назначеніе на судебныя должности людей доказавшихъ свою способность къ нимъ юридическими познаніями, пріобрѣтенными изученіемъ и судебною практикою. в) *Устройство суда присяжныхъ.* Извѣстно, что судъ можетъ правильно изрекать свои приговоры тогда только, когда рѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго не заключено въ узкія рамки заранѣе опредѣленныхъ закономъ *формальныхъ доказательствъ;* сущность такой системы состоитъ въ томъ, что судъ долженъ соображать съ ними свое рѣшеніе и только въ силу существованія этихъ доказательствъ въ данномъ случаѣ виновность признается несомнѣнною; если же законныхъ доказательствъ нѣтъ, то судъ не можетъ обвинить подсудимаго, хотя бы по внутренному убѣжденію судьи находили его дѣйствительно виновнымъ. Такое противорѣчіе закона съ совѣстью судей и очевидный недостатокъ системы формальныхъ доказательствъ поставили въ необходимость устроить судъ по крайней мѣрѣ по дѣламъ о самоважнѣйшихъ преступленіяхъ съ участіемъ лицъ, наиболѣе способныхъ рѣшить вопросъ о виновности подсудимаго *по внутреннему убѣжденію,* этотъ судъ называется: *судомъ присяжныхъ.* г) Многочисленность мелкихъ преступленій, нетер-

нящихъ отлагательства и требующихъ скораго разрѣшенія сокращеннымъ производствомъ и невозможность для общихъ судовъ справиться съ ними при тѣхъ сложныхъ формахъ, которыя необходимы для этихъ судовъ, побуждаютъ къ устройству *особыхъ судей*, которые завѣдываютъ исключительно незначительными преступленіями; разбираютъ и рѣшаютъ дѣла о нихъ *сокращеннымъ порядкомъ*. д) Правильное дѣленіе уголовно-судебной дѣятельности влечетъ за собою необходимость отдѣлить отъ власти судебной, разслѣдывающей и рѣшающей власть обвинительную; предъявляющую уголовный искъ, обвиненіе и требованія, съ производствомъ этого иска соединенныя; эта необходимость удовлетворяется особымъ устройствомъ *органовъ обвинительной власти — прокуроровъ*. Коль скоро введена обличительная должность прокурора, непремѣнно нужно ввести и другое учрежденіе, безъ котораго судъ не можетъ обойтись, если должно желать, чтобы подсудимый не оставался безъ защиты, чтобы обвиненіе не склоняло вѣсовъ правосудія исключительно въ одну сторону и не дѣлало состязанія между обвинителемъ и обвиняемымъ неровнымъ; это — учрежденіе *сословія защитниковъ* со всѣми потребными для него качествами и условіями.

Наравнѣ съ хорошею организаціею уголовнаго суда и связующихся съ нимъ учрежденій, самый порядокъ, формы и обряды выполненія назначенныхъ имъ ролей должны сообразоваться съ тѣми особенными цѣлями, которыхъ имъ слѣдуетъ достигать, не подрывая взаимной связи, не отнимая другъ у друга жизни и силы, данныхъ каждому изъ нихъ. Существенныя условія такого судоотправленія суть: а) *отдѣленіе слѣдствія* отъ *полицейскаго розыска*. Первое имѣетъ въ виду раскрытіе всѣхъ обстоятельствъ, которыми разъясняются преступленіе и виновность преступника, словомъ уголовную истину со всѣми способами доказать ее въ судѣ; при этой важности слѣдствія для него необходимы судебныя формы, ограждающія истину и правоту. Полицейскій розыскъ подготовляетъ предварительные матеріалы, нужные для основанія повода

къ слѣдствію, чтобы оно не превратилось въ одну лишь безполезную и тягостную формальность; онъ содѣйствуетъ слѣдствію и во время производства, для обнаруженія преступленія и указанія виновнаго, собираніемъ свѣдѣній по горячимъ слѣдамъ, спѣшныхъ, доступныхъ для полиціи, которая наблюдаетъ и предупреждаетъ преступленія и неизвѣстныхъ слѣдователю, который занятъ своею особою спеціальностью. Собираніе посредствомъ полицейскаго розыска однихъ лишь свѣдѣній, достоинство которыхъ оцѣнивается слѣдствіемъ, не нуждается въ судебныхъ формальностяхъ свойственныхъ послѣднему. б) *Отдѣленіе уголовнаго иска и обвиненія отъ слѣдствія.* Предъявленіе уголовнаго иска и обвиненіе, относящіяся къ преслѣдованію преступника, составляютъ роль и назначеніе обвинителя, а не слѣдователя, раскрывающаго, въ какой степени правильны и основательны заявленія обвинителя; соединеніе слѣдствія и обвиненія въ одну роль наложили бы на изысканіе истины тѣнь пристрастія, односторонности. в) *Раздѣленіе слѣдствія на два отдѣльные акта — предварительное и формальное — судебное.* Предварительное слѣдствіе не имѣетъ въ виду полнаго и всесторонняго разъясненія истины, оно доставляетъ только матеріалъ достаточный для достиженія этой цѣли въ самомъ судѣ, изыскиваетъ данныя, на которыхъ основывается вѣроятность виновности преступника, служитъ фундаментомъ, на которомъ опирается не судебное рѣшеніе дѣла, а только обвиненіе преступника и преданіе его суду; дальнѣйшая роль подробнаго разъясненія преступленія и вины подсудимаго принадлежатъ судебному слѣдствію. Предварительное слѣдствіе приготовляетъ способы и средства къ судебному состязанію сторонъ, судебное развиваетъ приготовленный первымъ матеріалъ для постановленія приговора; первое установляетъ предположенія, второе — доказательства; въ первомъ является на судебную сцену обвиняемый, во второмъ—подсудимый; въ первомъ — производство письменное, во второмъ — словесное. г) *Публичность* и *гласность судебныхъ дѣйствій.* Обѣ онѣ составляютъ тѣ коренныя стихіи, которыя нужны безпристраст-

ному правосудію, какъ жизни нужны свѣтъ и воздухъ. д) *Равенство правъ обвинителя и защитника.* Такъ какъ судебное дѣло всегда сводится къ спору двухъ сторонъ, то справедливость требуетъ равновѣсія ихъ предъ судомъ, то есть такого отношенія, при которомъ права ихъ были бы по возможности равны, чтобы нападенію одной соотвѣтствовала нестѣсненная возможность защиты другой; тѣмъ болѣе необходимо это равенство сторонъ въ уголовномъ дѣлѣ, что по самымъ свойствамъ дѣйствій и устройства уголовной юстиціи, одна сторона — обвиняемый, находится въ невыгодномъ положеніи къ другой — обвинителю, въ особенности оффиціальному, и суду; обвинитель и судъ владѣютъ такими орудіями преслѣдованія и подготовки обвиненія, какія не могутъ быть на сторонѣ обвиняемаго для приготовленія совершенно равномѣрной защиты. Ради равновѣсія сторонъ уголовно-судебное дѣло должно имѣть характеръ состязанія сторонъ предъ судомъ.

Таковы главныя основы, на которыхъ зиждется устройство уголовной юстиціи и порядокъ ея дѣйствій; это краеугольные камни, на которыхъ укрѣпляется и покоится все зданіе уголовнаго правосудія, и съ какой стороны ни смотрѣть на него, всюду ярко бросается въ глаза настойчивая надобность въ этихъ капитальныхъ опорахъ не для одной красоты и пропорціональности, но и для прочности зданія. Вотъ почему, имѣя въ виду подробное обозрѣніе лишь нѣкоторыхъ частей, мы сочли нужнымъ указать планъ всей постройки и фундаментъ, на который она упирается; безъ этого указанія, по нашему мнѣнію, было бы непонятно разъясненіе въ разбираемыхъ частяхъ точекъ соприкасающихся съ цѣлымъ.

Говоря о важности упомянутыхъ началъ отправленія уголовнаго правосудія, нельзя не замѣтить, что приложеніе ихъ ко всѣмъ частямъ уголовнаго судопроизводства встрѣчаетъ иногда затрудненія и даже неодолимыя препятствія. Такъ сейчасъ высказаное равенство правъ обвиненія и защиты не можетъ быть проведено со всею послѣдовательностью и точно-

стью въ предварительномъ слѣдствіи; такъ нельзя ожидать полнаго раздѣленія предварительнаго и формальнаго слѣдствія розыскной, обвинительной и судебной власти между различными дѣятелями въ маловажныхъ уголовныхъ дѣлахъ, для которыхъ устраивается особый порядокъ, во вниманіе къ чрезмѣрному накопленію этихъ дѣлъ и крайней надобности скораго разбора и рѣшенія ихъ. Дѣло въ томъ, что начала, какъ идеи, свободно развертывающіяся во всей ихъ полнотѣ въ области мышленія, только въ ней получаютъ цѣльность и достигаютъ совершенства, но при практическомъ приложеніи къ различнымъ обстоятельствамъ суровой, неуступчивой дѣйствительности, встрѣчаютъ неодолимый отпоръ, такъ что волею неволею должны пожертвовать ей хоть извѣстною долею своего содержанія и объема. Безъ этой жертвы становится невозможнымъ воплощеніе идеи, приведеніе началъ въ исполненіе, сообразно съ уступками тѣмъ условіямъ жизни и даннаго случая, которыя не могутъ быть устранены никакими усиліями, а въ иныхъ случаяхъ насильное устраненіе ихъ повлекло бы за собою слишкомъ ощутительный вредъ. Но отъ этого подчиненія дѣйствительности нисколько не роняется великое значеніе началъ, какъ не роняется достоинство души отъ того, что не всѣ и не всегда ея высокія потребности удовлетворяются, отъ того что она находится въ зависимости отъ тѣла, отъ физическихъ законовъ, которымъ оно не можетъ не повиноваться.

4. Временныя и мѣстныя условія, отъ которыхъ зависитъ устройство уголовнаго судопроизводства.

А. *Вообще.*

§ 4. Не вдругъ созидались основы уголовнаго правосудія, не вдругъ и строилось оно на этихъ основахъ: каждый вѣкъ, каждый народъ участвовалъ болѣе или менѣе въ той великой

работѣ, которая носитъ общее имя и въ которой свою долю имѣетъ уголовная юстиція. Законодательство въ постепенномъ развитіи своего содержанія болѣе измѣняетъ его, чѣмъ творитъ, болѣе совершенствуетъ, чѣмъ изобрѣтаетъ. Характеръ творчества несроденъ ему потому, что оно есть лишь составная часть цѣлой жизни народной и наравнѣ съ нею повинуется законамъ историческаго ея развитія, и носитъ на себѣ отпечатокъ не только этого развитія, но и особенныхъ разнородныхъ свойствъ, которыя достались народу въ наслѣдство отъ его прошлаго и составляютъ отличительныя его черты въ данное время. Творчество, если бы оно и сдѣлало попытку, разбилось бы объ эти разнообразныя свойства; этою зависимостью законодательство обречено лишь на измѣненія и улучшенія, сообразныя съ условіями народной жизни. То же слѣдуетъ сказать и объ уголовномъ судопроизводствѣ. На немъ отражаютъ свое вліяніе государственное устройство и общественный видъ страны, нравы и обычаи народа, степень его образованности и юридическаго развитія, наконецъ мѣстоположеніе и природа со всѣми качествами ихъ, тяготѣющими надъ общежитіемъ. Такимъ образомъ соотвѣтственно съ государственнымъ бытомъ страны уменьшаются или возрастаютъ ограды обвиняемыхъ и способы защиты ихъ отъ пристрастія и произвола. Оттого въ странахъ, гдѣ государственный бытъ благопріятствовалъ развитію правъ политическихъ и гражданскихъ, права защиты обвиняемыхъ широки и охранительны; напротивъ тамъ, гдѣ государственное устройство стѣсняло первыя, послѣднія сомнительны и ограничены; оттого въ первомъ случаѣ права судебной власти точнѣе опредѣлены, свобода защиты, публичность судебныхъ дѣйствій, словесное судопроизводство и судъ присяжныхъ составляютъ неотъемлемую принадлежность уголовнаго правосудія; въ послѣднемъ арестъ и права судовъ неопредѣленны и шатки, письменность и таинственность характеризуютъ судебныя дѣйствія, а судьи связаны зависимостью. То или другое состояніе общественнаго быта извѣстнаго народа кладетъ печать и на

его уголовное судопроизводство: если общественный бытъ сложился такъ удачно, что отдѣльныя лица частныя и оффиціальныя проникнуты служебнымъ и гражданскимъ долгомъ безъ всякихъ внѣшнихъ побужденій со стороны правительства, то не нужно вызывать этого побужденія и приноравливать къ нему формы и порядокъ уголовнаго правосудія; частныя лица вполнѣ довѣряютъ дѣйствіямъ представителей власти и охотно помогаютъ имъ въ раскрытіи уголовной истины, охотно принимаютъ на себя роль обвинителя, свидѣтеля, даютъ показанія о томъ, что имъ извѣстно по дѣлу, съ искренностью, безъ всякой уклончивости. Чѣмъ свободнѣе развита общественная жизнь, чѣмъ болѣе въ частныхъ лицахъ чувствуется сознаніе взаимной связи, закрѣпленной узами общежитія, тѣмъ сильнѣе поражаетъ всякая неправда, оказываемая постороннему лицу, тѣмъ болѣе является противодѣйствія произволу должностныхъ лицъ и стремленія къ устраненію этого произвола предоставленными закономъ способами, тѣмъ менѣе надобности въ расширеніи правительственнаго надзора за дѣятельностью судебныхъ учрежденій и установленій, тѣмъ надзоръ проще и тѣмъ болѣе можно расчитывать на силу и благотворное вліяніе общественнаго мнѣнія. Соразмѣрно съ общественнымъ развитіемъ растетъ нравственное и умственное развитіе народа, которое, въ свою очередь, вліяетъ на отправленіе уголовнаго правосудія: большею или меньшею степенью образованности народа оцѣнивается его юридическій смыслъ, его способность къ суду присяжныхъ или выборныхъ судей, къ частному обвиненію, къ адвокатурѣ, къ разнымъ судебнымъ порядкамъ; чѣмъ болѣе распространено юридическое образованіе, тѣмъ болѣе правительство можетъ найти людей, годныхъ къ улучшеннымъ судебнымъ формамъ, требующимъ спеціальныхъ знаній, тѣмъ болѣе можно ожидать успѣха отъ этихъ формъ. Отъ нравственнаго образованія народа зависитъ его уваженіе къ закону, которому соотвѣтствуетъ и исполненіе его требованій: чѣмъ болѣе общество проникнуто уваженіемъ къ закону, тѣмъ болѣе въ должностныхъ лицахъ стрем-

ленія отправлять свои обязанности не изъ одного страха отвѣтственности предъ начальствомъ, тѣмъ менѣе въ нихъ желанія подчинять исполненіе долга угодливости, выслугѣ и корыстнымъ цѣлямъ. Но съ другой стороны нельзя не признать того громаднаго вліянія, какое оказываютъ на нравственное и юридическое образованіе народа улучшенныя формы уголовнаго суда. Извѣстная и опытомъ оправданная истина, что хорошія учрежденія воспитываютъ народъ: гдѣ суды закрыты, гдѣ дѣйствія судебныя безгласны, тамъ подъ покровомъ тайны легко дѣлать беззаконія, тамъ нѣтъ возможности и доступа знать, какъ выполняется законъ на самомъ дѣлѣ и изучать его, тамъ нельзя ожидать довѣрія народа ни къ судамъ, ни къ формамъ, а безъ этого довѣрія нечего и надѣяться на содѣйствіе частныхъ лицъ къ отправленію уголовнаго правосудія, безъ содѣйствія же ихъ самая усиленная дѣятельность представителей уголовной власти въ большей части случаевъ останется безполезною тратою времени на погоню за истиною, на рыски и преслѣдованіе ее тамъ, гдѣ искать не было надобности; безъ общественнаго мнѣнія, развитаго гласностью и публичностью суда, всякій надзоръ надъ должностными лицами превратится въ безсильную формальность донесеній, отчетовъ и проч. и не оградитъ подвластныхъ отъ притѣсненій и злоупотребленій; пока судъ находится въ худомъ положеніи нельзя требовать, чтобы сама собою явилась и выросла способность къ отправленію судебныхъ должностей, созданныхъ на другихъ лучшихъ основаніяхъ и формахъ, безъ которыхъ нельзя быть способнымъ, какъ нельзя видѣть безъ свѣта, слышать безъ звука, дышать безъ воздуха, знать что-нибудь безъ обученія и опыта. Наконецъ, различныя внѣшнія условія, которыми обставлена жизнь общественная, не могутъ не имѣть мѣста въ соображеніяхъ относительно устройства уголовнаго правосудія; такъ напримѣръ мѣстоположеніе, климатическія условія, бо́льшая или меньшая густота населенія, народное богатство, которымъ волею неволею нужно подчиниться въ нѣкоторой степени, какъ физической необходимо-

сти; уголовное правосудіе, какъ и другое общественное учрежденіе, не должно отрываться отъ почвы народной, безъ связи съ нею оно не дастъ роста, высохнетъ или заглохнетъ, попавши между плевелами.

Б. *Русское законодательство.*

§ 5. Система русскаго уголовнаго судопроизводства по своду законовъ, обязанная своимъ происхожденіемъ старинному инквизиціонному процессу западной Европы со всѣми его стремленіями и орудіями, отживаетъ свой вѣкъ. Нынѣшнее царствованіе, славное коренными преобразованіями, поставило себѣ задачею преобразовать судъ по болѣе совершеннымъ началамъ въ виду той же высокой цѣли, какую имѣлъ другой преобразователь Россіи Петръ Великій, — водворить правду въ судѣ. Началось оно попыткою отдѣлить судебную часть отъ полицейской посредствомъ учрежденія судебныхъ слѣдователей 8-го Іюня 1860 года, довершилось судебными уставами 20-го Ноября 1864 года. Прежде подробнаго разбора содержанія ихъ, относящагося къ отраслямъ уголовнаго судопроизводства, составляющимъ предметъ нашего труда, необходимо дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ созидалась эта великая работа, чтобы взглянуть на цѣлое и уяснить себѣ его значеніе.

Давно уже недостатки всего нашего судопроизводства обратили на себя вниманіе правительства и вызывали заботу объ исправленіи ихъ. Начало трудовъ по этому предмету относится еще къ прошедшему столѣтію, отъ котораго остались памятники, заключающіе въ себѣ зародышь предположеній нашего времени *). Независимо отъ улучшеній въ судебномъ устройствѣ, сдѣланныхъ генеральнымъ регламентомъ и учрежденіемъ о губерніяхъ и получившихъ силу закона, тогда уже предприняты были обширные труды по составленію общаго

*) Журналъ соединенныхъ департаментовъ закон. и гражд. дѣлъ государственнаго совѣта о преобразованіи судебной части въ Россіи, стран. 1—12, 155—192.

систематическаго уложенія нашего законодательства. Широта и важность работы по преобразованію судебной части не допускали возможности скораго совершенія его, безъ предварительной тщательной разработки всѣхъ относящихся сюда матеріаловъ и безъ всесторонняго обсужденія каждаго вопроса по этой части съ практической, исторической и теоретической точекъ зрѣнія. Этимъ объясняется, почему было потрачено много усилій, совершено много трудовъ, и только самая малая ихъ доля могла доставить истинно полезный плодъ. Всѣ эти труды до проплаго царствованія, не смотря на обширныя рамки, назначавшіяся имъ, ограничились приведеніемъ въ систему дѣйствующихъ законовъ и составленіемъ уголовнаго уложенія 1845 года.

Труды, относившіеся спеціально къ уголовному судопроизводству начались еще прежде этого уложенія. Но первоначальныя попытки въ этихъ трудахъ убѣдили, что выполненіе ихъ невозможно прежде преобразованія нашего уголовнаго права и смягченія строгости жестокихъ наказаній, опредѣлявшихся уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича; вотъ причина изданія уложенія о наказаніяхъ.

Между тѣмъ въ 1843 году, въ виду преобразованія всего судопроизводства, требовались замѣчанія губернскихъ прокуроровъ и предсѣдателей судебныхъ мѣстъ на дѣйствующіе законы гражданскаго права и гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и для практическихъ соображеній приступлено къ составленію сборника судебныхъ сенатскихъ рѣшеній со времени перваго изданія свода законовъ. Собирая такимъ путемъ необходимые матеріалы, второе отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи обработало въ чернѣ первоначальный проектъ устава уголовнаго судопроизводства въ 1848 году, когда Государю Императору Николаю I угодно было повелѣть заняться также изготовленіемъ и проекта устава гражданскаго судопроизводства. Съ этого времени во второмъ отдѣленіи начался рядъ усиленныхъ работъ по уголовному и гражданскому судопроизводству. Къ этимъ работамъ прива-

вился новый трудъ: преобразуя формы судопроизводства, нельзя было предоставить выполненіе ихъ старымъ судамъ, поэтому вмѣстѣ съ измѣненіемъ судопроизводства ясно сознана мысль объ измѣненіи и судоустройства. При самомъ приступѣ къ измѣненію уголовнаго судопроизводства возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли составить полный проектъ уголовнаго судопроизводства или же ограничиться нѣкоторыми частными исправленіями? Составленный по этому поводу комитетъ въ 1850 году рѣшилъ совершенно правильно, что всякое частное измѣненіе законовъ уголовнаго судопроизводства не только неудобно, но и невозможно, потому что частныя исправленія, основанныя на новыхъ началахъ, произвели бы путаницу при дѣйствіи ихъ съ многими старыми порядками суда. Такъ какъ съ этимъ рѣшеніемъ соображены были сначала работы только по гражданскому судопроизводству и судоустройству, то второе отдѣленіе занялось потомъ подробною разработкою всѣхъ проектовъ судебнаго преобразованія, раздѣливъ это громадное дѣло по частямъ. Такимъ образомъ по уголовному судопроизводству составлены были отдѣльные проекты уставовъ 1) судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ; 2) о производствѣ дѣлъ по маловажнымъ преступленіямъ въ судахъ мировыхъ; 3) объ особыхъ родахъ судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ и 4) объ издержкахъ при производствѣ дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ. Эти проекты вмѣстѣ съ объяснительными къ нимъ записками по мѣрѣ приготовленія ихъ въ апрѣлѣ и іюнѣ 1860 и въ октябрѣ 1861 года были внесены въ соединенные департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, гдѣ разсматривались и соображались всѣ предположенія по устройству судебной части.

Между тѣмъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ 23 октября 1861 года призналъ нужнымъ, прежде обсужденія законодательнымъ порядкомъ составленныхъ проектовъ, подвергнуть обсужденію и разрѣшенію основныя начала судопроизводства и судоустройства. Вслѣдствіе этого государствен-

ною канцеляріею при содѣйствіи вызванныхъ, по повелѣнію государя, опытныхъ юристовъ, были составлены соображенія о главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство которыхъ признано наукою и опытомъ европейскихъ государствъ и по которымъ должна быть преобразована судебная часть въ Имперіи. Эти соображенія обнимали собою основныя начала уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, судопроизводства переходныхъ мѣръ отъ существующаго нынѣ судебнаго порядка къ новому, числа и штатовъ новыхъ судебныхъ учрежденій. Матеріаломъ для этого труда послужили изготовленные вторымъ отдѣленіемъ проекты и сдѣланныя на нихъ замѣчанія. Соображенія государственной канцеляріи въ апрѣлѣ 1862 г. представлены въ соединенные департаменты государственнаго совѣта, гдѣ онѣ были разсмотрѣны во всей подробности. Съ какимъ вниманіемъ разбирались въ нихъ, въ теченіи четырехъ мѣсяцовъ, главныя начала судебныхъ преобразованій, видно изъ составленнаго о нихъ пространнаго журнала, служащаго ключемъ и богатымъ матеріаломъ къ уясненію этого зачатка судебныхъ уставовъ; члены присутствія входили въ подробныя пренія по каждому предмету порознь и по каждой статьѣ проектированнаго основнаго положенія; въ засѣданіяхъ присутствовали и составители записокъ о главныхъ началахъ, на случай надобности въ объясненіяхъ. Въ журналѣ были изложены мысли и соображенія только относительно общихъ очертаній судопроизводства и судоустройства, не касаясь тѣхъ подробностей, которыя подлежали обсужденію при составленіи самыхъ проектовъ судебныхъ уставовъ. Исходя отъ предположенія, что судоустройство должно зависѣть отъ порядка, какой будетъ установленъ для судопроизводства, соединенные департаменты обсуждали и разрѣшали основныя положенія сначала гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, а потомъ уже судоустройства; такимъ образомъ послѣднее явилось результатомъ первыхъ и соображалось съ ними.

Приступая къ опредѣленію началъ, на которыхъ должно быть основано преобразованіе судопроизводства, соединенные

департаменты прежде всего обращались къ разсмотрѣнію самого зла, которое поправлять слѣдовало, и потомъ уже указывали на существенные способы исправленія его. Относительно уголовнаго судопроизводства найдено, что содержащая въ себѣ это судопроизводство вторая книга XV тома свода законовъ есть сборникъ разнородныхъ постановленій, изданныхъ въ разныя времена, нерѣдко для разрѣшенія какихъ-либо частныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ; отсюда произошла неполнота, отсутствіе связи и единства, а иногда и противорѣчіе однихъ правилъ другимъ. Въ этомъ судопроизводствѣ замѣчены слѣдующіе общіе, коренные недостатки: система его чисто слѣдственная и страдаетъ тѣми же недостатками, какіе оказались на западѣ Европы при господствѣ тамъ этой системы. По свойству ея судебныя мѣста соединяютъ въ себѣ несовмѣстныя обязанности преслѣдователей преступленія, защитниковъ обвиняемаго и судей. Слѣдствіе начинается нерѣдко безъ надлежащаго основанія и часто не можетъ быть направлено къ одной, опредѣленной цѣли; отъ этого частныя лица напрасно привлекаются къ суду, который обременяетъ себя излишними занятіями. Судъ производится въ тайнѣ, заочно, безъ бытности подсудимаго по письменнымъ актамъ слѣдствія рѣшенія постановляются не по убѣжденію судей въ виновности подсудимаго, а по формальной теоріи доказательствъ, требующей для осужденія виновнаго совершеннаго доказательства, которое исключало бы всякую возможность къ обнаруженію невинности подсудимаго; при недостаткѣ такого доказательства онъ или вовсе оправдывается или оставляется въ подозрѣніи. Дѣла подвергаются разсмотрѣнію трехъ, четырехъ и болѣе инстанцій. Кромѣ общаго порядка судопроизводства установлено до 30 особыхъ видовъ производствъ и притомъ разсѣянныхъ по разнымъ томамъ свода законовъ. Такіе важные недостатки нашего уголовнаго судопроизводства, лишающіе его возможности достигать назначенной ему цѣли, отнимающіе у него силу и правду приговоровъ суда, достоинство его и роняющіе довѣріе къ нему, побудили соединенные департаменты уничтожить

всѣ эти неудобства, поставить уголовное правосудіе на ту высоту и значеніе, какое оно должно имѣть. При такомъ стремленіи принимались въ соображеніе тѣ идеи, которыя выработаны тяжелымъ опытомъ и трудомъ западной Европы, когда она томилась отъ такого же неустройства суда. Законодательства западно-европейскія подчиняли устройство уголовной юстиціи двумъ главнымъ формамъ — обвинительной и слѣдственной; на нихъ наука уголовнаго процесса потратила столько мысли, что выработались цѣлыя теоріи о достоинствѣ и недостаткахъ той и другой системы и родились споры относительно вопроса, что именно составляетъ неотъемлемую принадлежность каждой изъ нихъ. Смотря на этотъ предметъ съ практической стороны и не разбирая ни теоріи, ни ученыхъ споровъ, соединенные департаменты нашли, что невозможно принять исключительно ни слѣдственную, ни обвинительную систему, безъ должнаго примѣненія ихъ къ особенностямъ нашего государства, устроившагося и развивающагося подъ иными условіями, чѣмъ западныя государства; поэтому признали необходимымъ, сохранивъ въ уголовномъ судопроизводствѣ слѣдственное начало въ томъ значеніи его, что уголовный процессъ долженъ имѣть цѣлью обнаруженіе уголовной истины, независимо отъ воли частныхъ лицъ, что начатіе и дальнѣйшее направленіе дѣла не представляется исключительно обиженному, или потерпѣвшему отъ преступленія, — ввести такія правила и формы обвинительнаго процесса, которыя, обезпечивая общество отъ безнаказанности преступленій, представляли бы подсудимому надлежащее огражденіе отъ неправильнаго обвиненія и привлеченія къ слѣдствію и суду безъ достаточнаго основанія, вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы правильность рѣшенія дѣлъ, способствуя полному и всестороннему разъясненію судьямъ тѣхъ обвиняющихъ и оправдывающихъ обстоятельствъ, которыя ведутъ къ согласному съ истинною и справедливостью убѣжденію въ винѣ или невинности подсудимаго. Такимъ образомъ, при сознаніи потребности въ коренномъ исправленіи нашего уголовнаго судо-

производства, въ основу его положена не прежняя чисто слѣдственная форма, а смѣшанная съ принятіемъ всѣхъ главныхъ началъ, указанныхъ нами выше (§ 3) и съ примѣненіемъ ихъ къ русской жизни и къ русскому обществу.

Что касается судопроизводства, соединенные департаменты, разбирая его въ нынѣшнемъ положеніи, усмотрѣли слѣдующіе важные недостатки: дѣла уголовныя у насъ производятся и рѣшаются не только судебными мѣстами, но такъ же полиціею и многими другими административными учрежденіями; вслѣдствіе этого власти судебная, исполнительная и административная смѣшаны и на нихъ возложены несвойственныя имъ обязанности. Дѣла о маловажныхъ преступленіяхъ у насъ принадлежатъ къ вѣдомству полиціи въ подрывъ интересамъ правосудія, требующаго, чтобы каждое судебное дѣло разбиралось и рѣшалось самимъ судомъ, а не другою властью, не заключающею условій правильности и безпристрастія въ своихъ приговорахъ; но такъ какъ дѣла этого рода нуждаются въ спѣшномъ и сокращенномъ производствѣ, которое не можетъ быть предоставлено общимъ судамъ, безъ чрезмѣрнаго обремененія ихъ, то для такихъ дѣлъ признано нужнымъ учредить особыхъ мировыхъ судей. По своду законовъ какъ обвиненіе, такъ и защита подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ возложены совокупно на слѣдователей, на судебныя мѣста, на прокуроровъ и стряпчихъ; отъ этого власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе обвиняемыхъ, соединена съ властью судебною; а средства законной защиты надлежащимъ образомъ не обезпечены и отъ неустройства ихъ подсудимый не пользуется ими, какъ слѣдовало бы; нѣтъ никакого равновѣсія между обвиненіемъ и защитою. При такихъ капитальныхъ недостаткахъ нашего судебнаго устройства было невозможно оставить его нетронутымъ, преобразуя судопроизводство. Сознавая эти недостатки и имѣя въ виду, что система судоустройства должна зависѣть отъ главныхъ формъ судопроизводства, соединенные департаменты признали нужнымъ не улучшить только, а совершенно преобразовать

и судоустройство, соглашая его съ принятыми основаніями для судопроизводства. Главными началами устройства суда послужили тѣ, о которыхъ упоминали мы выше (§ 3), съ подчиненіемъ ихъ особеннымъ условіямъ нашего государственнаго и общественнаго быта.

Подробно разобранныя и составленныя соединенными департаментами основныя положенія преобразованія судебной части были разсмотрѣны въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ которомъ тоже происходили о нихъ продолжительныя разсужденія и диспуты. Наконецъ, по установленіи послѣдней редакціи въ томъ же общемъ собраніи, они утверждены Государемъ Императоромъ 29-го сентября 1862 года. Годъ тысячелѣтія Россіи ознаменовался великимъ дѣломъ правосудія, какъ самымъ драгоцѣннымъ его монументомъ и лучшимъ украшеніемъ. При обнародованіи основныхъ положеній было объявлено, что они должны служить главными началами при составленіи подробныхъ проектовъ судебныхъ уставовъ, какъ нормы, на которыхъ должно быть основано содержаніе этихъ уставовъ. Начертаніе проектовъ судебныхъ уставовъ поручено было особой коммисіи. Успѣхъ этого обширнаго и важнаго труда зависѣлъ отъ членовъ коммисіи; по этому при выборѣ ихъ обращено вниманіе, чтобы для участія въ законодательномъ трудѣ были приглашены такія лица, которыхъ знанія и опытность могли быть порукою, что работа коммисіи будетъ вполнѣ удовлетворять общему желанію и ожиданію. Въ этой коммисіи находились принимавшіе участіе въ работахъ по составленію основныхъ положеній чиновники государственной канцеляріи, втораго отдѣленія Его Величества канцеляріи и министерства юстиціи, нѣкоторые члены судебныхъ палатъ и губернскіе прокуроры, чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ. Кромѣ постояннаго состава коммисіи, въ которой было до 30 членовъ, приглашались, какъ спеціалисты, разныя лица, которыхъ практическія и теоретическія свѣдѣнія по извѣстной части занятій коммисіи могли принести въ нихъ пользу. Приступивъ къ работамъ въ октябрѣ

1862 года, коммисія признала необходимымъ, для успѣшнаго исполненія своего труда, имѣть въ виду практическія свѣдѣнія относительно развитія основныхъ положеній отъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ судебною частью и съ мѣстными условіями губерній. Для доставленія такихъ свѣдѣній приглашались всѣ члены судебнаго вѣдомства, которые болѣе другихъ могли сообщить замѣчанія и соображенія, полезныя коммисіи, профессора юридическихъ наукъ, отъ которыхъ ожидались замѣчанія о развитіи, обнародованныхъ главныхъ началъ судебной реформы въ уставахъ, сообразномъ съ требованіями науки, наконецъ чрезъ періодическія изданія сдѣлано приглашеніе всѣмъ вообще лицамъ, желавшимъ содѣйствовать коммисіи своими свѣдѣніями въ общемъ для всей Россіи дѣлѣ. Этотъ вызовъ не остался безплоднымъ, тѣмъ болѣе что основныя начала, обѣщавшія самыя прочныя судебныя установленія, вообще встрѣчены были нашимъ обществомъ съ большимъ сочувствіемъ. Въ непродолжительное время со всѣхъ концовъ Россіи поступило въ коммисію множество замѣчаній и соображеній о развитіи основныхъ положеній и о примѣненіи ихъ къ разнымъ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Самая большая часть замѣчаній, какъ и слѣдовало ожидать, доставлены со стороны служащихъ по судебному вѣдомству. Замѣчанія эти напечатаны отдѣльно въ 6 большихъ томахъ, изъ коихъ составленъ общій сводъ въ 7-й книгѣ, въ которой противъ каждой статьи основныхъ положеній означаются въ краткомъ извлеченіи всѣ сдѣланныя на нее замѣчанія. Кромѣ замѣчаній, доставленныхъ коммисіи, въ нашихъ журналахъ и газетахъ появилось много статей, въ которыхъ разбирались основныя положенія въ цѣломъ или по отдѣльнымъ вопросамъ; многія изъ нихъ въ отдѣльныхъ оттискахъ доставлялись въ коммисію для соображеній. Такимъ образомъ, благодаря гласности и вызову, сдѣланному самимъ правительствомъ, къ участію въ судебномъ преобразованіи замѣчаніями на положенный ему зачатокъ, оно стало дѣломъ и трудомъ болѣе или менѣе всей мыслящей Россіи. Сверхъ того потребованы были оффиціальнымъ путемъ отъ

разныхъ вѣдомствъ свѣдѣнія и объясненія для соображеній о примѣненіи основныхъ положеній къ разнымъ вѣтвямъ управленія и къ разнымъ губерніямъ и областямъ Россіи, устройство и управленіе которыхъ отличаются особенностями. Неупущенъ изъ виду и громадный трудъ многихъ поколѣній и усилій западной Европы относительно улучшенія и реформы судебной части, доставшійся намъ даромъ, безъ борьбы съ политическими и общественными преградами, среди которыхъ онъ вырабатывался мало по малу съ тяжелыми натугами: многія иностранныя законодательства, у насъ мало извѣстныя, по распоряженію коммисіи, были переведены на русскій языкъ цѣликомъ или въ извлеченіяхъ.

Запасшись такими разнородными матеріалами, коммисія раздѣлила трудъ составленія судебныхъ уставовъ между тремя отдѣленіями, изъ которыхъ каждое имѣло нѣсколько членовъ-редакторовъ: судоустройства, уголовнаго судопроизводства и гражданскаго судопроизводства. Работы происходили въ слѣдующемъ порядкѣ: по составленіи общаго конспекта каждаго устава, отдѣльныя части его были раздѣлены между редакторами. Каждый редакторъ соображалъ свою работу съ постановленіями свода законовъ, съ замѣчаніями, доставленными коммисіи и съ законами иностранными. Затѣмъ редакторъ составлялъ проекты всѣхъ статей порученнаго ему предмета; по совѣщаніи съ другими редакторами отдѣленія и послѣ окончательной редакціи, каждая часть работы печаталась и обсуждалась въ полномъ составѣ членовъ отдѣленія, въ который приглашались члены другихъ отдѣленій и разныя лица, свѣдѣнія и опытность которыхъ могли разъяснить встрѣченныя отдѣленіемъ затрудненія и недоразумѣнія. По разсмотрѣніи и исправленіи въ отдѣленіи всѣхъ проектовъ особенныхъ предметовъ, составлялись отдѣленіемъ главы, раздѣлы и части устава, назначеннаго отдѣленія. Когда такимъ образомъ была сдѣлана предварительная работа по каждому уставу, тогда части ихъ подробно разсматривались въ общемъ собраніи всей коммисіи, съ участіемъ экспертовъ, бывшихъ въ составѣ

отдѣленій. Такимъ образомъ окончательно обработывалась и приводилась въ соглашеніе каждая отдѣльная работа какъ съ прочими частями устава, такъ и съ другими уставомъ и учрежденіемъ. Плодомъ этихъ работъ были проекты учрежденія судебныхъ мѣстъ, устава уголовнаго судопроизводства и устава гражданскаго судопроизводства, составленные по положеніямъ единогласно принятымъ въ общемъ собраніи коммисіи или по мнѣнію большинства членовъ этого собранія. Эти проекты 24 декабря 1863 года были представлены въ соединенные департаменты государственнаго совѣта. Къ каждому проекту была приложена особая объяснительная записка, въ которой содержались какъ правила основныхъ положеній, такъ и всѣ сужденія, происходившія въ коммисіи при составленіи проектовъ устава. Объяснительныя записки составляютъ замѣчательный трудъ, весьма полезный для разъясненія судебныхъ уставовъ, тѣмъ болѣе полезный, что, указывая на возникавшія различныя мнѣнія по многимъ предметамъ, онъ вызываетъ всестороннее обсужденіе ихъ.

Въ 1864 году коммисія внесла въ государственный совѣтъ неоконченные ею въ 1863 году проекты нѣкоторыхъ частей уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и расписанія классовъ, разрядовъ и окладовъ жалованья чиновъ судебнаго вѣдомства. Кромѣ этихъ проектовъ государственному совѣту представленъ былъ еще проектъ о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. Недостатки нашего уголовнаго уложенія и практическія неудобства, какія могли бы представиться мировымъ судьямъ въ примѣненіи его, побудили правительство къ измѣненію той части уложенія, которая прежде всего нуждалась въ улучшеніи. Трудъ этотъ былъ возложенъ на второе отдѣленіе Его Величества канцеляріи. Хотя проектъ устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, основанъ на уложеніи о наказаніяхъ и на сельскомъ судебномъ уставѣ, но вслѣдствіе особой цѣли, назначенной этому уставу и недостатковъ, усмотрѣнныхъ въ уложеніи и сельскомъ уставѣ, сдѣлано отступ-

леніе отъ нихъ согласно съ измѣнившимися, съ изданія уложенія, взглядами на уголовный кодексъ и потребностями общественной жизни; относительно редакціи въ уставѣ обобщены многіе частные случаи, которыми переполнено уложеніе. За нѣкоторые проступки въ проектѣ значительно смягчены наказанія, назначенныя уложеніемъ; вообще за проступки, которымъ дано мѣсто въ проектѣ, опредѣлены наказанія: тюремное заключеніе не болѣе одного года, арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ и денежныя взысканія на сумму не свыше трехъ сотъ рублей. Проектъ внесенъ въ государственный совѣтъ въ двухъ редакціяхъ, такъ какъ при составленіи его возникли разногласія. Въ объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту и содержащей въ себѣ всѣ соображенія, которыми руководились въ составленіи положеній, высказаны многія замѣчательныя мысли о необходимости пересмотра всего уложенія о наказаніяхъ, уравненія наказаній и смягченія въ нѣкоторыхъ случаяхъ излишней строгости ихъ.

Всѣ означенные проекты судебныхъ преобразованій, кромѣ подробнаго обсужденія въ редакціонной коммисіи, подверглись самому внимательному пересмотру министерства юстиціи и были переданы на разсмотрѣніе сенаторамъ, оберъ-прокурорамъ и министрамъ прочихъ вѣдомствъ. Министръ юстиціи образовалъ у себя особыя совѣщательныя засѣданія, имѣвшія своимъ послѣдствіемъ весьма замѣчательныя подробныя соображенія объ измѣненіи многихъ статей проектовъ.

Въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта проекты уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства, о проступкахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, учрежденій судебныхъ мѣстъ и росписанія классовъ, разрядовъ и окладовъ чиновъ судебнаго вѣдомства, были разсматриваемы съ 4 марта по 27 іюня 1864 года и подверглись самому тщательному и всестороннему обсужденію, при соображеніи основаній разногласій и мнѣній, содержащихся въ объяснительныхъ запискахъ, замѣчаній министра юстиціи, сенаторовъ и оберъ-прокуроровъ и отзывовъ другихъ министровъ.

Каждая статья проекта утверждалась сообразно съ происходившими между чинами присутствія преніями, нерѣдко весьма продолжительными и имѣвшими своимъ результатомъ или единогласное опредѣленіе или раздѣленіе голосовъ. Количество статей проектовъ, измѣненныхъ въ сущности или въ редакціи, было весьма значительно; по каждому проекту составлены особые журналы, въ которыхъ или были одобрены принятыя коммисіею основанія или же приведены соображенія, по которымъ сдѣлано измѣненіе въ статьяхъ проектовъ и подробно изложены особыя мнѣнія членовъ присутствія по предметамъ, возбудившимъ между ними разногласіе. Такъ какъ въ проектѣ учрежденія судебныхъ мѣстъ содержатся правила не только о судебныхъ мѣстахъ, но и о лицахъ судебнаго вѣдомства, напримѣръ о чинахъ прокурорскаго надзора, судебныхъ приставахъ и проч., то этому проекту дано болѣе соотвѣтственное названіе — учрежденіе судебныхъ установленій. Правила о мировыхъ судьяхъ и съѣздахъ для единства и практическаго удобства соединены въ одно полное учрежденіе мировыхъ судебныхъ установленій. Для дополненія проектовъ признаны нужными слѣдующія законодательныя работы: а) исключеніе изъ уложенія о наказаніяхъ, или измѣненіе тѣхъ статей, которыя отмѣнены, или измѣнены правилами устава о преступленіяхъ или проступкахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ; б) составленіе правилъ объ исправительныхъ пріютахъ и объ устройствѣ и содержаніи помѣщеній для лицъ подвергаемыхъ аресту по приговорамъ мировыхъ судей.

Всѣ проекты, бывшіе въ разсмотрѣніи соединеннаго присутствія департаментовъ государственнаго совѣта, въ исправленномъ видѣ, согласно съ постановленіями этого присутствія, въ половинѣ сентября 1864 года, поступили на окончательное обсужденіе въ общее собраніе государственнаго совѣта, оконченное 2 ноября. Здѣсь по нѣкоторымъ вопросамъ образовались также разныя мнѣнія. Эти мнѣнія были представлены на благоусмотрѣніе Государя Императора и когда

послѣдовали по нимъ разрѣшенія, проекты сообразно съ ними были исправлены. Окончательное утвержденіе уставовъ 20 нояб. 1864 года составляетъ эпоху въ исторіи нашего суда, событіе не менѣе знаменательное, чѣмъ 19 февраля 1861 года, подобно ему важное своимъ животворнымъ вліяніемъ на судьбу Россіи. Въ этотъ великій день подписаны Государемъ уставы учрежденія судебныхъ установленій, уголовнаго и гражданскаго судопроизводства и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Исполняя дорогую для подданныхъ волю: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ» Вѣнценосный преобразователь, по Его благому слову, въ новыхъ судебныхъ уставахъ желалъ дать Россіи «судъ скорый, правый милостивый и равный для всѣхъ, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить въ народѣ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководствомъ дѣйствій всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго».

Вмѣстѣ съ судебными уставами обнародованы правила о печатаніи рѣшеній судебныхъ установленій.

19 октября 1865 года утверждены Государемъ правила о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. На основаніи особаго положенія по этому предмету судебные уставы должны быть введены въ дѣйствіе *въ теченіи 1866 г.* въ округахъ С.-Петербургской и Московской судебныхъ палатъ, а *въ теченіи четырехъ лѣтъ*, начиная съ 1866 года — во всѣхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему губернскому учрежденію и въ Бессарабской области. Такимъ образомъ въ теченіи 1866 года дѣйствіе судебныхъ уставовъ будетъ распространяться на десять губерній, изъ которыхъ С.-Петербургская, Новгородская и Псковская причислены къ округу С.-Петербургской судебной палаты, а Московская, Владимірская, Калужская, Рязанская, Тверская, Тульская и Ярославская причислены къ округу Московской судебной палаты, сверхъ того въ 1866 году образуются кассаціонные департаменты прави-

тельствующаго сената. Въ означенныхъ десяти губерніяхъ учреждаются двѣ судебныя палаты и шеснадцать окружныхъ судовъ (въ нѣкоторыхъ губерніяхъ по одному, въ другихъ по два, а въ иныхъ по три окружныхъ суда); для каждаго изъ новыхъ судебныхъ установленій опредѣлены штаты, въ которыхъ означено число членовъ и канцелярскихъ чиновъ судебныхъ мѣстъ, судебныхъ слѣдователей, лицъ прокурорскаго надзора и судебныхъ приставовъ, съ показаніемъ окладовъ годоваго содержанія ихъ; эти штаты, а равно распредѣленіе судебныхъ мѣстъ по округамъ и губерніямъ имѣютъ *временной характеръ*, то есть могутъ быть впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, измѣнены. Министру юстиціи предоставлено назначить на первое время и меньшее противъ опредѣленнаго штатами число чиновъ. Распредѣленіе уѣздовъ, въ которыхъ вводятся въ дѣйствіе судебные уставы, на мировые участки предоставлено особому *уѣздному присутствію*. И такъ принятая правительствомъ система выполненія судебной реформы состоитъ *во введеніи* ея въ дѣйствіе *въ полномъ объемѣ*, то есть всѣхъ новыхъ судебныхъ учрежденій и установленій въ одно время, но *постепенно*, то есть распространяя ихъ на извѣстныя части государства, съ теченіемъ времени болѣе и болѣе расширяемыя. Такая система основана на томъ практическомъ соображеніи, что судебное преобразованіе можетъ быть осуществлено соразмѣрно съ матеріальными средствами и числомъ лицъ, способныхъ занять новыя судебныя должности. Имѣть эти средства и такихъ лицъ оказалось возможнымъ только при послѣдовательномъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, а неодновременномъ во всѣхъ мѣстахъ введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ. Но при этомъ приняты мѣры къ скорѣйшему, по возможности, осуществленію судебной реформы во всей Россіи. Для этой цѣли назначенъ указанный срокъ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ и даны способы, облегчающіе переходъ отъ стараго порядка къ новому и скорѣйшее упраздненіе существующихъ судебныхъ мѣстъ, которыя необходимо должны оставаться рядомъ съ новыми судебными

учрежденіями для окончанія старыхъ дѣлъ, и требуютъ издержекъ и лицъ, занимающихъ должности въ тѣхъ и другихъ, въ усиленномъ размѣрѣ. Эти способы состоятъ: а) въ предоставленіи министру юстиціи соединять и закрывать суды первой и второй степени съ передачею ихъ дѣлъ въ другіе ближайшіе суды, а также въ сокращеніи состава, соединеніи и упраздненіи судебныхъ департаментовъ правительствующаго сената, по предположеніямъ министра юстиціи; б) въ правилахъ, содѣйствующихъ скорѣйшему переходу дѣлъ изъ старыхъ судебныхъ учрежденій и установленій въ новыя, какъ по гражданскому, такъ и по уголовному судопроизводству въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вводятся въ дѣйствіе судебные уставы. По послѣднему, составляющему предметъ нашего изложенія, установлены слѣдующія правила: 1) со дня открытія въ губерніи судебныхъ установленій по уставамъ 1864 года, производимыя полиціею дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ получаютъ дальнѣйшее движеніе по правиламъ указаннымъ въ новомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства (полож. о введен. въ дѣйствіе судеб. устав. 20 ноября 1864 года ст. 57); 2) находящіяся у судебныхъ слѣдователей дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ разбору мировыхъ судей, передаются немедленно этимъ судьямъ, для производства на основаніи устава уголовнаго судопроизводства (тамъ же ст. 58); 3) всѣ начатыя слѣдствія по дѣламъ, подвѣдомымъ окружнымъ судамъ, продолжаются судебными слѣдователями въ порядкѣ, опредѣленномъ по новому уставу уголовнаго судопроизводства (ст. 59); 4) слѣдствія по преступленіямъ должности, по окончаніи ихъ, въ дальнѣйшемъ направленіи слѣдуютъ порядку опредѣленному въ томъ же уставѣ въ третьемъ раздѣлѣ третьей книги (тамъ же ст. 60). И такъ по означеннымъ правиламъ новый законъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ введенъ въ дѣйствіе, распространяетъ свою силу и на дѣла, начавшіяся при старомъ судебномъ порядкѣ, по отношенію къ полицейскимъ дознаніямъ и слѣдствіямъ, находящимся въ производствѣ, въ день открытія новыхъ судебныхъ установленій.

Съ этого момента тѣ и другія производятся и поступаютъ, куда слѣдуетъ, отъ полицейскихъ чиновъ и слѣдователей, по правиламъ новаго устава уголовнаго судопроизводства. При такомъ переходѣ отъ прежняго порядка къ новому старыя дѣла получаютъ не только лучшее направленіе, вслѣдствіе улучшенной системы судопроизводства, но и быстрѣйшій ходъ: полиціи и особенно судебнымъ слѣдователямъ дается возможность значительно сократить количество накопленныхъ дознаній и слѣдствій передачею маловажныхъ мировымъ судьямъ и ускореніемъ движенія болѣе важныхъ при менѣе сложныхъ формахъ.

Кромѣ положенія 19 октября 1865 г., которымъ довершено дѣло судебнаго преобразованія, 11 того же октября послѣдовало Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, котерымъ значительно измѣненъ порядокъ судопроизводства по своду законовъ. Хотя этотъ законъ есть только улучшеніе стараго судебнаго порядка и прямо не относится къ новому; но свойство его таково, что онъ не можетъ не имѣть значительнаго вліянія на удобный и скорѣйшій переходъ къ новому суду и въ этомъ смыслѣ правила его дѣйствительно *облегчительныя.* Этими правилами на столько улучшается старое судопроизводство, что посредствомъ ихъ, оно перешагнуло большую ступень въ историческомъ движеніи нашего законодательства по судебной части, открывая двери суда для публики, давая доступъ подсудимымъ и тяжущимся къ непосредственному участію въ отправленіи суда при докладѣ дѣла, сокращая сроки и переписку, упрощая порядокъ судопроизводства, измѣняя подсудность, устраняя по возможности многія существовавшія препятствія къ скорому ходу дѣла, законъ 11 октября 1865 года самъ по себѣ составляетъ благотворное измѣненіе уголовнаго и гражданскаго судопроизводства по своду законовъ. Но главнѣйшее назначеніе его заключается въ томъ, что онъ приноравливаетъ старый судъ къ новому, служитъ переходною мѣрою къ послѣднему: облегчая порядокъ и движеніе дѣлъ, даетъ возможность къ скорѣйшему

упраздненію старыхъ судебныхъ установленій и повсемѣстной замѣны ихъ новыми. Наконецъ, этотъ законъ, вводя публичный докладъ дѣлъ членами суда, въ нѣкоторой степени подготовляетъ ихъ къ новому судебному поприщу. Кромѣ общихъ судебныхъ уставовъ, предприняты преобразованія уголовнаго судопроизводства по спеціальнымъ судамъ—морскому и военному. Благодаря просвѣщенному и заботливому вниманію и участію, которое Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ принималъ и принимаетъ во всѣхъ преобразованіяхъ, проекту устава о морскомъ судѣ посчастливилось проложить первый шагъ къ публичному обсужденію судебныхъ реформъ,—и это дало поводъ обратить на него особенное вниманіе не только тѣхъ, кто былъ спеціально знакомъ съ морскою судебною частью, но и другихъ лицъ, для кого дороги интересы нашего правосудія вообще. Проектъ устава о морскомъ судѣ, составленный въ 1860 году, основалъ судопроизводство и судоустройство на тѣхъ разумныхъ началахъ, по которымъ устроенъ морской судъ и судопроизводство во Франціи. Такъ какъ въ русскомъ проектѣ эти начала не во всѣхъ частяхъ были проведены послѣдовательно и вполнѣ, то по приглашенію морскаго вѣдомства, на проектъ было доставлено весьма много замѣчаній, по которымъ и сдѣланы нѣкоторыя исправленія въ проектѣ. Эти замѣчанія напечатаны въ 1861 году въ особомъ сводѣ, состоящемъ изъ трехъ томовъ, въ которыхъ заключается большой запасъ матеріаловъ для изученія не только морской, но и общей судебной части, по тѣсной связи ихъ другъ съ другомъ.

Наравнѣ съ морскимъ судомъ производились и производятся законодательныя работы и по судной части военно-сухопутнаго вѣдомства.

25 октября 1865 года удостоены Высочайшаго утвержденія основныя положенія преобразованія морскаго и военно-сухопутнаго судопроизводства и судоустройства, составленіе этихъ положеній облегчено не только тѣмъ обильнымъ матеріаломъ, какой представляетъ сборникъ замѣчаній на проектъ устава

о морскомъ судѣ, но и трудами по преобразованію общаго судебнаго порядка, откуда заимствованы главныя начала; работы по этой спеціальной части судопроизводства и судоустройства направлены къ примѣненію установленныхъ уже правилъ къ особенностямъ морскаго и военно-сухопутнаго быта и военной службы. Поэтому можно надѣяться на скорое составленіе судебнаго устава для этихъ вѣдомствъ и введеніе его въ дѣйствіе. Представленный нами очеркъ законодательныхъ работъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ составленіе новыхъ судебныхъ уставовъ и принимавшихся мѣръ къ пріобрѣтенію пригодныхъ этому дѣлу матеріаловъ, не можетъ не привести къ заключенію, что со стороны правительства и законодательной власти употреблены всѣ усилія и работы, чтобы они соотвѣтствовали требованіямъ и науки и нашей жизни, чтобы новый судъ дѣйствительно былъ «скорымъ, правымъ, милостивымъ и равнымъ для всѣхъ,» какъ хотѣлъ того законодатель. Та искренность и тѣ старанія, которыми онъ обставилъ стремленіе къ этой цѣли служатъ порукою успѣшнаго ея достиженія. Приступилъ онъ къ ней съ внимательною и строгою повѣркою всѣхъ частей стараго судопроизводства, съ откровеннымъ признаніемъ всѣхъ его недостатковъ; недостатки эти столь существенны, что небыло ни какой возможности улучшать старый судебный порядокъ, что всякое частное улучшеніе не только не исправило бы его, а напротивъ само испортилось бы, вышло не тѣмъ, чѣмъ оно должно быть; убѣдительнымъ примѣромъ тому послужило учрежденіе судебныхъ слѣдователей. Сознавъ полную несостоятельность стараго судопроизводства и судоустройства въ коренныхъ его основахъ, законодательной власти ничего болѣе не оставалось, какъ перестроить ихъ вновь. Идя по этой дорогѣ съ логическою послѣдовательностью, она прежде всего принялась за установленіе главныхъ началъ судебной реформы, за разработку того фундамента, на которомъ слѣдовало построить новое зданіе. Она не брала для него сыраго матеріала, взяла такой, прочность котораго извѣдана опытомъ хотя и дру-

гихъ странъ; но воспользовалась имъ не безъ разбора, не пересаживала на нашу почву чужеземное растеніе безъ испытанія этой почвы, а старалась примѣнять занятое къ особенностяхъ нашего государственнаго и общественнаго быта; не входя въ теоретическіе споры о слѣдственной и обвинительной системѣ, приняла не всѣ формы послѣдней, а только тѣ, которыя могутъ наиболѣе дать безопасности обществу отъ безнаказаннаго совершенія преступленій, охранительной защиты подсудимому и правильности рѣшенія дѣла. Сообразно съ этими формами, она преобразовала и судоустройство. Допустивъ въ новый судъ публичность, она воспользовалась этою могучею силою при самомъ приступѣ къ новому устройству его: свои работы по этому въ высшей степени важному не для одного правительства, но для всего общества дѣлу, не облекла канцелярскою тайною, а обнародовала ихъ результаты и сама призвала общество къ содѣйствію въ ея великомъ трудѣ, чтобы знать именно то, что могло быть извѣстно ему болѣе, чѣмъ редакторамъ законодательныхъ работъ, тѣ жизненныя условія общія и мѣстныя, отъ которыхъ зависѣло упроченіе новыхъ началъ судебнаго устройства и которыми опредѣлялось дальнѣйшее его развитіе. Подробности частности даются лишь житейскимъ опытомъ и нѣтъ такого мудреца законодателя, который зналъ бы ихъ самъ безъ участія той живой силы, около которой вращаются и которую невольно втягиваютъ они въ свой нескончаемый и разнообразный до безпредѣльности круговоротъ; поэтому законодателю, желающему поставить свой трудъ на твердомъ основаніи, нельзя не обратиться съ запросомъ о практическихъ данныхъ, ближе всего сродныхъ и знакомыхъ живой силѣ, называемой обществомъ. Съ матеріалами, добытыми этимъ путемъ и соображались редакторы судебныхъ проектовъ и не ихъ вина, если подобные матеріалы были недостаточны или неудовлетворительны. Трудъ ихъ можетъ быть оцѣниваемъ лишь съ той стороны, какъ и куда употреблены доставленные имъ матеріалы. Всматриваясь пристальнѣе въ ходъ и подробности за-

конодательныхъ работъ по составленію и обсуживанію судебныхъ уставовъ, нельзя не видѣть зрѣлой обдуманности и осмотрительности, съ которыми они производились: проэкты уставовъ выдержали не одну пробу, много разъ разбирались въ общихъ чертахъ и въ отдѣльности по каждой статьѣ, мѣняли нѣсколько разъ свою редакцію, вынесли не одну поправку и передѣлку. Такая послѣдовательность, практическая уступчивость настойчивой потребности кореннаго преобразованія нашего суда, такая широта поставленныхъ въ основу его началъ, такіе способы и мѣры правительства къ наилучшему выполненію и разработкѣ великаго законодательнаго труда не могутъ не говорить о достоинствѣ его. По справедливости оно признано за проектами нашихъ судебныхъ уставовъ такимъ извѣстнымъ авторитетомъ какъ криминалистъ Миттермайеръ, разбиравшій съ строгою критикою многія иноземныя законодательства по уголовному судопроизводству и глубокимъ изученіемъ ихъ пріобрѣвшій опытъ въ оцѣнкѣ началъ и составныхъ частей уголовнаго процесса *). Въ русскомъ проектѣ его знаменитый юристъ видитъ новый шагъ впередъ сравнительно съ другими европейскими законодательствами и, по послѣдовательности проведенія обвинительнаго начала и устности, ставитъ его даже выше многихъ новѣйшихъ законодательныхъ работъ, отдавая ему преимущество предъ ними и въ томъ, что въ немъ нѣтъ рабской копировки французскаго образца и что онъ вообще далекъ отъ слѣпаго подражанія, Миттермайеръ находитъ въ его предписаніяхъ стремленіе къ простотѣ учрежденій, признаніе равенства оружія и обвиненія и защиты и стараніе, по возможности, обезпечить въ самомъ судѣ ея интересы оградою отъ произвола судебныхъ чиновниковъ. Дѣлая такой приговоръ о нашемъ новомъ уголовномъ судопроизводствѣ и указывая на нѣкоторые его недостатки, опытный криминалистъ счелъ нужнымъ прежде всего оговориться, что вѣрная оцѣнка законовъ чужой страны должна быть пре-

*) Журналъ Мин. Юст. 1864 года, октябрь часть неоффиціальн. стр. 3—24.

доставлена не иностранцу, а тѣмъ, которые хорошо знаютъ политическое и соціальное положеніе страны, національный характеръ, степень нравственнаго развитія, образъ воззрѣнія народа на юридическія учрежденія; поэтому Миттермайеръ и неберется за приговоръ о проектѣ устава уголовнаго судопроизводства съ нашей бытовой стороны, а только мѣритъ его по сравнительному съ иноземными законами масштабу. Дѣйствительно о русскихъ законахъ не легко судить иностранцу, потому что ему менѣе всего извѣстны наша общественная жизнь и нашъ народъ; къ сожалѣнію и намъ самимъ они не вполнѣ знакомы, отчасти потому, что прежній нашъ судебный порядокъ закрывалъ доступъ къ изученію юридическихъ потребностей народа; легко упрекать насъ въ этомъ незнаніи, но труднѣе и полезнѣе розыскивать причины его и заботиться объ устраненіи ихъ. Въ этомъ незнаніи и кроется трудность безошибочной оцѣнки новаго устава уголовнаго судопроизводства, прежде чѣмъ онъ самъ выкажетъ себя на дѣлѣ.

Правда, что мы счастливѣе западной Европы съ политической стороны, потому что въ ней эта сторона слишкомъ тяготѣла и надъ судебными учрежденіями въ особенности по части уголовной и мѣшала свободному ихъ развитію, навязывая насильно имъ политическій характеръ. У насъ государственный бытъ сложился такъ, что намъ нѣтъ надобности закрывать въ политическія пеленки и такое учрежденіе, какъ судъ присяжныхъ, что мы можемъ спокойно смотрѣть на него только какъ на юридическое учрежденіе, установленное въ видахъ справедливости и охраны судебной правды, безъ примѣси къ нему постороннихъ элементовъ. Но съ своей стороны мы связаны другими затрудненіями. Нашъ историческій ростъ и внѣшній толчекъ ему сообщенный, при бѣдности внутреннихъ побужденій и движеній, приходился намъ не подъ силу: идя впередъ, мы все таки слишкомъ отстали отъ западной Европы; шагая подъ часъ не въ мѣру, мы иногда слишкомъ изнурялись и не имѣя въ себѣ ни достаточно разви-

тыхъ силъ, ни удобныхъ средствъ къ развитію ихъ, мы слишкомъ долго отдыхали отъ напряженнаго движенія, словомъ, намъ недостаетъ той выдержки, которою такъ крѣпко общество, развившееся послѣдовательно и постепенно, при благопріятномъ росту его строѣ. Оттого взглядъ нашъ на новыя учрежденія нерѣдко расходится съ духомъ ихъ, требованія отъ нихъ, или чрезмѣрно расширяются, или съуживаются до крайности; оттого эти учрежденія не всегда находятъ себѣ поддержку въ общественной средѣ, безъ которой назначенное имъ дѣйствіе ослабляется или не достигаетъ своихъ благотворныхъ результатовъ. При недостаткѣ самостоятельности и стойкости, при разобщенности нашихъ силъ, учрежденія, а въ особенности судебныя, не могутъ расчитывать на большой успѣхъ тамъ, гдѣ требуется частное вниманіе и непосредственное содѣйствіе частныхъ лицъ должностнымъ при открытіи истины.

Общественный интересъ правосудія и великое значеніе его въ отношеніи къ личному интересу, слишкомъ слабо сознаются у насъ и тѣмъ слабѣе это сознаніе, чѣмъ ниже спускаемся по лѣстницѣ званій и сословій, а между тѣмъ объемъ судебно-уголовной дѣятельности возрастаетъ по мѣрѣ пониженія ступеней этой лѣстницы. Не малое препятствіе въ дѣйствіи законовъ объ уголовномъ судопроизводствѣ составляетъ у насъ невѣденіе закона, не пониманіе тѣхъ юридическихъ отношеній, которыя онъ создаетъ; это препятствіе особенно стѣснительно въ судопроизводствѣ и судоотправленіи тамъ, гдѣ преобладаетъ господство формальностей, гдѣ требуется самостоятельность дѣйствій не только оффиціальныхъ, но и частныхъ лицъ. При этомъ нельзя забывать вреда и зла, причиненнаго нашимъ отживающимъ исключительно слѣдственнымъ процессомъ и принаровленнымъ къ нему судопроизводствомъ. Письменность, тайна и сложныя формальности, повлекшія за собою большое участіе въ судебномъ дѣлѣ канцелярій, не могли представить плодотворнаго поприща для развитія юридическихъ способностей должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства; сильное вліяніе полиціи и администраціи на судъ, зависимость

отъ послѣдней судебной власти пріучили насъ искать опеки и опоры внѣ судебнаго круга, уступать постороннимъ требованіямъ, несовмѣстнымъ съ судебнымъ устройствомъ и порядкомъ; канцелярскій судъ съ его безгласностью и произволомъ не могъ внушать довѣрія къ себѣ, а при отсутствіи этого довѣрія, ко всѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ судебнаго неустройства прибавилось самое тяжкое — неуваженіе къ закону, стремленіе обойти его разными незаконными способами. Наконецъ, внѣшнія условія, окружающія нашъ бытъ, во многихъ отношеніяхъ неблагопріятны: растянутость пространства, малое населеніе неудобства путей сообщенія являются враждебными препятствіями, требующими для одолѣнія ихъ самыхъ энергическихъ усилій, а иногда вызывающія неизбѣжныя уступки и покорность имъ, какъ законамъ природы.

Вотъ съ какими затрудненіями, препятствіями и неудобствами долженъ бороться нашъ новый судебный порядокъ. Поэтому при оцѣнкѣ устава уголовнаго судопроизводства нужно принимать въ соображеніе не одну теоретическую, но и практическую сторону и притомъ сравнительно не только съ иноземными законодательствами, но и со всѣми условіями и сторонами нашей жизни, строившимися и развившимися во многомъ иначе, чѣмъ въ другихъ странахъ; нужно обращать особенное вниманіе, надѣлены ли судебныя учрежденія, установленія и формы довольно сильными оружіями для борьбы съ этими затрудненіями и преградами, содержатся ли въ нихъ плодотворныя свойства къ развитію тѣхъ условій общественнаго быта, которыя должны содѣйствовать удобному отправленію правосудія, чтобы если не вдругъ, то мало помалу избавиться отъ тѣхъ бѣдъ и золъ, которыя укоренены старымъ судебнымъ порядкомъ, не кроется ли и въ новомъ преградъ къ устраненію этихъ золъ.

Законодательная власть, какъ мы видѣли, входила въ подробное разсмотрѣніе недостатковъ уголовнаго судопроизводства по своду законовъ и заботилась уничтожить ихъ кореннымъ преобразованіемъ, имѣвшимъ своею цѣлью «возвысить судеб-

ную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе». Но какъ бы ни была велика забота законодателя и цѣль его стремленій, онъ не можетъ предвидѣть и предопредѣлить всѣхъ мелочей и частностей, которыя могутъ дать то или другое направленіе общимъ началамъ и правиламъ закона въ самомъ дѣйствіи ихъ. Поэтому не при общемъ взглядѣ на учрежденія, а при разсмотрѣніи ихъ отдѣльныхъ частей и положеній возможна непогрѣшительная оцѣнка. Конечно новый уставъ уголовнаго судопроизводства обладаетъ такими несомнѣнными и прочными достоинствами въ своихъ главныхъ основахъ, что не нуждается въ многорѣчивомъ восхваленіи; напротивъ ему болѣе прилична безпристрастная разработка его частныхъ правилъ. Чувству искренняго уваженія къ этимъ достоинствамъ платимъ посильнымъ трудомъ своимъ, въ которомъ постараемся оцѣнить частности его, относящіяся къ разнымъ предметамъ этого труда. Впрочемъ, каковы бы ни были достоинства устава уголовнаго судопроизводства, онъ самъ по себѣ не можетъ еще вполнѣ обезпечить правосудія, не въ немъ одномъ сила. Уголовный процессъ есть только часть цѣлаго общественнаго организма, онъ состоитъ въ соприкосновеніи и зависимости отъ другихъ частей его; для успѣшнаго отправленія правосудія необходима такая связь ихъ между собою, чтобы другія учрежденія административныя, а въ особенности полицейскія не мѣшали, а содѣйствовали судебнымъ. Не менѣе важнымъ залогомъ успѣха въ дѣйствіи устава уголовнаго судопроизводства служатъ качества самыхъ исполнителей его предписаній, въ особенности должностныхъ лицъ, призванныхъ къ разнаго рода дѣятельности по этому судопроизводству: чѣмъ болѣе свѣдущи они въ теоріи и практикѣ по своей части, чѣмъ яснѣе сознаютъ духъ установленій, чѣмъ болѣе людей способныхъ разумно отправлять обязанности уголовной юстиціи, тѣмъ болѣе надежды, что новыя учрежденія окрѣпнутъ и получатъ въ примѣненіи свое настоящее значеніе. Напротивъ неспо-

собные, непонимающіе этихъ учрежденій и несочувствующіе имъ люди могутъ исказить ихъ, извратить ихъ глубокій смыслъ, ихъ великую задачу. Впрочемъ, въ опроверженіе извѣстнаго мнѣнія о недостаткѣ у насъ достойныхъ выполнителей новыхъ судебныхъ уставовъ, за успѣхъ которыхъ по этому поводу такъ опасаются, не можемъ не сослаться на уважаемый всѣми авторитетъ Миттермайера, мнѣніе котораго для насъ тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что оно высказано именно по отношенію къ нашему новому судебному порядку. Опираясь на долголѣтія наблюденія постепеннаго развитія уголовныхъ учрежденій въ различныхъ странахъ Европы, говоритъ онъ, мы высказываемъ наше желаніе, чтобы правительство, не видя немедленно успѣховъ, ожидаемыхъ имъ отъ новыхъ учрежденій, не было запугано приверженцами стараго порядка и врагами всякихъ нововведеній и чтобы оно не переставало преслѣдовать свою цѣль. Мы напоминаемъ ему то интересное явленіе, что даже въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ новыя учрежденія были совершенно неизвѣстны, гдѣ даже образованные люди считали народъ несозрѣлымъ для нихъ, даже тамъ чудеснымъ образомъ юристы поняли значеніе новыхъ началъ, выгоды, доставляемыя ими, выказываются все болѣе и болѣе. Намъ кажется, добавимъ съ своей стороны, что у насъ весьма немного найдется такихъ враговъ новаго судебнаго порядка, которые не видѣли бы слишкомъ ясно, что нечего жалѣть о старомъ и желать возврата къ нему и его началамъ; если такіе люди и есть, то ихъ мнѣніе и направленіе встрѣтятъ слишкомъ сильный отпоръ въ общемъ убѣжденіи о полнѣйшей несостоятельности нашего стараго судопроизводства, въ искреннемъ повсемѣстномъ желаніи видѣть судъ такимъ, какимъ хотѣлъ устроить его законодатель— «скорымъ, правымъ, милостивымъ и равнымъ для всѣхъ». Корень нашего плохаго выполненія новыхъ учрежденій лежитъ болѣе въ незнаніи и бездѣйствіи, которыя минуютъ современемъ, чѣмъ въ злонамѣренномъ желаніи вредить, въ явный ущербъ общему благосостоянію.

5. Составныя части уголовнаго судопроизводства. Взаимная ихъ связь.

§ 6. Опредѣляя уголовное судопроизводство мы замѣтили, что въ немъ содержатся правила о формахъ и обрядахъ, посредствомъ которыхъ уполномоченными къ тому лицами раскрывается противозаконное свойство дѣяній, указывается виновникъ и разъясняется степень его отвѣтственности за уголовную вину предъ обществомъ, интересъ котораго нарушенъ дѣйствіемъ, вреднымъ для порядка общежитія и предъ лицомъ, пострадавшимъ отъ преступленія, — чтобы преступникъ подвергся заслуженной карѣ въ отношеніи къ обществу и пострадавшему лицу. Стремясь къ своей существенной цѣли — раскрытію уголовной истины во всѣхъ ея оттѣнкахъ, уголовное судопроизводство состоитъ изъ различныхъ періодовъ соотвѣтствующихъ порядку, въ которомъ производится раскрытіе истины для взысканія съ виновника преступленія. Эти періоды опредѣляются и обозначаются слѣдующими дѣйствіями:

Въ *первомъ* изыскиваются лишь первоначальные слѣды и признаки дѣйствія, по которымъ можно заключать о противозаконномъ его свойствѣ, а такъ же всѣ обстоятельства дѣла, указывающія на предполагаемаго виновника.

Во *второмъ* подробно разъясняются собранныя свѣдѣнія относительно преступнаго событія и всѣхъ его свойствъ, собираются доказательства и улики виновности, служащія основаніемъ къ рѣшенію вопроса о преданіи обвиняемаго суду.

Въ *третьемъ*, при публичномъ и словесномъ состязаніи сторонъ, въ судѣ, повѣряются всѣ обстоятельства дѣла и окончательно устанавливаются улики и доказательства вины подсудимаго, для сужденія о виновности или невинности его и для рѣшенія въ первомъ случаѣ о степени отвѣтственности его опредѣленною мѣрою наказанія и вознагражденіемъ по-

терпѣвшаго отъ преступленія; послѣ судебныхъ преній составляется приговоръ.

Въ *четвертомъ* уголовный приговоръ обжаловывается и въ случаѣ его неправильности или незаконности отмѣняется или уничтожается.

Въ *пятомъ* судебный приговоръ приводится въ исполненіе.

Эти пять періодовъ въ законахъ объ уголовномъ судопроизводствѣ носятъ особыя названія: первое называется *розыскомъ* и *дознаніемъ*, второе — *предварительнымъ слѣдствіемъ*, третье — *судебнымъ слѣдствіемъ*, четвертое — *обжалованіемъ судебныхъ приговоровъ*, пятое — *исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ*.

Формы, обряды и дѣйствія въ означенныхъ періодахъ отправленія уголовнаго правосудія предполагаютъ участіе въ нихъ стороны преслѣдующей преступленіе и виновника его, а также ищущей вознагражденія за понесенный вредъ и убытокъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершаются не иначе какъ по требованію этой стороны. Такимъ образомъ на ряду съ дознаніемъ, предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіями и исполненіемъ приговора стоитъ *преслѣдованіе* преступленія и преступника, называемое также *уголовнымъ искомъ*. Всѣ части уголовнаго судопроизводства такъ тѣсно связаны съ уголовнымъ искомъ, что каждая изъ этихъ частей удовлетворяетъ какой нибудь потребности его, такъ дознаніе необходимо ему для вчинанія иска, возбужденія уголовнаго дѣла, предварительное слѣдствіе — для предъявленія обвиненія въ судѣ, судебное слѣдствіе — для наложенія взысканія съ виновнаго, исполненіе судебнаго приговора — для дѣйствительнаго выполненія взысканія. Само *уголовное преслѣдованіе*, подчиняясь требованіямъ правды, ставится законами въ опредѣленныя границы, обозначаемыя предписанными ему правилами, формами и обрядами. Поэтому въ ученіи объ уголовномъ судопроизводствѣ уголовное преслѣдованіе составляетъ неотъемлемую его часть.

Упомянутыя части уголовнаго судопроизводства находятся

въ самой тѣсной связи не только съ уголовнымъ преслѣдованіемъ, но и между собою, такъ что каждая часть предполагаетъ другую: полицейское дознаніе приготовляетъ свѣдѣнія для предварительнаго слѣдствія, къ указанію повода и основанія производства его; предварительное слѣдствіе въ свою очередь собираетъ матеріалы для судебнаго слѣдствія; неправильность или незаконность приговора влечетъ за собою необходимость обжалованія; необжалованный или окончательно опредѣленный приговоръ сопровождается исполненіемъ. Эта связь столь тѣсна, что нѣкоторыя изъ нихъ иногда сливаются между собою: такъ дознаніе можетъ входить въ составъ предварительнаго слѣдствія, которое можетъ иногда производиться вмѣстѣ съ судебнымъ или хотя отдѣльно, но тою же самою властью.

Съ своей стороны уголовное преслѣдованіе состоитъ въ близкой связи съ *искомъ о вознагражденіи за вредъ* и *убытки отъ преступленія:* иногда то же лицо, которое преслѣдуетъ преступленіе и обвиняетъ преступника съ цѣлью взысканія съ него уголовнымъ наказаніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ ищетъ и должнаго вознагражденія за вредъ и убытки отъ преступленія; если же искъ о вознагражденіи предъявляется другимъ лицомъ, то этотъ искъ содѣйствуетъ уголовному преслѣдованію и имѣетъ много съ нимъ общаго. Вслѣдствіе такой связи ученіе объ искѣ о вознагражденіи находитъ себѣ приличное мѣсто въ ученіи объ уголовномъ преслѣдованіи или точное искѣ о наказаніи.

Порядку, въ которомъ части уголовнаго судопроизводства естественно слѣдуютъ другъ за другомъ, соотвѣствуетъ и порядокъ ихъ уложенія: 1) уголовное дѣло предполагаетъ уголовный искъ, уголовное преслѣдованіе, съ которымъ рядомъ стоитъ и искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія; на этомъ основаніи первое мѣсто въ приложеніи ученія объ уголовномъ судопроизводствѣ дается уголовному преслѣдованію и иску о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія. 2) Затѣмъ слѣдуетъ ученіе о ро-

зыскѣ и дознаніи необходимомъ для изысканія основанія къ возбужденію уголовнаго дѣла, къ начатію предварительнаго слѣдствія. 3) За дознаніемъ и возбужденіемъ уголовнаго дѣла наступаетъ очередь предварительнаго слѣдствія. 4) Коль скоро этимъ слѣдствіемъ раскрыто преступленіе и найденъ обвиняемый, коль скоро представляется достаточное основаніе къ преданію его суду, то производится судебное слѣдствіе и по выслушаніи сторонъ и выясненіи всѣхъ обстоятельствъ взаимнымъ ихъ состязаніемъ, составляется судебный приговоръ. 5) Приговоръ можетъ оказаться несправедливымъ и незаконнымъ, поэтому участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ предоставляются и указываются способы къ обжалованію его, къ отмѣнѣ и уничтоженію рѣшеній, опредѣленій и дѣйствій судебныхъ установленій; поэтому за ученіемъ о судебномъ слѣдствіи слѣдуетъ изложеніе порядка обжалованія рѣшеній, опредѣленій и дѣйствій судебныхъ органовъ. 6) Наконецъ приговоръ, вошедшій въ законную силу, приводится въ исполненіе; поэтому послѣднею частью въ изложеніи ученія объ уголовномъ судопроизводствѣ оказывается ученіе о порядкѣ исполненія судебныхъ приговоровъ.

Тому же порядку изложенія будемъ слѣдовать и мы въ нашемъ трудѣ. Такимъ образомъ въ первой части его будетъ изложено уголовное *преслѣдованіе* вмѣстѣ съ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные лицу потерпѣвшему отъ преступленія. Затѣмъ вторая часть будетъ содержать въ себѣ изложеніе *дознанія*. Наконецъ третья часть будетъ посвящена изложенію ученія о *предварительномъ слѣдствіи*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ

и

ОБЪ ИСКѢ О ВОЗНАГРАЖДЕНІИ ЗА ВРЕДЪ И УБЫТКИ ОТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ.

ГЛАВА I.

Значеніе и свойства уголовнаго преслѣдованія и иска о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія.

I. *Общія понятія.*

§ 7. Беззаконіе, составляющее преступленіе, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе порядка, охраняющаго общежитіе, и въ извѣстныхъ случаяхъ причиненіе вреда частному лицу. Интересъ общежитія, общественный порядокъ требуетъ прекращенія зла, нанесеннаго ему противозаконнымъ дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ и предотвращенія его на будущее время противодѣйствіемъ ему; интересъ частнаго лица, пострадавшаго отъ преступленія, требуетъ вознагражденія вреда и убытковъ, происшедшихъ отъ беззаконнаго дѣйствія или бездѣйствія. Въ удовлетвореніи этихъ двухъ требованій заключается необходимое условіе общественнаго спокойствія и частнаго благосостоянія и каково бы ни было устройство общежитія, права общества и частнаго лица должны быть ограждаемы возстановленіемъ въ случаѣ нарушенія ихъ.

Изъ этихъ двухъ требованій возникаетъ, какъ необходимое послѣдствіе ихъ, двоякое *удовлетвореніе*, доставляемое судомъ за зло, причиненное преступнымъ дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ: возмездіе *общественное*, состоящее въ карѣ преступленія, въ наказаніи преступника за нарушеніе закона, возмездіе *частное*, заключающееся въ цѣнномъ удовлетвореніи

за вредъ, понесенный частнымъ лицомъ отъ того же преступнаго дѣйствія. Хотя преступленіе можетъ быть такъ велико, что порожденное имъ для общества зло не истребится никакимъ наказаніемъ; хотя бѣдствіе пострадавшаго можетъ быть такъ сильно, что его невознаградитъ цѣнное удовлетвореніе; но въ наказаніи и денежномъ вознагражденіи заключаются всѣ средства, какими располагаетъ человѣческое правосудіе. Оно не въ силахъ оживить и возсоздать то, что разрушено преступленіемъ, оно не истребляетъ зла вполнѣ, оно караетъ и вознаграждаетъ только въ опредѣленной мѣрѣ, караетъ ради утвержденія и охраненія положительнаго закона, поддерживающаго общежитіе, вознаграждаетъ ради права потерпѣвшаго лица на удовлетвореніе за матеріальный вредъ, хотя бы это удовлетвореніе сравнительно съ вредомъ было мало.

На тѣхъ же двухъ требованіяхъ основываются два *иска: искъ общественный, уголовный*, во имя и въ интересахъ общества, домогается взысканія съ преступника наказаніемъ, и *искъ гражданскій*, вчинаемый самимъ лицомъ потерпѣвшимъ, или во имя его и въ его интересахъ другимъ лицомъ, ищетъ взысканія съ преступника за оцѣняемый вредъ и убытокъ; первый искъ преслѣдуетъ обвиняемаго за уголовную его вину, второй преслѣдуетъ его же за зло частное, гражданское.

§ 8. Изъ объясненнаго значенія двухъ исковъ не трудно вывести *взаимныя отношенія* ихъ другъ къ другу. Оба они исходятъ изъ одного общаго источника, и въ этомъ отношеніи между ними есть связь, сродство; но вмѣстѣ съ тѣмъ они отдѣляются другъ отъ друга, различаются по сущности ихъ и цѣли, которую преслѣдуетъ каждый изъ нихъ.

Они *происходятъ* изъ *одного и того же дѣйствія* — нарушенія закона, выразившагося въ преступленіи. Оба они стремятся къ одному результату — удовлетворенію за зло, произведенное этимъ нарушеніемъ, удовлетворенію, которое пополняетъ каждый изъ нихъ своею долею участія. Наконецъ, для достиженія общаго результата, они подкрѣпляютъ другъ друга взаимными усиліями, являются и представляютъ свои

притязанія предъ одною и тою же властью. Но этимъ и ограничивается ихъ связь; ставъ на свое мѣсто, каждый изъ нихъ идетъ отдѣльною дорогою, не сливаясь одинъ съ другимъ, хотя оба могутъ соединяться въ одномъ и томъ же лицѣ—обвинителѣ, преслѣдователѣ. Они отличаются другъ отъ друга 1) *по сущности и свойствамъ*. Хотя оба они рождаются изъ одного источника противозаконнаго дѣйствія, но каждый изъ нихъ представляетъ особый интересъ. Преступное дѣйствіе, какъ мы видѣли, влечетъ за собою *два вреда*, изъ коихъ одинъ поражаетъ общество, другой — частное лицо; поэтому и для отраженія того и другаго вреда существуютъ два иска. Одинъ, вчинаемый и производиный въ *интересѣ публичномъ* есть искъ общества; другой, вчинаемый и производимый въ *интересѣ частномъ, личномъ*, есть искъ частнаго лица. Изъ различія свойствъ вреда и интереса въ преслѣдованіи преступленія возникаютъ и различныя свойства преслѣдующихъ ихъ исковъ. Искъ уголовный принадлежитъ обществу, производится во имя его; искъ гражданскій принадлежитъ частному лицу и производится этимъ лицомъ.

Такое свойство исковъ понятно и ясно съ перваго взгляда относительно гражданскаго иска: онъ производится лицомъ пострадавшимъ отъ преступленія самимъ или другимъ, кому предоставитъ производство его это лицо. Но какъ можетъ поручить производить свой искъ общество? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что уголовный искъ принадлежитъ цѣлому обществу, а не какому нибудь отдѣльному лицу: этотъ искъ представляетъ интересъ цѣлаго общества, совокупности единицъ и союзовъ ихъ, а не отдѣльнаго лица, онъ охраняетъ общество отъ нарушенія правъ, поддерживающихъ общій союзъ отдѣльныхъ лицъ, онъ освящаетъ и ограждаетъ законъ, установленный для цѣлей общежитія, а не единичнаго лица, домогаясь взысканія за нарушеніе закона, онъ этимъ взысканіемъ стремится выказать на самомъ дѣлѣ ненарушимость и твердость закона.

Общество, государство, какъ совокупность недѣлимыхъ и союзовъ есть существо собирательное, отвлеченное и само не

можетъ дѣйствовать; оно можетъ производить искъ не иначе, какъ чрезъ своего представителя—одного изъ своихъ отдѣльныхъ членовъ; представленіе требуетъ для своей силы *полномочія, порученія.* Такое порученіе можетъ быть или *временнымъ*, принадлежащимъ каждому отдѣльному члену общества, или *постояннымъ*, даннымъ особо назначенному для этой именно цѣли лицу; *прямымъ непосредственнымъ*, когда само общество избираетъ лицъ, которымъ оно дается и наблюдаетъ за исполненіемъ ими порученія, или *посредственнымъ*, когда общество представляетъ назначеніе такихъ лицъ и направленіе ихъ дѣйствій самому правительству. Избранное тѣмъ или другимъ способомъ лицо, по свойству его дѣятельности, называется *публичнымъ обвинителемъ*, а лицо производящее гражданскій искъ называется *гражданскимъ истцомъ*. Непосредственное избраніе обществомъ публичныхъ обвинителей, встрѣчаетъ въ практикѣ затрудненія. Выборъ самимъ обществомъ лишаетъ ихъ независимости и самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Они не могутъ разорвать связи съ ихъ избирателями и находясь подъ вліяніемъ дружескихъ, родственныхъ и другихъ близкихъ отношеній, не могутъ исполнять безпристрастно суроваго долга обвиненія. Еще болѣе наклонности къ пристрастію и понаровкѣ оказывается въ томъ, что строгость и самостоятельность дѣйствій обвинителя могли бы служить поводомъ къ устраненію его отъ этой дѣятельности при новомъ выборѣ.

Другой видъ избранія лицъ, которымъ поручается вести уголовный искъ, есть избраніе самимъ правительствомъ, какъ представителемъ государства: оно облечено властью охранять святость и ненарушимость закона, обязано заботиться объ общей безопасности, обезпечить подвластнымъ ему свободное и спокойное пользованіе правами и благами, оно обладаетъ всѣми средствами и силами ограждать общественный порядокъ отъ нарушеній. Конечно, при такой его роли ему удобно назначать публичныхъ обвинителей, которымъ ввѣряется важная обязанность обвиненіемъ и взысканіемъ поддерживать и

укрѣплять исполненіе законовъ, ограждать права частныхъ лицъ и союзовъ ихъ.

Назначеніе публичныхъ обвинителей правительствомъ даетъ имъ возможность быть независимыми отъ тѣхъ, или другихъ связей и узъ, и сообщаетъ ихъ дѣятельности характеръ единства: при такомъ назначеніи, они въ своихъ дѣйствіяхъ могутъ быть подчинены общимъ правиламъ, общему порядку и надзору. Это единство въ направленіи обвиненія ставитъ публичныхъ обвинителей выше частныхъ интересовъ увлеченія и страстей, придаетъ ту силу и значеніе, которыя необходимы имъ, чтобы быть на самомъ дѣлѣ живымъ органомъ, представителемъ общества, государства по уголовному преслѣдованію и обвиненію. Но въ этомъ избраніи публичныхъ обвинителей кроются и слабыя стороны. Власть, назначающая, направляющая и надзирающая надъ обвинителемъ, можетъ силою своего тяготѣнія, увлечь ихъ съ прямаго пути на боковую дорогу, своимъ вліяніемъ отнять у нихъ независимость дѣйствій, подчинить одностороннему направленію.

Чтобы эти слабыя стороны не оказывали своего господства, чтобыподъ исключительнымъ гнетомъ ихъ преслѣдователи и обвинители противозаконныхъ дѣйствій, во имя государства не сдѣлались сами нарушителями правды и закона, должны быть съ точностью опредѣлены размѣры вліянія на публичныхъ обвинителей власти, поручающей имъ веденіе уголовнаго иска и повѣряющей ихъ дѣятельность; должны быть установлены предѣлы этой дѣятельности, обвинительной власти, съ нею соединенной, даннаго имъ порученія, полномочія, и такой порядокъ выполненія обязанностей по обвиненію, который заключалъ бы въ себѣ вѣрный оплотъ противъ притѣсненій и злоупотребленій правами и властью преслѣдованія беззаконій, который сдерживалъ бы ее отъ превышенія полномочія и власти.

Таковы основанія системы, предпочитающей предоставленіе публичнаго обвиненія особымъ органамъ, назначеннымъ правительственною властью для веденія уголовнаго иска, во

имя государства, въ его интересахъ, для охраны общежитія отъ нарушенія правъ его, проявившагося въ преступленіи. Этимъ способомъ порученія вести искъ и различными правилами, опредѣляющими границы порученія и порядокъ его выполненія, уголовный искъ отличается отъ гражданскаго.

Второе важное различіе между обоими исками состоитъ въ той *цѣли*, къ которой стремится каждый изъ нихъ. Искъ уголовный имѣетъ въ виду *уголовное взысканіе* съ виновнаго, наложеніе на него уголовнаго наказанія; искъ гражданскій имѣетъ въ виду *денежное вознагражденіе*, уплату ущерба и убытковъ. При видимой ясности этого различія, его не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда, отмѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ и частностяхъ, потому что на пути которымъ слѣдуютъ оба иска къ своей конечной цѣли, есть точки соприкосновенія, а иногда и сліянія ихъ.

Искъ уголовный служитъ интересу общественному, но не теряетъ вполнѣ изъ виду и интереса частнаго лица: публичный обвинитель помогаетъ ему, потому что это лицо преслѣдуетъ тоже преступное дѣяніе, которое преслѣдуется публичнымъ обвинителемъ, оба они дѣйствуютъ предъ правосудіемъ, которое взыскиваетъ съ нарушителя за зло, какъ общественное, такъ и частное; слѣдовательно, поддерживая гражданскій искъ, публичный обвинитель не выходитъ изъ предѣловъ своей дѣятельности, если онъ идетъ рука объ руку съ лицомъ пострадавшимъ отъ преступленія и дастъ ему силу средствами обвиненія и доказательствами его.

Въ свою очередь гражданскій истецъ нерѣдко выдвигаетъ уголовное обвиненіе, въ которомъ находитъ побужденіе и основаніе своей претензіи; для него очень важенъ успѣхъ уголовнаго иска; опираясь на него, онъ и поддерживаетъ его, онъ вызываетъ возбужденіе его, приводитъ его въ движеніе, доставляетъ ему свои свѣдѣнія и улики, присоединяетъ къ нему свои усилія и старанія, требуя вознагражденія за убытки, онъ тѣмъ самымъ домогается уголовнаго взысканія съ виновнаго.

Изъ указанія свойствъ, сродства и различія двухъ исковъ,

двухъ требованій общества и частнаго лица становится очевидною трудность разграниченія ихъ.

Причина этого заключается въ томъ, что вообще трудно указать и провести опредѣленную черту между содержаніемъ и областью общественныхъ и частныхъ правъ, юридическихъ отношеній: тѣ и другія, коренясь въ основахъ правды и справедливости, одинаково необходимыхъ для общества и частнаго лица, для государства и его недѣлимыхъ, во многихъ пунктахъ сходятся между собою, сплетаются такъ, что нельзя опредѣлить, что именно относится къ общественному, публичному и къ гражданскому, частному. Вообще въ мірѣ дѣйствительномъ и въ правѣ, какъ оттискѣ и отраженіи этого міра, нѣтъ рѣзкихъ пограничныхъ линій, которыя отдѣляли бы одну область отъ другой, одно понятіе отъ близкаго ему другаго, между ними лежатъ оттѣнки, незамѣтные переходы и нельзя указать, гдѣ именно оканчивается одно юридическое отношеніе и гдѣ начинается другое, ему сродное и слѣдующее за нимъ. Самыя твердыя начала находятъ для себя исключенія, видоизмѣненія. Сообразно съ этимъ свойствомъ природы и права, два иска уголовный и гражданскій могутъ, вслѣдствіе ихъ взаимной близости нетолько имѣть общія черты, но и сливаться другъ съ другомъ въ одинъ искъ: лицо потерпѣвшее отъ преступленія можетъ нетолько предъявлять искъ объ удовлетвореніи за вредъ и убытки, но и домогаться уголовнаго взысканія, само взять на себя преслѣдованіе и обвиненіе преступника, съ цѣлью подвергнуть его уголовному наказанію. Кажется, что подобнаго преслѣдованія естественнѣе ожидать отъ лица, заинтересованнаго въ немъ понесеніемъ вреда отъ противозаконнаго дѣйствія: оно, отстаивая свой личный интересъ, употребитъ всѣ усилія, всѣ заботы на то, чтобы виновный не избѣжалъ заслуженной кары. Но личный интересъ, связанный съ общественнымъ дѣломъ, не всегда помнитъ о немъ и рѣдко не отдается въ жертву увлеченіямъ, страстямъ, исключительному удовлетворенію самолюбивыхъ расчетовъ и выгодъ. Уголовный искъ, оставленный на волю лица постра-

давшаго, могъ бы имѣть самыя невыгодныя послѣдствія: онъ не находилъ бы возбужденія тамъ, гдѣ нѣтъ лица потерпѣвшаго или гдѣ интересъ этого лица слишкомъ слабъ и ничтоженъ, чтобы затѣвать обвиненіе правонарушенія, важнаго не для него самого, а для общества. Притомъ нужно существованіе особой энергіи, такого счастливаго развитія самого общества, въ которомъ члены его сознавали бы самую тѣсную связь между собою и радѣли бы объ общемъ благѣ, какъ о своемъ собственномъ, чтобы ручаться за безостановочное, добровольное преслѣдованіе всѣхъ преступленій лицами понесшими вредъ отъ нихъ, какъ матеріальный, такъ и нравственный. Но одного желанія общей пользы, если бы оно и было въ наличности у частныхъ лицъ, мало для успѣшнаго преслѣдованія: оно требуетъ свободнаго времени, способности, особой ловкости и снаровки. Преступленія обыкновенно маскируются, прикрываются личиною невинности, обставляются закрытіемъ слѣдовъ, такъ что нужно особое умѣнье добывать свѣдѣнія о нихъ, раскрывать ихъ. Люди неспособные и обремененные другими занятіями, не могли бы браться за преслѣдованіе, даже тогда, когда они находили бы достаточно побужденія къ нему въ понесеніи чувствительнаго для нихъ вреда и въ самомъ усердномъ рвеніи къ общественному благу. Но если встрѣчаются многія затрудненія къ безусловному соединенію иска уголовнаго съ гражданскимъ, въ одномъ лицѣ преслѣдованія и обвиненія отъ имени общества съ преслѣдованіемъ и обвиненіемъ частнаго лица, то нѣтъ основанія отказываться отъ такого сліянія двухъ интересовъ — общаго и частнаго тамъ, гдѣ оно можетъ принести несомнѣнную пользу. Рядомъ съ отдѣльнымъ уголовнымъ искомъ, преслѣдованіемъ оффиціальнымъ, обязательнымъ какъ общимъ правиломъ, можетъ стоять преслѣдованіе добровольное, соединяемое съ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки или съ побужденіемъ личнаго нематеріальнаго интереса искать уголовнаго взысканія за нарушеніе. Чѣмъ болѣе средствъ и орудій преслѣдованія беззаконій, чѣмъ дѣйствительнѣе и прочнѣе они, тѣмъ болѣе залоговъ обществен-

ной и частной безопасности, тѣмъ болѣе способовъ обезпечить общежитіе отъ безнаказанности вредящимъ ему нарушеніемъ. Добровольное обвиненіе, подерживаемое личнымъ интересомъ, побуждаемое надеждою и сильнымъ желаніемъ добиться его удовлетворенія, надежнѣе оффиціальнаго обвиненія, въ которомъ привычка влечетъ за собою нѣкоторую степень равнодушія. Частное обвиненіе всего удобнѣе можетъ быть прилагаемо къ такъ называемымъ частнымъ преступленіямъ, гдѣ предметомъ, надъ которымъ совершается преступленіе бываетъ собственность и личность отдѣльнаго лица, гдѣ задѣвается личный интересъ. По нѣкоторымъ преступленіямъ этого рода въ частномъ обвиненіи оказывается тѣмъ бо́льшая необходимость, что государство, находя въ нихъ самый слабый косвенный для себя интересъ, представляетъ преслѣдованіе ихъ мѣстному усмотрѣнію оскорбленнаго лица, ставитъ это преслѣдованіе въ зависимость отъ жалобы его, такъ что если нѣтъ жалобы, нѣтъ истца — нарушеніе оставляется безъ вниманія, какъ будто бы оно и не было совершено.

§ 9. Искъ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія о вознагражденіи за вредъ и убытки, составляетъ особенную форму общаго гражданскаго иска. Этотъ искъ имѣетъ дѣло тоже съ правонарушеніемъ; существенное различіе между этимъ правонарушеніемъ и уголовнымъ состоитъ въ томъ, что первое посягаетъ на права гражданскія, частныя, зависящія отъ полнаго произвола владѣльца ихъ, не колебля общественнаго порядка и не имѣя съ нимъ никакой прямой связи. Такъ какъ правонарушенія этого рода касаются правъ гражданскихъ, а не общественныхъ, составляющихъ предметъ уголовныхъ преступленій, то въ отличіе отъ нихъ, они называются гражданскими. Другая черта ихъ различія опредѣляется способомъ и образомъ охраненія. Государство примѣняетъ къ нимъ также мѣры взысканій, но не наказаніе, а гражданское удовлетвореніе, опредѣленное извѣстною цѣнностью соразмѣрно съ матеріальнымъ вредомъ, содержащимся въ правонарушеніи; возстановленіе его производится судомъ гражданскимъ и при-

томъ не иначе, какъ по требованію обиженнаго и соотвѣтственно этому требованію, и выражается въ денежномъ вознагражденіи. Судъ гражданскій имѣетъ дѣло съ внѣшнею стороною нарушенія, самымъ фактомъ, не входитъ въ разборъ побужденій, руководившихъ незаконнымъ дѣйствіемъ, не углубляется въ разсмотрѣніе всѣхъ свойствъ злой воли, произведшей это дѣйствіе и отразившейся въ немъ. Такъ какъ въ неправду частную, гражданскую нерѣдко входитъ бо̀льшая или меньшая частица общественной неправды, то при трудности положить рѣзкую грань между общественнымъ и частнымъ, нелегко найти и указать, гдѣ оканчивается общественная сторона въ нарушеніи и начинается частная, гражданская. Вслѣдствіе такой тѣсной связи двухъ областей, двухъ нарушеній, въ данномъ случаѣ неправды обѣ стороны ея общественная и частная, уголовная и гражданская могутъ сойтись, слиться, такъ что выдѣленіе ихъ, возможное и удобное въ теоріи, на практикѣ становится слишкомъ затруднительнымъ. Пока фактъ ограничивается лишь частнымъ нарушеніемъ, пока главная сторона въ немъ матеріальная, имущественная, касается интересовъ чисто гражданскихъ и не задѣваетъ общественныхъ, до тѣхъ поръ государство оставляетъ за лицомъ, права котораго нарушены, предъявленіе требованія на удовлетвореніе предъ судомъ гражданскимъ, не вмѣшивается непосредственно въ борьбу и споръ обидчидка съ обиженнымъ; оно остается спокойнымъ зрителемъ этой борьбы даже и тогда, когда тяжущійся ищетъ вознагражденія за вредъ и убытки ему причиненные дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ извѣстнаго лица; пока въ нихъ не заключается еще зла, направленнаго на порядокъ общежитія, или пока это зло слишкомъ незначительно, касается его интересовъ лишь посредственно, непрямо, до тѣхъ поръ государство смотритъ на такое дѣйствіе и бездѣйствіе, какъ на частное юридическое отношеніе между виновникомъ ихъ и лицомъ потерпѣвшимъ вредъ и убытокъ, какъ на обязательство чисто гражданское, имѣющее своимъ послѣдствіемъ для одной стороны обязанность вознаградить за вредъ и убытки

равномѣрною имъ цѣнностью, а съ другой право требовать этого вознагражденія и въ случаѣ отказа перваго отъ добровольнаго удовлетворенія, искать и домогаться его судебнымъ порядкомъ предъ гражданскимъ судомъ. Но коль скоро нарушеніе прямо направлено на интересы общества, коль скоро посягательство на нихъ выражается въ дѣйствіи или бездѣйствіи, входящемъ въ разрядъ преступленій, то государство бо́льшею частью уже само преслѣдуетъ ихъ, хотя бы они вмѣстѣ съ тѣмъ производили вредъ и убытки частному лицу; не выжидаетъ иска о вознагражденіи ихъ, участь этого иска уже подчиняется иску общества, государства; оно предъявляетъ свое требованіе уголовному суду, въ которомъ главное вниманіе обращено не на фактъ, а на степень участія злой воли виновника его. Но отъ такого подчиненія факта уголовному иску и суду, онъ не теряетъ своего значенія въ отношеніи къ частному лицу, какъ гражданскаго обязательства, влекущаго за собою обязанность, со стороны обвиняемаго въ преступленіи, вознагражденія за вредъ и убытки и право, со стороны пострадавшаго отъ преступленія, требовать этого вознагражденія. Съ другой стороны преступное дѣйствіе, какъ частное и обязательство, не измѣняетъ своего характера и въ томъ отношеніи, что оно можетъ быть предметомъ гражданскаго иска, который тѣмъ не менѣе можетъ быть вчинаемъ особо отъ уголовнаго въ гражданскомъ судѣ. За предпочтеніе иску уголовному, гражданскій пріобрѣтаетъ ту выгоду, что можетъ присоединяться къ первому предъявленіемъ уголовному суду. Такое присоединеніе для гражданскаго иска выгодно, потому что онъ находитъ для себя подкрѣпленіе со стороны уголовнаго въ розысканіи доказательствъ и уясненіи факта обоюдными усиліями общаго преслѣдованія. Такимъ образомъ искъ о вознагражденіи за убытки съ одной стороны представляетъ дополнительную часть преслѣдованія преступленій, какъ удовлетвореніе за вредъ и убытки отъ преступленія, входящее въ составъ взысканія съ виновнаго и только при этомъ условіи входитъ въ область уголовнаго судопроизводства; съ дру-

гой стороны, тотъ же искъ, основываясь на гражданскомъ обязательствѣ обидчика вознаградить обиженнаго, коренится въ гражданскомъ судопроизводствѣ и при отдѣльномъ предъявленіи отъ уголовнаго иска исключительно въ немъ находитъ себѣ мѣсто.

Высказавъ общія понятія о двухъ искахъ, посмотримъ какъ они примѣняются къ дѣйствительной жизни, для чего обратимся къ законодательству.

II. *Ученіе объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ въ законодательствахъ.*

§ 10. Каждый народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, идетъ путемъ постепеннаго развитія; возрастамъ и переходамъ его исторической жизни соотвѣтствуютъ его понятія о правдѣ и правосудіи, составляющія лишь одну сторону жизни народа, плодъ и послѣдствіе другихъ ея сторонъ и отражающіяся въ его нравахъ, обычаяхъ и въ положительныхъ законахъ. Если устранимъ частности, особенности, составляющія отличительныя черты одного народа въ сравненіи съ другимъ, то найдемъ нѣсколько ступеней, которыя переходилъ каждый народъ въ развитіи уголовнаго правосудія по преслѣдованію преступленій. Въ младенческомъ возрастѣ народа на первомъ планѣ стоитъ отдѣльный человѣкъ, а не общество; по неустройству общежитія его требованія, его интересы или вовсе не находятъ себѣ удовлетворенія, или подчиняются и ставятся въ зависимость отъ интересовъ частныхъ лицъ. Поэтому въ преслѣдованіи преступленій въ это первобытное время обращается исключительное вниманіе на вредъ и зло, причиненное пострадавшему, оно производится по его желанію и находится подъ его вліяніемъ. Чѣмъ дальше забираемся въ глубь исторіи, тѣмъ болѣе замѣчаемъ такую черту: въ самомъ началѣ даже нѣтъ никакого стремленія видѣть и проявить въ расправѣ съ преступленіемъ и преступникомъ что-нибудь другое, кромѣ частнаго удовлетворенія за этотъ вредъ; преслѣдованіе руко-

водится исключительно личнымъ чувствомъ злобы, облекается формою самаго грубаго возмездія — зубъ за зубъ, око за око. При такомъ положеніи общежитія, нѣтъ рѣчи о вредѣ ему, о нарушеніи его порядка преступленіемъ. Даже при дальнѣйшемъ развитіи общественной жизни, когда отдѣльныя семьи связываютъ между собою и образуютъ родъ, частная месть не перестаетъ быть главнымъ двигателемъ уголовнаго преслѣдованія: тѣсная связь между членами семьи и родоваго быта издерживается на проявленіе мести, — какъ особаго выраженія чувства этой связи: семьянинъ, цѣлая семья и родъ мстятъ за обиду, оскорбленіе, вредъ, нанесенные семьянину и родичу. Словомъ преслѣдованіе общественное поглащается частнымъ и носитъ на себѣ его отпечатокъ; искъ уголовный сливается съ гражданскимъ, взысканіе за преступленіе не различаетъ зла матеріальнаго и нравственнаго. Если всмотрѣться глубже въ первоначальный общественный строй, такое сліяніе двухъ исковъ становится весьма понятнымъ: при слабости общественной завязки, нѣтъ условій и побужденій возводить зло частное на степень зла общественнаго, недостаетъ и способности отвлекать частное и изъ общихъ его качествъ, составлять понятіе, общую идею, при развитіи которой только и доступно пониманіе общаго блага и зла.

Съ большимъ развитіемъ общежитія, когда мало по малу послѣ разныхъ переходныхъ степеней установляется и упрочивается гражданскій союзъ, расширяются и усложняются юридическія отношенія, преслѣдованіе уголовныхъ преступленій полагаетъ новое направленіе и укладывается въ новыя формы. Но въ жизни рѣзкихъ скачковъ и поворотовъ не бываетъ, послѣдующія явленія имѣютъ хоть нѣкоторую связь съ предъидущими. Такъ и въ преслѣдованіи преступленій, хотя общественныя требованія выступаютъ, но въ первое время образованія гражданскаго союза надъ нами все еще тяготѣетъ вліяніе стороны, пострадавшей отъ преступленія: ей принадлежитъ починъ и ея интересъ прежде всего имѣется въ виду, преслѣдованіе отъ имени общества, въ охрану его интере-

совъ, является второстепеннымъ. Необходимость вмѣшательства общества въ уголовное преслѣдованіе и обвиненіе была вызвана слѣдующими причинами: 1) по ослабленіи семейныхъ и родовыхъ связей, предшествующемъ возникновенію гражданскаго союза, преступленія находятъ мало обвинителей, такъ что безнаказанность ихъ становится опасною, является надобность замѣны частной мести и самоуправства, руководившихъ доселѣ расправою, другими способами возбудить преслѣдованіе и найти обвинителя; 2) новый порядокъ общественнаго устройства даетъ мѣсто разряду новыхъ преступленій, грозящихъ колебаніемъ и разстройствомъ общежитія; общественная власть не можетъ остаться равнодушною и выбираетъ тѣ или другія средства привлечь виновнаго къ расправѣ. Такимъ образомъ рядомъ съ преслѣдованіемъ преступленія лицомъ пострадавшимъ становится преслѣдованіе со стороны общества обвинителемъ въ его интересахъ. Но какъ ни важны побужденія, родившія искъ общественный, не онъ стоитъ на первомъ планѣ, онъ—исключеніе изъ общаго правила, что искъ уголовный принадлежитъ обиженному, потерпѣвшему и опредѣляется его произволомъ домогаться, или не домогаться обвиненія и взысканія за преступленіе. Это явленіе объясняется преобладаніемъ интересовъ и правъ личности предъ интересами и правами общества, вслѣдствіе малаго развитія общественнаго союза и общественной власти и слабости сознанія общаго блага, какъ залога благосостоянія частныхъ лицъ; внутри гражданскаго союза еще бродятъ неустановившіяся силы, не находя себѣ опредѣленнаго значенія и приложенія. Отвлеченная идея общественныхъ интересовъ, ея преимуществъ предъ частными, сознаніе, что ограниченіе личной свободы ради пользы общественной необходимо для всесторонняго проявленія правды, принадлежатъ государственному союзу, въ которомъ верховная власть утверждаетъ ненарушимость закона, опредѣляющаго отношенія частныхъ лицъ между собою и къ обществу, и принудительными средствами обезпечиваетъ его исполненіе. Здѣсь преслѣдованіе преступленій уже не огра-

пичивается волею лица пострадавшаго, не ставится въ зависимость отъ нея; напротивъ, частная воля подчиняется общественной и уважается на столько, на сколько она сообразна съ послѣднею, уголовный искъ разсматривается, какъ требованіе удовлетворенія не одного частнаго вреда, но и общественнаго. Съ своей стороны, государственный союзъ развивается постепенно и носитъ въ себѣ характеристическія черты предшествовавшаго ему общественнаго быта, дополняетъ ихъ и самъ образуется изъ тѣхъ выработавшихся силъ, которыя наслѣдовалъ отъ своего предшественника. Сообразно съ тѣмъ, какъ и изъ чего сложилось и устроилось государство, дается значеніе и мѣсто въ судопроизводствѣ уголовному иску.

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ гражданскій союзъ, прежде принятія государственныхъ формъ, выросъ и окрѣпъ на прочныхъ началахъ, гдѣ эти формы не стѣснили его развитіе, а дали ему плодотворную поддержку, гдѣ личность есть средоточіе, около котораго вращаются общественныя силы, гдѣ она сама не поглощается въ обществѣ, составляетъ въ немъ силу равномѣрную другимъ, гдѣ общество и отдѣльный человѣкъ поставлены другъ къ другу въ согласительныя отношенія, гдѣ общественная власть умиротворяетъ ихъ и сглаживаетъ неравенство, гдѣ гражданская свобода частнаго лица воспиталась въ сознаніи ея достоинства и въ уваженіи къ свободѣ другихъ лицъ, гдѣ государственный порядокъ и общественная жизнь сложились такъ удачно, что справедливость, законъ и правосудіе оцѣниваются какъ достояніе, равно дорогое и обществу, и отдѣльному члену его, и гдѣ это сознаніе осилило личный произволъ; тамъ преслѣдованіе преступленія, уголовный искъ, не теряя своего высокаго общественнаго значенія, дѣлается достояніемъ не одной правительственной власти, но и частныхъ лицъ: лицъ пострадавшихъ отъ преступленія, потерпѣвшихъ убытки, уполномоченнаго отъ этихъ лицъ, свидѣтеля нарушенія, общества учрежденнаго съ цѣлью преслѣдованія нѣкоторыхъ преступленій и т. п.; правительство преслѣдуетъ только такія преступленія, которыя направлены про-

тивъ самого государства. За немногими изъятіями всякое преступленіе составляетъ предметъ частнаго обвиненія, то есть полноправные граждане выступаютъ истцами въ уголовныхъ дѣлахъ, ради не однихъ своихъ личныхъ интересовъ, но главнѣе и прежде всего интересовъ общества, какъ общественные обвинители. Такимъ образомъ частное, добровольное обвиненіе становится главнымъ правиломъ, какъ изъятіе является оффиціальное, обязательное обвиненіе. Правительство имѣетъ своихъ органовъ для уголовнаго иска, но не вытѣсняетъ частныхъ обвинителей, а напротивъ само ограничивается предъявленіемъ исковъ только по преступленіямъ имѣющимъ тотъ или другой близкій ему интересъ и часто беретъ для преслѣдованія ихъ частныхъ адвокатовъ. Уголовный искъ ни частнаго лица, ни правительственнаго представителя не имѣютъ никакихъ особыхъ преимуществъ, ни сами по себѣ, ни во взаимномъ отношеніи ихъ другъ къ другу; напротивъ какъ тотъ, такъ и другой принимаются только тогда, когда уже имѣютъ достаточныя основанія, повѣрка которыхъ предоставлена исключительно суду. Уголовный искъ занимаетъ самостоятельное мѣсто въ уголовномъ судопроизводствѣ, не подчиняется другимъ частямъ его, хотя и не подчиняетъ ихъ себѣ. Такими свойствами обладаетъ уголовный искъ въ немногихъ странахъ, гдѣ по особенному строю общественной жизни, основныя начала правосудія развиваются съ изумительною послѣдовательностью, не смотря на частныя измѣненія, таковы Англія и Сѣверо-Американскіе Штаты. Еще особенная черта уголовнаго правосудія этихъ сторонъ, что уголовный искъ совершенно отдѣляется отъ гражданскаго, — ищущаго денежнаго вознагражденія за вредъ и убытки отъ преступленія; не признаютъ удобнымъ сливать съ общественнымъ и нравственнымъ интересомъ интересъ частный и имущественный. Послѣдній имѣетъ мѣсто только въ чисто гражданскомъ искѣ предъ гражданскимъ судомъ.

Въ другихъ государствахъ гражданскій союзъ не достигъ такого полнаго развитія, личность не нашла себѣ столь са-

мостоятельнаго положенія въ обществѣ, когда сталъ укладываться государственный строй: она, истощивъ свои силы и средства въ порывахъ и натугахъ, оказалась на заднемъ планѣ, одолѣли другія силы, боровшіяся не за равенство правъ и личную свободу, а за преимущество, преобладаніе; личность и права ея очутились въ тискахъ власти болѣе или менѣе сильныхъ. Вслѣдствіе этого личность стала относиться равнодушнѣе къ общественному благу, которое подъ свою заботу и охрану взяла власть верховная, сдѣлавшись господствующею силою въ государствѣ. При такомъ положеніи общежитія, преслѣдованіе преступленій становится исключительною принадлежностью правительства, которое учреждаетъ особые органы для веденія уголовнаго иска; частному лицу оставляется самая малая доля участія въ немъ. Пострадавшій отъ преступленія не можетъ самостоятельно вооружиться за общественный интересъ, потрясенный нарушеніемъ, онъ можетъ только жаловаться и просить подлежащую власть объ уголовномъ преслѣдованіи. Характеристическая черта уголовнаго иска заключается въ его преимуществахъ: предъявитель иска и представитель власти, ему поручившей преслѣдованіе, является и высказываетъ себя какъ власть, а не только какъ сторона въ дѣлѣ; поэтому ему дается такое побораюшее оружіе, котораго не можетъ имѣть частное лицо. Уголовный искъ, составляя самостоятельную часть уголовнаго судопроизводства, вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ себѣ въ бо̀льшей, или меньшей степени другія части этого судопроизводства, особенно розыскъ и слѣдствіе. Таковы свойства уголовнаго иска во Франціи и въ другихъ странахъ, перенявшихъ отъ нея уголовно-судебныя формы. Отнявъ у частнаго лица право на предъявленіе уголовнаго иска, законодательство предоставляетъ ему присоединиться къ этому иску въ качествѣ стороны, ищущей вознагражденія за вредъ и убытки; но искъ объ убыткахъ отъ преступленія можетъ быть предъявленъ и особо отъ уголовнаго въ гражданскомъ судѣ.

III. *Ученіе объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ по русскому законодательству.*

§ 11. Наша общественная жизнь образовалась инымъ складомъ, чѣмъ западно-европейская. При переходѣ родоваго быта къ гражданскому общинному союзу, у насъ не доставало той внутренней связи отдѣльныхъ членовъ съ союзомъ, которая даетъ ему поддержку, оживляетъ и окрѣпляетъ его. Только при этой связи возможно прочное и самостоятельное развитіе личности и ея правъ, только при этомъ условіи правильно устраивается общественный бытъ и порядокъ; а отъ него много зависитъ и устройство уголовнаго правосудія. Само собою разумѣется, что при такой разобщенности не могло быть другаго преслѣдованія нарушеній, кромѣ преслѣдованія частнаго, въ интересахъ лица пострадавшаго. Этотъ характеръ преслѣдованіе сохраняетъ тѣмъ долѣе, чѣмъ упорнѣе держится частная месть. Господство ея не ослабляется возникновеніемъ общины, она принимаетъ только другой видъ — изъ личной дѣлается кровною и родовою. Самоуправство, поединокъ, судъ Божій, прясяга, жеребій — рѣшители споровъ двухъ враждебныхъ сторонъ, вышедшіе изъ-подъ крова частной мести. Община ограничиваетъ свое участіе въ судебной борьбѣ третейскимъ посредничествомъ; власть правительственная заботится только о судебныхъ пошлинахъ. Истецъ и отвѣтчикъ, — слова постоянно повторяемые древними грамотами, лучше всего знаменуютъ частное свойство уголовнаго преслѣдованія и обвинительную форму суда. Но когда связь родовая пошатнулась, сдѣлалась слишкомъ слабою, и преступленія плодились, не находя истца въ частномъ лицѣ; когда произволъ его въ преслѣдованіи сдѣлался опаснымъ для общежитія, тогда сама община является помощницею въ преслѣдованіи по крайней мѣрѣ по важнѣйшимъ преступленіямъ, принимая на себя обязанность розыскивать и выдавать преступниковъ, независимо отъ требованія частнаго лица. Съ большимъ усиліемъ правительственной власти, она мало по малу стала брать въ свои руки

преслѣдованіе преступленій и для этой цѣли воспользовалась готовыми орудіями, оказавшимися въ наличности въ самой общинѣ, — сыщиками ея. Этимъ сыщикамъ, названнымъ губными старостами Іоаннъ Грозный поручаетъ розыскивать лихихъ людей и доведши на нихъ преступленіе представлять суду.

Между тѣмъ общежитіе стало принимать новыя формы— государственныя. Община не успѣла окрѣпнуть; стремленіе ея къ самобытности было поглощено государственнымъ устройствомъ, старавшимся сплотить воедино разрозненныя части, общинныя единицы. Собираніемъ русскихъ силъ въ одно цѣлое заняты были московскіе цари, постепенное упроченіе государственнаго порядка сдѣлалось главною заботою ихъ преемниковъ. Этотъ порядокъ былъ укрощеніемъ всякаго личнаго произвола и стремился къ безусловному подчиненію личности государственной власти. Поэтому все, что носило на себѣ печать частнаго вчинанія, уступило мѣсто этой власти, стало ожидать отъ нея направленія и обратилось въ орудіе ея цѣлей. Сообразно съ новыми началами общественной жизни устроилось и преслѣдованіе преступленій: оно было совершеннымъ отрицаніемъ прежней системы. Какъ прежде уголовный искъ принадлежалъ частному лицу, — такъ теперь онъ сдѣлался преимущественно достояніемъ правительства. Время Алексѣя Михайловича для начатія преслѣдованія уже не нуждается въ частномъ истцѣ и не ожидаетъ частной жалобы: «а не будетъ въ смертномъ дѣлѣ челобитчика, а такимъ дѣламъ бываетъ истецъ самъ царь», — говоритъ Котошихинъ. Какъ въ основу общественнаго устройства положено объединеніе, такъ и судебный порядокъ принялъ тоже свойство: одно начало проникало его на сквозь — розыскъ. Судья вѣдаетъ не одно рѣшеніе дѣла, онъ долженъ прежде всего «сыскать допряма», самъ открыть истину посредствомъ сыска, сужденіе и рѣшеніе подводится подъ формы, соотвѣтствующія розыску и только соглашеніе ихъ съ этими формами дѣлаетъ приговоръ правильнымъ. Розыскная система, поглотившая обвиненіе и обратившая всѣ свои усилія на повальный обыскъ о лихихъ людяхъ

и пытку, оказывалась грубымъ полицейскимъ произволомъ, недостигавшимъ цѣли правосудія — правды и истины. Преобразователь Россіи Петръ Великій не могъ оставить судебную расправу въ этомъ положеніи. Поставивъ себѣ задачею водворить правду въ судѣ, онъ нашелъ въ западной Европѣ готовый образецъ правосудія, къ которому розыскъ ближе всего подходилъ. Этотъ образецъ заимствованъ изъ Германіи и состоялъ въ чисто слѣдственномъ процессѣ, въ которомъ послѣдующее законодательство дѣлаетъ нѣкоторыя несущественныя измѣненія. При полномъ отсутствіи обвинительныхъ началъ, какъ въ розыскѣ, такъ и въ слѣдственномъ процессѣ преслѣдованію, уголовному иску не дано самостоятельнаго мѣста, онъ слился съ слѣдствіемъ и даже съ мѣрами полицейскими предупрежденія и пресѣченія преступленій, такъ какъ и то и другое сосредоточилось въ рукахъ полиціи, и съ судомъ. Такимъ образомъ по свойству основной мысли уголовнаго судопроизводства, въ сводѣ законовъ нѣтъ и не можетъ быть рѣчи объ уголовномъ преслѣдованіи, какъ объ отдѣльной части судопроизводства; за сліяніемъ ея съ другими частями не было постановлено точныхъ опредѣленій относительно этой части и формъ ея производства. Впрочемъ въ законахъ лежали зародыши уголовнаго иска и обвиненія, какъ особой отрасли судебной дѣятельности и для веденія иска по нѣкоторымъ дѣламъ установлена особая власть, но безъ подробнаго развитія и надлежащаго примѣненія къ иску формъ судопроизводства, правила о немъ остались только зародышами. Законы содержали въ себѣ прямое указаніе на уголовный искъ, какъ на нѣчто особое и предоставляли его особой власти — прокурорамъ и стряпчимъ. Искъ этотъ распространенъ только на преступленія по которымъ нѣтъ истца, особенно безгласныя (Св. Зак. XV Т. II кн. ст. 61), онъ ограниченъ лишь *обнаруженіемъ свѣдѣній* объ этихъ преступленіяхъ прокурорами и стряпчими въ формѣ доношеній (ст. 63); въ такомъ предварительномъ дѣйствіи по уголовному иску тѣ и другіе стѣснены тѣмъ, что должны предъявлять доношенія и иски только

тогда, когда имѣютъ *на оныя ясныя доказательства* или *сильныя улики* (ст. 64); притомъ губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ предъявляетъ свои доношенія *въ видѣ уголовныхъ исковъ* не иначе, какъ съ *разрѣшенія* губернскаго правленія и по письменному *заключенію* губернскаго прокурора, а уѣздный стряпчій предъявляетъ доношенія свои губернскому прокурору *и производитъ уголовный искъ* не иначе, какъ по его *повелѣнію* и *согласію* (ст. 63). Изъ правилъ объ уголовномъ искѣ видно, что производство его прокурорами и стряпчими состоитъ только въ доставленіи свѣдѣній надлежащему начальству о преступленіяхъ, по которымъ нѣтъ истца, для того чтобы такія преступленія не оставались безгласными; доставленныя прокурорами и стряпчими свѣдѣнія служили поводомъ къ начатію слѣдствія, поэтому правила объ уголовныхъ искахъ помѣщены въ главѣ устава судопроизводства, разбирающей поводы къ слѣдствію. Затѣмъ въ слѣдующихъ главахъ устава ничего объ уголовныхъ искахъ не говорится, потому что для производства его въ томъ смыслѣ, который слѣдуетъ настоящему значенію иска, требующему состязанія, непосредственной дѣятельности двухъ сторонъ, ни въ формальномъ слѣдствіи, ни въ самомъ судѣ не было соотвѣтствующихъ этому смыслу формъ. Законъ упоминаетъ и объ уголовномъ искѣ частнаго лица (ст. 41 — 42), обиженнаго или оскорбленнаго преступленіемъ; этотъ искъ могъ быть предъявляемъ только по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые подлежали вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, не иначе какъ вслѣдствіе жалобы. По общему правилу преслѣдованіе преступленій возбуждалось независимо отъ жалобы частнаго лица; но по означеннымъ преступленіямъ и проступкамъ оно не имѣло мѣста безъ жалобы. И такъ уголовный искъ частнаго лица былъ изъятіемъ изъ общаго правила, что преступленія преслѣдуются по усмотрѣнію должностныхъ лицъ, которыя на это уполномочены правительствомъ, хотя бы со стороны пострадавшаго лица не было изъявлено желаніе искать удовлетворенія; такое исключеніе допущено именно въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ законъ

призналъ нужнымъ преслѣдованіе или только возбужденіе его поставить въ зависимость отъ воли пострадавшаго; которому въ опредѣленныхъ случаяхъ позволилъ мириться съ обидчикомъ. Производство иска со стороны предъявителя его частнаго лица ограничивалось возбужденіемъ его въ жалобѣ; дальнѣйшій ходъ иска отъ него зависѣлъ только въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до приведенія приговора въ исполненіе могъ прекратить искъ по своему произволу. Болѣе подробныя правила находимъ въ сводѣ законовъ относительно иска объ удовлетвореніи за вредъ и убытки отъ преступленія (X т., I ч., ст. 644 — 682, XV т., II кн., ст. 22, примѣч. 40, 234, 237, 353, 384). Искъ этотъ можетъ быть предъявленъ отдѣльно отъ уголовнаго производства въ гражданскомъ судѣ, и тогда онъ подходитъ подъ опредѣленія судопроизводства о гражданскихъ искахъ вообще и о объ особенномъ производствѣ по искамъ объ убыткахъ. Сверхъ того въ примѣчаніи къ 22 ст. XV т., II кн. сказано: «не прекращать по Всемилостивѣйшему манифесту такихъ слѣдствій, кои заключаютъ въ себѣ частные иски и не обращать оныхъ *къ гражданской формѣ*, а оканчивать въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ *тѣмъ же порядкомъ, коимъ тѣ дѣла начаты*. Отсюда нельзя не заключить, что искъ объ убыткахъ отъ преступленія можетъ быть начатъ и въ уголовномъ порядкѣ, на который и намекаетъ указанный законъ. При опредѣленіи порядка слѣдствія и суда уголовнаго говорится о нѣкоторыхъ правахъ истца, которому противополагается другая сторона — отвѣтчикъ (ст. 234, 237, 353, 384 и друг.); это также приводитъ къ заключенію, что совмѣстно съ уголовнымъ дѣломъ можетъ производиться искъ гражданскій объ убыткахъ отъ преступленія. При всемъ томъ, точныхъ правилъ о соединеніи иска объ убыткахъ съ уголовнымъ производствомъ въ сводѣ законовъ нѣтъ.

Обращаясь къ нашей судебной практикѣ нельзя не признать того гибельнаго вліянія, какое видимо отражаютъ на ней неопредѣленность и несостоятельность законовъ объ уголовномъ преслѣдованіи. Плодами розыскной системы, откуда произошли

эти недостатки нашего законодательства, оказались безнаказанность преступленій и запутанность въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Преслѣдованіе уголовныхъ преступленій есть дѣйствительное осуществленіе права общежитія на охрану тѣхъ благъ, для которыхъ оно устраивается, на ненарушимость и непоколебимую твердость законовъ; это олицетворенное требованіе удовлетворенія за нарушеніе правъ, личное представительство ихъ предъ судомъ; оттого оно въ западно-европейскихъ законодательствахъ поставлено во главу уголовнаго правосудія, какъ мечь его; оттого на немъ препинались и имъ созидались цѣлыя теоріи, оно служитъ пробнымъ камнемъ достоинства уголовнаго судопроизводства извѣстнаго народа. При шаткихъ основахъ его въ сводѣ законовъ, мечь нашего правосудія часто не настигалъ тѣхъ, на кого онъ былъ направленъ, еще чаще бросался въ сторону вмѣсто прямой цѣли и выходило такъ, что при всѣхъ усиліяхъ, виновнаго не было открыто: страдалъ интересъ закона, общества, частнаго лица. Частное лицо, не имѣя прямаго участія въ преслѣдованіи и обвиненіи преступника, стало относиться равнодушно къ уголовному правосудію, смотрѣть на него какъ на что-то ему чуждое, постороннее, исполнители его требованій, должностныя лица, не находили никакой поддержки въ стремленіи къ истинѣ, которую напрасно силились открыть. Недостаткомъ видимой стороны обвиненія закрылась и сторона защиты, отъ этого дѣло не получало должнаго направленія и вмѣсто равновѣсія въ борьбѣ двухъ сторонъ оказывалась односторонность, потому что въ законѣ не было яснаго понятія о сторонахъ. Толкованіе и примѣненіе закона относительно иска объ убыткахъ отъ преступленія отличалось разнообразіемъ: одни суды связывали его съ уголовнымъ производствомъ, другіе разъединяли и, не смотря на требованіе истца присудить ему вознагражденіе за вредъ и убытки, вмѣстѣ съ уголовнымъ взысканіемъ, не смотря на очевидность доказательствъ и удовлетворительность данныхъ къ разрѣшенію такого требованія, отсылали его къ гражданскому порядку; гражданскіе суды ссыла-

лись на подсудность этихъ исковъ судамъ уголовнымъ, уголовные — на подсудность гражданскимъ. Отсюда выходило, что одинъ и тотъ же предметъ разбирался два раза, возникала медленность, безнужная проволочка, а иногда и противорѣчіе въ рѣшеніяхъ судовъ уголовнаго и гражданскаго по одному и тому же дѣлу. Отъ столкновенія двухъ подсудностей и различнаго пониманія ихъ лицо потерпѣвшее вредъ и убытки ставилось въ крайне затруднительное положеніе и, не зная, гдѣ и какимъ порядкомъ домогаться удовлетворенія своего интереса, находило болѣе выгоднымъ отказаться отъ него и оставлять преступленіе безъ преслѣдованія, чѣмъ подвергаться потерѣ времени и издержкамъ, при томительно долгомъ хожденіи его дѣла у разныхъ властей и судовъ, чѣмъ обрекать себя на игру въ мячъ, отбрасываемый изъ одного мѣста къ другому. Это служило новымъ поводомъ къ недовѣрію судамъ, къ безнаказанному нарушенію частныхъ правъ, къ умноженію преступленій. Неумѣнье отличать частный интересъ отъ общественаго, гражданское дѣло отъ уголовнаго, усложняло путаницу, происходившую отъ неясности узаконеній объ уголовномъ и гражданскомъ искѣ и распложало переписку; нерѣдко производились уголовныя слѣдствія по дѣламъ, имѣвшимъ чисто гражданскій характеръ, а истецъ заводилъ искъ по сношеніямъ уголовнымъ, суды производили гражданскимъ порядкомъ и рѣшали его прежде начатія уголовнаго производства и дѣла оканчивались уничтоженіемъ всего производства, какъ неправильнаго и незаконнаго.

§ 12. Заставъ въ такомъ неустроенномъ состояніи уголовное преслѣдованіе, судебная реформа разработала эту часть уголовнаго судопроизводства на приличныхъ ему новыхъ основаніяхъ. Признавая причиною и исходною точкою указанныхъ нами недостатковъ главное начало уголовнаго правосудія, ставящее на то или другое мѣсто и положеніе всѣ части его, сообразно съ своимъ существеннымъ характеромъ, реформа признала, что исключительно слѣдственная система не годится для новаго судебнаго порядка и потому и замѣнила

ее другою, смѣшанною съ обвинительными формами. Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаетъ уголовное преслѣдованіе. Выдѣливъ его отъ другихъ вѣтвей судопроизводства, она дала ему самостоятельное значеніе и устройство; само оно раздѣлено на отдѣльныя части, изъ которыхъ каждой указаны опредѣленныя границы и порядокъ производства. Уголовный искъ названъ *судебнымъ преслѣдованіемъ*, въ которомъ различаются обличеніе обвиняемыхъ должностными лицами и частными — въ формѣ частнаго обвиненія; домогательство лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, о матеріальномъ удовлетвореніи его въ связи съ уголовнымъ дѣломъ получило названіе иска *о вознагражденіи за вредъ и убытки*, а лицо предъявившее его—*гражданскаго истца*. Назначивъ преслѣдованію отдѣльную роль, нужно было для выполненія ея учредить особыхъ дѣятелей, какъ представителей интересовъ общества и закона въ уголовномъ искѣ, съ отдѣленіемъ власти и дѣятельности ихъ отъ власти и дѣятельности слѣдователя и суда. Реформа воспользовалась существовавшимъ уже учрежденіемъ прокуроровъ и преобразовала его, согласно съ новыми требованіями: имъ ввѣрено преслѣдованіе преступленій по ихъ должности, съ обвинительною властью. Опредѣляя точнѣе предѣлы судебнаго преслѣдованія, нужно было предварительно освободить его отъ несвойственныхъ ему наростовъ, привитыхъ розыскною системою. Эта система, не умѣвшая отдѣлять одной власти и дѣятельности отъ другой, связала съ судомъ и судебнымъ преслѣдованіемъ администрацію: ея учрежденія, мѣры и распоряженія имѣли большое вліяніе на учрежденіе и дѣятельность суда. Правильныя отношенія ихъ другъ къ другу должны быть таковы, чтобы администрація не вмѣшивалась въ дѣла суда, а судъ ограничивалъ свою дѣятельность предѣлами, ему назначенными. Поэтому признается за основное начало правильнаго устройства суда отдѣленіе его отъ администраціи. Вторженію административной власти, въ особенности полицейской, въ отправленіе уголовнаго правосудія даютъ поводъ мѣры предупрежденія и пресѣченія преступле-

ній. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ полиціи предупреждать преступленія, не допуская ихъ до совершенія, противодѣйствовать и уничтожать поводы и возможность преступленій. Мѣры, которыя употребляетъ полицейская власть съ этою цѣлью, называются мѣрами предупрежденія и пресѣченія преступленій. Онѣ состоятъ въ полицейскомъ надзорѣ за всѣмъ, что можетъ служить поводомъ къ преступленію; для той же цѣли извѣстныя дѣйствія, не заключающія еще по своему свойству ничего преступнаго, но могущія имѣть своимъ послѣдствіемъ преступленія или располагающія къ нимъ, какъ опасныя, запрещаются закономъ, подъ страхомъ наказанія (напримѣръ опасное обращеніе съ огнемъ, противозаконныя сборища). Нѣкоторыя изъ полицейскихъ нарушеній подлежатъ вѣденію суда, другія же относятся къ вѣдомству административныхъ и полицейскихъ властей, которыми въ этомъ случаѣ назначаются и взысканія; такое наложеніе взысканій безъ суда составляетъ также мѣру предупрежденія и пресѣченія преступленій. Эти нарушенія и мѣры изложены частью въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (XIV Т. Свод. Закон.) частью разсѣяны въ другихъ уставахъ и даже въ наказахъ и инструкціяхъ, данныхъ административнымъ начальствамъ. Такимъ образомъ связь администраціи съ судебною частью вытекаетъ изъ того, что 1) та и другая имѣютъ въ виду преступленіе, хотя и смотрятъ на него съ различныхъ сторонъ: судъ взыскиваетъ за преступленія, администрація предупреждаетъ ихъ; 2) администрація, подобно суду, также взыскиваетъ за нарушенія полицейскія, изъ коихъ нѣкоторыя подлежатъ вѣдомству суда; 3) эта связь сдѣлалась у насъ еще тѣснѣе вслѣдствіе прежняго положенія полиціи, преслѣдовавшей всѣ преступленія, производившей слѣдствія о нихъ и даже судъ надъ маловажными преступленіями.

Отдѣляя судъ отъ администраціи и внося въ него обвинительныя начала, нельзя было не положить грани между этими разнородными частями по отношенію къ преслѣдованію преступленій, не смотря на трудность распредѣленія ихъ дѣя-

тельности. Поэтому въ 1 ст. уст. угол. судопр. постановлено «никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ опредѣленномъ правилами сего устава». Для разъясненія этой статьи въ примѣчаніи къ ней сказано: «Къ судебному преслѣдованію не относятся мѣры, принимаемыя полицейскими и другими административными властями для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ въ порядкѣ, установленномъ закономъ». Изъ смысла означенной статьи и поясненія къ ней слѣдуетъ: 1) *преслѣдованіе преступленій* и *проступковъ*, а въ числѣ ихъ и нѣкоторой доли *полицейскихъ нарушеній*, подвѣдомыхъ суду, *принадлежитъ исключительно судебной*, а не административной власти; 2) противозаконныя дѣйствія, запрещаемыя подъ страхомъ наказанія, *налагаемаго судомъ*, какого бы рода они не были, *преслѣдуются* не иначе, какъ *по правиламъ*, изложеннымъ въ *уставѣ уголовнаго судопроизводства*; 3) административная и полицейская власти по этимъ противозаконнымъ дѣйствіямъ не имѣютъ права привлекать кого бы то ни было *къ отвѣтственности за нихъ въ административномъ порядкѣ*, такъ какъ этотъ порядокъ, составляя изъятіе изъ судебнаго, распространяется только на опредѣленныя закономъ полицейскія нарушенія, требующія мѣры предупрежденія и пресѣченія преступленій; 4) полицейскія и другія административныя власти, усмотрѣвъ противозаконныя дѣйствія, подвѣдомыя суду, могутъ сами преслѣдовать только тогда, когда это право именно предоставлено имъ уставомъ уголовнаго судопроизводства и притомъ не иначе какъ въ предѣлахъ, обозначенныхъ правилами этого устава (такъ напримѣръ по 3, 42 и 49 ст. уст. уг. судопр. по преступленіямъ и проступкамъ, подвѣдомымъ мировымъ судьямъ, полицейскимъ и другимъ административнымъ властямъ дано право самимъ вчинать уголовныя дѣла, преслѣдовать и обличать обвиняемыхъ въ нихъ предъ судомъ); за исключеніемъ этихъ случаевъ административныя власти по преслѣдованію должны обращаться

къ тѣмъ должностнымъ лицамъ, которыя уполномочены на судебное преслѣдованіе уставомъ уголовнаго судопроизводства; 5) мѣры предупрежденія преступленій, а въ томъ числѣ и наложеніе административныхъ взысканій безъ суда, составляютъ исключеніе изъ судебнаго порядка и, какъ исключеніе, должны быть опредѣлены самымъ закономъ; по этому полицейскія и другія административныя власти не имѣютъ права прилагать ихъ къ дѣйствіямъ закономъ незапрещеннымъ, или неподвѣдомымъ этимъ властямъ; 6) судебное преслѣдованіе не относится къ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія преступленій и къ тѣмъ дѣйствіямъ, къ которымъ по законамъ прилагаются только такія мѣры; эти мѣры примѣняются самими полицейскими и другими административными властями, но не по произволу этихъ властей, а *въ порядкѣ закономъ установленномъ*.

Выдѣленіе судебнаго преслѣдованія изъ области самого суда также разграничено извѣстными предѣлами. Коренными недостатками уголовнаго судопроизводства по своду законовъ отмѣчены: 1) начатіе слѣдствія по всякому, какимъ бы то ни было образомъ дошедшему до полиціи свѣдѣнію о преступленіи; 2) власть начавшая слѣдствіе, не имѣетъ права прекратить его, хотя бы и не открыла виновнаго или даже удостовѣрилась въ томъ, что происшествіе, давшее поводъ къ слѣдствію не заключаетъ въ себѣ никакого преступленія; 3) судъ разбираетъ и рѣшаетъ уголовныя дѣла безъ всякаго участія сторонъ, то есть сосредоточиваетъ въ себѣ самомъ обвиненіе и защиту подсудимыхъ, разсматриваетъ и разрѣшаетъ даже такія дѣла, по которымъ нѣтъ ни подсудимаго, ни преступленія. Отъ этихъ недостатковъ страдаютъ истина, интересы государства, правительства и частнаго лица: слѣдствія нерѣдко начинаются безъ надлежащаго основанія и не могутъ быть направлены къ одной, ясно опредѣленной цѣли. Однимъ изъ способовъ устраненія этихъ недостатковъ признано отдѣленіе власти обвинительной отъ судебной. Этой власти и предоставлено уголовное преслѣдованіе, а органомъ ея сдѣлано про-

курорское учрежденіе. Въ составъ преслѣдованія принадлежащаго въ самомъ большомъ объемѣ чинамъ прокурорскаго надзора, включены слѣдующія главныя части: 1) возбужденіе уголовныхъ дѣлъ и принятіе мѣръ къ обнаруженію преступленія, и розыску обвиняемаго; 2) надзоръ за производствомъ дознаній и предварительныхъ слѣдствій; 3) обвиненіе предъ судомъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ; 4) обжалованіе судебныхъ приговоровъ и 5) наблюденіе за ихъ исполненіемъ. Законодатель не хотѣлъ ограничить судебнаго преслѣдованія по должности исключительнымъ правомъ на нихъ прокуроровъ. Онъ руководился практическими соображеніями и находилъ, что при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и недостаточныхъ средствахъ сообщенія, исключительное право чиновъ прокурорскаго надзора на уголовное преслѣдованіе повело бы во многихъ случаяхъ къ безнаказанности, такъ какъ во время переписки о возбужденіи преслѣдованія и начатіи слѣдствія могли бы изгладиться или быть скрыты слѣды и доказательства преступленія. Поэтому нѣкоторую долю преслѣдованія преступленій по должности онъ оставилъ за мѣстными полицейскими и другими мѣстными властями, по сообщеніямъ которыхъ слѣдователь приступаетъ къ производству слѣдствія, а мировой судья къ разбирательству, и даже за слѣдователемъ и судьею, когда они въ опредѣленныхъ случаяхъ производятъ слѣдствіе и разбирательство по личному усмотрѣнію.

Независимо отъ судебнаго преслѣдованія *по должности*, во имя закона, въ интересахъ государства и общества, законодатель установилъ преслѣдованіе *частное*, поставивъ его въ зависимость отъ воли лица, потерпѣвшаго отъ преступленія. Основаніемъ къ уголовному иску частнаго лица послужило высказанное 171 ст. уложенія о наказаніяхъ и заимствованное отчасти изъ стараго устава судопроизводства (ст. 41) положеніе, что нѣкоторыя преступленія и проступки подлежатъ вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда не иначе, какъ по жалобѣ обиженнаго или оскорбленнаго лица и что одни преступленія этого рода могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, а другія

не допускаютъ его. Законодатель находилъ, что такія уголовно-частныя преступленія даютъ пострадавшему отъ нихъ неотъемлемое право преслѣдовать ихъ, или не преслѣдовать и потому стѣснять его въ этомъ правѣ никакъ не должно; что эти преступленія касаются интересовъ болѣе частнаго лица, чѣмъ общества и найдутъ въ самомъ обиженномъ лучшаго цѣнителя необходимости и предѣловъ преслѣдованія. По этимъ соображеніямъ признано возможнымъ сдѣлать изъятіе въ пользу частнаго лица изъ общаго правила о преслѣдованіи преступленій во имя закона, въ интересахъ государства. Но передача уголовнаго иска во всемъ его объемѣ частнымъ лицамъ по дѣламъ, подвѣдомымъ мировымъ судьямъ, сдѣлана для всѣхъ преступныхъ дѣяній, отъ которыхъ пострадали частныя лица; а по дѣламъ неподвѣдомымъ мировымъ учрежденіямъ, обвиненіе частными лицами предъ судомъ допущено лишь для тѣхъ преступленій, которыя, начинаясь по жалобѣ частнаго лица, могутъ быть прекращены примиреніемъ; здѣсь имѣетъ мѣсто частное обвиненіе со стороны пострадавшаго отъ преступленія, какъ истца, безъ всякаго участія оффиціальнаго обвинителя — прокурора. Затѣмъ по всѣмъ прочимъ преступленіямъ, за частнымъ лицомъ оставлено только *возбужденіе* уголовнаго иска жалобою, а въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ по уголовному преслѣдованію частное лицо принимаетъ второстепенное участіе во имя своихъ личныхъ интересовъ, самое производство уголовнаго иска, какъ дѣло общественное, отъ него не зависитъ, а входитъ въ кругъ обязанностей оффиціальнаго обвинителя — прокурора.

Искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки основанъ на главныхъ началахъ, содержащихся въ сводѣ законовъ; но начала эти развиты и примѣнены къ новымъ формамъ уголовнаго судопроизводства. Предъявленіе иска о вознагражденіи за убытки отъ преступленія въ уголовномъ или гражданскомъ судѣ оставлено на волю потерпѣвшаго убытки; въ уголовномъ судѣ онъ производится вмѣстѣ съ уголовнымъ искомъ, и гражданскій истецъ признается участвующимъ въ дѣлѣ, не иначе

какъ по требованію его самого, изъявленному въ опредѣленное время.

Вотъ на какихъ основахъ построены нашимъ судебнымъ преобразованіемъ уголовное преслѣдованіе преступленій и искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки. Имѣя въ виду неопредѣленность постановленій свода законовъ, запутанность практики по этимъ предметамъ, важность и новизну по многимъ частямъ ихъ, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи подвергнемъ ихъ подробному разбору, стараясь не разрубать, а развязывать этотъ гордіевъ узелъ нашей практики.

Для разъясненія вопроса о правахъ и обязанностяхъ, соединенныхъ съ уголовнымъ преслѣдованіемъ и искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія, необходимо прежде всего разобрать, какія лица, при какихъ условіяхъ и въ какихъ предѣлахъ пользуются правами уголовнаго преслѣдованія и веденія иска объ убыткахъ. Поэтому въ слѣдующей главѣ будемъ говорить о лицахъ, завѣдывающихъ уголовнымъ преслѣдованіемъ и производящихъ искъ объ убыткахъ.

ГЛАВА II.

О лицахъ, завѣдывающихъ уголовнымъ преслѣдованіемъ и производящихъ искъ объ убыткахъ отъ преступленія.

Раздѣлъ I.

О лицахъ, завѣдывающихъ уголовнымъ преслѣдованіемъ.

I. *Общія понятія объ этомъ предметѣ.*

§ 13. Вопросъ, кто долженъ быть уполномоченъ преслѣдовать преступленія и какими правами долженъ пользоваться преслѣдователь для достиженія своей цѣли, играетъ столь важную роль въ устройствѣ уголовнаго преслѣдованія, что отъ рѣшенія его зависятъ свойства и судьба этой части уголовнаго

правосудія; поэтому неудивительно, что законодательство и наука долго и во всѣхъ частяхъ разработывали его, оставивъ слѣды упорнаго труда въ различныхъ системахъ и ученіяхъ.

Обращаясь къ постепенному развитію этого вопроса, въ связи съ исторіею законодательствъ, прежде всего встрѣчаемъ предоставленіе преслѣдованія исключительно лицу пострадавшему отъ преступленія. Личный интересъ скорѣе всего побуждаетъ искать удовлетворенія за оскорбленіе, обиду, вредъ и убытки причиненные злодѣяніемъ, вооружаетъ потерпѣвшаго ихъ силою негодованія, стремленіемъ найти обидчика и подвергнуть его взысканію. Но преслѣдованіе обидчика обиженнымъ имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что основаніемъ его служитъ личный интересъ, корыстная цѣль, несовмѣстные съ достоинствомъ правосудія. Поэтому исключительное участіе въ преслѣдованіи преступленій лица, пострадавшаго отъ нихъ и его семейства допускается только въ первобытномъ состояніи общежитія, когда преступленіе имѣетъ характеръ частный, личный, когда общественный интересъ слишкомъ слабо сознается и ставится ниже частнаго. Коль скоро общество выходитъ изъ этого состоянія и преступленіе получаетъ значеніе нарушенія общественнаго порядка, тотчасъ ощущается и другая слабая сторона такого преслѣдованія: многія злодѣянія не находятъ преслѣдователей. Одни отказываются отъ этой роли изъ равнодушія къ общему благу, когда оно болѣе задѣто преступленіемъ, чѣмъ личный интересъ; другіе на первыхъ порахъ, пока волнуетъ ими чувство раздраженія или подстрекаетъ благородное стремленіе къ справедливости, готовы на преслѣдованіе; но, сдѣлавъ первоначальный шагъ, отстаютъ отъ него, не хотятъ продолжать безпокойной и трудной обязанности преслѣдователя, поддавшись колебанію, дурно понятой жалости, мнимому великодушію, просьбамъ, нерадѣнію, боязни потерпѣть неудачу съ сильнымъ противникомъ. Однакожъ при всѣхъ недостаткахъ преслѣдованія оскорбленными лицами, имъ не должно пренебрегать, уже потому, что личный интересъ живая естественная сила, которая въ усердіи къ преслѣдованію не можетъ быть сравнена съ

отвлеченною идеею общаго блага и должностной обязанности, нужно только дать этой силѣ надлежащее направленіе въ примѣненіи къ цѣлямъ правосудія. Сколько непригодно это орудіе въ своемъ исключительномъ состояніи, столько же оно полезно въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Такъ оно можетъ быть приложено къ тѣмъ злодѣяніямъ, которыя нарушаютъ прямо частный интересъ и только косвенно падаютъ на общественный и не преслѣдуются самимъ государствомъ, а предоставляются произволу и усмотрѣнію пострадавшихъ отъ противозаконнаго дѣйствія или по незначительности вреда и убытковъ вообще или по маловажности зла для государства, при важности его для частнаго лица, или потому что государство по разнымъ причинамъ находитъ неудобнымъ возбуждать съ своей стороны преслѣдованіе, безъ воли пострадавшаго.

Коль скоро общество достигаетъ извѣстной степени развитія, коль скоро правосудіе укладывается въ опредѣленныя формы, то сознается невозможность оставлять преслѣдованіе въ рукахъ обиженнаго и тѣмъ давать ему власть прощать преступленіе по произволу; общество беретъ расправу съ нимъ въ свое вѣденіе и оказывается настойчивая необходимость въ такомъ лицѣ, которое приняло бы на себя, въ интересахъ общества, обличеніе преступленій и виновности преступника и убѣжденіе суда въ томъ и другомъ; такое лицо называется *преслѣдователемъ преступленія* или *общественнымъ обвинителемъ*. Это можетъ быть сдѣлано двоякимъ способомъ: 1) предоставленіемъ всѣмъ гражданамъ являться обвинителями, 2) установленіемъ особеннаго должностнаго лица для преслѣдованія преступленій.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общественная связь болѣе или менѣе чувствуется каждымъ членомъ общества, что потрясеніе общественнаго порядка отзывается въ извѣстной степени на каждомъ частномъ лицѣ и что всегда найдутся люди, готовые пожертвовать и временемъ и трудами во имя общаго блага, для преслѣдованія интересовъ его, нарушенныхъ беззаконіемъ. На этомъ сродномъ въ большей или мень-

шей мѣрѣ каждому человѣку чувствѣ и стремленіи дорожить общежитіемъ, какъ источникомъ и поддержкою нашего личнаго благосостоянія и безопасности, основана система *добровольнаго частнаго обвиненія*. Достоинство этой системы заключается въ томъ, что здѣсь обвинитель можетъ дѣйствовать самостоятельнѣе, добывая свѣдѣнія о преступленіи и виновникѣ его изъ первыхъ, а не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ: онъ самъ могъ быть очевидцемъ противозаконнаго дѣйствія, находясь вблизи отъ совершенія его, онъ слышалъ всѣ разглашаемыя о немъ подробности отъ самыхъ очевидцевъ, онъ ихъ знаетъ и можетъ вѣрно судить о степени достовѣрности показаній, ему ближе всего извѣстны источники, изъ которыхъ можетъ быть добыта уголовная истина во всей ея наготѣ, простотѣ и несомнѣнности; сдѣлавшись участникомъ въ дѣлѣ, онъ можетъ тѣмъ легче вести борьбу съ обвиняемымъ, чѣмъ живѣе и сильнѣе занимаетъ его преступленіе, чѣмъ болѣе имъ поражены его умъ и чувство связью съ жертвою злодѣянія; важно и то, что при такомъ обвиненіи государство можетъ имѣть много преслѣдователей и обвинителей, не вынуждаясь на издержки. Но и это система въ исключительномъ положеніи имѣетъ свои недостатки. Взявшись за роль обвинителя, нужно пожертвовать услугами, для которыхъ немногіе имѣютъ довольно времени и средствъ. Эта система приложена къ такому состоянію общежитія, умственнаго и нравственнаго развитія народа, при которомъ частныя лица живо сознаютъ себя членами общей государственной семьи и сознаніе объ интересахъ ея сдѣлалось достояніемъ большинства вслѣдствіе участія частныхъ лицъ въ устройствѣ и благосостояніи общественномъ. Наконецъ есть обильный разрядъ преступленій, которыхъ общій вредъ слабо сознается и общая опасность мало замѣчается отдѣльнымъ человѣкомъ, отъ которыхъ убытокъ падаетъ въ большой массѣ на всѣхъ въ совокупности и въ ничтожной долѣ на каждаго въ особенности, напримѣръ контрабанда, присвоеніе и утайка казенныхъ суммъ, нарушенія мало извѣстныхъ служебныхъ обрядовъ и другія.

Слабыя стороны системы частнаго обвиненія побудили къ учрежденію *должностныхъ лицъ*, для которыхъ *преслѣдованіе* преступленій дѣлается *обязательнымъ по долгу службы* въ интересахъ государства, во имя закона. Такія лица обыкновенно назначаются правительствомъ. Эта система имѣетъ ту цѣну, что преступленія не остаются безъ взысканій, потому только что нѣтъ ихъ преслѣдователей, обвинителей: законъ получаетъ надежную охрану, силу и непоколебимость, интересъ общественный и частный всегда находятъ опору въ такомъ взыскателѣ нарушеній ихъ, который стоитъ выше личныхъ расчетовъ, боязни, вражды, владѣетъ достаточными средствами преслѣдовать преступленія и притомъ испытанъ въ этой дѣятельности, приготовленъ къ ней самой службою. Но не смотря на преимущества этой системы, она также страдаетъ своими недостатками, коль скоро ею вытѣснены другіе способы преслѣдованія и обвиненія. Преграждая къ нимъ путь частному обвинителю, должностное лицо дѣлается безграничнымъ обладателемъ уголовнаго иска: отъ него зависитъ начать искъ или нѣтъ, онъ можетъ оставить безъ преслѣдованія беззаконія по своему произволу, которымъ тѣмъ легче увлечься, чѣмъ выше его власть, чѣмъ исключительнѣе его право на уголовный искъ; бездѣйствіе съ его стороны гораздо труднѣе услѣдить и повѣрить начальственнымъ надзоромъ, чѣмъ незаконное дѣйствіе; онъ также человѣкъ, которому слишкомъ трудно удержаться отъ уступокъ вліянію, связямъ и отношенію, а подъ тяжестью этихъ силъ онъ можетъ нанести много вреда и для общества и для частныхъ лицъ, пользуясь своимъ привилегированнымъ положеніемъ. Такое положеніе общаственнаго обвинителя имѣетъ другую пагубную сторону: теряя право на преслѣдованіе преступленій, частный человѣкъ привыкаетъ смотрѣть на общественное зло, какъ на явленіе постороннее для него, нарушеніе собственныхъ интересовъ онъ мѣритъ одними своими личными, матеріальными убытками и смотря на преступленіе съ этой точки зрѣнія, къ возбужденію преслѣдованія его увлекается одною корыстью,

самымъ грубымъ, ограниченнымъ эгоизмомъ и коль скоро не видитъ денежной выгоды, отстаетъ отъ явнаго участія и содѣйствія общественному обвинителю; призывъ къ такому содѣйствію въ качествѣ свидѣтеля, объявителя, свѣдущаго лица, имѣетъ для него значеніе лишь тяжелой повинности, отъ которой освободиться и укрыться онъ употребляетъ всѣ старанія. Ему нѣтъ дѣла до общественныхъ язвъ, до безопасности общественной и личной, до бѣдствій и страданій, причиненныхъ злодѣяніемъ другому лицу и даже до нравственнаго значенія преступленія, обрушившагося надъ нимъ самимъ, коль скоро оно не содержитъ въ себѣ матеріальнаго вреда,— нѣтъ дѣла, потому что отчужденіе отъ преслѣдованія, порученнаго исключительно должностному лицу, пріучило частнаго человѣка держать себя въ сторонѣ отъ вмѣшательства въ общественный интересъ и его вопіющія нужды. Онъ можетъ краснорѣчиво говорить о безнравственности преступленій, о тяжкихъ ударахъ, нанесенныхъ ими извѣстному лицу и общественному порядку, но онъ не тронетъ пальцемъ, когда нужно отстаивать личное и общественное благосостояніе участіемъ въ преслѣдованіи и судѣ. Вывести его изъ такого страдательнаго состоянія, пробудить отъ такого усыпленія нельзя до тѣхъ поръ, пока преслѣдованіе будетъ составлять привилегію должностнаго лица, пока оно будетъ господствовать надъ частнымъ обвиненіемъ и излишнимъ стѣсненіемъ задерживать развитіе послѣдняго. Отдавая уголовный искъ въ полную власть должностному лицу, государство лишаетъ само себя добровольныхъ взыскателей преступленія и сильной поддержки въ борьбѣ съ нарушителями закона. Истецъ по обязанности не столько заинтересованъ въ преслѣдованіи, не такъ воодушевленъ желаніемъ успѣха, не имѣетъ такихъ средствъ и способовъ къ открытію преступленій и виновника его, какъ добровольный обличитель ихъ: первый, вслѣдствіе постояннаго отправленія обязательнаго долга, наклоненъ къ равнодушію и къ выполненію лишь въ такой мѣрѣ, чтобы не подвергнуться порицанію и избѣжать служебной отвѣтственности; послѣдній

не знаетъ этой отвѣтственности и если берется за дѣло, которое рѣшился вести безъ понужденія; по доброй волѣ и на свой страхъ, то прилагаетъ къ нему искреннее рвеніе и напрягаетъ тѣмъ большія усилія, чѣмъ чаще обновляется другимъ лицомъ, чѣмъ больше можетъ полагаться на доступныя нерѣдко ему одному орудія для битвы съ неправдою. Свободное допущеніе добровольнаго обвинителя при должностномъ даетъ возможность пользоваться двумя силами противъ безнаказанности преступленій, опасной для государства, общества и частнаго лица. Отъ различныхъ причинъ укореняются такія преступленія, которыя правительству слишкомъ трудно одолѣть, потому что они выросли на предразсудкахъ, ложныхъ мнѣніяхъ и нравахъ нѣкоторыхъ слоевъ общества. Услѣдить и обличить такія преступленія самому правительству посредствомъ должностныхъ лицъ въ большей части случаевъ нельзя безъ содѣйствія союзниковъ, которыхъ оно могло бы найти въ частныхъ обвинителяхъ, понимающихъ и выносящихъ на себѣ вредъ этихъ преступленій.

Такимъ образомъ соединеніе двухъ системъ, поставленіе частнаго обвиненія въ уровень съ должностнымъ желательно какъ для лучшаго устройства уголовнаго преслѣдованія, такъ и для успѣшнаго развитія общественной самодѣятельности. Конечно отъ большаго или меньшаго развитія ея зависитъ степень приложенія частнаго обвиненія: чѣмъ больше общество привыкло само заниматься своими нуждами, лечить свои недуги своими же врачами, тѣмъ въ большей мѣрѣ можетъ быть допущено и частное обвиненіе. Но съ другой стороны крайнимъ ограниченіемъ частнаго обвиненія общество обрекается на застой и бездѣятельность, отъ которой одно изцѣленіе— постепенное расширеніе правъ частнаго лица на преслѣдованіе и обличеніе преступленій, отнятіе исключительной привилегіи на нихъ отъ должностнаго лица. Дружное соединеніе этихъ двухъ началъ важно для государства и правительства, такъ какъ этимъ путемъ они всего вѣрнѣе достигнутъ своей

цѣли—избавиться отъ безнаказанности преступленій, упрочить ненарушимость закона.

II. *Ученіе иностранныхъ законодательствъ.*

§ 14. Двѣ означенныя системы относительно лицъ преслѣдующихъ преступленія нашли себѣ самое полное примѣненіе въ Англіи и Франціи: въ первой преобладаетъ частное обвиненіе, во второй — преслѣдованіе преступленій должностными лицами; обѣ онѣ нагляднѣе другихъ странъ отразили на себѣ достоинства и недостатки той и другой системы; поэтому знакомство съ законами этихъ странъ весьма поучительно.

Вслѣдствіе особыхъ историческихъ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ раннему и прочному развитію общественной жизни, укрѣпленію политической и гражданской свободы, въ Англіи давно частный человѣкъ привыкъ считать своимъ собственнымъ общественное дѣло, къ участію въ которомъ онъ призванъ и государственнымъ устройствомъ. Поэтому на уголовный судъ и процессъ онъ смотритъ, какъ на могущественное средство къ поддержанію общественнаго порядка, считаетъ себя обязаннымъ содѣйствовать имъ непосредственно своими собственными силами и способами и эту обязанность исполняетъ съ такою же упорною настойчивостью, какою знаменуется вся его общественная дѣятельность. Равенство правъ всѣхъ и каждаго предъ закономъ закрѣпило за англійскимъ уголовнымъ судомъ равенство сторонъ обвинителя и обвиняемаго, отъ котораго онъ ни въ чѣмъ не отступаетъ. Послѣдствіемъ самоуправленія, самозащищенія и равенства всѣхъ предъ судомъ должна была явиться въ преслѣдованіи преступленія система частнаго обвиненія. Преступленіе преслѣдуется отъ имени короля или королевы, то есть отъ имени верховной власти, охраняющей общественное спокойствіе; но, за немногими исключеніями, не иначе какъ по требованію частнаго обвинителя — лица пострадавшаго отъ преступленія, потер-

пѣвшаго убытки, свидѣтеля преступнаго дѣйствія или ихъ повѣренныхъ. Изъятіе изъ этого правила заключается въ томъ, что въ случаѣ убійства особое должностное лицо, избираемое обществомъ и называемое коронеромъ, независимо отъ воли частнаго лица, приступаетъ къ изслѣдованію причины смерти и къ обнаруженію виновнаго. Само правительство имѣетъ своихъ адвокатовъ въ лицѣ генералъ-аторнея и генералъ-солиситора, которые преслѣдуютъ отъ его имени немногія преступленія, направленныя противъ государства; иногда же, когда нѣтъ частнаго обвинителя, правительство преслѣдуетъ и другія преступленія чрезъ адвокатовъ и другихъ своихъ чиновниковъ. Кромѣ этихъ исключеній, уголовный искъ принадлежитъ частному лицу дѣйствующему въ интересахъ общества, а не публичному обвинителю, и частное обвиненіе признается главнымъ началомъ, проникающимъ весь уголовный процессъ. Недостатокъ публичныхъ обвинителей не приноситъ того вреда, какого бы слѣдовало ожидать отъ него, если бы общественный бытъ не сложился такимъ образомъ, что частный человѣкъ пріобрѣлъ навыкъ дорожить и охранять общій интересъ и если бы общественная сила не создавала орудій, помогающихъ тамъ, гдѣ отдѣльное лицо не можетъ или не хочетъ само вести уголовнаго иска. Съ цѣлью преслѣдованія преступленій устраиваются многія общества. Одни изъ нихъ имѣютъ въ виду матеріальный, другія—нравственный интересъ. Такъ напримѣръ владѣльцы лошадей составляютъ общество для преслѣдованія конокрадовъ, есть общества для преслѣдованія соблазнительныхъ сочиненій и картинъ, для преслѣдованія попрошаевъ и обманщиковъ, для предупрежденія обольщенія молодыхъ женщинъ и преслѣдованія сводницъ и соблазнителей, для предупрежденія жестокаго обращенія съ животными; банкиры составляютъ временное общество для открытія поддѣлки кредитныхъ бумагъ, врачи имѣютъ особаго обличителя обмана и невѣжества въ лѣченіи больныхъ, иногда церковный приходъ нанимаетъ адвоката для преслѣдованія преступленій, особенно возбуждающихъ общее вниманіе. За-

ключивъ уголовный искъ въ предѣлы частнаго обвиненія, англійское законодательство отмѣтило его чертами, соотвѣтствующими этой системѣ: 1) обвинитель является въ процессѣ лишь стороною и не можетъ выступать какъ власть; адвокаты самого правительства не пользуются никакими преимуществами; 2) какъ сторона въ дѣлѣ, обвинитель не имѣетъ правъ предоставленныхъ полиціи и слѣдователю и въ раскрытіи истины долженъ дѣйствовать посредствомъ ихъ, а не самъ производить розыски и слѣдствіе; 3) какъ истецъ, обвинитель долженъ явиться въ судъ съ доказательствами: во время производства дѣла, убѣдившись въ невозможности доказать преступленіе, онъ отказывается отъ преслѣдованія; 4) въ качествѣ стороны, обвинитель во всемъ производствѣ дѣла поставленъ въ совершенно равное къ обвиняемому положеніе, равенство сторонъ не стѣсняется ни властью обвинителя и судей, ни порядкомъ, ни формами судопроизводства. Къ этому очерку нужно прибавить, что Англія имѣетъ превосходно устроенную полицію, которая не враждебно относится къ обществу, а служитъ ему всѣми своими способами; такъ что обвинитель находитъ въ ней надежныя средства къ раскрытію вины; полиція сама, наблюдая зорко за всѣми подозрительными лицами и дѣйствіями, принимая мѣры къ пресѣченію зла и открытію слѣдовъ преступленія и виновника его, — обязана выполнять всѣ требованія частнаго лица по этимъ предметамъ и содѣйствовать ему въ розыскѣ. Съ своей стороны частныя лица не уклоняются отъ участія въ уголовномъ дѣлѣ, но охотно помогаютъ ему сообщеніемъ всѣхъ извѣстныхъ имъ свѣдѣній о преступленіи, обвиняемомъ и считая зло отъ нихъ столь же вреднымъ для себя, какъ для общества и для того, кому оно причинено, воспитываясь школою, публичною жизнью, духомъ своихъ учрежденій въ уваженіи къ закону и въ правдивости. Гласность всѣхъ слѣдственныхъ и судебныхъ дѣйствій даетъ новый источникъ и способъ добыть нужныя къ уясненію дѣла свѣдѣнія.

Однакожъ, не смотря на такія великія достоинства част-

наго обвиненія и на вспомогательныя силы, поддерживающія его, все таки довольно чувствуется его слабость именно съ разсматриваемой нами стороны — его одиночества и недостатка публичныхъ обвинителей, которые преслѣдовали бы преступленія по должности, когда нѣтъ частнаго обвинителя. Этотъ недостатокъ болѣе всего ощущается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полиція не такъ дѣятельна, какъ въ Лондонѣ и въ другихъ большихъ городахъ. Тамъ нерѣдко страхъ, неопытность и бѣдность оставляютъ преступленія безъ преслѣдованія; положеніе человѣка безъ знакомства, безъ связей и средствъ, особенно иностранца, слишкомъ тягостно. Поэтому уже давно заявляется желаніе имѣть публичныхъ обвинителей въ адвокатахъ, которые могли бы сами возбуждать уголовные иски, независимо отъ желанія обиженныхъ, и были бы обязаны начинать обвиненіе на общественный счетъ, по требованію судьи, когда онъ извѣщаетъ адвоката о совершившемся преступленіи, или проводить обвиненіе въ судѣ по постановленіи опредѣленія о передачѣ дѣла въ уголовный судъ. Но выражая это мнѣніе объ учрежденіи публичныхъ обвинителей, англичане вовсе не думаютъ о стѣсненіи частнаго обвиненія; напротивъ полагаютъ, что нѣкоторыя преступленія иначе и не должны быть преслѣдуемы какъ частнымъ обвинителемъ и что, въ случаѣ отказа публичнаго обвинителя приводить обвиненіе, оно должно быть оставлено за пострадавшимъ отъ преступленія лицомъ во всякомъ случаѣ. Хотя необходимость учрежденія публичныхъ обвинителей обратила на себя вниманіе правительства и оно сдѣлалось предметомъ обсужденія уголовной коммисіи, но общественный голосъ не говоритъ въ пользу этого учрежденія и отстаиваетъ систему частнаго обвиненія при всей его односторонности. Англичане слишкомъ дорожатъ тѣми выгодами, которыя она даетъ въ замѣнъ недостатка публичныхъ обвинителей, въ особенности равенствомъ положенія обвинителя и обвиняемаго въ уголовномъ процессѣ, которое, по ихъ мнѣнію, можетъ поколебаться съ учрежденіемъ публичныхъ обвинителей. Англичанъ болѣе всего пугаютъ

власть и преимущества, предоставленныя публичнымъ обвинителямъ на материкѣ Европы, двойная роль, которую играютъ они въ уголовномъ судѣ — роль представителя закона и сильнаго чиновника; они опасаются, чтобы эти преимущества не пошатнули равенства боя и оружія двухъ сторонъ предъ судомъ, въ особенности при предварительномъ слѣдствіи, на которое прокуроры обыкновенно имѣютъ огромное вліяніе. Наконецъ англичане, вообще неподатливые на нововведенія, оцѣнивая старый порядокъ по тѣмъ его обезпеченіямъ, которыми нельзя не дорожить, какъ люди практическіе, не упускаютъ изъ виду, что при публичномъ обвиненіи нужны чиновники, требующіе большихъ издержекъ, на которыя рѣшаются они только тогда, когда окажется очевиднымъ, что польза приносимая чиновниками стоитъ израсходованныхъ на нихъ суммъ часто въ большомъ размѣрѣ, потому что Англія признаетъ невыгоднымъ дешево платить за должностной трудъ.

§ 15. Какъ въ Англіи система частнаго обвиненія, такъ во Франціи система публичныхъ обвинителей доведена до крайнихъ предѣловъ. Частное лицо можетъ самостоятельно выступать въ уголовномъ дѣлѣ только въ качествѣ гражданской стороны, отыскивающей вознагражденія за вредъ и убытки; уголовный искъ принадлежитъ исключительно публичному обвинителю, назначенному правительствомъ. Къ нему должны обращаться лица, пострадавшія отъ преступленія, съ жалобами и знающія о совершеніи его съ объявленіями; ни тѣ, ни другія не имѣютъ права на самостоятельное преслѣдованіе преступленія и могутъ дѣйствовать въ уголовномъ искѣ не иначе, какъ чрезъ посредство должностныхъ обвинителей. Франція опутала свою страну цѣлою сѣтью публичныхъ обвинителей, связанныхъ въ одно учрежденіе, называемое *публичнымъ министерствомъ*. Во главѣ его поставленъ министръ юстиціи, а самыми дѣятельными членами являются *прокуроры императорскіе* и *генеральные;* права прокуроровъ по преслѣдованію преступленій раздѣляютъ въ извѣстной степени ихъ помощники и замѣстители (субституты) — административные въ

особенности полицейскіе чиновники разныхъ наименованій; число преслѣдователей нарушеній общественнаго порядка простирается до тысячи человѣкъ. Младшіе чины подчиняются старшимъ, повѣряются ими и въ важнѣйшихъ случаяхъ испрашиваютъ начальственнаго разрѣшенія; императорскіе прокуроры назначаютъ производство слѣдствій съ разрѣшенія генеральныхъ прокуроровъ. Не смотря на постепенность власти и поученіе, члены публичнаго министерства, по крайней мѣрѣ по закону, пользуются независимостью мнѣній, въ силу которой, исполняя предписанія начальства о вчинаніи уголовныхъ исковъ, они могутъ заявлять предъ судебною властью требованія и дѣлать заключенія, сообразныя съ ихъ личными убѣжденіями, свободно высказывать доводы о невинности подсудимаго и въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ добровольно отказаться отъ уголовнаго преслѣдованія.

Чтобы вѣрнѣе понять духъ и свойства прокурорской дѣятельности, нужно обратиться къ происхожденію этого учрежденія и къ тому времени, которое наиболѣе содѣйствовало расширенію его правъ. Прокуроры во Франціи были сначала не болѣе, какъ адвокаты короля и должны были ходатайствовать только по дѣламъ, касавшимся его имѣній; вскорѣ они получили обязанность охранять предъ судомъ его денежные интересы, возникавшіе изъ преступленій, напримѣръ по конфискаціи имѣній. Впослѣдствіи они стали преслѣдовать въ парламентахъ уголовныя преступленія. Какъ чиновники, вполнѣ зависѣвшіе отъ королей, въ борьбѣ послѣднихъ съ парламентомъ, прокуроры проводили королевскія требованія, защищали королевскіе интересы. Съ усиленіемъ власти королей, когда они стали сосредоточивать эту власть въ однихъ рукахъ, прокуроры получаютъ значительную силу и подбираютъ къ себѣ всѣ права на преслѣдованіе преступленій, принадлежавшія прежде судьямъ; въ XVII столѣтіи уже эти права отошли почти во всемъ объемѣ къ прокурорамъ. Въ тоже время, какъ развивалась государственная власть, народная жизнь сжималась болѣе и болѣе и потеряла свободное движеніе: она

замирала подъ гнетомъ политическихъ обстоятельствъ. Частныя лица, не принимая участія въ общественныхъ дѣлахъ, сдѣлались равнодушными къ нимъ. Оттого частное обвиненіе пало и выдвинулось на первое мѣсто преслѣдованіе преступленій должностными лицами, которыя мало помалу совершенно закрыли собою частныхъ обвинителей; обязанные своимъ происхожденіемъ королямъ, прокуроры и въ преслѣдованіе преступленій вносили свое политическое значеніе: въ немъ они служили политическимъ стремленіямъ королей, употреблявшихъ прокуроровъ какъ вѣрное орудіе въ противоборствѣ парламенту и въ политическихъ процессахъ. При такомъ происхожденіи и значеніи, усиливающихъ сами по себѣ власть прокуроровъ болѣе, чѣмъ нужно для уголовнаго преслѣдованія, она, однакожъ, не была такъ велика, какъ нынѣ. Настоящее законодательство объ этомъ учрежденіи вполнѣ установилось наполеоновымъ кодексомъ въ то время, когда послѣ революціонныхъ бурь настало затишье, которымъ умѣли пользоваться къ особенному усиленію власти правительственныхъ чиновниковъ, подъ предлогомъ прекращенія безпорядковъ и охраненія общественной безопасности. Во время законодательныхъ преній объ установленіи прокуроровъ, исходившихъ отъ той мысли, что преслѣдованіе преступленій есть дѣло правительства и его чиновниковъ, обнаружилось стремленіе увеличеніемъ власти ихъ, дать возможность самому быстрому производству предварительныхъ дѣйствій по открытію преступленій и виновниковъ ихъ. Такимъ образомъ главною заботою законодателей была поспѣшность, а не правильность отправленія правосудія. Идя по этой дорогѣ, они не щадили тѣхъ основъ, которыя ограждаютъ безпристрастіе суда, забыли, что для него прежде всего нужна истина, а не открытіе преступника во что бы то ни стало; что правосудіе не есть средство для достиженія другихъ цѣлей, а есть цѣль сама по себѣ. Подъ руководствомъ основной мысли, было признано необходимымъ сдѣлать прокуроровъ участниками въ полицейскомъ розыскѣ, поэтому они включены въ число членовъ судебной полиціи. Наполеонъ настаивалъ даже,

чтобы они были подчинены префекту. Когда зашла рѣчь о кругѣ власти прокуроровъ, то принимавшій самое дѣятельное участіе въ преніяхъ Камбасересъ, не хотѣлъ предоставлять прокурору никакихъ правъ, принадлежащихъ судьѣ и желалъ упрочить независимость слѣдственнаго судьи; напротивъ другія лица, участвовавшія въ законодательномъ трудѣ, настаивали, чтобы дѣятельность прокуроровъ была расширена для ускоренія предварительнаго слѣдствія и для осуществленія плановъ правительства. Напрасно Камбасересъ убѣждалъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ преслѣдователя и слѣдователя опасно, потому что первый не можетъ имѣть безпристрастія, нужнаго послѣднему, что нельзя тому, кто преслѣдуетъ, вручать право составлять протоколы, выслушивать свидѣтелей. Послѣ долгихъ споровъ съ Камбасересомъ выбрали средній путь: сдѣлали различіе между *явнымъ* и неявнымъ преступленіемъ. Только въ первомъ случаѣ прокурору предоставлено производить такія дѣйствія, которыя принадлежатъ слѣдственному судьѣ въ неявныхъ преступленіяхъ. Все это сдѣлано ради ускоренія уголовнаго процесса и чтобы еще болѣе спутать одну власть съ другою не дали точной границы въ опредѣленіи случаевъ явнаго преступленія. Построенное на такомъ фундаментѣ публичное министерство окрещено звучными именами *«единаго и нераздѣльнаго»*, на счетъ значенія которыхъ французскіе юристы несогласны между собою; свойства его правъ и дѣйствій отмѣчены громкими словами «ока правительства и стража законовъ»; а прокуроры, въ ознаменованіе ихъ историческаго происхожденія, какъ бывшіе адвокаты короля, наименованы «императорскими».

При такомъ направленіи законодательства частныя лица не могли удержать за собою правъ по преслѣдованію преступленій; имъ позволено преслѣдовать только свой личный интересъ. Лицо потерпѣвшее убытки можетъ присоединиться къ уголовному иску и домогаться лишь денежнаго вознагражденія. Въ видѣ изъятія, по проступкамъ (délits), за которые полагаются исправительныя наказанія, частный обвинитель мо-

жетъ только возбудить судебное преслѣдованіе вызовомъ въ судъ заподозрѣннаго лица. Весь уголовный искъ, всѣ интересы общества по преслѣдованію преступленій перешли въ исключительное обладаніе публичнаго министерства, которое по своему происхожденію, характеру и направленію дѣятельности, есть органъ правительства, приводящій его требованія по судебной части въ исполненіе. Прокуроръ не только сторона въ дѣлѣ, но прежде и главнѣе всего правительственный чиновникъ съ большою властью, имѣющею вліяніе не на одно преслѣдованіе преступленій, не на одну судебную полицію, къ которой онъ причисленъ, но и на судебную часть, за которою ему предоставленъ надзоръ, онъ не только ведетъ уголовный искъ, возбуждаетъ его, требуетъ судебныхъ дѣйствій, участвуетъ въ нихъ, какъ истецъ, предъявляетъ свои заключенія; но онъ и самъ розыскиваетъ преступленія и виновныхъ, какъ полицейскій чиновникъ, производитъ въ извѣстныхъ случаяхъ слѣдственныя дѣйствія, какъ слѣдователь, дѣйствуетъ въ судѣ не только въ качествѣ публичнаго обвинителя, но и заботится, какъ правительственная власть, объ исполненіи судебныхъ приговоровъ и постановленій суда, особенно распоряженій о вызовѣ къ суду, а также доводитъ до свѣдѣнія суда вновь изданные законы и блюдетъ за исполненіемъ ихъ. Права и кругъ дѣятельности прокуроровъ еще болѣе увеличены закономъ 1863 года. По этому закону они пріобрѣли право на слѣдственныя дѣйствія по проступкамъ (délits) въ случаѣ *явности* совершенія ихъ (flagrant délit) на арестованіе обвиняемаго и отсылку его къ суду по личному ихъ усмотрѣнію.

Какія же послѣдствія такихъ преимуществъ прокурорскаго учрежденія? Кажется, такая сила его должна была бы громить всюду преступленія, содѣйствовать къ уменьшенію ихъ, пресѣкать ихъ совершеніе строгостью преслѣдованія. Но въ 1850 году министръ юстиціи въ отчетѣ своемъ за 25 лѣтъ говоритъ, что преступность возрасла въ ужасающихъ размѣрахъ и что это увеличеніе не могли остановить никакія усилія судебныхъ властей. Выиграла-ли общественная безопасность,

обезпечена-ли она вполнѣ такимъ устройствомъ преслѣдованія отъ безнаказанности преступленій? Практическія данныя приводятъ къ заключенію, что если во Франціи преступленія не избѣгаютъ взысканія, то этимъ она обязана искусству полиціи, которая съ неусыпною дѣятельностью сторожитъ преступленіе, владѣетъ большою ловкостью раскрывать слѣды его и находить виновнаго; но система преслѣдованія и связь прокурора съ полиціею не препятствуетъ ей злоупотреблять своимъ могуществомъ и не исполнять требованій судебныхъ властей. Достаточно-ли ограждена правильность правосудія преимуществами прокурорскаго учрежденія и его неусыпнымъ надзоромъ, какъ стража законовъ? Если вникнуть въ существо учрежденія, то нельзя отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Основы равновѣсія сторонъ до того пошатнулись отъ перевѣса прокурорской власти, что оно недостижимо во Франціи; вопіющее преобладаніе этого перевѣса въ судѣ сдѣлалось предметомъ общихъ порицаній публичнаго министерства, подорвало общественное довѣріе къ нему и такъ рѣзко бросается въ глаза, что приводитъ въ ужасъ Англію всякій разъ, когда ей предлагаютъ ввести публичныхъ обвинителей даже не на французскій манеръ. Тяжелымъ гнетомъ легло публичное министерство на всякое частное стремленіе къ судебному преслѣдованію, своимъ господствомъ подавило общественную самостоятельность. Съ этою живою силою не можетъ сравниться механическая, искусственная, состоящая въ огромномъ числѣ чиновниковъ, систематическимъ уничтоженіемъ этой силы объясняется нравственная распущенность, доведшая до большаго увеличенія въ послѣднее время такихъ преступленій, какъ дѣтоубійство, изнасилованіе и покушеніе на нравственность малолѣтнихъ, до слишкомъ частаго повторенія преступленій лицами, судившимися за нихъ. Общество и частныя лица больше и больше теряютъ желаніе поддерживать правительственныхъ чиновниковъ въ преслѣдованіи преступленій, которыя не имѣя достаточнаго сопротивленія себѣ въ самой средѣ, гдѣ нашли притонъ, развиваются и возрастаютъ. Частныя лица, не поль-

зуясь довѣріемъ правительства, сами проникаются недовѣріемъ къ чиновникамъ его, утрачиваютъ уваженіе къ нимъ и къ закону, для охраненія и поддержки котораго уполномочены одни чиновники. Даже тѣ писатели, которые видятъ весь оплотъ противъ беззаконія въ чиновникахъ, не могутъ скрыть, что значительное увеличеніе оскорбленій чиновниковъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей происходитъ отъ опьяненія властію, жестокости и высокомѣрнаго обращенія ихъ съ частными лицами. Послѣднія не могутъ относиться съ полнымъ довѣріемъ и къ суду, расчитывать на его безпристрастіе, при такомъ преобладаніи публичнаго министерства, которое, являясь стороною въ дѣлѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ господствуетъ надъ судомъ большою властью въ судебныхъ дѣйствіяхъ, стоитъ надъ нимъ, пользуясь правами прокурорскаго надзора.

Безъ сомнѣнія публичное министерство имѣетъ не одни недостатки, но и достоинства: оно обезпечиваетъ въ преслѣдованіи преступленій независимость отъ частнаго произвола и содѣйствуетъ къ скорѣйшему раскрытію преступленій. Но какъ бы ни была велика заслуга этого учрежденія, она далеко не выкупаетъ всѣхъ пагубныхъ послѣдствій его односторонности, его чрезмѣрной власти. Вотъ почему въ послѣднее время французская прокуратура сдѣлалась образцомъ и предметомъ изученія гораздо болѣе въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ отношеніи, то есть какъ образецъ указанія дурныхъ сторонъ, которыхъ слѣдуетъ избѣгать при заимствованіи чужаго учрежденія. Даже тѣ государства, которыя увлекаясь духомъ подражанія, устроили прокуратуру на французскій ладъ, стали мало по малу отступать отъ образца то въ тѣхъ, то въ другихъ частяхъ учрежденія. Духъ рабскаго подражанія бралъ верхъ до тѣхъ поръ, пока не извѣдали и не свели итоговъ практическаго приложенія публичнаго министерства, пока не оцѣнили его историческаго смысла. Публичное министерство запечатлено политическимъ характеромъ, оно понятно и съ своими особенными оттѣнками умѣстно во Франціи, а не въ другихъ странахъ, которыхъ политическое

положеніе и историческое прошлое сложились иначе, ознаменовались иными свойствами и отразили на себѣ иной отпечатокъ.

Изъ этого очерка крайняго развитія двухъ системъ въ Англіи и Франціи нельзя не убѣдиться, что ни частный, ни публичный обвинитель въ обособленіи, въ исключительномъ состояніи не достигаютъ вполнѣ цѣли своего назначенія: ни та, ни другая система въ отдѣльности не представляютъ достаточнаго ручательства въ надежномъ преслѣдованіи преступленій. Въ дѣйствительной жизни всякая крайность, односторонность отзываются такими вредными послѣдствіями, что страждущее этимъ порокомъ учрежденіе, вмѣсто ожидаемаго успѣха, порождаетъ болѣзненное состояніе въ общественномъ организмѣ. Соединеніе той и другой системы, обозначеніе предѣловъ ихъ, степень участія каждой изъ нихъ въ преслѣдованіи преступленій зависятъ отъ историческихъ и народныхъ свойствъ государства, отъ состоянія его общежитія. Умѣнье связать обѣ системы, сообразно съ мѣстными и временными условіями страны, воспользоваться предостереженіями, почерпнутыми изъ долговременнаго опыта другихъ странъ, указаніями науки на счетъ мелей и подводныхъ камней, грозящихъ учрежденію опасностью — есть дѣло законодательной мудрости.

III. *Русское законодательство.*

У насъ, какъ мы уже выяснили, преслѣдованіе преступленій разбилось на отдѣльныя части: оно не принадлежало въ цѣломъ составѣ ни одному учрежденію, куски его находились въ рукахъ полиціи, слѣдователя и суда. Но у насъ и по своду законовъ имѣется учрежденіе, которому свойственно сосредоточить въ себѣ уголовный искъ, это учрежденіе прокуроровъ и стряпчихъ. Въ законахъ содержится и указаніе на такое его качество. Такъ губернскіе прокуроры признаны *взыскателями исполненія узаконеній, наказанія преступленію, а невинности защита* (учрежденія о губерніяхъ 7-го ноября 1775 п. 407), и губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ обязанъ *произ-*

водить жалобу, яко истецъ, по уголовнымъ дѣламъ и преступленіямъ, нарушающимъ законы всякій разъ тамъ, гдѣ истца нѣтъ. Но это назначеніе прокурорскаго учрежденія не получило надлежащаго развитія ни въ самыхъ законахъ, ни въ практическомъ примѣненіи ихъ. Законы не предоставили прокурорамъ и стряпчимъ уголовнаго иска и преслѣдованія во всемъ объемѣ, потому что само судебное преслѣдованіе не было отдѣлено отъ другихъ частей уголовнаго судопроизводства, а сливалось съ ними; безъ кореннаго измѣненія формъ судопроизводства, нельзя было давать другаго направленія прокурорскому учрежденію. Въ практикѣ прокуроръ и стряпчій не могли быть самостоятельными истцами, преслѣдователями и обвинителями, потому что во 1) дѣятельность ихъ въ этомъ отношеніи ограничивалась предъявленіемъ доношеній губернскому правленію, которое они могли просить о назначеніи слѣдствія по доходящимъ до ихъ свѣдѣнія преступленіямъ и только тогда, когда имѣли *ясныя доказательства и сильныя улики* (ст. 63 — 64 свод. зак. XV т. II кн.); 2) они были слишкомъ обременены разнородными обязанностями по надзору за производствомъ дѣлъ не въ однихъ судебныхъ, но и въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ; 3) они не имѣли надлежащихъ средствъ и способовъ преслѣдовать преступленія и проводить обвиненіе, и 4) были поставлены въ зависимое положеніе отъ мѣстной администраціи: вѣдая надзоромъ, они сами были подчинены надзору губернской власти (ст. 2463 примѣч. I, т. II, кн. II), отъ которой зависѣло давать или не давать ходъ даже той малой доли преслѣдованія, которая была въ рукахъ прокуроровъ и стряпчихъ. Такимъ образомъ на практикѣ вся дѣятельность ихъ должна была держаться въ рамкахъ надзора за правильнымъ примѣненіемъ законовъ присутственными мѣстами и должностными лицами.

Еще менѣе значенія могъ имѣть частный обвинитель: по свойству нашего уголовнаго процесса самостоятельнымъ дѣйствіемъ съ его стороны могла быть одна жалоба.

Преобразованіе уголовнаго судопроизводства на новыхъ

началахъ не могло оставить въ такомъ страдательномъ положеніи ни публичныхъ, ни частныхъ обвинителей: имъ даны устройство и дѣятельность, соотвѣтствующія этимъ началамъ.

Старая система уголовнаго судопроизводства, связывая преслѣдованіе преступленій съ иными частями его, не отдѣляла власти обвинительной отъ слѣдственной и судебной. Этотъ недостатокъ гибельно отзывался на уголовныхъ дѣлахъ. Слѣдователь, соединяя въ себѣ несовмѣстимыя обязанности изыскателя уголовной истины, обвинителя и защитника обвиняемыхъ, не могъ безпристрастно выполнять ихъ; а судъ, вмѣшиваясь въ начатіе уголовныхъ дѣлъ, разрѣшая или предписывая слѣдственныя дѣйствія, могъ впередъ составить себѣ понятіе о свойствѣ преступнаго дѣйствія или о винѣ оподозрѣннаго лица и потомъ гнуть подъ такое понятіе свой приговоръ. Уголовная истина отъ соединенія такихъ различныхъ ролей не могла выясниться вполнѣ и получала одностороннее направленіе. Поэтому вмѣстѣ съ отдѣленіемъ уголовнаго иска, нужно было отдѣлить власть обвинительную, преслѣдующую отъ власти слѣдственной и судебной. Вполнѣ сознавая эту необходимость и удовлетворяя потребности имѣть особыхъ лицъ, которыя преслѣдовали бы преступленія по своей должности, правительство признало нужнымъ озаботиться надлежащимъ устройствомъ учрежденія, которому назначена такая важная роль. Для него были уже готовы матеріалы въ учрежденіи прокуроровъ и стряпчихъ; надобно было только приноровить это учрежденіе къ новой, опредѣленной для него дѣятельности. Это учрежденіе получило названіе *прокурорскаго надзора*. Чтобы уяснить его значеніе въ преслѣдованіи преступленій необходимо прежде всего дать понятіе объ устройствѣ его.

А. Устройство прокурорскаго надзора.

§ 17. При каждомъ судебномъ мѣстѣ состоитъ чинъ прокурорскаго надзора, а именно: при каждомъ окружномъ судѣ

и каждой судебной палатѣ находится особый *прокуроръ* и именуется прокуроромъ того окружнаго суда и той судебной палаты, при которой состоитъ; при кассаціонныхъ департаментахъ сената находятся *оберъ-прокуроры*, во главѣ этихъ чиновъ стоитъ *министръ юстиціи* (учрежд. судебн. устан. ст. 8, 124, 125, 127, 128). По обширности обязанностей, прокуроры и оберъ-прокуроры, для содѣйствія въ исполненіи ихъ, имѣютъ одного или нѣсколько *товарищей* (учрежд. судебн. устан. ст. 8, 124, 125, 127).

Такъ какъ прокурорскіе чины состоятъ при судебныхъ мѣстахъ, то это указываетъ на чисто судебный характеръ ихъ дѣятельности, относящійся къ дѣламъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства. По сему въ 135 ст. учрежденія судебныхъ установленій сказано, что предметы занятій лицъ прокурорскаго надзора ограничиваются дѣлами судебнаго вѣдомства, то есть прокурорамъ не присвоено того участія въ дѣлахъ не судебныхъ вѣдомствъ, какое дано было имъ сводомъ законовъ. Для болѣе яснаго обозначенія свойства этой дѣятельности самое учрежденіе названо *прокурорскимъ надзоромъ*. Это названіе дастъ поводъ къ неправильному толкованію дѣятельности и власти прокуроровъ: оно внушаетъ мысль, будто ихъ дѣятельность состоитъ исключительно въ надзорѣ, будто ихъ власть превышаетъ власть судовъ, при которыхъ они находятся, такъ какъ *надзоръ* по своему значенію предполагаетъ такое отношеніе между двумя властями, при которомъ одна — надзирающая стоитъ выше, а другая стоитъ ниже. Подобнаго буквальнаго и невѣрнаго смысла не слѣдуетъ придавать слову прокурорскій надзоръ. Какъ убѣдимся, дѣятельность этого учрежденія не сжата рамками одного надзора, какъ было прежде, власть его не ограничиваетъ независимости и самостоятельности судовъ и прокурорскій надзоръ не грозитъ имъ опасностью; надзоръ этотъ распространяется не на суды и дѣятельность ихъ, а на самое *исполненіе закона*, онъ состоитъ въ наблюденіи за ненарушимостью его.

Поставивъ коренными началами уголовнаго судопроизвод-

ства отдѣленіе судебнаго преслѣдованія отъ слѣдствія и рѣшенія, и судоустройства — отдѣленіе власти обвинительной отъ судебной, преобразованіе, съ предоставленіемъ обвинительной власти чинамъ прокурорскаго надзора, назначило существеннымъ предметомъ ихъ дѣятельности, опредѣляющимъ свойства учрежденія и власти его — уголовное преслѣдованіе преступленій во всемъ объемѣ этого слова, т. е. обнаруженіе преступленій и подозрѣваемыхъ лицъ, возбужденіе начатія слѣдствій, наблюденіе за производствомъ ихъ, обвиненіе предъ судомъ привлеченныхъ къ слѣдствію лицъ и надзоръ за исполненіемъ судебныхъ приговоровъ. Но реформа не ограничила дѣятельности прокуроровъ однимъ судебнымъ преслѣдованіемъ. Дѣлая прокуроровъ органами правительства, установленными для охраненія силы законовъ, она предоставила имъ наблюденіе за точнымъ исполненіемъ законовъ, вслѣдствіе связи преслѣдованія съ наблюденіемъ. Эта обязанность облекаетъ прокуроровъ правомъ надзора и сообразными съ нимъ отношеніями къ судебнымъ властямъ; она присвоиваетъ самому учрежденію названіе прокурорскаго надзора. Постоянное наблюденіе за выполненіемъ закона и преслѣдованіе нарушеній его даетъ доступъ къ оцѣнкѣ практическаго примѣненія закона; поэтому къ обязанностямъ прокуроровъ отнесено и возбужденіе законодательныхъ вопросовъ по судебному вѣдомству. По такимъ соображеніямъ основными началами дѣятельность лицъ прокурорскаго надзора выражена въ слѣдующихъ существенныхъ чертахъ: 1) обнаруженіе и преслѣдованіе нарушенія законнаго порядка и требованіе распоряженій къ его возстановленію; 2) предложеніе суду предварительныхъ заключеній по судебнымъ дѣламъ, подчиненнымъ особому ихъ наблюденію уставами гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; 3) наблюденіе за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона и 4) представленіе о поясненіи или дополненіи законовъ, если о томъ возникнутъ недоразумѣнія или вопросы по судебному вѣдомству.

Столь важныя обязанности, соединенныя съ учрежденіемъ

прокурорскаго надзора, повлекли за собою необходимость дать ему такое внутреннее устройство, которое ручалось бы за добросовѣстность и способность къ исполненію этихъ обязанностей, заключало бы въ себѣ условія прочности учрежденія и поставило бы его въ опредѣленныя отношенія, соразмѣрныя съ свойствомъ власти его, безъ превышенія предѣловъ ея.

Первымъ вопросомъ въ устройствѣ учрежденія является вопросъ: какія лица призываются къ отправленію должностей, ему свойственныхъ, какія качества дѣлаютъ ихъ способными къ должностямъ? Вопросъ этотъ такъ важенъ, что отъ него нерѣдко зависитъ удача или неудача самого учрежденія.

Условіями способности къ занятію и отправленію должностей прокурорскаго надзора признаны отчасти общія всѣмъ лицамъ судебнаго вѣдомства, отчасти особенныя, какъ изъятія для этихъ должностей. Къ первымъ относятся:

1) *Русское подданство* (учрежд. суд. уст. ст. 200). Такъ какъ по общему закону кореннымъ условіемъ для службы въ Россіи требуется принадлежность къ русскимъ подданнымъ, то это качество требуется и для судебной службы.

2) *Условія отрицательныя*, препятствующія къ поступленію на службу вообще и по судебному вѣдомству въ особенности: поэтому въ должности судебнаго вѣдомства не могутъ быть назначаемы: а) *состоящіе* подъ *слѣдствіемъ* или *судомъ* за *преступленія* или *проступки*, равно и *подвергшіеся, по судебнымъ приговорамъ*, за противозаконныя дѣянія, *заключенію въ тюрьму* или *иному болѣе строгому наказанію* и тѣ которые, бывъ подъ судомъ за преступленія или проступки, влекущіе за собою такія наказанія, не оправданы судебными приговорами. По общему служебному уставу не допускаются въ гражданскую службу только осужденные къ наказаніямъ, соединеннымъ съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія или же къ исключенію изъ службы. На этомъ основаніи подвергшіеся, по уголовному суду, заключенію въ тюрьмѣ до двухъ лѣтъ, не теряютъ права вступить въ государственную службу, такъ какъ эти наказанія не сопровождаются ни ли-

шеніемъ, ни ограниченіемъ правъ. Между тѣмъ по уложенію о наказаніяхъ заключеніе въ тюрьмѣ, даже безъ ограниченія правъ, назначается за преступленія или проступки, болѣе или менѣе важные. Было бы крайне неблаговидно и неудобно опредѣлять на должности по судебной части, требующей безукоризненной нравственности, людей, содержавшихся цѣлые годы въ заключеніи. Вотъ почему признано нужнымъ воспретить поступленіе на должности по судебному вѣдомству лицамъ, подвергшимся за преступленія заключенію въ тюрьмѣ; б) *исключенные изъ службы по суду* или изъ духовнаго вѣдомства за пороки или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которыми они принадлежатъ; в) *объявленные несостоятельными* должниками и г) *состоящіе подъ опекою* за расточительность (учрежд. суд. устан. ст. 201). Всѣ эти препятствія къ занятію должностей по судебному вѣдомству основаны на томъ главномъ соображеніи, что они даютъ дурное мнѣніе о нравственныхъ качествахъ того лица, за которымъ они оказываются.

3) *Юридическія познанія.* Должности по судебному вѣдомству, а въ числѣ ихъ и прокурорскія, могутъ быть замѣщаемы только лицами, имѣющими аттестаты университетовъ или другихъ высшихъ учебныхъ заведеній объ окончаніи курса наукъ или о выдержаніи экзамена въ этихъ наукахъ или же доказавшими на службѣ свои познаніи по судебной части (учрежд. судебн. уст. ст. 202). Новые судебные уставы открываютъ поприще для самостоятельной дѣятельности въ судахъ членовъ ихъ и лицъ прокурорскаго надзора; сверхъ того обязанности, налагаемыя этими уставами на тѣхъ и другихъ такъ важны, по своему значенію и своимъ послѣдствіямъ для подсудныхъ и подвѣдомыхъ лицъ, что безъ прочнаго юридическаго знанія нельзя отправлять ихъ, не рискуя нанести вредъ дѣлу и тѣмъ, интересовъ которыхъ оно касается, не подвергая опасности само правосудіе утратою уваженія и довѣрія къ нему отъ неумѣнья выполнять его требованія, обряды и формы. Поэтому юридическое образованіе

признано залогомъ успѣха судебной реформы и принято за главное условіе, требуемое отъ должностныхъ лицъ по судебной части какъ основными началами, такъ и судебными уставами. Но какъ бы ни было правильно и необходимо это условіе, оно должно волею неволею подчиниться смягченію по той простой причинѣ, что у насъ весьма мало людей юридически образованныхъ. Ради этой неизбѣжной уступки дѣйствительности, нельзя было не открыть доступа къ должностямъ по судебному вѣдомству тѣмъ изъ нашихъ практиковъ, которые хотя и не посѣщали курса юридическихъ наукъ, но продолжительною службою въ этомъ вѣдомствѣ пріобрѣли основательныя познанія по судебной части. Вотъ почему считаются способными къ отправленію судебной службы и доказавшіе свои познанія самымъ прохожденіемъ ея. Въ законѣ опредѣлены съ точностью сроки *судебной практики*, требуемые для занятія различныхъ должностей по прокурорскому надзору: сроки эти указаны въ 210 ст. учреж. суд. устан. Впрочемъ условіе относительно теоретическихъ и практическихъ познаній должно быть смягчено на первое время особенно для чиновъ прокурорскаго надзора, потому что потребуется значительное число ихъ: такъ для открываемыхъ въ 1866 году только 16 окружныхъ судовъ назначено штатами 84 однихъ товарищей прокуроровъ. Опредѣливъ условія способности къ прокурорскимъ должностямъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и порядокъ замѣщенія ихъ лицами подходящими подъ эти условія, состоящій въ избраніи и назначеніи чиновъ прокурорскаго надзора, и также порядокъ увольненія отъ службы и въ отпускъ и перемѣщенія отправляющихъ должности прокурорскаго надзора.

Исходя отъ того начала, что чины прокурорского надзора подчинены министру юстиціи, какъ главѣ этого учрежденія и требуютъ довѣрія его къ нимъ, законъ предоставилъ избраніе лицъ достойныхъ прокурорскихъ должностей исключительно ему одному; только товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ избираются прокуроромъ судебной палаты, но опредѣленіе и

этихъ чиновъ зависитъ отъ министра юстиціи. Самый порядокъ опредѣленія къ прокурорскимъ должностямъ лица указанъ въ 219, 220, 221 и 222 ст. учреж. суд. уст., въ 224 ст. назначенъ срокъ для явки на дѣйствительную службу; истеченіе этого срока имѣетъ послѣдствіемъ то, что если опредѣленныя къ должностямъ лица не явятся въ срокъ и уважительныхъ причинъ неявки не представятъ, то почитаются отказавшимися отъ принятія должности и увольняются (ст. 228).

Для огражденія независимости и самостоятельности судей основнымъ началомъ ихъ службы признана *несмѣняемость*, состоящая въ томъ, что они не могутъ быть ни перемѣщаемы, ни увольняемы безъ прошенія, т. е. безъ ихъ собственнаго желанія (ст. 243). Но это начало не распространено на чиновъ прокурорскаго надзора, такъ какъ должность ихъ по своему характеру административная, а не судебная и они, какъ правительственные чиновники, состоятъ въ зависимости отъ министра юстиціи. Поэтому ему предоставлено перемѣщать и увольнять чиновъ прокурорскаго надзора по своему непосредственному усмотрѣнію, безъ желанія и прошенія перемѣщаемыхъ и увольняемыхъ (ст. 226, 229, 245). Что же касается до увольненія въ отпускъ, то условія и порядокъ его опредѣлены въ 232, 233 и 234 ст. учрежд. суд. устан.

Дѣятельность судей и прокуроровъ по отправленію правосудія, имѣетъ огромное вліяніе на интересы не только частныхъ лицъ, но и общества, поэтому для государства и правительства очень важно привлеченіе на эти должности и удержаніе на нихъ лицъ вполнѣ достойныхъ; обязанности ихъ такъ велики и трудны, что требуютъ сильнаго умственнаго напряженія и усидчивости занятій болѣе, чѣмъ въ другихъ родахъ службы, нерѣдко сопровождаются значительною тратою здоровья и нравственными потрясеніями, притомъ самый доступъ къ службѣ обставленъ стѣснительными условіями. Этимъ свойствамъ службы должны соотвѣтсвовать и особенныя преимущества ея, безъ которыхъ, если бы и нашлись желающіе принять ее, то или не удовлетворяли бы требуемымъ

отъ нея условіямъ, и не исполняли бы ее какъ слѣдуетъ, или не могли бы продолжать ее. По этимъ соображеніямъ чинамъ прокурорскаго надзора присвоены всѣ права и преимущества, коими пользуются состоящіе въ государственной службѣ, съ тѣми особенностями въ нихъ относительно жалованья, пенсіи, вознагражденія за путевыя издержки и чиновъ, какія признаны возможными для возвышенія прокурорскаго званія, достоинства его и для удовлетворенія хоть въ нѣкоторой степени упомянутымъ условіямъ службы. Служебныя права лицъ прокурорскаго надзора указаны въ учрежденіи судебныхъ установленій ст. 235, 236, 238, 244, 245, 247. Въ опредѣленіи этихъ правъ помѣщено важное правило касающееся не расширенія, а ограниченія ихъ, именно: никто изъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, а въ томъ числѣ и чины прокурорскаго надзора, не вправѣ занимать другой должности, какъ по судебному, такъ и по другому вѣдомству или въ общественной службѣ (ст. 246). На основаніи этого правила даже должность почетнаго мироваго судьи, доступная для другихъ должностей судебнаго вѣдомства, не можетъ быть соединяема съ должностями прокуроровъ и ихъ товарищей (ст. 49). Слѣдующія причины заставили законодателя ввести это запрещеніе въ служебный уставъ судебнаго вѣдомства: 1) по общимъ законамъ о гражданской службѣ, никто не можетъ занимать двухъ или болѣе должностей, а тѣмъ болѣе состоящихъ одна отъ другой въ какой-либо зависимости или подчиненности (свод. зак. т. III ст. 378, 1008); еще болѣе важно допустить такое соединеніе должностей по судебному вѣдомству, потому что разныя обстоятельства побудили ограничиться самымъ числомъ должностныхъ лицъ и слѣдовательно въ этомъ вѣдомствѣ не можетъ быть должностей, исполненіе которыхъ не потребовало бы отъ должностнаго лица всей его дѣятельности и всего времени, которое оно можетъ посвятить службѣ, 2) Нѣтъ вѣдомства или управленія, нѣтъ должностнаго лица, которыя не могутъ быть привлечены къ суду или сами искать суда и потому соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ долж-

ностей по судебному и другому вѣдомствамъ можетъ имѣть то послѣдствіе, что такое лицо, принадлежа къ управленію по какому-либо вѣдомству, можетъ въ тоже время быть судьею, направлять слѣдствіе и обвиненіе въ дѣлѣ, возникшемъ изъ того управленія и слѣдовательно въ дѣлѣ, иногда болѣе или менѣе касающемся его самаго. Желая устроить судъ на прочныхъ началахъ, необходимо избѣгать всего, что можетъ возбуждать подозрѣніе или сомнѣніе на счетъ безпристрастія судей и другихъ лицъ, участвующихъ въ отправленіи суда, дабы не подорвать довѣріе къ суду и вѣру въ правосудіе. 3) Строгое отдѣленіе власти обвинительной отъ судебной не позволило допустить соединеніе въ одномъ лицѣ должности прокурорской съ должностью мироваго судьи, хотя и почетнаго, но имѣющаго въ извѣстныхъ случаяхъ право суда.

Особеннаго вниманія законодателя въ устройствѣ прокурорскаго надзора требовало опредѣленіе отношеній лицъ этого учрежденія какъ между собою, такъ и къ другимъ судебнымъ и несудебнымъ должностямъ, потому что съ тѣмъ или другимъ порѣшеніемъ вопроса связано направленіе прокурорской дѣятельности, характеръ учрежденія, свойствами его отношеній опредѣляется степень власти, кругъ дѣйствій, который принадлежитъ ему по закону и который онъ можетъ усвоить себѣ въ самой жизни, мимо законныхъ постановленій, вслѣдствіе даннаго ему юридическаго положенія.

Главное начало, опредѣляющее взаимныя отношенія чиновъ прокурорскаго надзора, составляетъ *подчиненность*, и притомъ двоякаго рода: младшихъ старшимъ и всѣхъ чиновъ министру юстиціи, какъ генералъ-прокурору. Эта двоякая зависимость прокуроровъ означается слѣдующими предѣлами: а) прокуроры окружныхъ судовъ подчинены прокурорамъ судебныхъ палатъ, а прокуроры судебныхъ палатъ и оберъ-прокуроры кассаціонныхъ департаментовъ сената подчинены министру юстиціи; товарищи прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ дѣйствуютъ подъ руководствомъ тѣхъ прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ, при которыхъ они состоятъ (ст. 129); б) завися другъ отъ друга

непосредственно въ этой постепенности, всѣ чины прокурорскаго надзора подчинены или непосредственно или посредствомъ другихъ высшихъ министру юстиціи и состоятъ подъ его наблюденіемъ (ст. 124). Отсюда вытекаетъ и постепенность той власти, которую проявляютъ чины прокурорскаго надзора одни надъ другими въ своей дѣятельности и въ надзорѣ. Власть эта распредѣлена такъ: министру юстиціи подчинены непосредственно оберъ-прокуроры кассаціоннаго департамента сената и прокуроры судебныхъ палатъ и по наблюденію всѣ чины прокурорскаго надзора; оберъ-прокурорамъ кассаціонныхъ департаментовъ сената подчинены товарищи ихъ; прокурорамъ судебныхъ палатъ подчинены прокуроры окружныхъ судовъ того округа, въ которомъ находится палата и товарищи прокуроровъ окружныхъ судовъ этого округа (ст. 197), прокурорамъ окружныхъ судовъ подчинены состоящіе при нихъ товарищи. Указывая на эту постепенность власти, законъ выясняетъ ее по поводу законодательныхъ вопросовъ возбуждаемыхъ прокурорами и точно указываетъ образъ дѣйствія прокуроровъ въ этомъ случаѣ. Законъ говоритъ: если при рѣшеніи дѣла судомъ обнаружена *неполнота закона* и прокуроръ окружнаго суда признаетъ необходимымъ возбудить *законодательный вопросъ*, то, независимо отъ рѣшенія дѣла судомъ на основаніи уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводствъ, доноситъ о замѣченной неполнотѣ закона прокурору судебной палаты, отъ коего зависитъ представить возбужденный вопросъ на усмотрѣніе министра юстиціи (ст. 136). Изъ этого постановленія видно: а) возбужденіе законодательныхъ вопросовъ принадлежитъ только прокурору окружнаго суда при рѣшеніи дѣла въ немъ; б) прокуроръ долженъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ той власти, отъ которой онъ непосредственно зависитъ, а эта власть съ своей стороны по возбужденному законодательному вопросу представляетъ въ непосредственномъ порядкѣ подчиненія министру юстиціи; в) законодательный вопросъ возбуждается только въ случаѣ явной необходимости новаго закона, когда будетъ усмотрѣна непол-

нота существующаго законнаго постановленія, препятствующаго правильному рѣшенію дѣла въ судѣ; необходимость новаго закона разрѣшается не однимъ прокуроромъ окружнаго суда, но и прокуроромъ судебной палаты, который можетъ и не уважить представленіе о немъ перваго и съ своей стороны о признанной имъ необходимости новаго закона представляетъ министру юстиціи; г) неполнота закона и возбужденный о новомъ законѣ вопросъ не пріостанавливаютъ разрѣшенія судомъ того случая, изъ котораго онъ возникъ и рѣшеніе должно быть постановлено по общему смыслу законовъ (уст. угол. судопр. ст. 12 — 13).

Подчиненность чиновъ прокурорскаго надзора однихъ другимъ и министру юстиціи установлена, какъ видно изъ обсужденія основныхъ началъ, съ тою цѣлью, чтобы придать этому учрежденію *единство дѣйствія* и *власти*. Это свойство состоитъ въ томъ, что всѣ чины прокурорскаго надзора, находясь въ зависимости низшіе отъ высшихъ и всѣ отъ министра юстиціи — генералъ-прокурора, проникаются одинаковымъ направленіемъ и образомъ дѣйствій по отношенію къ порученнымъ имъ обязанностямъ; всѣ они, дѣйствуя во имя закона и въ интересахъ общества, имѣютъ общую дѣятельность, которую раздѣляютъ между собою въ различной мѣрѣ. Одинаковыя свойства дѣятельности связываютъ дѣятелей, которымъ они поручены въ одинъ классъ, въ одно сословіе, въ одну корпорацію, которой члены поддерживаютъ другъ друга и въ своихъ дѣйствіяхъ проявляютъ общій духъ, придающій особенную живучую крѣпость самому учрежденію. Понимая важность этой одушевляющей силы, французское, а по примѣру его и другія законодательства хотѣли придать хоть нѣкоторую степень корпоративности и прокурорскому учрежденію. На такомъ стремленіи къ объединенію чиновъ прокурорскаго надзора и на возбужденіи дѣятельности ихъ основано единство власти и подчиненія; имъ же объясняются нѣкоторыя частныя опредѣленія взаимныхъ отношеній чиновъ прокурорскаго надзора. Такъ каждый прокуроръ можетъ замѣнить

своего товарища въ гражданскомъ и уголовномъ судѣ, принявъ дѣло на свою отвѣтственность (учр. суд. уст. ст. 131). Въ случаѣ болѣзни или отсутствія чиновъ прокурорскаго надзора должность ихъ исправляютъ состоящіе при нихъ товарищи (ст. 132—133).

Зависимость, подчиненность влекутъ за собою необходимость исполнять предписаніе начальства. Желая дать прокурорамъ хоть нѣкоторую долю самостоятельности, законодатель постановилъ, что въ заключеніяхъ, предлагаемыхъ судебнымъ мѣстамъ, они руководствуются лишь своими убѣжденіями и законами (ст. 130).

Внѣшній признакъ подчиненія обнаруживается въ формѣ отношеній чиновъ прокурорскаго надзора между собою. Всѣ прокуроры даютъ своимъ товарищамъ, а прокуроры судебныхъ палатъ, сверхъ того и всѣмъ чинамъ прокурорскаго надзора въ своемъ округѣ, *предписанія* и получаютъ отъ нихъ *представленія*. Члены прокурорскаго надзора равныхъ степеней, а также состоящіе въ различныхъ судебныхъ округахъ сносятся между собою сообщеніями (ст. 197).

Главныя начала, которыми опредѣляются отношенія чиновъ прокурорскаго учрежденія къ другимъ судебнымъ и несудебнымъ мѣстамъ и должностнымъ лицамъ, состоятъ: 1) въ полной независимости отъ нихъ прокуроровъ; 2) въ надзорѣ ихъ по исполненію судебными и полицейскими мѣстами и лицами законныхъ постановленій.

Находясь въ подчиненіи младшіе старшимъ и министру юстиціи, чины прокурорскаго надзора освобождены отъ всякой зависимости предъ другими властями. Поэтому никакое судебное мѣсто, даже надзирающій за всѣми установленіями и должностными лицами судебнаго кассаціонный департаментъ сената, не входитъ непосредственно въ обсужденіе дѣйствій лицъ прокурорскаго надзора, но о неправильныхъ или противозаконныхъ ихъ поступкахъ сообщаютъ высшимъ чинамъ этого надзора или доводятъ до свѣдѣнія министра юстиціи (ст. 249, 252).

Отношенія прокуроровъ къ судамъ требуютъ точнаго уясненія, потому что съ самымъ понятіемъ о прокурорскомъ надзорѣ тотчасъ связываются ложныя представленія на счетъ ограниченія этимъ надзоромъ самостоятельности судовъ. Неправильное пониманіе этихъ отношеній возникло изъ того, что прокурорскому надзору придается, какъ мы выше замѣтили, ошибочный смыслъ. Надзоръ прокуроровъ составляетъ общую обязанность ихъ наблюдать, чтобы законъ не былъ нарушаемъ и въ случаѣ нарушеній принимать мѣры къ востановленію законнаго порядка. Какія же мѣры могутъ быть приняты прокурорами въ отношеніи къ судамъ? Эти мѣры заключаются въ сообщеніи о замѣченныхъ упущеніяхъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства предсѣдателямъ судовъ или же въ донесеніи о нихъ старшимъ прокурорамъ, по порядку подчиненности (ст. 253). Нѣсколько далѣе распространены мѣры, принимаемыя министромъ юстиціи, въ лицѣ котораго сосредоточивается общій надзоръ за мѣстами и должностными лицами судебнаго вѣдомства (ст. 254). Онъ имѣетъ право: а) требовать отъ предсѣдателей судовъ объясненія о причинахъ медленности, накопленія и остановки въ движеніи дѣлъ и предлагать имъ принять мѣры къ отвращенію медленности и проволочки (ст. 255); б) производить ревизію судебныхъ установленій, но самъ лично или чрезъ своего товарища, а обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій поручаетъ членамъ судебныхъ палатъ (ст. 256); в) давать предписанія чинамъ прокурорскаго надзора о принятіи законныхъ мѣръ къ отклоненію нарушенія правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ (ст. 259) и г) возбудить дисциплинарное производство, когда накопленіе дѣлъ и медленность въ движеніи ихъ произошли отъ неисправности самого судебнаго установленія (ст. 258). Такимъ образомъ надзоръ прокуроровъ и министра юстиціи въ отношеніи къ судебнымъ установленіямъ проявляется лишь тогда, когда оказывается нарушеніе законнаго порядка по дѣламъ въ судахъ производимымъ (ст. 135) и ограничивается мѣрами направлен-

ными противъ нарушенія, въ вышеозначенныхъ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Далѣе этихъ предѣловъ надзоръ не идетъ. Подъ предлогомъ надзора прокуроры не могутъ вмѣшиваться въ распоряженія и рѣшенія судовъ: они могутъ только заявлять свои требованія и заключенія, которыя разсматриваются судами. Для устраненія всякаго вліянія на рѣшеніе и опредѣленіе суда и стѣсненія въ ихъ мнѣніяхъ, со стороны чиновъ прокурорскаго надзора, имъ запрещено быть при совѣщаніи судей (ст. 142). Надзоръ прокуроровъ не распространяется на отвѣтственность судей и судебныхъ мѣстъ. Дисциплинарное производство объ отвѣтственности судей и судебныхъ мѣстъ возбуждается только министромъ юстиціи (ст. 258, 272), а не другими чинами прокурорскаго надзора; суды подлежатъ только предостереженіямъ и притомъ не иначе какъ въ порядкѣ дисциплинарнаго производства (ст. 264); внѣ этого порядка можетъ быть сдѣлано предостереженіе или замѣчаніе судебному мѣсту въ цѣломъ его составѣ или въ составѣ присутствія однимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената, а не чинами прокурорскаго надзора (ст. 265).

Этимъ отношеніямъ по надзору прокуроровъ соотвѣтствуетъ и внѣшнее выраженіе ихъ — порядокъ и форма сношеній прокуроровъ съ судебными установленіями. Чины прокурорскаго надзора, состоящіе при судебныхъ мѣстахъ сносятся съ другими судебными посредствомъ находящихся при нихъ прокуроровъ и оберъ-прокуроровъ (ст. 188). Министръ юстиціи сносится съ судебными мѣстами или чрезъ состоящихъ при нихъ чиновъ прокурорскаго надзора или посредствомъ предсѣдателей этихъ мѣстъ (ст. 187). Лица прокурорскаго надзора сносятся съ судебными мѣстами, при которыхъ они состоятъ, предложеніями и отъ нихъ получаютъ сообщенія (ст. 196.)

Прокуроры имѣютъ особыя обязанности по надзору за производствомъ слѣдствій; о нихъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Но и этотъ надзоръ вовсе не подчиняетъ судебнаго слѣдователя прокурору; послѣдній не имѣетъ права ни на какія слѣдственныя дѣйствія (уст. угол. суд. ст. 278); въ

этомъ огромная разница и преимущество нашего прокурорскаго учрежденія предъ французскимъ. По производству дознаній полицейскіе чины подчинены прокурорамъ и ихъ товарищамъ (тамъ же ст. 279); но у насъ чины прокурорскаго надзора не принадлежатъ къ судебной полиціи, какъ во Франціи.

Къ числу условій правильнаго устройства учрежденія относится не только наблюденіе за выполненіемъ свойственныхъ ему обязанностей, но еще болѣе такой порядокъ взысканія за нарушеніе этихъ обязанностей, который достаточно ограждалъ бы общество и частныхъ лицъ отъ злоупотребленій и бездѣйствія должностныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не стѣснялъ бы ихъ дѣятельности въ предѣлахъ закона. Для лицъ прокурорскаго надзора установленъ двоякій порядокъ взысканій: административный и судебный. Такъ какъ эти чины не пользуются правомъ несмѣняемости и вполнѣ зависятъ отъ министра юстиціи, то они подлежатъ дисциплинарнымъ взысканіямъ по непосредственному усмотрѣнію министра юстиціи (учреж. суд. уст. ст. 266). Кромѣ того чины прокурорскаго надзора, какъ и другія должностныя лица судебнаго вѣдомства, подвергаются отвѣтственности въ особомъ порядкѣ дисциплинарнаго производства, установленномъ для служащихъ въ этомъ вѣдомствѣ (ст. 270—284, 286—292, 294). Если же преступленія по должности такъ важны, что превышаютъ мѣру дисциплинарныхъ взысканій (ст. 262, 263), то чины прокурорскаго надзора предаются уголовному суду (уст. угол. суд. ст. 1073, 1075, 1076).

Объясняя устройство прокурорскаго надзора, на сколько знаніе его необходимо для насъ безъ подробностей, которыя имѣютъ мѣсто въ изложеніи судоустройства, мы отмѣтили дѣятельность прокуроровъ въ общихъ чертахъ и притомъ указали на уголовное преслѣдованіе, какъ на главнѣйшій предметъ ихъ занятій. Онъ стоитъ на первомъ планѣ въ опредѣленіи обязанностей чиновъ прокурорскаго надзора по уголовному судо-

производству, въ которыхъ дано имъ несравненно болѣе широкое участіе чѣмъ въ гражданскомъ.

Не смотря на всю широту участія прокуроровъ въ уголовномъ преслѣдованіи, законодатель не отдалъ уголовнаго иска въ исключительное обладаніе ихъ: онъ призвалъ къ уголовному преслѣдованію не однихъ прокуроровъ, но и другихъ должностныхъ лицъ. Распространяя это право на тѣхъ и другихъ, онъ имѣлъ въ виду: 1) увеличить число обличителей нарушеній закона и тѣмъ дать преслѣдованію преступленій большую силу и скорость, чтобы избѣгнуть, по возможности, безнаказанности преступленій; 2) не стѣснять лицъ въ свободномъ пользованіи правомъ преслѣдовать или не преслѣдовать нарушенія ихъ личныхъ интересовъ, когда это право предоставлено имъ по закону (уст. угол. суд. ст. 2).

Къ лицамъ и мѣстамъ, которымъ поручено уголовное преслѣдованіе, за исключеніемъ прокуроровъ, относятся а) *судебныя власти*, аа) мировый судья, бб) судебный слѣдователь (ст. 297 п. 5), вв) судебная палата, гг) кассаціонный департаментъ сената; б) *полицейскія и другія административныя власти* и в) *частныя лица* — оскорбленныя преступленіемъ и потерпѣвшія отъ него вредъ и убытки. Всѣ эти лица не въ одинаковой мѣрѣ пользуются правами преслѣдованія и могутъ примѣнять ихъ не по всѣмъ нарушеніямъ законовъ. Займемся теперь разсмотрѣніемъ, въ какомъ объемѣ принадлежитъ судебное преслѣдованіе каждому разряду этихъ лицъ. Начнемъ съ чиновъ прокурорскаго надзора, которые имѣютъ вѣдомство и права въ бо̀льшихъ предѣлахъ, чѣмъ другіе обличители преступленій.

Б. Участіе чиновъ прокурорскаго надзора въ уголовномъ преслѣдованіи.

§ 18. Основныя положенія высказали главное начало, по которому обнаруженіе и преслѣдованіе всякаго нарушенія законнаго порядка составляетъ обязанность прокуроровъ (основн.

полож. ч. 1 ст. 49). Это начало получило дальнѣйшее развитіе въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства. Въ 3-й статьѣ его сказано: «по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей, преслѣдованіе и обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается на прокуроровъ и ихъ товарищей». Затѣмъ при разсмотрѣніи и утвержденіи проекта, означенная статья получила въ уставѣ уголовнаго судопроизводства такую редакцію: «по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается на прокуроровъ и ихъ товарищей (уст. угол. суд. ст. 4).

Изъ смысла означенныхъ статей проекта и устава уголовнаго судопроизводства явствуетъ: 1) что къ участію въ преслѣдованіи и обличеніи обвиняемыхъ предъ судомъ признаны всѣ прокуроры и ихъ товарищи, 2) что изъ вѣдомства ихъ изъяты дѣла, подвѣдомыя мировымъ судьямъ и 3) что кругъ вѣдомства прокурорской дѣятельности по судебному преслѣдованію ограничивается предѣлами вѣдомства общихъ судебныхъ установленій. Подъ общими судебными установленіями разумѣются общія судебныя мѣста, мѣста, при которыхъ состоятъ прокуроры и ихъ товарищи, а именно: окружные суды, судебныя палаты и кассаціонные департаменты правительствующаго сената (суд. учр. ст. 77, 110, 114, 125, 127). Такимъ образомъ прокуроры и товарищи ихъ по уголовному преслѣдованію вѣдаютъ всѣ дѣла, подвѣдомыя этимъ судебнымъ мѣстамъ. При каждомъ изъ этихъ судовъ состоитъ особый прокуроръ съ товарищами, слѣдовательно, по смыслу 4 ст. устава уголовнаго судопроизводства обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ опредѣляется кругомъ вѣдомства того суда, при которомъ состоятъ прокуроръ и его товарищи; а вѣдомство суда называется подсудностью, означающею отношеніе между судомъ и извѣстными дѣлами и лицами, вслѣдствіе котораго они подчиняются вѣдѣнію опредѣлениаго суда. И такъ вопросъ о вѣдомствѣ чиновъ прокурорскаго надзора всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности сводится къ вопросу о подсудимости

общихъ уголовныхъ судовъ и каждаго суда въ отдѣльности, то есть, чтобы знать какія дѣла и лица подвѣдомы прокурорамъ вообще и тому или другому прокурору, нужно знать, какія дѣла и лица подсудны общимъ уголовнымъ судамъ и тому суду, при которомъ тотъ или другой прокуроръ состоитъ.

Въ законахъ нѣтъ общаго опредѣленія подсудности всѣхъ общихъ уголовныхъ судовъ, она раздѣлена между каждымъ судомъ въ отдѣльности и обозначено отношеніе этихъ судовъ по подсудности между собою и другими особенными судами. По ихъ постепенности и старшинству общіе уголовные суды идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ низшихъ: окружные суды, судебныя палаты и уголовный кассаціонный департаментъ сената. Этому порядку соотвѣтствуетъ и постепенность въ подсудности ихъ: чѣмъ выше судъ, тѣмъ важнѣе дѣла имъ подвѣдомыя.

Подсудность окружныхъ судовъ опредѣлена такъ: въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства имъ подсудны всѣ *уголовныя дѣла, изъятыя* изъ *вѣдомства мировыхъ судей* (уст. угол. суд. ст. 200). Это опредѣленіе еще недаетъ точнаго понятія о подсудности окружнаго суда; оно неточно, потому что не указываетъ на дѣла, подсудныя мировымъ судьямъ и другимъ судамъ, дѣла которыхъ также изъяты изъ подсудности окружнаго суда. Поэтому необходимо обратиться къ опредѣленію подсудности мировыхъ и другихъ судовъ, для разграниченія этой подсудности и подсудности окружнаго суда. Вѣдомству мировыхъ судей подлежатъ проступки, опредѣляемые особымъ уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ этими судьями и съѣздами ихъ и состоящихъ: 1) въ выговорѣ, замѣчаніи и внушеніи, 2) въ денежномъ взысканіи не свыше 300 рублей, 3) въ арестѣ не свыше 3-хъ мѣсяцевъ и 4) въ заключеніи въ тюрьмѣ не свыше одного года (уст. угол. суд. ст. 33). Такимъ образомъ гранью, отдѣляющею подсудность окружныхъ и мировыхъ судовъ, служатъ поступки, содержащіеся въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Но въ этотъ уставъ не вошли нарушенія устава казенныхъ управленій, а также уставовъ о повинно-

стяхъ и о торговлѣ, поэтому до пересмотра этихъ уставовъ велѣно мировымъ судьямъ руководствоваться уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, для опредѣленія взысканій за нарушенія этихъ уставовъ, но не выходя изъ указанныхъ въ 33 ст. предѣловъ власти мировыхъ судей, то есть вѣдомству ихъ подлежатъ такія нарушенія означенныхъ уставовъ, за которыя взысканія не превышаютъ мѣры наказанія, опредѣленной 33 ст. уст. угол. судопр. (примѣчаніе къ этой статьѣ). Но это опредѣленіе мировой подсудности ограничено изъятіемъ изъ нея слѣдующихъ случаевъ: а) когда за проступки, подлежащіе вѣдомству мировыхъ судей, кромѣ наказаній упомянутыхъ въ 33 ст., по закону полагается еще или высылка виновнаго изъ мѣста жительства или запрещеніе производить торговлю или промыселъ или закрытіе торговаго или промышленнаго заведенія; б) когда въ дѣлахъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, искъ о вознагражденіи за причиненные проступкомъ вредъ или убытки превышаетъ 500 рублей. Въ этихъ случаяхъ дѣла относятся къ подсудности не мировыхъ, а окружныхъ судовъ. Наконецъ в) изъ подсудности мировыхъ судей изъяты дѣла, по которымъ обвиняемые сельскіе обыватели подлежатъ отвѣтственности предъ ихъ собственными (волостными) судами (уст. угол. суд. ст. 3 4). Съ другой стороны законъ расширяетъ подсудность мировыхъ судей за предѣлы, указанные 33 ст., прибавляя къ ней дѣла, означенныя въ 171 ст. уложенія о наказаніяхъ, которыя хотя и влекутъ за собою наказанія, болѣе строгія, чѣмъ упомянутыя въ 33 ст. уст. угол. суд., но начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшихъ вредъ или убытки и притомъ могутъ быть прекращаемы примиреніемъ (тамъ же ст. 35). Дѣла этого рода отнесены къ вѣдомству мировыхъ судовъ не для наложенія наказаній, а для примиренія сторонъ. Но коль скоро примиреніе не состоится, мировой судья постановляетъ приговоръ только о тѣхъ проступкахъ, которые влекутъ наказанія, означенныя 33 ст.; а преступленія и проступки, превышающіе эту мѣру наказанія, относятся къ подсудности окружныхъ судовъ, въ случаѣ жела-

нія оскорбленной стороны преслѣдовать преступленіе (тамъ же ст. 5, 120). Такимъ образомъ изъ подсудности окружныхъ судовъ выдѣляются всѣ выше упомянутыя дѣла, подлежащія мировымъ судьямъ, кромѣ нѣкоторыхъ означенныхъ нами случаевъ, относящихся къ подсудности окружныхъ судовъ; эти дѣла какъ подсудныя мировому, а не общему уголовному суду, должны быть исключены и изъ вѣдомства чиновъ прокурорскаго надзора; только товарищъ прокурора окружнаго суда принимаетъ въ нихъ нѣкоторое участіе, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Изъяты изъ подсудности окружныхъ судовъ, хотя и подлежатъ вѣдомству уголовныхъ судовъ: 1) дѣла подсудныя судебной палатѣ. Судебная палата вѣдаетъ въ первой степени суда дѣла двоякаго рода: а) преступленія государственныя, означенныя въ 3-мъ раздѣлѣ уложенія о наказаніяхъ, когда преступленіе заключаетъ въ себѣ отдѣльное злоумышленіе одного или нѣсколькихъ лицъ (тамъ же ст. 1030 п. 1); б) преступленія должностей, когда въ нихъ обвиняются: аа) тѣ чины губернскихъ и государственныхъ учрежденій и служащіе по выборамъ, которые занимаютъ должности отъ восьмаго до пятаго класса включительно; бб) предсѣдатели и члены уѣздныхъ земскихъ управъ и собраній и вв) присяжные засѣдатели, какъ подвѣдомыхъ палатѣ окружныхъ судовъ, такъ и самой палаты за нарушеніе ими обязанностей по званію присяжныхъ засѣдателей (тамъ же ст. 1073). 2) Дѣла, подсудныя кассаціоннымъ департаментамъ сената въ первой степени суда, а именно: преступленія должностей выше пятаго класса, а также предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ, прокуроровъ этихъ палатъ и ихъ товарищей (тамъ же ст. 1075) Изъ преступленій должностей нѣкоторыя подсудны исключительно окружнымъ судамъ, а именно: тѣ изъ нихъ, въ которыхъ обвиняются: а) чины всѣхъ вѣдомствъ, занимающіе должности съ четырнадцатаго до девятаго класса включительно или пользующіеся за урядъ классами этихъ должностей; б) лица, занимающія должности по выборамъ дворянскаго, го-

родскихъ и сельскихъ сословій, коимъ никакого класса не присвоено; в) секретари, помощники секретарей и прочіе чиновники, состоящіе при судебныхъ мѣстахъ, а также судебные пристава, губернскіе и уѣздные нотаріусы, и г) канцелярскіе служители всѣхъ вѣдомствъ, равно должностныя лица волостнаго и сельскаго управленій и нижніе полицейскіе чины (тамъ же ст. 1072).

Кромѣ дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, далеко еще не всѣ подлежатъ вѣдомству общихъ уголовныхъ судовъ; изъ суммы дѣлъ, подвѣдомыхъ этимъ судамъ, должны быть вычтены дѣла особенной подсудности для лицъ, принадлежащихъ къ особымъ вѣдомствамъ: 1) *военной*, которой подлежатъ: а) *воинскіе чины сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ* за всѣ преступныя дѣянія, учиненныя во время состоянія на дѣйствительной службѣ, если они совершили преступленія, не нарушающія законовъ дисциплины и воинской службы, безъ участія лицъ гражданскаго вѣдомства (ст. 219,1236); б) отставные воинскіе чины за преступныя дѣянія, совершенныя во время службы и соединенныя съ нарушеніемъ обязанностей военной службы (ст. 220); в) воинскіе чины, состоящіе въ безсрочномъ отпуску, по запаснымъ войскамъ, въ резервномъ флотѣ и вообще не на дѣйствительной службѣ за преступныя дѣянія, составляющія прямое нарушеніе обязанностей военной службы (ст. 221, 222); г) лица, принадлежащія къ составу войскъ иррегулярныхъ (казачьихъ) аа) за всѣ преступныя дѣянія тамъ, гдѣ нѣтъ общихъ уголовныхъ судовъ, бб) за преступленія, нарушающія обязанности военной службы и тамъ, гдѣ есть эти суды (ст. 223 съ прим.); д) воинскіе чины, не входящіе въ составъ войскъ, а состоящіе по вѣдомствамъ межевому, лѣсному, горному, путей сообщенія, телеграфному и карантинному, за преступныя дѣянія относящіяся къ военной службѣ (ст. 224); е) гражданскіе чины военнаго вѣдомства, сухопутнаго и морскаго за преступленія должностей и нарушеніе правилъ военной дисциплины (ст. 225); ж) всѣ лица гражданскаго вѣдомства, за преступленія въ мѣстахъ, объ-

явленныхъ на военномъ положеніи и за участіе съ лицами военнаго вѣдомства въ преступленіи, касающемся нарушенія воинской дисциплины и военной службы (ст. 226—1246). 2) *Духовной:* дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ уголовныхъ полагается лишь церковное покаяніе или отсылка виновнаго къ духовному суду (ст. 1002). 3) Дѣла, предоставленныя *административному разбирательству* по проступкамъ противъ имущества и доходовъ казны и по нарушеніямъ благоустройства и благочинія и усмотрѣнію начальства по проступкамъ противъ обязанностей службы (ст. 1066, 1124, 1214).

За исключеніемъ означенныхъ дѣлъ, составляющихъ вѣдомство мировыхъ судей, особенной подсудности военной и духовной и разныхъ административныхъ властей, всѣ уголовные случаи подлежатъ общей подсудности; къ ней еще относится подсудность верховнаго уголовнаго суда по общему въ разныхъ краяхъ государства заговору противъ верховной власти или противъ установленнаго законами образа правленія или порядка наслѣдія престола, а также по преступленіямъ должности членовъ государственнаго совѣта и министровъ (ст. 204, 1030 п. 2, 1076). Указанный объемъ общей подсудности и составитъ кругъ вѣдомства чиновъ прокурорскаго надзора по уголовному преслѣдованію; но изъ этого круга должны быть изъяты нѣкоторыя дѣла, подлежащія преслѣдованію другихъ обличителей преступленій, какъ это будетъ объяснено ниже. Теперь нетрудно выдѣлить тѣ доли, которыя принадлежатъ каждому прокурору въ отдѣльности, смотря потому при какомъ общемъ уголовномъ судѣ онъ состоитъ: подсудность этого суда и будетъ кругомъ его вѣдомства. Исключивъ изъ суммы общей подсудности дѣла, подсудныя судебнымъ палатамъ, кассаціоннымъ департаментамъ сената въ первой инстанціи и верховному уголовному суду, получимъ подсудность окружныхъ судовъ и опредѣлимъ кругъ вѣдомства прокурора, состоящаго при окружномъ судѣ; а кругъ вѣдомства прокуроровъ при судебныхъ палатахъ, оберъ-прокурора

уголовнаго департамента сената и министра юстиціи, который въ верховномъ уголовномъ судѣ выполняетъ обязанности прокуроровъ по судебному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 1063—1064) опредѣляется вышеуказанною подсудностью того или другаго изъ этихъ судовъ. Дѣла, подлежащія общей подсудности, дѣлятся на два разряда: одни подлежатъ суду присяжныхъ засѣдателей, другія рѣшаются безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Чертою, разграничивающею тотъ и другой разрядъ дѣлъ, служитъ мѣра наказанія за преступленіе или проступокъ — лишеніе или ограниченіе правъ состоянія: преступленія и проступки, соединенные съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ состоянія подсудны суду присяжныхъ (уст. угол. суд. ст. 201).

Предѣлы, отдѣляющіе подсудности общую, особенную, мировыхъ судей и каждаго суда въ отдѣльности, обозначены такими неточными признаками, что для практики нерѣдко было бы чрезвычайно затруднительно опредѣлить, какой подсудности и какому суду принадлежитъ извѣстный случай. Между тѣмъ подсудность составляетъ ту часть уголовнаго судопроизводства, которая требуетъ всего болѣе опредѣленности: безъ этого свойства подсудности невозможно утвердить прочный порядокъ преслѣдованія преступленій и отправленія суда, отъ запутанности правилъ о подсудности могутъ возникнуть столкновенія и пререканія между судами и разными властями, возбудится сомнѣніе и колебаніе, вредное не только для уваженія къ суду, но и для самаго дѣла: должностныя лица, обязанныя начинать уголовное дѣло, не бывъ увѣрены, что оно подлежитъ ихъ вѣдомству, даже безъ вины и умысла, могутъ оставаться въ бездѣйствіи и ожидать дѣйствія другихъ лицъ, вѣдомству которыхъ признаютъ подлежащимъ сомнительный случай; пока устранится столкновеніе, разрѣшится сомнѣніе, преслѣдованіе, розыскъ и слѣдствіе утратятъ время, весьма дорогое для нихъ на первыхъ порахъ, по совершеніи и обнаруженіи преступленій, важное для собиранія свѣдѣній и доказательствъ по горячимъ слѣдамъ. Чтобы выручить практику

изъ этой бѣды законъ далъ въ руководство нѣкоторыя правила для точнѣйшаго разграниченія подсудностей столь различныхъ судовъ. Относительно *лицъ обвиняемыхъ* законъ постановилъ, если кто-либо обвиняется въ нѣсколькихъ преступленіяхъ или проступкахъ, подсудныхъ разнымъ судамъ низшимъ и высшимъ, то дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подсудно важнѣйшее преступленіе (тамъ же ст. 205); что соучастники судятся въ томъ судѣ, которому подсудны главные виновники или въ вѣдомствѣ коего находится большее число обвиняемыхъ; но если одни соучастники подсудны высшему, а другіе низшему суду, то дѣло о всѣхъ обвиняемыхъ подлежитъ рѣшенію высшаго суда (ст. 207). Въ отношеніи къ различнымъ *наказаніямъ*, которыми законъ угрожаетъ за одно и тоже преступленіе, установлена подсудность того суда, который имѣетъ право присудить строжайшее наказаніе (ст. 206).

Сверхъ того для точнѣйшаго опредѣленія подсудности и для указанія не только извѣстнаго рода и степени судовъ, но и каждаго отдѣльнаго суда извѣстнаго рода и извѣстной степени, установлены особыя подсудности, а именно: 1) *по мѣсту совершенія преступленія.* Это свойство признается главнымъ и ему подчиняются другія опредѣленія подсудности: всякое преступное дѣяніе, *кромѣ случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ* подсудно тому суду, которому подвѣдомо мѣсто, гдѣ оно учинено (ст. 208). Для разъясненія этого правила необходимо знать распредѣленіе судовъ по мѣстности. Каждому окружному суду подвѣдомо нѣсколько уѣздовъ, каждой палатѣ — нѣсколько губерній, а кассаціонные департаменты вѣдаютъ дѣла всего государства; какіе именно уѣзды подвѣдомы тому или другому окружному суду и какія губерніи — той или другой палатѣ опредѣлятся особымъ росписаніемъ (учр. суд. уст. ст. 77, 80, 110, 114) *). И такъ для

*) Въ положеніи о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 1864 года содержится росписаніе уѣздовъ, подлежащихъ вѣдѣнію каждаго изъ 16 окружныхъ судовъ, открываемыхъ въ 1866 году (см. введеніе стр. 116).

означенія, какому окружному суду и какой палатѣ подвѣдомъ данный случай служитъ мѣсто совершенія преступленія. Но совершеніе преступленія можетъ дѣлиться по частямъ. Случай этотъ предвидѣнъ закономъ и имъ предписано, что дѣло подлежитъ суду той мѣстности, въ которой происходили послѣднія преступныя дѣйствія (уст. уг. суд. ст. 210, 215, 216). Если совершено нѣсколько преступленій однимъ лицомъ въ разныхъ мѣстахъ, то указаніемъ подсудности служитъ важность преступленія, то есть дѣло подсудно тому суду, въ мѣстности котораго совершено важнѣйшее преступленіе; если преступленія одинаковой важности, то дѣло подлежитъ тому суду, который ближе къ мѣсту задержанія обвиняемаго (тамъ же ст. 211, 215, 217). Если одно лицо участвовало въ преступныхъ дѣяніяхъ, совершенныхъ другими лицами въ разныхъ мѣстахъ и подсудныхъ разнымъ судамъ, то каждый судъ разсматриваетъ дѣло, ему подвѣдомое по мѣсту совершенія преступленія; но въ отношеніи опредѣленія наказанія участнику въ разныхъ преступленіяхъ, онъ подсуденъ тому суду, который разсматривалъ важнѣйшее его преступленіе (ст. 213). 2) *По мѣсту поимки и задержанія*: бродяги, а также обвиняемые въ преступленіяхъ, совершенныхъ за границею, подсудны суду той мѣстности, гдѣ они пойманы или задержаны. 3) *По мѣсту жительства* или *рожденія*: бродяги, отосланные въ мѣста ихъ родины и побѣга, подсудны судамъ этихъ мѣстъ (ст. 209); той же подсудности подлежатъ обвиняемые въ преступленіяхъ, совершенныхъ за границею, и тамъ задержанные.

Всѣ эти правила о подсудности служатъ руководствомъ для судовъ и для чиновъ прокурорскаго надзора въ опредѣленіи круга ихъ вѣдомства по судебному преслѣдованію, для распредѣленія и разграниченія его между всѣми прокурорами и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Правильность и точность отправленія правосудія требуютъ, чтобы каждый судъ и каждое участвующее въ судебномъ порядкѣ лицо ограничивалось въ своей дѣятельности законными предѣлами подсудности и вѣдомства и не выходило изъ этихъ предѣловъ. Дѣй-

ствительная жизнь такъ плодовита на разнообразные случаи, что, не смотря на подробныя предписанія закона о подсудности, можетъ встрѣтиться сомнѣніе и даже споръ, пререканіе, какому суду подсудно то или другое дѣло. По своду законовъ (Т. XV Ч. 2 ст. 23) разрѣшенія подобнаго сомнѣнія слѣдовало испрашивать у высшаго мѣста по порядку подчиненности; но это испрашиваніе вредно вліяло на ходъ дѣла остановкою его въ производствѣ. Новый уставъ не дозволяетъ представлять высшему суду о разрѣшеніи сомнѣній относительно подсудности, но обязываетъ тотъ судъ, въ которомъ возбудилось сомнѣніе, разрѣшать его по своему усмотрѣнію на основаніи законовъ о подсудности, толкованіе которыхъ въ примѣненіи и составляетъ долгъ суда. Даже и въ томъ случаѣ, если бы возникло уже пререканіе о подсудности, при которомъ разные суды и власти, считая себя въ правѣ разбирать и вѣдать извѣстный случай, вступаютъ въ споръ между собою по этому поводу, — то такое пререканіе не останавливаетъ начатаго производства до *преданія обвиняемаго суду* и *судебнаго разбирательства* (уст. уг. суд. ст. 231, 236). Очевидно, что дѣйствія, рѣшающія участь подсудимаго — преданіе суду и приговоръ должны быть предоставлены тому суду, на счетъ котораго нѣтъ сомнѣнія и спора, что онъ есть настоящій судъ для даннаго случая. Пререканія о подсудности разрѣшаются высшими судами, по порядку въ законѣ установленному (тамъ же ст. 232 — 245). Для устраненія неудобствъ, соединенныхъ съ подсудностью извѣстнаго дѣла тому или другому суду, дозволяется перенесеніе его изъ одного судебнаго округа въ другой (тамъ же ст. 246—248).

Указавъ кругъ вѣдомства чиновъ прокурорскаго надзора по уголовному преслѣдованію и начала, которыя устанавливаютъ каждаго изъ нихъ на опредѣленномъ мѣстѣ дѣйствія, слѣдуетъ разобрать, какими правами они пользуются въ кругѣ ихъ вѣдомства какъ преслѣдователи преступленій, какъ истцы въ уголовномъ дѣлѣ. Эти права отчасти различаются по той постепенности, которая назначена чинамъ прокурорскаго над-

зора старшинствомъ ихъ другъ предъ другомъ. Начнемъ съ младшихъ.

§ 19. Подсудность окружныхъ судовъ распространяется на всѣ противозаконныя дѣйствія и бездѣйствія, подвѣдомыя общей подсудности уголовныхъ судовъ, за исключеніемъ преступленій и проступковъ, подсудныхъ мировымъ судьямъ, судебнымъ палатамъ, кассаціоннымъ департаментамъ сената и верховному уголовному суду. Такимъ образомъ кромѣ мелкихъ проступковъ, преступленій государственныхъ и преступленій должности нѣкоторыхъ гражданскихъ чиновъ, всѣ роды беззаконій общей подсудности находятъ себѣ подсудность въ *окружныхъ судахъ* и уголовное преслѣдованіе въ *прокурорахъ при этомъ судѣ*. Но кругъ ихъ вѣдомства нѣсколько тѣснѣе подсудности окружныхъ судовъ: онъ съуживается *въ цѣломъ объемѣ* уголовнаго иска преступленіями и проступками, предоставленными частнымъ обвинителямъ и въ *нѣкоторой части* дѣйствій по уголовному преслѣдованію нарушеніями закона, доставшимися на долю другихъ преслѣдователей, о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Дѣятельность прокуроровъ по своему существу заключается въ такихъ дѣйствіяхъ, которыми въ общественномъ интересѣ предъявляется и производится въ надлежащемъ судѣ уголовный искъ, направленный къ тому, чтобы совершенное преступленіе не осталось необнаруженнымъ, нераскрытымъ, а виновный въ немъ не избѣжалъ заслуженнаго наказанія. Въ виду такой цѣли прокуроръ заботится, чтобы подвѣдомыя ему нарушенія закона были приведены въ извѣстность, подверглись розысканію и разслѣдованію надлежащими властями, чтобы обвиняемый былъ преданъ суду, чтобы вина его была обличена судомъ со всѣми ея признаками и свойствами, составленъ былъ приговоръ о ней и о наказаніи виновнаго за нее, наконецъ, чтобы этотъ приговоръ былъ исполненъ. Способы и средства, которые принимаетъ прокуроръ для достиженія означенной цѣли и которыми онъ приводитъ въ дѣйствіе свои требованія относительно уголовнаго преслѣдованія,

составляютъ содержаніе правъ его, какъ публичнаго обвинителя. Дѣятельности соотвѣтствуетъ свойство этихъ правъ. Въ уголовномъ преслѣдованіи прокуроръ является какъ истецъ, представляющій въ своемъ лицѣ интересъ общества, ищущаго взысканія за преступленіе. Онъ адвокатъ общества, закономъ поставленный для огражденія его безопасности отъ нарушеній; въ этомъ качествѣ онъ пользуется всѣми правами, какія должна имѣть сторона въ уголовномъ искѣ въ противоположность другой сторонѣ—обвиняемому. Но прокуроръ не есть только сторона въ дѣлѣ: онъ ходатайствуетъ въ немъ не за свой собственный интересъ, онъ дѣйствуетъ въ интересѣ общества, закона. Онъ не имѣетъ того побужденія, которое заставляло бы его служить исключительно личному интересу и клонить свои дѣйствія исключительно въ одну сторону; сверхъ того, онъ не поставленъ въ то положеніе, въ которомъ находится частное лицо, пострадавшее отъ преступленія, оскорбленное имъ: онъ не прямая, а посредственная сторона въ дѣлѣ, онъ не можетъ съ такимъ удобствомъ, какъ это лицо, услѣдить всѣ наружныя примѣты, которыя оставило за собою преступное дѣйствіе, пользоваться тѣмъ запасомъ свѣдѣній, живыхъ фактовъ, какіе доступны непосредственно частному обвинителю, стоящему среди обстоятельствъ, порожденныхъ преступленіемъ, среди впечатлѣній, разсказовъ, имъ произведенныхъ; прокуроръ всего этого слышать и знать не можетъ, потому что большею частью скрытъ своимъ оффиціальнымъ значеніемъ и службою отдаленъ отъ міра, въ которомъ вращаются событія частной жизни, предшествовавшія и послѣдовавшія за преступленіемъ и отъ людей, которымъ извѣстны свѣдѣнія о немъ и о его виновникѣ; онъ получаетъ эти свѣдѣнія посредственно изъ вторыхъ рукъ, отчего цѣна ихъ значительно понижается, возможность добыть ихъ и даже добраться до ихъ источника несравненно затруднительнѣе для него, чѣмъ для частнаго лица. Такимъ положеніемъ прокурора и отношеніемъ его къ преслѣдованію беззаконній объясняется необходимость увеличить

его права за предѣлы, въ которые должно быть поставлено частное обвиненіе, возбуждаемое и поддерживаемое личнымъ интересомъ. Опасеніе отъ расширенія въ нѣкоторой степени правъ прокурора отвращается тѣмъ, что отъ него слѣдуетъ ожидать больше безпристрастія, меньше увлеченія, чѣмъ отъ частнаго обвинителя, онъ выступаетъ въ уголовномъ искѣ предъ судомъ и общественнымъ интересомъ, безъ всякаго участія собственныхъ выгодъ и расчетовъ, заявляетъ свои требованія во имя закона. Такое значеніе прокурора, сглаживая пристрастіе личнаго интереса, даетъ основаніе расчитывать, что его дѣйствія не будутъ перечить главной цѣли уголовнаго процесса — открыть истину, что онъ не станетъ стремиться къ обвиненію во что бы то ни стало, что ему противно содержаніе невиннаго столько же, сколько и оправданіе виновнаго. Кромѣ указанныхъ причинъ и побужденій къ увеличенію правъ и власти прокуроровъ, могутъ ему содѣйствовать и другія: государственное устройство и общественный бытъ страны. Чѣмъ болѣе правительство предоставило себѣ заботы объ общей безопасности, чѣмъ меньше общество освоилось съ самохраненіемъ и съ самоуправленіемъ, чѣмъ слабѣе въ немъ сознаніе необходимости и полезности частнаго обвиненія и взаимнаго дѣйствія частныхъ и должностныхъ лицъ къ раскрытію преступленій, тѣмъ болѣе расширяются права прокуроровъ въ уголовномъ преслѣдованіи. Права ихъ находятся въ зависимости и отъ внѣшнихъ условій, вліяющихъ на скорость и удобства обнаруженія беззаконій: отъ большой или меньшей растянутости страны, населенности, отъ способа сообщеній и наконецъ отъ состоянія полиціи. Но каковы бы ни были причины, побуждающія увеличить права и власть прокуроровъ, во всякомъ случаѣ не должно забывать, что излишество въ этихъ правахъ, неоправдываемое крайнею необходимостью, отзывается слишкомъ большимъ вредомъ на уголовномъ судопроизводствѣ, далеко несоразмѣрнымъ съ пользою прокурорской власти. Нужно оставить въ сторонѣ громкія фразы, которыми украшаетъ

французская юриспруденція свое публичное министерство, какъ напримѣръ «стражъ законовъ» и проч.; нельзя упускать изъ виду, что прокуроръ все таки истецъ, хотя и въ общественномъ интересѣ, что онъ ведетъ споръ, что онъ противополагается другой сторонѣ — обвиняемому, котораго обличаетъ и уличаетъ и что поэтому нельзя безусловно ввѣряться его безпристрастію; такъ какъ трудно расчитывать на сдержанность власти, направленной въ одну сторону, на умѣренное пользованіе правами, данными для защиты интересовъ чьихъ-бы то ни было; словомъ прокуроръ, не смотря на все стараніе придать себѣ спокойный характеръ, по самому существу своей обязанности, долженъ склоняться скорѣе къ обвиненію подсудимаго, нежели къ его оправданію. Эта истина сознана и высказана самими составителями нашихъ судебныхъ уставовъ (объяснит. зап. проек. уст. уг. суд. стр. 239, 249). Если бы вѣра въ прокурорское безпристрастіе была несомнѣнна, то при такомъ понятіи прокурору, какъ «стражу закона», нужно было бы отдать въ руки и вѣсы правосудія — слѣдствіе и судъ; но соединеніе судебныхъ обязанностей съ должностью прокурора для всякаго покажется нелѣпостью, именно потому, что онъ по своей роли не можетъ быть безпристрастнымъ, что ему свойственно быть одностороннимъ. Вотъ почему нужна особенная осторожность и умѣренность въ предоставленіи прокурорамъ правъ по уголовному преслѣдованію, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ ему какъ сторонѣ противоположной обвиняемому. Въ уголовномъ дѣлѣ всего важнѣе истина, а не одностороннее преслѣдованіе; послѣднее должно прежде всего служить ей всѣми своими способами, а не она приносится въ жертву преслѣдованію. Это исходная точка, изъ которой должны вытекать опредѣленія правъ прокурора, ведетъ къ основному началу, руководящему къ установленію правъ обличителя, къ равенству средствъ и орудій обвиненія и защиты такому, чтобы каждому нападенію съ одной стороны соотвѣтствовала полная возможность обороны съ другой. Расширяя слишкомъ далеко

права прокурора, даютъ ему перевѣсъ на счетъ обвиняемаго и равенство борьбы между ними утрачивается, процессъ и уголовная истина страдаютъ односторонностью. Чтобы охранить равенство борьбы и уничтожить вредъ отъ преобладанія прокурора въ уголовномъ преслѣдованіи, нужно, чтобы преимущества его находили отпоръ въ безпристрастіи и самостоятельности другихъ дѣятелей со стороны судебной власти, участвующихъ въ отправленіи уголовнаго правосудія; чтобы права прокурора были обставлены такими оградами, которыя не давали бы ему исключительнаго положенія, преобладанія надъ слѣдственною и судебною властью.

Въ уголовномъ преслѣдованіи различаются слѣдующія части: 1) возбужденіе уголовнаго дѣла требованіемъ производства слѣдствія; 2) наблюденіе за производствомъ слѣдствія; 3) преданіе обвиняемаго суду, то есть предъявленіе обвиненія противъ извѣстнаго лица въ судѣ; 4) состязаніе обвинителя съ обвиняемымъ въ судебномъ слѣдствіи и участіе въ постановленіи приговора заявленіемъ предложеній о виновности подсудимаго и мѣрѣ взысканія съ него; 5) обжалованіе судебныхъ приговоровъ и частныхъ опредѣленій суда; 6) надзоръ за исполненіемъ приговора. Согласно съ различіемъ этихъ частей уголовнаго преслѣдованія, различаются и права прокуровъ въ нашемъ законодательствѣ.

1) Всякій искъ, всякое дѣло начинается предъявленіемъ тѣхъ основаній, по которымъ возможно допустить его производство. Такъ какъ прокуроръ предъявляетъ уголовный искъ во имя закона, въ интересахъ общества, то ему прежде всего необходимы права по отношенію къ собиранію тѣхъ матеріаловъ, отъ которыхъ зависитъ разрѣшеніе вопроса — есть ли достаточное основаніе къ начатію производства, состоящаго въ предварительномъ слѣдствіи. Матеріалы эти могутъ быть собраны или частнымъ путемъ или оффиціальнымъ способомъ посредствомъ полицейскаго дознанія. Отсюда вытекаютъ слѣдующія права прокурора: а) принимать объявленія и жалобы отъ частныхъ лицъ и получать сообщенія полиціи о происше-

ствіяхъ, заключающихъ въ себѣ признаки преступленія (уст. угол. суд. ст. 250, 306); б) требовать негласнаго полицейскаго развѣдыванія о признакахъ преступнаго дѣянія, по свѣдѣніямъ о нихъ, доставленнымъ прокурорамъ (тамъ же ст. 311 — 312); в) получать донесеніе полиціи о передачѣ дознанія судебному слѣдователю (ст. 255); такъ какъ съ передачею этого дознанія можетъ начаться производство слѣдствія, то прокурору важно знать о переходѣ дознанія въ руки слѣдователя, чтобы убѣдиться, есть ли достаточное основаніе къ начатію предварительнаго слѣдствія и слѣдить потомъ за его производствомъ; г) получать сообщенія судебнаго слѣдователя о требованіяхъ производства слѣдствія, которыя онъ признаетъ неподлежащими удовлетворенію по недостатку основаній (ст. 309—310), такъ какъ прокуроръ можетъ съ своей стороны находить нужнымъ и требовать производства слѣдствія (ст. 311); получать сообщенія о начатіи такихъ слѣдствій, о которыхъ прокурору неизвѣстно и которыя подлежатъ его надзору (ст. 263, 313); д) возбуждать уголовныя дѣла требованіемъ начатія слѣдствія по усмотрѣннымъ непосредственно преступленіямъ и признакамъ преступныхъ дѣяній (ст. 311, 314, 513). Вникая въ сущность этихъ правъ прокурора, нельзя не замѣтить, что доставленіе полиціею оффиціальныхъ свѣдѣній о преступленіяхъ и дознаніяхъ о нихъ, а равно сообщеніе судебнаго слѣдователя о слѣдствіяхъ принадлежатъ прокурору, какъ органу обвинительной власти, а не какъ сторонѣ въ дѣлѣ, составляютъ его преимущества, вслѣдствіе того особеннаго положенія, по которому онъ не можетъ такъ удобно пользоваться источниками свѣдѣній о преступленіяхъ, какъ частное лицо.

2) Чины прокурорскаго надзора у насъ не имѣютъ права производить ни слѣдствій, ни отдѣльныхъ слѣдственныхъ дѣйствій (ст. 278): въ этомъ отношеніи наше законодательство осталось вѣрнымъ основному началу отдѣленія обвинительной власти отъ судебной. Но за чинами прокурорскаго надзора оставлены права: а) заявлять требованія по всѣмъ предме-

тамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ; эти требованія обязательны для судебнаго слѣдователя (ст. 278, 280—283, 286), кромѣ требованія о заключеніи обвиняемаго подъ стражу (ст. 285); б) имѣть надзоръ за производствомъ слѣдствія (ст. 278). Вслѣдствіе права надзора прокуроры могутъ присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать на мѣстѣ подлинное производство, (ст. 280) получать увѣдомленія слѣдователя объ основаніяхъ ареста и освобожденія отъ него обвиняемаго (ст. 283—284); и наконецъ, в) прокурорамъ подчинены полицейскіе чины по производству дознаній и содѣйствію въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій (ст. 279, 483); при такой зависимости чиновъ полиціи, прокуроръ имѣетъ право давать имъ предостереженія и предлагать ихъ дѣйствія на разсмотрѣніе суда (ст. 485), для наложенія взысканія въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ такой же зависимости отъ прокурора находятся и судебные врачи относительно исполненія обязанностей ихъ по слѣдствію (ст. 489—490). Кромѣ присутствованія при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и заявленія относящихся къ нимъ требованій, которыя могутъ быть предоставлены и частнымъ лицамъ, какъ обвиняющей сторонѣ въ дѣлѣ, всѣ вышеозначенныя права чиновъ прокурорскаго надзора составляютъ исключительную принадлежность ихъ, какъ органовъ обвинительной власти. Эти права вытекаютъ изъ того основнаго начала, по которому имъ присвоенъ надзоръ за производствомъ слѣдствій: законодатель находилъ, что тотъ, кто преслѣдуетъ преступныя дѣянія, имѣетъ право и наблюдать за дѣйствіями слѣдственной власти, возникающими изъ преслѣдованія, для большей успѣшности его; поэтому предоставилъ чинамъ прокурорскаго надзора, какъ представителямъ правительственной власти по уголовному преслѣдованію, такія права, которыя наиболѣе содѣйствовали бы раскрытію преступленій и виновности. Что же касается подчиненія полиціи и врачей прокурору и привлеченія ихъ къ отвѣтственности въ особомъ порядкѣ, то оно объясняется состояніемъ

нашей полиціи, не имѣвшей до сихъ поръ надлежащаго надзора и отвѣтственности предъ судебными властями за свои дѣйствія по обнаруженію преступленій.

3) Предварительнымъ слѣдствіемъ не заканчивается дѣятельность прокурора; напротивъ это слѣдствіе есть только предварительное изысканіе тѣхъ матеріаловъ, которые служатъ основаніемъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ уголовнаго преслѣдованія, къ обвиненію предъ судомъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію. Коль скоро прокуроръ убѣдится изъ слѣдствія, что привлеченное къ нему лицо основательно подозрѣвается въ преступленіи, то онъ предъявляетъ уже положительное обвиненіе этого лица въ судѣ, привлекаетъ его къ суду. Это привлеченіе выражается въ формѣ обвинительнаго акта. Если же нѣтъ основанія къ обвиненію, то прокуроръ требуетъ прекращенія или пріостановленія дѣла и уголовнаго иска. Изъ этой дѣятельности прокурора истекаютъ слѣдующія его права: а) получать и разсматривать дѣлопроизводство предварительнаго слѣдствія (уст. уг. суд. ст. 478, 479); б) требовать дослѣдованія и дополнительныхъ свѣдѣній, въ случаѣ неполноты слѣдствія (ст. 512); в) предлагать суду или представлять прокурору судебной палаты свои заключенія о прекращеніи или пріостановленіи слѣдствія (ст. 518); г) требовать преданія обвиняемаго суду въ обвинительномъ актѣ (ст. 519, 520, 523).

4) Самый важный моментъ дѣятельности прокурора составляетъ участіе въ судебномъ слѣдствіи. Здѣсь уже онъ играетъ роль обвинителя, состязается съ обвиняемымъ; поэтому онъ самимъ закономъ называется нерѣдко стороною въ дѣлѣ и дѣйствія его наиболѣе соотвѣтствуютъ такому значенію. Чѣмъ ближе подходитъ дѣло къ этому рѣшительному для обѣихъ сторонъ моменту въ ходѣ уголовнаго процесса, тѣмъ болѣе выравниваются ихъ права. Нашъ законъ особенно заботится, чтобы невинный былъ охраненъ отъ неправильнаго приговора, чтобы каждому подсудимому были предоставлены всевозможныя средства къ защитѣ, чтобы права обѣихъ сторонъ были, по возможности, равны, чтобы въ судебномъ пре-

ніи небыло допускаемо никому оскорбительныхъ для другаго отзывовъ, чтобы прокуроръ въ обвинительной рѣчи не представлялъ дѣла въ одностороннемъ видѣ, не преувеличивалъ значенія имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и уликъ или важности разсматриваемаго преступленія, и не поддерживалъ обвиненія, когда оправданія подсудимаго находитъ уважительными, чтобы послѣднее слово принадлежало подсудимому или его защитнику (ст. 611, 612, 630, 739, 740, 748). Въ судебномъ слѣдствіи прокуроръ пользуется слѣдующими правами: а) требовать вызова указанныхъ имъ свидѣтелей (ст. 537); б) отводить по законнымъ причинамъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя суда, вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и просить, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или въ отсутствіи другъ друга; отводить присяжныхъ засѣдателей (ст. в) 656); дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему въ судѣ; г) опровергать доводы и соображенія противной стороны (ст. 630); д) требовать судебнаго слѣдствія не смотря на сдѣланное подсудимымъ признаніе, чтенія протоколовъ объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ и производства новаго осмотра и освидѣтельствованія (ст. 682, 687, 688, 692); е) представлять новыя доказательства (ст. 733—734); ж) участвовать въ заключительныхъ преніяхъ посредствомъ обвинительной рѣчи (ст. 736, 740) и возраженія защитнику подсудимаго (ст. 748); з) дѣлать замѣчанія на вопросы, составленные судомъ относительно постановленія приговора (ст. 762); и) предъявлять заключеніе относительно наказанія и другихъ послѣдствій виновности подсудимаго, признанной присяжными (ст. 820) и участвовать въ преніяхъ по этому предмету (ст. 825); і) дѣлать замѣчанія на изложеніе въ протоколѣ всего происходившаго въ судебномъ засѣданіи (ст. 843).

5) Если прокуроръ признаетъ судебныя дѣйствія или постановленія неправильными, незаконными, то можетъ обжаловать ихъ. Отсюда вытекаютъ права прокурора: а) давать

протесты на приговоры и частныя опредѣленія судовъ (ст. 853, 855, 893, 906—909). Кромѣ этого права, принадлежащаго прокурору наравнѣ съ частнымъ обвинителемъ и подсудимымъ, ему присвоено вытекающее изъ свойствъ прокурорскаго надзора б) право давать заключенія въ судѣ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ по предметамъ относящимся къ охраненію правильности слѣдствія и суда (ст. 505, 604).

6) Прокуроръ *наблюдаетъ* за своевременнымъ и точнымъ исполненіемъ *судебныхъ приговоровъ* (ст. 948, 949, 955—956, 963, п. 3, 964). Это право принадлежитъ прокурору, какъ органу обвинительной власти и поставлено въ числѣ другихъ правъ ея, на томъ основаніи, что власть, преслѣдующая преступниковъ, должна наблюдать, чтобы осужденіе ихъ получило дѣйствительное и неотложное осуществленіе.

При окружныхъ судахъ, кромѣ прокуроровъ, состоятъ *товарищи* ихъ; одинъ изъ нихъ находится при самомъ судѣ, а прочіе въ другихъ городахъ округа его (учр. суд. уст. ст. 126). Эти послѣдніе имѣютъ главнымъ назначеніемъ возбуждать уголовныя дѣла, наблюдать за производствомъ предварительныхъ слѣдствій въ тѣхъ участкахъ, которые имъ отведены и въ такомъ случаѣ они пользуются тѣми же правами, какія принадлежатъ прокурору, самый законъ о предварительныхъ слѣдствіяхъ указываетъ на это безразличіе, присвоивая одни и тѣже права тому и другому; они дѣйствуютъ подъ руководствомъ прокурора (тамъ же ст. 129), по его направленію, но отъ этого права и власть ихъ нисколько не умаляются. Могутъ ли товарищи прокурора отправлять должность прокурора по другимъ частямъ его дѣятельности? По закону товарищи, въ случаѣ болѣзни или отсутствія прокурора, исправляютъ его должность или по назначенію его или, если такого назначенія не послѣдовало, по старшинству опредѣленія въ эти должности, а въ случаѣ устраненія прокурора всегда по старшинству опредѣленія (тамъ же ст. 132); въ судебномъ засѣданіи присутствуетъ прокуроръ *или его товарищъ* (уст. учр. суд. ст. 595); въ случаѣ отлучки прокурора

засѣданіе не прекращается, если онъ *замѣнилъ себя кѣмъ-либо изъ лицъ прокурорскаго надзора* (тамъ же ст. 597); приговоръ суда объявляется въ присутствіи прокурора *или его товарища* (тамъ же ст. 829). Изъ смысла приведенныхъ постановленій оказывается, что товарищи могутъ отправлять должность прокурора и онъ можетъ замѣнить себя своимъ товарищемъ въ важнѣйшихъ частяхъ его дѣятельности; тѣмъ болѣе способны они на исполненіе меньшихъ служебныхъ обязанностей. Такая способность товарищей прокуроровъ совершенно согласна съ духомъ прокурорскаго учрежденія, которое проникнуто единствомъ дѣйствія и власти. Вслѣдствіе этого качества одинъ дѣйствуетъ за другаго въ порядкѣ старшинства и подчиненія, не нуждаясь для законности такой дѣятельности въ особомъ полномочіи. Прокуроръ можетъ дать то или другое порученіе своему товарищу, можетъ направлять его дѣятельность: но товарищъ пользуется правами, предоставленными прокурору, не вслѣдствіе этого порученія, а въ силу закона. И такъ товарищи прокурора не только могутъ по порученію прокурора и сами собою отправлять его должность по частямъ или въ цѣломъ ея составѣ, но и пользуются всѣми правами, ему закономъ представленными; словомъ товарищи прокурора окружнаго суда имѣютъ ту же дѣятельность и тѣже права, какъ и прокуроръ этого суда. Но съ другой стороны и на основаніи того же свойства прокурорскаго учрежденія, прокуроръ всегда можетъ замѣнить своего товарища самъ или другимъ своимъ товарищемъ. Это правило освящено самимъ закономъ (учр. суд. уст. ст. 129, 131). Есть особый разрядъ прокурорской дѣятельности, предоставленный закономъ товарищамъ прокуроровъ окружныхъ судовъ; онъ состоитъ въ предъявленіи отзывовъ на приговоры мироваго суда по преступнымъ дѣйствіямъ, которыя преслѣдовались у мироваго судьи полиціею (уст. уг. суд. ст. 49, 146), и въ участіи въ разбирательствѣ мироваго съѣзда по всѣмъ вообще дѣламъ, подвѣдомымъ этому съѣзду (тамъ же ст. 155, 162, 166). Предъявленіе отзывовъ на приговоры су-

дей по дѣламъ, начатымъ полиціею, со стороны товарищей прокурора окружнаго суда допущено закономъ потому, что полицейская власть, преслѣдуя преступленія и проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, замѣняетъ въ этомъ случаѣ публичнаго обвинителя, представляемаго лицомъ прокурорскаго надзора по другимъ дѣламъ. Такъ какъ полиція по многимъ случаямъ находится въ подчиненіи мировымъ судьямъ, то законъ находилъ не соотвѣтствующимъ такому отношенію представленіе жалобъ на рѣшенія этихъ судей самой полиціи и отдалъ это право чинамъ прокурорскаго надзора, замѣненнымъ полиціею въ преслѣдованіи маловажныхъ преступленій, поставленнымъ въ независимое положеніе предъ мировыми судьями. Что же касается участія товарищей прокуроровъ въ разбирательствѣ мировыхъ съѣздовъ, то законъ имѣлъ въ виду, что чины мироваго съѣзда, если не безъ исключенія, то большею частью будутъ состоять изъ людей, не имѣющихъ юридическаго образованія, что въ мировомъ съѣздѣ необходимо всестороннее и правильное разсмотрѣніе дѣлъ, по которымъ одною изъ сторонъ изъявлено уже неудовольствіе, что въ судѣ, повѣряющемъ приговоръ, желательно найти такое собраніе, въ которомъ хотя одно лицо было бы свѣдущее въ законахъ. Съ этою цѣлью признано нужнымъ участіе товарища прокурора въ разбирательствѣ съѣзда. Права его относительно дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судьѣ и съѣзду, состоятъ: а) въ подтвержденіи неудовольствія, изъявленнаго полиціею, на приговоръ мироваго судьи и въ предъявленіе ему отзыва или въ оставленіи изъявленнаго полиціею неудовольствія безъ послѣдствій (ст. 146). Это право совпадаетъ съ правомъ частнаго обвинителя объявлять неудовольствіе и приносить отзывъ на приговоръ; б) въ предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ при разбирательствѣ дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ (ст. 162); тѣмъ же правомъ пользуются частный обвинитель и обвиняемый; в) въ объясненіи значенія представленныхъ доказательствъ, въ указаніи относящихся къ дѣлу законовъ и въ заключеніи о примѣненіи ихъ къ данному случаю (ст. 166). Этимъ правомъ онъ пользуется,

какъ лицо свѣдущее въ законахъ. Но такое объясненіе не стѣсняетъ правъ обвиняемаго: послѣднее слово принадлежитъ ему или его повѣренному. Наконецъ г) товарищъ прокурора можетъ давать протесты на окончательные приговоры мироваго судьи и мироваго съѣзда (ст. 1737); но и за сторонами оставляется право жалобы.

§ 20. *Прокурору судебной палаты* подчинены прокуроры и товарищи ихъ состоящіе при окружныхъ судахъ всего округа палаты; за ними онъ наблюдаетъ (учр. суд. уст. ст. 129). Такимъ образомъ прокуроры судебной палаты въ отношеніи къ надзору за дѣйствіями подчиненныхъ ему чиновъ по уголовному преслѣдованію, подвѣдомы всѣ дѣла, подсудныя окружнымъ судамъ округа палаты, при которой состоитъ прокуроръ, и состоящія въ вѣдѣніи прокуроровъ этихъ судовъ. Постояннымъ поводомъ наблюденія за дѣйствіями по уголовному преслѣдованію служатъ представленія прокурорами окружныхъ судовъ прокурору судебной палаты заключеній о прекращеніи или пріостановленіи преслѣдованія, а также обвинительныхъ актовъ. Неопредѣленность постановленій свода законовъ (т. XV кн. II ст. 100 — 104) о порядкѣ привлеченія лицъ къ судебно-уголовной отвѣтственности заключала въ себѣ корень злоупотребленій и безпорядковъ. Весьма часто люди невинные не только привлекались къ уголовнымъ слѣдствіямъ, но даже содержались подъ стражею, доколѣ самое слѣдствіе или случай не доказывали, что они вовсе не причастны къ дѣлу. Хотя правительство не разъ обращало вниманіе на этотъ предметъ и принимало мѣры къ предупрежденію и прекращенію злоупотребленій и неправильныхъ распоряженій относительно привлеченія лицъ къ уголовному суду, но всѣ усилія не достигали своей цѣли и не могли быть успѣшны, потому что источникъ зла крылся въ самомъ законѣ, который обширнымъ смысломъ и неопредѣленностью правилъ о привлеченіи къ суду отдавалъ на произволъ слѣдователя распоряженія и дѣйствія его по такому столь важному предмету. Съ другой стороны общество и частныя лица не были обезпечены отъ безнака-

занности преступленій и подвергались сомнительному состоянію на счетъ безопасности вслѣдствіе этого произвола въ привлеченіи къ слѣдствію лицъ обвиняемыхъ. Новый законъ, взвѣсивъ всю важность интересовъ обвиняемаго отъ неправильнаго преслѣдованія и общества отъ произвольнаго отказа и прекращенія уголовнаго преслѣдованія, установилъ не только твердыя правила относительно возбужденія уголовныхъ дѣлъ, но и укрѣпилъ соблюденіе этихъ правилъ и основательное привлеченіе обвиняемыхъ къ суду повѣркою дѣйствій преслѣдованія и особеннымъ обрядомъ преданія суду, прекращенія и пріостановленія преслѣдованія. Законодатель оцѣнилъ важное значеніе прекращенія слѣдствія и преслѣдованія и потому, не отдавая уголовнаго иска въ полную собственность прокурорамъ, призналъ, что производство слѣдствія можетъ быть прекращено только судомъ (уст. уг. суд. ст. 277). Одно опредѣленіе окружнаго суда онъ счелъ недостаточнымъ, если судъ несогласенъ съ мнѣніемъ прокурора о прекращеніи дѣла: въ такомъ случаѣ вопросъ этотъ представляется на разрѣшеніе судебной палаты (тамъ же ст. 528). Относительно преданія суду законодатель принялъ во вниманіе, что разсмотрѣніе вопроса, есть ли достаточныя улики, чтобы обратить обвиняемаго въ подсудимаго, является дѣломъ серьезнымъ не для одной личной свободы, которая должна имѣть надежную поддержку въ судѣ, но и для общественнаго порядка, требующаго, чтобы преслѣдованія не приводили къ слишкомъ частымъ оправданіямъ, которыя колеблютъ довѣріе и уваженіе къ власти преслѣдовавшей невинныхъ или почитаемыхъ невинными; поэтому обвиненіе предъ судомъ слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда можно съ вѣрностью предвидѣть осужденіе и наказаніе обвиняемаго. Разсмотрѣніе такого вопроса общество можетъ и должно ожидать не отъ обвинителя и стороны, а отъ суда, на безпристрастіе и достоинство котораго можно вполнѣ положиться. По такимъ соображеніямъ преданіе обвиняемаго суду, вслѣдствіе обвинительнаго акта прокурора, закономъ предоставлено судебной палатѣ по гражданскому департаменту

(ст. 523, 534, 1044). Изъятіе изъ этого порядка сдѣлано только для дѣлъ менѣе важныхъ, неподвергающихъ обвиняемыхъ ни лишенію, ни ограниченію правъ состоянія; по такимъ дѣламъ для преданія обвиняемыхъ суду достаточно одного обвинительнаго акта прокурора (ст. 543). Изъятіе это допущено въ видахъ большей успѣшности и быстроты производства по дѣламъ маловажнымъ, такъ какъ отсылка каждаго дѣла въ палату при нашихъ огромныхъ разстояніяхъ сопровождалась бы медленностью и затрудняла бы ходъ дѣлъ въ судахъ.

При означенномъ порядкѣ прекращенія преслѣдованія и преданія обвиняемыхъ суду по дѣламъ, подвергающимъ обвиняемыхъ лишенію правъ состоянія, прокуроръ окружнаго суда представляетъ заключенія о прекращеніи или пріостановленіи дѣла и обвинительные акты прокурору судебной палаты вмѣстѣ съ подлиннымъ слѣдствіемъ (ст. 523, 525). Такимъ путемъ открывается доступъ для прокурора судебной палаты наблюдать за дѣйствіями ему подчиненныхъ прокуроровъ окружныхъ судовъ. Отъ этой повѣрки не уходятъ и менѣе важныя дѣла: при несогласіи окружнаго суда съ мнѣніемъ прокурора о прекращеніи преслѣдованія, всякое дѣло можетъ быть перенесено въ судебную палату и подвергнуто разсмотрѣнію ея прокурора (ст. 528).

Прокуроръ судебной палаты участвуетъ въ преслѣдованіи, по дѣламъ подвѣдомымъ прокурорамъ окружныхъ судовъ не однимъ наблюденіемъ и повѣркою дѣйствій подчиненныхъ ему чиновъ прокурорскаго надзора, но и порученіемъ начинать вновь и продолжать это преслѣдованіе по указаніямъ судебной палаты (ст. 542); онъ можетъ избирать лицо прокурорскаго надзора для судебнаго преслѣдованія и даже самъ выступить обвинителемъ предъ судомъ, когда въ палатѣ состоится опредѣленіе о преданіи суду такого обвиняемаго, о которомъ прокуроръ окружнаго суда полагалъ прекратить дѣло (ст. 539). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, законъ оставляетъ за прокуроромъ судебной палаты тѣ же права, какими пользуется проку-

ръ окружнаго суда, не увеличивая и не уменьшая ихъ; такъ какъ здѣсь одинъ изъ нихъ только замѣняетъ другаго. Независимо отъ обряда преданія суду и разсмотрѣнія по прекращенію и пріостановленію преслѣдованія, прокуроръ судебной палаты участвуетъ въ обвиненіи по дѣламъ, подвѣдомымъ прокурорамъ окружныхъ судовъ, при разсмотрѣніи палатою этихъ дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Тутъ прокурору судебной палаты предоставляются тѣ же права, какія принадлежатъ прокурору окружнаго суда въ судебномъ слѣдствіи и состязаніи сторонъ (ст. 878).

Кромѣ дѣлъ, подвѣдомыхъ прокурорамъ окружнаго суда, въ вѣдѣніи прокурора судебной палаты состоятъ дѣла, подсудныя ей въ качествѣ первой степени суда, а именно по преслѣдованію преступленій государственныхъ и по должности чиновъ означенныхъ въ 1073 ст. уст. угол. судопр. Права его по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ тѣ же самыя, какія предоставлены прокурору окружнаго суда по уголовному преслѣдованію (ст. 1031, 1042). Что касается до дѣлъ о преступленіяхъ должности, то права прокуроровъ въ нихъ подлежатъ разнымъ ограниченіямъ, стѣсненіямъ, о которыхъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Прокуроръ судебной палаты имѣетъ *товарищей*. Законъ не означаетъ ни дѣятельности, ни правъ ихъ. Но по общему правилу товарищи дѣйствуютъ подъ руководствомъ прокурора и замѣняютъ въ случаѣ болѣзни или отсутствія прокурора, который въ свою очередь можетъ замѣнить ихъ самъ (учреж. суд. уст. 129, 131, 131). Въ силу этого правила и основнаго начала о единствѣ прокурорскаго учрежденія, товарищамъ прокурора судебной палаты подвѣдомы тѣ же дѣла и съ тѣми же правами, какія онъ имѣетъ. Прокуроръ руководитъ ихъ дѣйствіями и выдѣляетъ каждому изъ нихъ ту или другую часть своей дѣятельности; но они, по самому закону, способны къ отправленію должности прокурора, при которомъ состоятъ, независимо отъ порученія и предписанія его.

§ 21. *Оберъ-прокуроръ* уголовнаго кассаціоннаго департа-

мента сената участвуетъ въ уголовномъ преслѣдованіи по дѣламъ подвѣдомымъ чинамъ прокурорскаго надзора, состоящимъ при окружныхъ судахъ и судебныхъ палатахъ при разсмотрѣніи ихъ въ кассаціонномъ порядкѣ (уст. угол. суд. ст. 176, 912). Права его по этимъ дѣламъ состоятъ въ предъявленіи заключеній объ основаніяхъ къ отмѣнѣ окончательнаго приговора и въ представленіи объясненій и подлежащихъ къ разрѣшенію вопросовъ (ст. 921, 923). Кромѣ кассаціоннаго попорядка, оберъ-прокуроръ продолжаетъ судебное преслѣдованіе должностныхъ лицъ по апелляціоннымъ отзывамъ и протестамъ на приговоры судебныхъ палатъ (ст. 1113). Въ этомъ случаѣ онъ пользуется всѣми вышеупомянутыми правами принадлежащими прокурорамъ по обвиненію въ судѣ (ст. 1103).

Наконецъ оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената вѣдаетъ судебнымъ преслѣдованіемъ преступленій должностей выше пятаго класса (ст. 1075, 1107), съ тѣми ограниченіями, которыя установлены закономъ по преслѣдованію этихъ преступленій.

Оберъ-прокурору гражданскаго департамента сената подвѣдомы дѣла по вопросамъ о прекращеніи преслѣдованія по преступленіямъ государственнымъ (ст. 1046) и о преданіи суду должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства: оберъ-секретарей и помощниковъ ихъ, мироваго судьи предсѣдателей и членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, а также прокуроровъ, оберъ-прокуроровъ, и товарищей ихъ (ст. 1080 п. 2, 1084). По этимъ дѣламъ права оберъ-прокурора соотвѣтствуютъ правамъ прокурора судебной палаты съ тѣмъ однакожъ изъятіемъ относительно порученій, возлагаемыхъ на младшихъ чиновъ прокурорскаго надзора, которое соотвѣтствуетъ порядку ихъ; такъ какъ прокуроры судебныхъ палатъ подчинены не оберъ-прокурору, а непосредственно министру юстиціи (учр. суд. уст. ст. 129).

Права и дѣятельность товарища оберъ-прокурора въ судебныхъ уставахъ не опредѣлены. Но по смыслу общаго правила, что товарищъ дѣйствуетъ подъ руководствомъ того оберъ-

прокурора, при которомъ состоитъ, нельзя не вывести заключенія, что товарищъ оберъ-прокурора можетъ отправлять ту же дѣятельность и съ тѣми же правами, какія присвоены оберъ-прокурорамъ.

§ 22. *Министръ юстиціи*, какъ генералъ-прокуроръ есть главный начальникъ чиновъ прокурорскаго надзора, наблюдающій за ихъ дѣятельностью непосредственно или чрезъ другихъ чиновъ (учрежд. суд. уст. ст. 124, 129). Въ этомъ отношеніи онъ наблюдаетъ за преслѣдованіемъ преступленій во всѣхъ частяхъ его и во всемъ объемѣ; принадлежащемъ чинамъ прокурорскаго надзора. Сосредоточивая въ себѣ высшее наблюденіе за дѣйствіями ихъ по уголовному преслѣдованію, министръ юстиціи имѣетъ право побуждать ихъ къ дѣйствіямъ посредствомъ своихъ предписаній, или направлять посредствомъ своихъ инструкцій, въ законныхъ предѣлахъ правъ и дѣятельности каждаго члена прокурорскаго учрежденія. Въ качествѣ высшаго наблюдателя, онъ можетъ предлагать тѣ или другія наставленія относительно дѣйствій по преслѣдованію преступленій, обязательныя для чиновъ прокурорскаго надзора, которымъ онѣ даны. Не участвуя самъ лично въ производствѣ уголовныхъ исковъ, подвѣдомыхъ ему чиновъ, не вчиная ихъ, онъ можетъ предписать тому или другому прокурору возбудить уголовное дѣло, начать судебное преслѣдованіе, проводить обвиненіе въ дѣлѣ, сдѣлавшемся извѣстнымъ министру юстиціи, можетъ указать предѣлы обвиненія, предписать о предъявленіи протеста на тотъ или другой приговоръ судебнаго мѣста. Словомъ по надзору за подчиненными ему лицами прокурорскаго учрежденія, дѣятельность министра юстиціи въ уголовномъ преслѣдованіи имѣетъ характеръ, вызывающій извѣстныя дѣйствія, побуждающій къ нимъ и направляющій ими.

Сверхъ того министру юстиціи назначена и непосредственная дѣятельность по уголовному преслѣдованію. Въ этомъ смыслѣ ему подвѣдомы дѣла, подсудныя верховному уголовному суду: 1) о государственныхъ преступленіяхъ, когда по случаю обнаруженнаго въ разныхъ краяхъ государства общаго заго-

вора противъ верховной власти или противъ установленнаго закономъ образа правленія или порядка наслѣдія престола, послѣдуетъ Высочайшій указъ о разсмотрѣніи дѣла въ верховномъ уголовномъ судѣ (уст. угол. суд. ст. 1030 п. 2); 2) о преступленіяхъ должностей членовъ государственнаго совѣта и министровъ (также ст. 1076). Права министра юстиціи заключаются по дѣламъ перваго рода въ надзорѣ за производствомъ предварительнаго слѣдствія, равносильномъ надзору прокуроровъ надъ этою частью уголовнаго судопроизводства и въ обвиненіи предъ судомъ со всѣми правами прокуроровъ относительно составленія обвинительнаго акта и участія въ судебномъ слѣдствіи и состязаніи сторонъ (тамъ же ст. 1063—1064). Въ дѣлахъ втораго рода министръ юстиціи пользуется тѣми же правами, но съ ограниченіями, свойственными дѣламъ о преступленіяхъ должности (ст. 1097).

В. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи мировыхъ судей.

§ 23. По свойству дѣятельности и власти мировой судья есть власть судебная, единоличная, разбирающая и рѣшающая судебныя дѣла въ подвѣдомомъ ему кругѣ и объемѣ (учреж. суд. уст. ст. 1, 3, 5, уст. угол. суд. ст. 33, 119). Соединеніе власти обвинительной и дѣятельности преслѣдованія преступленій съ должностью судьи представляетъ крайнее неудобство; быть преслѣдователемъ и судьею одного и того же дѣла и при этомъ сохранить безпристрастіе слишкомъ трудно. Между тѣмъ по закону мировой судья приступаетъ къ разбирательству подвѣдомыхъ ему дѣлъ и по *непосредственно усмотрѣннымъ* имъ преступнымъ дѣяніямъ, подлежащимъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ (уст. уг. суд. ст 42 пунк. 3). Такое уклоненіе отъ основнаго начала, требующаго раздѣленія властей обвинительной и судебной, нуждается въ разъясненіи причинъ и побужденій происхожденія упомянутой статьи закона, чтобы оцѣнить и понять

значеніе его. При разсмотрѣніи вопроса относительно поводовъ къ начатію дѣлъ у мировыхъ судей и составленіи основныхъ положеній по этому предмету было обращено вниманіе на то, что занятія мировыхъ судей требуютъ почти постояннаго пребыванія ихъ въ извѣстномъ мѣстѣ; слѣдовательно имъ нѣтъ возможности производить розысканія о менѣе важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ по всякому дошедшему до нихъ свѣдѣнію. Поэтому въ основныхъ положеніяхъ приняты только два способа возбужденія уголовныхъ дѣлъ у мировыхъ судей: жалобы частныхъ лицъ и сообщенія полицейскихъ и другихъ властей (основн. полож. ч. II ст. 25); о начатіи дѣлъ по личному усмотрѣнію мироваго судьи въ первоначальной редакціи основныхъ положеній, составленной соединенными департаментами государственнаго совѣта, ничего не сказано. Но въ общемъ собраніи государственнаго совѣта редакція 25 статьи положеній была дополнена тѣмъ, что мировой судья приступаетъ къ разбору дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ «и *непосредственно по лично усмотрѣннымъ* судьею преступленіямъ и проступкамъ, ему подвѣдомымъ и нарушающимъ общественный порядокъ или благочиніе» (осн. полож. ч. II ст. 24). Подробное исчисленіе случаевъ, въ которыхъ мировой судья можетъ или обязанъ самъ начинать и производить изслѣдованіе по подвѣдомымъ ему преступленіямъ или проступкамъ, — предоставлено составителямъ проекта устава уголовнаго судопроизводства. При обсужденіи этого вопроса редакторами проекта устава имѣлось въ виду, что у насъ при мировомъ судѣ не полагается особаго органа обвинительной власти, какъ во Франціи, для преслѣдованія заявляемыхъ ему нарушеній и потому вмѣсто оффиціальнаго обвиненія, у насъ принято существующее въ Англіи частное обвиненіе. Въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ частныхъ лицъ никто не можетъ быть обвинителемъ, кромѣ самаго обиженнаго и лицъ, заступающихъ его права; но во всѣхъ прочихъ дѣлахъ опасныхъ для общественнаго блага, каждый членъ общества не только заинтересованъ лично въ обнаруженіи преступ-

леній но и обязанъ къ тому закономъ. Но эта важная обязанность у насъ почти никѣмъ не исполнялась. Причинъ къ тому весьма много и на первомъ планѣ—наша безпечность и равнодушіе къ общему благу; но въ ряду этихъ причинъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и то обстоятельство, что объявленія, дѣлаемыя полиціи, большею частью остаются безъ всякихъ послѣдствій и служатъ только источникомъ безконечныхъ непріятностей самому обвинителю. Для избѣжанія этого необходимо облегчить частнымъ лицамъ исполненіе возложенной на нихъ обязанности, а не заставлять ихъ обращаться безъ всякой нужды къ полиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда можно а для успѣха дѣла даже и лучше обратиться прямо къ мировому судьѣ. По означеннымъ соображеніямъ и доводамъ, высказаннымъ большинствомъ редакторовъ проекта уголовнаго судопроизводства, въ немъ было принято правило; что мировой судья приступаетъ къ разбору и по *непосредственно усмотрѣннымъ* судьею *или заявленнымъ ему* преступнымъ дѣйствіямъ, подлежащимъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ (проектъ устава ст. 39 п. 3); но лично усмотрѣннымъ мировымъ судьею или *заявленнымъ* преступнымъ дѣйствіямъ, онъ можетъ, если признаетъ нужнымъ, поручить полиціи произвесть предварительное розысканіе (ст. 49). Но меньшинство членовъ редакціонной коммисіи находило неудобнымъ такое расширеніе правъ и власти мировыхъ судей и настаивало на оставленіи 24-й статьи основныхъ положеній безъ измѣненія, по слѣдующимъ причинамъ: во 2-мъ пунктѣ этой статьи говорится о начатіи у мироваго судьи дѣлъ по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей объ обнаруженныхъ ими или *дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія* преступленіяхъ или проступкахъ. Въ этомъ изложеніи усматривается прямое указаніе, что заявленія частныхъ лицъ, не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, должны быть обращаемы не къ мировому судьѣ, а къ полицейскимъ и другимъ властямъ. Отступленіе отъ прямаго смысла этой статьи обременитъ мирового судью принятіемъ неопредѣленныхъ, иногда голословныхъ и неосновател-

ныхъ заявленій, распоряженіемъ о розысканіяхъ и если они окажутся неудовлетворительными, новыми распоряженіями о дополненіи ихъ. Это нерѣдко вовлекло бы мироваго судью въ неизбѣжную и обременительную для него переписку. Это обратило бы его какъ бы въ полицейскаго чиновника, ибо если онъ и не будетъ производить розысканіе лично, то во всякомъ случаѣ долженъ будетъ распоряжаться о производствѣ розысканій и направлять ихъ, для полученія всѣхъ тѣхъ по дѣлу свѣдѣній, какія признаетъ нужными для рѣшенія его. Вслѣдствіе этого мировой судья можетъ даже невольно потерять характеръ безпристрастнаго судьи. Введеніе такого порядка усложнитъ и замедлитъ производство. Заявленіе, которое могло быть сдѣлано прямо полиціи, будетъ доходить до нея чрезъ посредство мироваго судьи, слѣдовательно по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, отчего розысканіе сдѣлается затруднительнѣе и самые признаки происшествія и доказательства вины могутъ утратиться (объяснит. зап. къ проек. уст. угол. суд. стр. 43 — 49).

По вопросу о томъ, въ какихъ преступленіяхъ уголовныя дѣла могутъ быть возбуждаемы самимъ мировымъ судьею, редакціонная коммисія находила, что дѣла, возбужденіе которыхъ предоставлено единственно усмотрѣнію частныхъ лицъ, не должны ни въ какомъ случаѣ подлежать преслѣдованію безъ жалобы о томъ со стороны самихъ обиженныхъ. Всѣ же прочія преступныя дѣйствія, вредныя для всего общества, могутъ подлежать такому преслѣдованію, независимо отъ того, направлены ли они противъ собственности или противъ общественнаго порядка, здравія, безопасности, благоустройства и т. п. Мировой судья одинаково долженъ привлекать къ отвѣтственности какъ вора или самовольнаго порубщика, такъ и торговца, продающаго вредные для здоровья припасы или человѣка, намѣренно повреждающаго дорогу или мостъ, — какъ купца, употребляющаго невѣрные вѣсы и мѣры, или нищаго, испрашивающаго подаяніе изъ лѣни и по привычкѣ къ праздности, такъ и буяна или человѣка, являющагося въ пуб-

личное мѣсто въ соблазнительномъ видѣ. Всѣхъ случаевъ не перечесть; но причина преслѣдованія ихъ всегда одна и та же—вредъ для общественнаго порядка, безопасности и благочинія (тамъ же).

Въ замѣчаніяхъ на основныя положенія было высказано много мнѣній противъ предоставленія мировому судьѣ права начинать разборъ дѣла по личному усмотрѣнію. Находили, что это право противорѣчитъ главному началу, объявленному въ основныхъ положеніяхъ, объ отдѣленіи обвинительной власти отъ судебной (осн. полож. ч. II. ст. 3), что это право стѣснитъ частную жизнь судьи, поставитъ его въ двусмысленное положеніе.

Во вниманіи ко всѣмъ этимъ соображеніямъ и доводамъ, государственный совѣтъ измѣнилъ 39 и 49 ст. проекта уст. угол. суд. и въ самомъ уставѣ опредѣлилъ: мировой судья приступаетъ къ разбирательству дѣлъ по *непосредственно усмотрѣннымъ имъ* преступнымъ дѣйствіямъ, подлежащимъ преслѣдованію независимо отъ жалобы частныхъ лицъ (уст. уг. суд. ст. 42 п. 3); по *усмотрѣннымъ лично мировымъ судьею* преступнымъ дѣйствіямъ онъ можетъ если признаетъ нужнымъ, поручить полиціи произвесть предварительное розысканіе (тамъ же ст. 52).

Конечно право мироваго судьи преслѣдовать преступленіе и преступника по личному усмотрѣнію не согласуется съ главнымъ началомъ отправленія уголовнаго правосудія, по которому одно лицо не можетъ быть судьею и обвинителемъ или преслѣдователемъ. Но это начало, какъ выше было замѣчено, не можетъ быть проведено и примѣнено со всею строгостью къ уголовнымъ случаямъ всякаго свойства, не смотря на всю его неоспоримость. Дѣйствительная жизнь такъ разнообразна по всѣмъ своимъ частностямъ, различнымъ условіямъ, вліяніямъ, что все подводить подъ одинъ уровень, подъ одну мѣру никакъ нельзя. Самыя твердыя начала въ борьбѣ съ дѣйствительностью волею-неволею должны видоизмѣняться, покоряться ея требованіямъ, чтобы не лечь тяжелымъ гнетомъ на жиз-

ненный строй, чтобы не придавить свободнаго отправленія жизненныхъ силъ. Какъ не важно начало отдѣленія обвиненія и суда, но въ приложеніи къ нѣкоторымъ дѣламъ, особенно маловажнымъ, оно должно дать мѣсто исключенію. Мировому судьѣ подвѣдомъ тотъ разрядъ дѣлъ, которыми болѣе всего наполняется область преступныхъ дѣйствій, которыя такъ часто повторяются даже одними и тѣми же лицами, что прилагать къ нимъ всю сложность формъ, всю строгость отдѣленія ихъ, значило бы отнять у судьи возможность развѣдываться съ ними, подвергнуть его тягостному положенію— разбирать только нѣкоторыя дѣла, а на остальныя смотрѣть сквозь пальцы при невозможности управляться съ ними вслѣдствіе сложнаго судебнаго порядка. Законодатель не могъ оставить судью равнодушнымъ зрителемъ преступныхъ дѣяній, которыя обыкновенно по ихъ маловажности частныя и оффиціальныя лица оставляютъ безъ вниманія, а у насъ въ особенности; не хотѣлъ заставить судью выжидать и въ этомъ случаѣ сообщенія надлежащихъ властей о совершившемся въ глазахъ его проступкѣ; поэтому предоставилъ самому судьѣ вчинать уголовный искъ. Опасность отъ несогласія съ главнымъ началомъ раздѣленія иска и суда предотвращается во 1-хъ, формами установленными для мироваго суда: публичностью всѣхъ судебныхъ дѣяній, полнымъ равенствомъ правъ обвинителя и обвиняемаго въ отношеніи къ этимъ дѣйствіямъ и легкимъ доступомъ къ обжалованію приговоровъ и распоряженій мировыхъ судей; во 2-хъ, особымъ устройствомъ установленія мировыхъ судей: они избираются чрезъ каждые три года изъ мѣстныхъ жителей, извѣстныхъ своимъ достоинствомъ и заслужившихъ общее уваженіе.

Но во всякомъ случаѣ нельзя отвергать, что допущеніе начатія дѣла по личному усмотрѣнію мироваго судьи есть изъятіе въ подрывъ главному началу раздѣленія обвиненія и суда; поэтому примѣненіе закона исключительнаго требуетъ особенной осторожности, чтобы не зайти за допускаемые имъ

предѣлы. Изъятіе никакъ не можетъ быть толкуемо шире того, что заключаетъ въ себѣ опредѣленіе закона.

Изъ текста его и высказанныхъ соображеній слѣдуетъ: 1) мировой судья приступаетъ самъ къ разбирательству дѣлъ, безъ жалобы и сообщенія надлежащей власти, только по *непосредственно усмотрѣннымъ имъ* преступнымъ дѣйствіямъ, то есть по такимъ преступнымъ дѣйствіямъ, которыя сдѣлались извѣстными ему не чрезъ *другихъ лицъ*, а чрезъ *непосредственное наблюденіе*; поэтому заявленія частныхъ лицъ не обязываютъ и не даютъ права мировому судьѣ начинать дѣло, иначе какъ по личному усмотрѣнію; подобное начатіе дѣла противорѣчило бы буквальному смыслу закона и тому какъ понималъ его законодатель, устранившій заявленіе частныхъ лицъ, какъ основаніе для непосредственнаго возбужденія уголовнаго дѣла мировымъ судьею; это мы уже объяснили. Впрочемъ непосредственное наблюденіе не означаетъ только то, что онъ видѣлъ собственными глазами; кромѣ этого случая сюда подходитъ другой: — когда мировой судья самъ усмотритъ изъ производимаго имъ дѣла преступленіе или проступокъ другаго лица, для котораго не нашлось обвинителя. Кажется, что законодатель разумѣлъ этотъ случай въ особенности; потому что для мироваго судьи, постоянно пребывающаго въ извѣстномъ мѣстѣ и обремененнаго многими занятіями, слишкомъ трудно усмотрѣть преступленіе собственными глазами; по нашему мнѣнію указанный случай начатія дѣла самимъ мировымъ судьею вытекаетъ изъ смысла закона. 2) Конечно, ограниченіе общаго закона о начатіи дѣлъ, по сообщеніямъ властей и жалобамъ частныхъ лицъ, распространяется только на тѣ дѣла, въ которыхъ нѣтъ ни того, ни другаго, то есть не оказывается въ наличности ни частнаго, ни оффиціальнаго обвиненія; коль скоро оно явится, коль скоро послѣдуетъ жалоба или сообщеніе, то само собою разумѣется имѣетъ дѣйствіе главное правило выраженное въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ 24 статьи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ разумѣется и то, что мировой судья не долженъ выжидать жалобы и сообщенія, а

обязанъ самъ начать разбирательство, если не встрѣтится законнаго препятствія. 3) Возбужденіе уголовнаго дѣла по личному и непосредственному усмотрѣнію мироваго судьи имѣетъ мѣсто во всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ подвѣдомыхъ ему и подлежащихъ преслѣдованію *независимо отъ жалобъ* частныхъ лицъ, то есть мировой судья не имѣетъ права самъ начать разбирательство по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые преслѣдуются только по жалобѣ частнаго лица (уставъ о наказ. налагаемыхъ миров. суд. ст. 18—20), хотя бы онъ лично усмотрѣлъ такое преступное дѣйствіе, тѣмъ не менѣе не можетъ возбуждать дѣло о немъ, а долженъ выжидать жалобы, именно потому, что законъ запрещаетъ разбирать такое дѣло безъ жалобы. Вслѣдствіе этого запрещенія и особеннаго свойства дѣла, мировой судья не имѣетъ права начинать разбирательство по личному усмотрѣнію о такихъ преступленіяхъ, которыя могутъ быть прекращены примиреніемъ и подвѣдомы ему на основаніи 35 ст. уст. уг. суд. (стран. 322). Во всѣхъ прочихъ преступленіяхъ и проступкахъ онъ можетъ самъ лично приступить къ разбирательству, какъ это выше разъяснено (стр. 388), если только преступленіе или проступокъ подвѣдомы мировому судьѣ вообще и подсудны тому, которымъ они усмотрѣны (уст. уг. суд. ст. 33—34, 36) и если онъ не имѣетъ никакого участія въ дѣлѣ, въ противномъ случаѣ онъ долженъ самъ себя устранить и можетъ быть отведенъ (тамъ же ст. 75); тогда онъ можетъ быть только обвинителемъ по этому дѣлу самъ или чрезъ своего повѣреннаго а никакъ не судьею; разбирательство и рѣшеніе принадлежитъ другому мировому судьѣ (ст. 87). 4) Если усмотрѣнное лично мировымъ судьею преступленіе недостаточно изъяснено и доказано, или если нѣтъ обвиняемаго, то мировой судья можетъ поручить полиціи произвесть розысканіе (ст. 52, 47). Удобнѣе производить такое розысканіе чрезъ полицію, а не самому мировому судьѣ, чтобы устранить всякое сомнѣніе на счетъ его безпристрастія. 5) Если по дѣламъ начатымъ самимъ мировымъ судьею нѣтъ обвинителя,

то судья обязанъ выбрать довѣренное лицо въ качествѣ обвинителя (ст. 64); безъ этого невозможно разбирательство, состязаніе сторонъ предъ судьею.

Такъ какъ почетный мировой судья производитъ судъ и расправу по дѣламъ мироваго разбирательства тогда только, когда обѣ стороны обратятся къ его посредничеству (учр. суд. уст. ст. 46), то очевидно, что почетный мировой судья не можетъ самъ приступать къ разбирательству по лично усмотрѣннымъ имъ преступленіямъ, а долженъ дѣйствовать въ этомъ случаѣ какъ частное лицо.

Г. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи судебныхъ слѣдователей.

§ 24. Судебный слѣдователь есть членъ окружнаго суда, котораго дѣятельность состоитъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій (учр. суд. уст. ст. 6, 79). Онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ участвуетъ въ чисто судебной дѣятельности въ качествѣ члена суда (тамъ же ст. 146). Относительно служебнаго положенія онъ считается наравнѣ съ другими членами суда и пользуется почти всѣми преимуществами ихъ (тамъ же ст. 212, 239, 243). По этимъ основаніямъ его нельзя отнести къ другому разряду лицъ, какъ къ имѣющимъ значеніе судебное, власть судебную; хотя характеръ его дѣятельности не состоитъ въ рѣшеніи, но права, съ нею соединенныя, истекаютъ изъ правъ судебной власти, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія его носятъ на себѣ отпечатокъ власти судейской, рѣшеній суда (уст. угол. суд. ст. 438). Не только по этимъ чертамъ дѣятельности и власти, но и потому, что онъ слѣдователь, судебный слѣдователь по нашему закону не причисляется къ органамъ обвинительной власти: нашъ законъ отдѣляетъ слѣдствіе отъ иска не только тѣмъ, что не предоставляетъ чинамъ прокурорскаго надзора производить слѣдственныя дѣйствія, но и тѣмъ, что выдѣляетъ изъ слѣдствія уголовное преслѣдованіе и предоставляетъ его не слѣдователю, а другимъ

лицамъ, чтобы избѣгнуть тѣхъ недостатковъ, которыми страдаетъ наше старое слѣдствіе, чтобы поставить слѣдователя въ болѣе безпристрастное положеніе, чѣмъ ставился онъ сводомъ законовъ. Однакожъ, не смотря на признаніе за основное начало такого раздѣленія двухъ несовмѣстныхъ должностей и властей, законъ далъ участіе въ уголовномъ преслѣдованіи и судебному слѣдователю: онъ, какъ и мировой судья, возбуждаетъ уголовныя дѣла по *непосредственному усмотрѣнію* (уст. угол. суд. ст. 297 п. 5). Къ этому отступленію отъ кореннаго начала побудило практическое соображеніе. При нашихъ огромныхъ разстояніяхъ и при неудобствахъ путей сообщенія, влекущихъ за собою медленность въ сношеніяхъ и въ самомъ дѣлопроизводствѣ, во время переписки о начатіи преслѣдованія могли бы изгладиться или быть сокрытыми слѣды и доказательства преступленія; поэтому оказалось невозможнымъ сосредоточить обвинительную власть исключительно въ рукахъ чиновъ прокурорскаго надзора тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто уголовное преслѣдованіе по должности; оказалось нужнымъ раздробить эту дѣятельность между другими должностными лицами, для охраненія общества отъ безпаказанности преступленій. Въ числѣ этихъ лицъ, непринадлежащихъ къ прокурорскому учрежденію, состоитъ и судебный слѣдователь. Это изъятіе было указано основными положеніями, опредѣлившими, что судебный слѣдователь приступаетъ къ предваритетьному слѣдствію и по собственному усмотрѣнію (осн. полож. ч. II ст. 37 п. 4). При развитіи этой статьи положенія редакціонная коммисія признавала, что судебному слѣдователю, какъ представителю судебной власти, не должно было бы вовсе предоставлять права возбуждать уголовное преслѣдованіе по собственному его усмотрѣнію, потому что это право составляетъ принадлежность обвинительной власти. Хотя начало это, при существующихъ условіяхъ нашей государственной и общественной жизни, не можетъ быть проведено со всею строгостью въ предварительномъ слѣдствіи, однакожъ не подлежитъ сомнѣнію, что такое отступленіе отъ существеннаго начала судопроизводства слѣ-

дуетъ ограничить только случаями крайней въ томъ необходимости.

Такія соображенія руководили составленіемъ закона объ уголовномъ преслѣдованіи самимъ слѣдователемъ и согласно съ ними оно поставлено въ самые тѣсные предѣлы. Чтобы оставаться вѣрнымъ мысли законодателя въ приложеніи его предписаній къ данному случаю, не слѣдуетъ выходить изъ этихъ предѣловъ, налагаемыхъ самою сущностью преслѣдованія, установленнаго какъ исключеніе, какъ изъятіе изъ общаго правила. Поэтому необходимо точное разъясненіе закона, допускающаго подобное изъятіе, указаніе настоящаго его смысла; такое разъясненіе тѣмъ болѣе нужно, что новый законъ нѣсколько согласуется съ прежнимъ, но и отличается отъ него, что нынѣшняя слѣдственная практика часто расходится съ требованіями новаго закона и никакъ не можетъ служить примѣромъ для подражанія.

По учрежденію судебныхъ слѣдователей, они имѣли право начинать слѣдствіе по собственному усмотрѣнію, когда преступленіе или проступокъ усмотрѣны или во *время совершенія* или *обнаружены при производствѣ слѣдствія по другому преступленію* или проступку или же *по извѣщенію* полицейскихъ служителей и даже частныхъ лица о *совершающемся* или *только что совершившемся преступленіи* и проступкѣ; о начатіи слѣдствія въ этихъ случаяхъ судебный слѣдователь обязанъ увѣдомить мѣстнаго становаго пристава и уѣзднаго стряпчаго (учрежд. суд. слѣд. 8 іюля 1860 года ст. 11 п. 3 нак. суд. слѣд. ст. 5). Конечно, случаи непосредственнаго усмотрѣнія слѣдователемъ преступленія во время совершенія его могли быть очень рѣдки; не часты бываютъ въ практикѣ и случаи обнаруженія преступленія во время производства слѣдствія о другомъ противозаконномъ дѣйствіи, но за то очень часто приходится слѣдователю начинать самому слѣдствіе, по извѣщенію полицейскихъ служителей и частныхъ лицъ. Отсюда мало по малу развилась практика, сдѣлавшая судебнаго слѣдователя полицейскимъ сыщикомъ, вопреки духу учрежденія,

имѣвшаго цѣлью отдѣлить полицію отъ суда, практика, отрывавшая его отъ прямой обязанности установленія судебныхъ доказательствъ,—практика, опасная для личной свободы и неприкосновенности, стоившая частнымъ лицамъ много хлопотъ и безпокойствъ, отъ формальнаго слѣдствія, начатаго по одному извѣщенію, дававшаго права привлекать къ нему, таскать тьму людей безъ достаточнаго основанія.

Новый законъ совершенно иначе смотритъ на право судебнаго слѣдователя возбуждать уголовное дѣло и болѣе стѣсняетъ это право, чѣмъ старый законъ, имѣя въ виду ту главную мысль, что уголовное преслѣдованіе дано слѣдователю, какъ исключеніе. Судебный слѣдователь приступаетъ къ слѣдствію *по собственному усмотрѣнію* лишь *въ томъ случаѣ*, когда *застигнетъ совершающееся* или *только что совершившееся* преступное *дѣяніе* (уст. угол. суд. ст. 313). Изъ этого опредѣленія закона явствуетъ: 1) судебный слѣдователь возбуждаетъ уголовное преслѣдованіе по собственному *усмотрѣнію* лишь въ *одномъ случаѣ*, а именно указанномъ въ 313 ст. уст. угол. суд.; другой случай подобный этому и указазанный въ 11 ст. учрежд. суд. слѣд. а именно, когда при слѣдствіи объ одномъ преступленіи обнаружены будутъ признаки другаго, неимѣющаго существенной связи съ первымъ, подъ законъ начатія слѣдствія самимъ слѣдователемъ уже не подходитъ и опредѣляется 314 ст. уст. угол. суд. 2) Для начатія слѣдствія по собственному усмотрѣнію требуется, чтобы слѣдователь *застигнулъ* преступленіе, то есть, чтобы самъ напалъ на него, а не былъ только извѣщенъ о немъ; слѣдовательно, всякое извѣщеніе, посредственное, полученное чрезъ другихъ лицъ, свѣдѣніе о преступленіи даже въ моментъ его совершенія не подходитъ подъ означенный законъ и не обязываетъ самого слѣдователя возбуждать уголовное преслѣдованіе и нести всю тягость его. 3) Необходимымъ условіемъ для такого преслѣдованія законъ считаетъ то, когда будетъ застигнуто *совершающееся* или *только что совершившееся* преступное дѣяніе. Послѣднее выраженіе требуетъ объясненія: промежутокъ вре-

мени отъ самого совершенія до того момента, когда преступленіе перестаетъ быть *только что совершившимся* опредѣлить съ точностью нельзя. Подъ этимъ выраженіемъ мы понимаемъ то близкое къ самому совершенію преступленія время, когда слѣды преступленія еще свѣжи, когда впечатлѣніе имъ произведенное, еще живо чувствуется, когда очевидцы его не оставили мѣста, гдѣ оно совершено, когда обвиняемый взятъ на этомъ мѣстѣ или хотя не взятъ, но подвергается розыску вслѣдъ за совершеніемъ преступленія и т. п. Преслѣдованіе со стороны самаго судебнаго слѣдователя установлено съ цѣлью ускоренія собранія свѣдѣній, уликъ и доказательствъ преступленія, по горячимъ слѣдамъ; слѣдовательно, коль скоро въ данномъ случаѣ удобное для этого время ушло и цѣль закона не можетъ быть достигнута, то и преступное дѣяніе перестаетъ быть только что совершившимся; тогда теряется и право слѣдователя на уголовное преслѣдованіе.

По какимъ преступленіямъ и проступкамъ судебный слѣдователь можетъ возбуждать уголовное преслѣдованіе по собственному усмотрѣнію? по всѣмъ дѣламъ ему подвѣдомымъ по его участку (тамъ же ст. 288), за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ быть начаты не иначе какъ по жалобѣ (тамъ же ст. 5). Въ послѣднемъ случаѣ хотя бы слѣдователь самъ усмотрѣлъ преступленіе, онъ не можетъ начать дѣло прежде подачи жалобы.

Начавъ уголовное преслѣдованіе, слѣдователь сообщаетъ о томъ прокурору или товарищу по (ст. 263). Затѣмъ прокуроръ и его товарищъ вступаютъ во всѣ права предоставленныя имъ по уголовному преслѣдованію, а слѣдователь продолжаетъ только предварительное слѣдствіе. Такимъ образомъ всѣ права слѣдователя по уголовному преслѣдованію ограничиваются возбужденіемъ, начатіемъ слѣдствія, не по требованію другаго должностнаго или частнаго лица а по собственному усмотрѣнію.

Законъ разъясняетъ, что слѣдователь не имѣетъ и этого права на преслѣдованіе, если при производствѣ слѣдствія обна-

ружены будутъ признаки другаго преступленія, *не имѣющаго существенной связи съ производимымъ дѣломъ*. Въ этомъ случаѣ онъ приступаетъ къ изслѣдованію вновь открытаго преступленія не иначе, какъ *по требованію прокурора* или его *товарища* (ст. 314), то есть возбужденіе преслѣдованія принадлежитъ чинамъ прокурорскаго надзора. Но при этомъ законъ требуетъ, чтобы новое преступленіе не имѣло существенной связи съ производимымъ дѣломъ; это означаетъ такое преступленіе, которое можетъ быть отдѣлено и подвергнуто особому разслѣдованію. При такомъ условіи вся обязанность слѣдователя состоитъ лишь въ принятіи мѣръ къ сохраненію признаковъ преступленія, то есть слѣдовъ его, чтобы можно было потомъ сдѣлать осмотръ, удостовѣрить его дѣйствительность, — и въ пресѣченіи подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія; это такія дѣйствія, которыя не подходятъ подъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія и относятся къ розыску. Но если новое преступленіе таково, что не можетъ быть отдѣлено отъ производимаго дѣла и подлежитъ преслѣдованію независимо отъ жалобы, то слѣдователь приступаетъ къ разслѣдованію согласно съ 313 ст., именно потому, что между первымъ и вторымъ преступленіемъ находится существенная неразрывная связь. Напримѣръ А обвиняется въ убійствѣ; между тѣмъ по слѣдствію открывается, что онъ совершилъ убійство съ грабежомъ или поджогомъ; разумѣется, что слѣдствіе о поджогѣ и грабежѣ должно быть произведено вмѣстѣ съ первымъ слѣдствіемъ. Это второй случай уголовнаго преслѣдованія самимъ слѣдователемъ.

За исключеніемъ этихъ двухъ случаевъ, судебный слѣдователь не имѣетъ правъ на возбужденіе уголовнаго преслѣдованія по личному усмотрѣнію, какія имѣлъ онъ по учрежденію суд. слѣд. и предоставляя другимъ должностнымъ и частнымъ лицамъ возбуждать уголовный искъ, имѣетъ лишь то отношеніе къ нему, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбираетъ есть ли въ предъявленномъ искѣ и требованіи производства слѣдствія достаточное основаніе, и съ этой стороны оцѣни-

ваетъ достоинство иска, служащаго поводомъ къ предварительному слѣдствію. Это бываетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда въ объявленіи о какомъ-нибудь преступномъ дѣяніи, котораго объявитель не былъ очевидцемъ и въ обвиненіи кого-либо въ преступномъ дѣяніи, не представлено уликъ и доказательствъ первымъ въ дѣйствительности преступленія, а вторымъ въ достовѣрности обвиненія тамъ же ст. 298 и 299); б) когда въ сообщеніи полицейскихъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ нѣтъ достаточного основанія къ производству слѣдствія, (ст. 309) и в) когда признаніе явившагося съ повинной опровергается имѣющимися у слѣдователя свѣдѣніями (ст. 310). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдователю принадлежитъ право обсужденія уголовнаго преслѣдованія и оставленія требованія производства слѣдствія безъ удовлетворенія; но въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, т. е. при сообщеніи о преступномъ дѣяніи и при явкѣ съ повинною слѣдователь обязанъ увѣдомить прокурора или его товарища о своемъ отказѣ въ слѣдствіи, такъ какъ оба эти повода имѣютъ болѣе сильное значеніе и вѣроятіе заключать объ основательности требованія слѣдствія. Чины прокурорскаго надзора по означеннымъ увѣдомленіямъ слѣдователя могутъ сами возбудить уголовное преслѣдованіе, принявъ на себя отвѣтственность; требованія ихъ, какъ уполномоченныхъ закономъ истцовъ, для слѣдователя обязательны (ст. 297, 311, 312, 281).

Д. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи судебной палаты.

§ 25. Мы уже говорили о причинахъ, побудившихъ законодателя устроить особый обрядъ преданія обвиняемыхъ суду (§ 20 стр. 163 — 166). Этотъ обрядъ выполняется судебною палатою по гражданскому департаменту. Вслѣдствіе этого палата принимаетъ участіе въ уголовномъ преслѣдованіи. Въ соображеніяхъ по этому предмету редакціонная коммисія находила, что по смыслу 58 и 59 ст. II ч. осн. полож. палатѣ

принадлежитъ право постановлять окончательныя опредѣленія о преданіи суду или о прекращеніи слѣдствій, независимо отъ послѣдовавшаго по дѣлу обвинительнаго или оправдательнаго заключенія прокурорской власти. Изъ этого слѣдуетъ, что верховная обвинительная власть по преслѣдованію преступленій сосредоточивается въ судебной палатѣ, дѣйствующей по вопросамъ о преданіи суду въ качествѣ камеры обвиненія. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія должно быть признаніе за палатою права не стѣсняться предѣлами обвиненія, указанными въ заключеніи прокурора, т. е. права привлеченія къ судебной отвѣтственности не однихъ только лицъ, которыя указаны прокуроромъ, но и всѣхъ тѣхъ которыя будутъ признаны палатою подлежащими отвѣтственности, а также права не стѣсняться кругомъ тѣхъ преступныхъ дѣйствій, противъ которыхъ возбуждено судебное преслѣдованіе, но возбуждать его и по отношенію къ такимъ дѣйствіямъ, которыя прокуроромъ оставлены безъ преслѣдованія. Такимъ образомъ палата, въ качествѣ камеры обвиненія, будетъ имѣть косвенный и небезполезный надзоръ за дѣйствіями власти обвинительной въ отношеніи къ возбужденію уголовныхъ исковъ и самому преслѣдованію (зап. къ проек. уст. угол. суд. стр. 248 — 249).

Вслѣдствіе такихъ соображеній закономъ постановлено: признавъ слѣдствіе достаточно полнымъ и произведеннымъ безъ нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, палата постановляетъ окончательное опредѣленіе *о преданіи суду* или *о прекращеніи дѣла*, а въ противномъ случаѣ обращаетъ дѣло къ *дослѣдованію* или *къ законному направленію* (уст. уг. суд. ст. 534). Палата имѣетъ право *измѣнить обвинительный актъ* прокурора по своему усмотрѣнію (ст. 537), *привлечь къ отвѣтственности такое лицо, которое не было привлечено, возбудить уголовное преслѣдованіе противъ лица, подозрѣваемаго* въ одномъ преступленіи, по *другому преступленію* (ст. 536, 515, 516); пріостановить, прекратить и *возобновить уголовное преслѣдованіе* (ст. 523, 542).

И такъ права судебной палаты въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію заключаются: а) въ повѣркѣ обвиненія и въ утвержденіи его, — б) въ возбужденіи, возобновленіи, пріостановленіи и прекращеніи преслѣдованія.

Вездѣ, гдѣ прокурорское учрежденіе получило болѣе или менѣе значительную власть по уголовному преслѣдованію, установлено наблюденіе и повѣрка его дѣйствій въ обвинительной палатѣ, чтобы дать возможность судебной власти слѣдить за правильностью преслѣдованія и обвиненія. Это важнѣйшая ограда и обезпеченіе общества противъ безнаказанности преступленій, частныхъ лицъ противъ покушенія на ихъ личную безопасность и свободу, обоихъ вмѣстѣ противъ пристрастнаго и односторонняго привлеченія къ дѣлу и суду, противъ увлеченія и ошибокъ должностныхъ преслѣдователей и обвинителей, пользующихся нерѣдко особенными преимуществами во время предварительнаго слѣдствія. Поэтому придаютъ особенную цѣну и важность наблюденію со стороны обвинительной палаты за уголовнымъ преслѣдованіемъ. Даже французская юриспруденція, наклонная къ толкованію преимуществъ публичнаго министерства въ самомъ широкомъ смыслѣ, признаетъ, что законъ, ввѣрившій независимой судебной палатѣ надзоръ за уголовнымъ искомъ и уполномочившій этотъ судъ на возбужденіе преслѣдованія, составляетъ непоколебимую и самую сильную охрану для личной неприкосновенности и свободы (опредѣлен. кассаціон. суда 22-го декабря 1822 года).

Такое вліяніе обвинительной палаты на уголовное преслѣдованіе не стѣсняетъ независимости лицъ прокурорскаго надзора, даже въ самомъ высшемъ проявленіи этого вліянія, когда палата предписываетъ преслѣдованіе извѣстнаго преступнаго дѣйствія, извѣстнаго лица. Палата въ этомъ случаѣ только даетъ ходъ уголовному иску, еще невозбужденному. Независимость лицъ прокурорскаго надзора вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы произвольно оставлять то или другое лицо, то или другое дѣйствіе безъ преслѣдованія; она заключается въ

свободной дѣятельности по уголовному преслѣдованію, опредѣленной законами. Получивъ требованіе судебной палаты относительно возбужденія уголовнаго преслѣдованія, прокуроръ остается свободнымъ въ способахъ и въ направленіи своихъ дѣйствій по исполненію этого требованія: онъ можетъ давать тѣ или другія предложенія въ производствѣ уголовнаго иска, ничѣмъ не стѣсняясь, кромѣ предписаній закона, за нимъ оставляется свобода убѣжденій и совѣсти. Имѣя это въ виду, законъ запрещаетъ обязывать прокурора къ поддержанію обвиненія вопреки его убѣжденію, когда по опредѣленію палаты предано суду такое лицо, о которомъ прокуроръ окружнаго суда полагалъ прекратить дѣло (уст. угол. суд. ст. 539). Здѣсь уже дѣло идетъ не о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія, не о побужденіи къ нему, но о дѣйствіи по производству иска, объ обвиненіи предъ судомъ и притомъ такомъ, которое имѣлъ въ виду прокуроръ и призналъ требующимъ прекращенія; тогда какъ предписаніе начать преслѣдованіе не есть еще положительное обвиненіе, указываетъ лишь на то, что упущено и о чемъ еще прокуроръ не могъ усвоить себѣ опредѣленное убѣжденіе, не производя уголовнаго иска и не зная, какое приметъ онъ направленіе и потому такое предписаніе не ставитъ его въ противорѣчіе съ его совѣстью.

Означенныя выше права и власть судебной палаты по уголовному преслѣдованію распространяются на слѣдующія дѣла: 1) на подсудныя окружному суду дѣла, по которымъ обвиняемые *не подвергаются ни лишенію, ни ограниченію правъ* состоянія — только въ отношеніи *прекращенія* и возобновленія преслѣдованія, при несогласіи окружнаго суда съ мнѣніемъ прокурора по вопросу о прекращеніи (ст. 528, 542); 2) на дѣла подсудныя окружному суду, по которымъ обвиняемые *подвергаются лишенію* или *ограниченію правъ* состоянія — по всѣмъ предметамъ, подлежащимъ разсмотрѣнію и разрѣшенію палаты въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію (ст. 523); 3) на дѣла, подсудныя судебной палатѣ (по уголовному департаменту) въ отношеніи обвинителя (ст. 1044, 1084).

Е. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи кассаціоннаго департамента сената.

§ 26. Подобно судебной палатѣ кассаціонный департаментъ сената *гражданскій* вѣдаетъ по нѣкоторымъ дѣламъ обвиненія и вопросы, съ нимъ соединенные. Такъ ему подвѣдомы: а) дѣла по обвиненію лицъ судебнаго вѣдомства въ преступленіяхъ должности (уст. уг. суд. ст. 1080 п 2, 1084); б) дѣла о прекращеніи слѣдствій по государственнымъ преступленіямъ. По этимъ дѣламъ онъ пользуется тѣми же правами и властью, какія предоставлены судебной палатѣ (ст. 1301 1103). Независимо отъ этого кассаціонному департаменту сената (уголовному), въ качествѣ верховнаго суда, наблюдающаго за всѣми судебными установленіями (учр. суд. уст. ст. 249) и вѣдающему разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ (уст. уг. суд. ст. 912); и о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ (тамъ же ст. 934), принадлежитъ высшій надзоръ за уголовнымъ преслѣдованіемъ, какъ частью уголовно-судебной дѣятельности. Надзоръ этотъ отличается отъ наблюденія по этому же предмету судебной палаты, тѣмъ, что первый имѣетъ въ виду только обсужденіе и рѣшеніе вопроса, выполнены ли законныя формы и обряды по отношенію къ уголовному преслѣдованію, правильно ли приложенъ законъ къ данному случаю, не нарушены ли предѣлы власти и кругъ вѣдомства, тогда какъ судебная палата разбираетъ преслѣдованіе съ фактической стороны, входитъ въ разсмотрѣніе, нѣтъ ли преступленій, оставленныхъ безъ преслѣдованія и должно ли продолжаться начатое преслѣдованіе.

Ж. Участіе въ уголовномъ преслѣдованіи полицейскихъ и разныхъ административныхъ властей.

§ 27. Основаніе, по которому дано участіе въ уголовномъ преслѣдованіи полицейскимъ и разнымъ административнымъ властямъ, заключается во 1) въ томъ, что при нашихъ боль-

шихъ пространствахъ и отдаленности судебныхъ участковъ и округовъ нѣтъ никакой возможности имѣть преслѣдователей и обвинителей для всѣхъ преступныхъ дѣйствій въ чинахъ прокурорскаго надзора: ихъ никакъ не можетъ быть столько, чтобы они были въ состояніи справиться съ уголовнымъ преслѣдованіемъ всѣхъ преступленій и проступковъ безъ разбора мелкихъ и важныхъ; поэтому волею неволею нужно было замѣнить чиновъ прокурорскаго надзора другими властями, которыя, подобно имъ, могли бы возбуждать и вести уголовный искъ по тѣмъ дѣламъ, по которымъ, нельзя расчитывать на преслѣдованіе со стороны частныхъ лицъ. 2) Администрація, вѣдая дѣла, подчиненными въ каждой отрасли ея, въ каждомъ вѣдомствѣ особой правительственной власти, имѣетъ свои интересы, заправляя которыми, она всего способнѣе оберегать ихъ, требовать удовлетворенія за нарушенія ихъ и преслѣдовать самыя нарушенія посредствомъ особыхъ представителей власти въ каждомъ отдѣльномъ вѣдомствѣ или посредствомъ полицейскихъ чиновниковъ, которымъ предоставлено предупрежденіе и пресѣченіе преступленій всякаго рода. Можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что интересы казны, разныхъ вѣтвей управленія не найдутъ со стороны чиновъ прокурорскаго надзора ни того рвенія, ни той сноровки въ преслѣдованіи нарушеній, которыхъ требуютъ дѣла этихъ управленій и вѣдомствъ, по ихъ особой спеціальности и относительной важности; сами представители интересовъ этихъ управленій вѣрнѣе могутъ оцѣнить значеніе дѣйствій, которыми причиняется вредъ и убытокъ и большую или меньшую необходимость взысканія за незаконныя дѣйствія.

Вслѣдствіе такихъ соображеній разныя административныя власти уполномочены закономъ на преслѣдованіе тѣхъ преступныхъ дѣйствій, которыя причиняютъ вредъ или убытокъ различнымъ отраслямъ управленія. Право преслѣдованія прежде всего принадлежитъ той административной власти, въ вѣдомствѣ которой оказалось нарушеніе закона, предписывающаго извѣстный образъ дѣйствій для охраненія порядка и правиль-

ности веденія дѣлъ по управленію, или же запрещающаго опредѣленныя дѣйствія въ предотвращеніе вреда и убытковъ подъ страхомъ наказанія. Кто именно изъ лицъ, вѣдающихъ дѣла того или другаго управленія, долженъ вчинать и производить уголовное преслѣдованіе опредѣляется особымъ уставомъ этого управленія и вѣдомства; за недостаткомъ такихъ лицъ могутъ быть уполномочены административною властью и особые повѣренные. Вообще же при отсутствіи представителей административной власти и бездѣйствіи ихъ право преслѣдованія принадлежитъ полицейскимъ чиновникамъ. Хотя полиція и администрація въ уголовномъ преслѣдованіи являются обвинителями не въ собственныхъ своихъ интересахъ, а въ интересахъ опредѣленной части управленія, однакожъ права ихъ по преслѣдованію нарушеній никогда не могутъ равняться съ правами чиновъ прокурорскаго надзора, потому что во 1) полиція и администрація допускаются къ уголовному преслѣдованію, какъ изъятіе изъ общаго правила о преслѣдованіи преступленій во имя закона чинами прокурорскаго надзора, уполномоченными на эту дѣятельность преимущественно предъ прочими должностными лицами; слѣдовательно и полиція и администрація должны держаться лишь тѣхъ предѣловъ правъ, которые отведены имъ въ видѣ изъятія. 2) Ни полиція, ни администрація не имѣютъ того особаго устройства, какое дано чинамъ прокурорскаго надзора, не соединяютъ условій, требуемыхъ для прокурорскихъ должностей, слѣдовательно не имѣютъ способностей для отправленія должностей. 3) Наконецъ чины прокурорскаго надзора, хотя не принадлежатъ судейскому сословію, но по свойству своихъ правъ и обязанностей включены въ составъ судебнаго вѣдомства; тогда какъ по нашимъ законамъ ни административныя, ни даже полицейскія власти не примыкаютъ къ этому вѣдомству; у насъ полицейскіе чины не входятъ въ число чиновъ прокурорскаго учрежденія, какъ во Франціи; у насъ кореннымъ началомъ принято отдѣленіе администраціи, а въ ряду ея и полиціи, отъ суда, судебныхъ должностей и судебныхъ

правъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что права полиціи и администраціи по уголовному преслѣдованію значительно ограничены и что въ тѣхъ случаяхъ, когда оно распространяется на важныя противозаконныя дѣйствія или бездѣйствія и достигаетъ предѣловъ, требующихъ участія чиновъ прокурорскаго надзора, права по преслѣдованію переходятъ къ нимъ отъ полиціи и администраціи. Въ частности административныя власти могутъ являться въ судѣ лишь для защиты интересовъ, ввѣренныхъ имъ по управленію, съ цѣлью удовлетворенія за вредъ и убытки, причиненные имъ нарушеніемъ, съ требованіемъ вознагражденія за нихъ по опредѣленію суда; поэтому, собственно говоря, права административныхъ властей по преслѣдованію не должны простираться далѣе тѣхъ правъ, которыя предоставлены частнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ преступленія, понесшимъ отъ него вредъ и убытки. Но къ этому опредѣленію правъ, вызываемому самою сущностью предмета, примѣшиваются еще постороннія понятія. У насъ разныя вѣдомства, особенно казенныя, пользуются преимуществами предъ частными лицами въ охраненіи и защитѣ ихъ интересовъ; сверхъ того понятіе о пенѣ, штрафѣ и конфискаціи, положенныхъ закономъ, какъ мѣра уголовнаго взысканія за нарушеніе, смѣшивается еще съ понятіемъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные нарушеніемъ; такимъ образомъ административное вѣдомство въ преслѣдованіи требуетъ этого денежнаго взысканія, какъ гражданскаго вознагражденія за вредъ и убытки. Для точнѣйшаго опредѣленія правъ и круга вѣдомства полиціи и администраціи, разсмотримъ тѣ и другія отдѣльно.

§ 28. Кругъ вѣдомства *полицейскихъ властей* распространяется вообще на противозаконныя дѣйствія, совершаемыя частными лицами и подвѣдомыя общимъ судебнымъ мѣстамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя вѣдаются судебными мѣстами не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ (уст. уг. суд. ст. 5, 49). Относительно нарушеній, касающихся различныхъ вѣдомствъ права полиціи на преслѣдованіе ограничи-

ваются предѣлами власти, предоставленной ей уставами этихъ вѣдомствъ (ст. 1129). Но права полицейскихъ властей по преслѣдованію различаются по важности преступленій и проступковъ. Гранью ихъ служитъ раздѣленіе подсудности мировыхъ судей и окружныхъ судовъ: по преступленіямъ и проступкамъ подсуднымъ первымъ они имѣютъ болѣе правъ, чѣмъ по преступленіямъ и проступкамъ, подсуднымъ вторымъ.

Права полицейскихъ властей по уголовному преслѣдованію въ дѣлахъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ (тамъ же ст. 33—34) дотого уравниваются съ правами частныхъ лицъ, что въ уставѣ уголов. судопр. они не различены и полицейская власть, представляя истца въ дѣлѣ по должности, называется, какъ и частное лицо, стороною; словомъ она не имѣетъ предъ нимъ никакихъ преимуществъ. Это уравненіе правъ происходитъ отъ того, что порядокъ разбирательства мировыхъ судей принялъ общую форму состязанія сторонъ безъ всякихъ примѣсей слѣдственнаго начала. Разумѣется не слѣдуетъ считать въ числѣ преимуществъ полиціи то, что она сама производитъ первоначальное розысканіе, которымъ обнаруживаетъ преступленіе или проступокъ (ст. 49); тогда какъ частное лицо должно обращаться съ жалобою къ мировому судьѣ или въ полицію для такого розысканія (47—48). Это право принадлежитъ ей не въ силу того, что она имѣетъ право преслѣдовать преступленіе, а потому что она *власть полицейская*, обладающая правами и всѣми средствами розыска. Права полиціи собственно по уголовному преслѣдованію состоятъ: 1) въ возбужденіи уголовныхъ дѣлъ сообщеніемъ мировому судьѣ (ст. 42 п. 2, 50) и 2) участіи въ судебномъ разбирательствѣ у мироваго судьи на правахъ уголовнаго истца, домогающагося не гражданскаго, денежнаго вознагражденія за вредъ и убытокъ, а уголовнаго взысканія за преступленіе и проступокъ. Права полиціи въ этой части обличенія такъ близко подходятъ къ правамъ частныхъ лицъ, что она можетъ прислать къ разбирательству вмѣсто себя повѣреннаго (ст. 64). При разбирательствѣ полицейская власть пользуется

правами: отводить мировыхъ судей (ст. 85), участвовать въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ, производимыхъ мировымъ судьею (108), возражать противъ доказательствъ, предъявленныхъ противною стороною (ст. 103, 119) распрашивать свидѣтелей обвиняемаго (ст. 100). Полиція можетъ объявить неудовольствіе на приговоръ мироваго судьи (ст. 146); но этимъ и оканчиваются права ея по уголовному преслѣдованію предъ мировымъ судьею; правъ на отзывъ и на участіе въ разбирательствѣ дѣлъ въ мировомъ съѣздѣ, она не имѣетъ; права эти переходятъ къ товарищу прокурора окружнаго суда по причинамъ указаннымъ выше (§ 10 стр. 361—362).

Что же касается преступленій и проступковъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, то права полицейскихъ властей по уголовному преслѣдованію заключаются только въ возбужденіи уголовнаго дѣла по собственному ея усмотрѣнію и въ требованіи производства предварительнаго слѣдствія сообщеніемъ (ст. 297 п. 2). Донося о сообщенномъ слѣдователю преступленіи и проступкѣ прокурору или его товарищу (ст. 250), полиція передаетъ ему и всѣ права по уголовному преслѣдованію.

§ 29. Дѣла, касающіяся разныхъ вѣтвей управленія, въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію, представляютъ три степени: 1) предоставленныя *непосредственному разбирательству* самихъ управленій, 2) подвѣдомыя *мировымъ судьямъ*, 3) подвѣдомыя *окружнымъ судамъ*.

Къ первому разряду относится значительное число маловажныхъ нарушеній уставовъ казеннаго управленія и правилъ общественнаго благоустройства и благочинія. Сюда принадлежатъ мелкія нарушенія правилъ А) уставовъ *казеннаго управленія*, а именно: а) по управленію акцизнымъ сборомъ съ питей, б) по управленію акцизнымъ сборомъ съ табаку, в) по управленію акцизнымъ сборомъ съ свекло-сахарнаго песку, г) по управленію таможенному, д) по управленію лѣсному, и е) по производству торговли и промысловъ (уст.

уг. суд. ст. 1124 въ приложеніи); Б) *уставовъ общественнаго благоустройства* и *благочинія*, а именно: а) устава врачебнаго, б) устава карантиннаго, в) постановленій торговаго мореплаванія, г) постановленій о биржахъ, д) постановленій по части ремесленной, г) постановленій о порядкѣ собраній дворянскихъ, городскихъ и сельскихъ, ж) постановленій о народной переписи и з) постановленій о содержащихся подъ стражею (тамъ же въ приложеніи къ ст. 1214). Во всѣхъ нарушеніяхъ этого разряда, по ихъ маловажности, какъ преслѣдованіе, такъ и самое наложеніе взысканій относятся исключительно къ той части управленія, въ которой сдѣлано нарушеніе, — безъ всякаго вмѣшательства и участія въ нихъ со стороны суда и его властей.

Второй разрядъ нарушеній, составляютъ преступленія и проступки противъ порядка управленія, противъ постановленій, касающихся различныхъ вѣтвей управленія и противъ имущества и доходовъ казны, подвѣдомыя *мировымъ судьямъ*. Часть преступленій и проступковъ этого разряда содержится въ уставѣ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (главы II — IX), другая же часть ихъ не вошла въ этотъ уставъ, а именно нарушенія уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и о торговлѣ, такъ какъ означенные три устава подвергнуты пересмотру и ожидается измѣненіе ихъ, поэтому до измѣненія ихъ слѣдуетъ искать опредѣленія нарушеній ихъ въ уложеніи о наказаніяхъ (уст. уг. суд. ст. 33 примѣч.). Право на возбужденіе уголовныхъ дѣлъ этого разряда принадлежитъ прежде всего представителямъ тѣхъ вѣдомствъ, интересы котораго нарушены преступленіемъ и проступкомъ, а потомъ полиціи и мировымъ судьямъ по лично и непосредственно усмотрѣннымъ ими нарушеніямъ (тамъ же ст. 42 п. 2, 3, ст. 49). Эту мысль высказываетъ законъ въ частности по отношенію къ преступленіямъ и проступкамъ противъ имущества и доходовъ казны и относительно нарушеній уставовъ благоустройства и благочинія (ст. 1125, 1129, 1130, 1215, 1223). Такимъ образомъ возбужденіе дѣлъ по наруше-

нію *частными лицами* уставовъ казеннаго управленія возлагается на присутственныя мѣста и должностныя лица этого управленія, а также на общую полицію въ предѣлахъ власти, отмежеванныхъ ей уставами казеннаго управленія (ст. 1129). Очевидно въ предѣлахъ этой власти полиція начинаетъ дѣло тогда, когда административное начальство само остается въ бездѣйствіи. Во время разбирательства у мироваго судьи административная власть назначаетъ особаго повѣреннаго, какъ представителя ея интересовъ (ст. 1186, 1187, 1216). Права его тѣ же самыя какими пользуется полицейская власть (§ 28); но администрація имѣетъ то преимущество предъ полиціею, что сама можетъ приносить отзывы на приговоры мировыхъ судей (ст. 1189, 1216). Въ мировомъ съѣздѣ интересы администраціи защищаетъ товарищъ прокурора, со всѣми правами, предоставленными ему въ дѣлахъ подвѣдомыхъ мировому съѣзду (ст. 1191, 1216).

Въ третьемъ разрядѣ преступленій и проступковъ, касающихся различныхъ административныхъ вѣдомствъ и подсудныхъ *окружнымъ судамъ*, власти, которыхъ интересы нарушены, имѣютъ право по уголовному преслѣдованію только на возбужденіе дѣла (уст. угол. суд. ст. 279 п. 2, 1125, 1128, 1129, 1130, 1215, 1221, 1223); затѣмъ отъ административныхъ властей оно переходитъ къ чинамъ прокурорскаго надзора, тѣмъ болѣе что съ этими дѣлами связаны интересы всего общества, охраненіе которыхъ этимъ чинамъ предоставлено. Но административная власть можетъ имѣть при производствѣ слѣдствія и суда своего особаго представителя — въ лицѣ повѣреннаго, когда самое дѣло сопряжено съ вредомъ и убытками для администраціи (ст. 1157, 1186, 1194, 1216). Онъ пользуется тѣми же правами, какія предоставлены гражданскому истцу по уголовному дѣлу.

3. *Участіе частныхъ лицъ въ уголовномъ преслѣдованіи.*

§ 30. Нѣтъ сомнѣнія, что большая или меньшая степень участія частныхъ лицъ въ уголовномъ искѣ зависитъ отъ боль-

шаго или меньшаго развитія сознанія въ народѣ общественныхъ узъ, той связи между отдѣльными лицами, которая внушаетъ стремленіе заботиться о благѣ общемъ, ставить его цѣлью своихъ дѣйствій, считать интересъ общества необходимымъ и полезнымъ для интереса личнаго, съ такимъ сознаніемъ и стремленіемъ соединяется признаваемая и проявляемая частными лицами въ дѣйствіяхъ потребность охранять интересъ общества, поддерживающій и оберегающій интересы частные, личные, преслѣдовать нарушеніе правъ и общественнаго порядка, во имя общества, какъ залога ненарушимости правъ и благосостоянія частныхъ лицъ, домогаться обвиненія за преступленіе и проступки не только вредные для этихъ лицъ, но и такіе, которые, въ данномъ случаѣ не причиняя очевиднаго вреда тому или другому лицу, потрясаютъ общее благо, колеблютъ неприкосновенность правъ общества, отражающуюся болѣе или менѣе на правахъ спокойствія, безопасности, благосостоянія отдѣльныхъ лицъ, если не въ настоящемъ, то въ будущемъ времени. Такое сознаніе и развитіе въ народѣ вырабатывается мало по малу и зависитъ отъ историческихъ причинъ общественнаго развитія народа, а равно отъ самыхъ условій и устройства общественной жизни, отъ большаго или меньшаго участія частныхъ лицъ въ общественномъ управленіи и охраненіи общественнаго порядка. Само собою разумѣется, что нельзя ожидать преслѣдованія преступленій, пагубныхъ для общества, со стороны частныхъ лицъ, если сознаніе общаго блага развито слишкомъ слабо, если они смотрятъ равнодушно на нарушенія его, если по тѣмъ или другимъ стремленіе къ охраненію его проявляется болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ. Устраненіе частныхъ лицъ отъ уголовнаго преслѣдованія лишь на этомъ одномъ основаніи понятно, когда уголовный искъ не обращается въ исключительное достояніе частнаго лица, не ставится въ зависимость отъ его произвола, не превращается въ обязанность, налагаемую такимъ исключительнымъ преобладаніемъ частнаго обвиненія. Слѣдуетъ желать вообще, чтобы уголовный искъ не от-

давался въ безграничное обладаніе ни публичнаго, ни частнаго обвинителя. Но совсѣмъ другой вопросъ, когда частныя лица вовсе изъемлются отъ участія въ уголовномъ преслѣдованіи и обвиненіи, когда оно предоставляется имъ лишь какъ изъятіе изъ общаго правила о преслѣдованіи всѣхъ преступленій должностнымъ обвинителемъ, когда частныя лица терпятся, допускаются въ уголовное преслѣдованіе только потому, что они пострадали отъ преступленія, понесли отъ него вредъ и убытокъ; когда у нихъ отнято право добровольнаго, но неисключительнаго обвиненія за предѣлами вреда и убытка, когда имъ не дозволено вести уголовный искъ, противъ преступленій и проступковъ, не причинившихъ имъ убытковъ, но вредныхъ для общаго блага и порядка, если частный обвинитель, предъявляя подобный искъ, выражаетъ тѣмъ желаніе вести его на свой страхъ и отвѣтъ. Ограниченіе частныхъ лицъ въ этомъ правѣ уже нельзя объяснить неспособностью ихъ пользоваться правомъ. Трудно и невозможно взвѣсить и измѣрить способность и стремленіе частныхъ лицъ преслѣдовать беззаконія, вредныя для общественнаго блага и порядка, но не оскорбляющія, отдѣльное лицо; если бы и можно было точно измѣрить и опредѣлить эту способность по отношенію къ массѣ, къ тому или другому классу народа, то никакъ нельзя сказать, что эта мѣрка приходится ко всѣмъ сословіямъ одинаково и ко всѣмъ лицамъ безъ разбора, что нѣтъ людей, умѣющихъ чувствовать зло наносимое обществу и что среди ихъ не найдутся способные проявить это чувство на самомъ дѣлѣ. Повальное обвиненіе цѣлаго народа въ равнодушіи къ общему благу, выводимое изъ фактовъ, опровергается другими фактами, въ которыхъ нельзя не замѣтить очевиднаго проявленія патріотизма, гражданской доблести, привязанности къ родинѣ, сословной чести, упорной защиты правъ и преимуществъ извѣстнаго класса; все это отростки и зародыши того сознанія и чувства общей связи, безъ которыхъ не можетъ устроиться и существовать общежитіе. Какъ бы слабо не было это сознаніе и чувство, нужно употребить

ихъ въ дѣло, а не давать имъ глохнуть, потому только что они слабы, нужно устранять препятствія къ ихъ развитію, а не загораживать имъ ходъ. Самая слабость ихъ развитія составляетъ большею частью плодъ тѣхъ разнородныхъ преградъ, которыя ставились и ставятся въ неустройствѣ общественномъ, въ подавленіи частнаго вчинанія, общественной самодѣятельности, въ отклоненіи и отказѣ частнымъ лицамъ принимать участіе въ охраненіи общественномъ. Такимъ образомъ допущеніе частныхъ лицъ къ преслѣдованію преступленій, посягающихъ на общее благо, необходимо для развитія общества и его самодѣятельности. Оно столько же полезно и необходимо для самаго уголовнаго преслѣдованія. Если оставить частному лицу однѣ заботы о вредѣ и убыткахъ, ему причиненныхъ, то оно всѣ свои дѣйствія ограничитъ только личнымъ, эгоистическимъ интересомъ и не пріучится охранять общественный интересъ, будетъ смотрѣть на всякій призывъ, въ качествѣ свидѣтеля, объявителя, доносителя, присяжнаго, не какъ на право, а какъ на тяжелую повинность, отъ которой уклониться будетъ для него очень желательно. Конечно отъ этого не выиграетъ, а много проиграетъ уголовное преслѣдованіе и правосудіе. Должностной обвинитель не имѣетъ такихъ способовъ и средствъ къ обвиненію, какія находятся въ рукахъ частныхъ лицъ, состоящихъ близъ самаго преступленія и источника свѣдѣній о немъ. *) Оффиціальный обвинитель самъ не въ состояніи обличить тѣ собственные пороки, которые, гнѣздясь въ извѣстной средѣ, находятъ для себя оправданіе и поддержку въ правахъ, въ предразсудкахъ. Наконецъ, введеніемъ добровольнаго частнаго обвиненія, и поставленіемъ его на ряду съ должностнымъ, отнимается у послѣдняго его исключительное положеніе, а у общества и государства, кромѣ тѣхъ орудій преслѣдованія, ка-

*) Въ нашей статьѣ «Практическія замѣтки судебнаго слѣдователя» мы подробно разъяснили, на основаніи данныхъ опыта, какъ трудно слѣдователю добыть истину вслѣдствіе его оффиціальнаго положенія и другихъ причинъ. См. Жур. Мин. Юст. май 1864 года стр. 378 — 398.

кими обладаетъ публичный обвинитель, являются новыя и притомъ даровыя. По этому для государства и правительства, въ ихъ собственныхъ интересахъ, весьма выгодно пользоваться преслѣдованіемъ вредныхъ имъ преступленій посредствомъ частныхъ лицъ. Для достиженія этой цѣли необходимы слѣдующія условія: 1) чтобы частныя лица являлись обвинителями безъ преобладанія и особыхъ преимуществъ; то есть чтобы преступленія преслѣдовались независимо отъ ихъ произвола, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда это право предоставляется имъ однимъ, вслѣдствіе особеннаго свойства преступленія и вреднаго вліянія преслѣдованія его противъ воли частнаго лица; 2) чтобы частныя лица сохраняли за собою право добровольнаго преслѣдованія беззаконія, независимо отъ того, причиняется ли имъ вредъ и убытокъ или нѣтъ, наравнѣ съ оффиціальнымъ обвинителемъ.

§ 31. Преобразованіе нашего уголовнаго судопроизводства не упустило изъ виду преслѣдованія преступленій частными лицами. Необходимость этого преслѣдованія оказывается у насъ ощутительнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, вслѣдствіе особенныхъ условій нашего государства. Большія разстоянія и пространства ставятъ непреодолимую преграду успѣшному преслѣдованію со стороны должностныхъ лицъ, которымъ оно ввѣрено: оказывается рѣшительная невозможность имѣть столько публичныхъ обвинителей, чтобы они могли справиться всюду и со всѣми противозаконными дѣйствіями. Сверхъ того законодатель не хотѣлъ отнять у частныхъ лицъ право преслѣдовать тѣ преступленія, которыя могутъ быть возбуждены, не иначе какъ по жалобамъ. Слѣдуя указаніямъ практической потребности и состоянія нашей общественной жизни, законодатель далъ частнымъ лицамъ такую мѣру участія въ уголовномъ преслѣдованіи, которая ставитъ нашъ уставъ далеко выше французскаго. У насъ частное лицо является обвинителемъ со всѣми правами по уголовному преслѣдованію не только въ маловажныхъ преступленіяхъ подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, но въ важныхъ подсудныхъ окружному суду.

Уступая практическимъ соображеніямъ, нашъ уставъ ограничилъ рамки частнаго обличенія преступленіями, которыми причинены имъ вредъ, убытокъ, оскорбленіе; но оставленіемъ за ними во многихъ случаяхъ всѣхъ правъ уголовнаго преслѣдованія, а въ нѣкоторыхъ—исключительно и независимо отъ должностныхъ обвинителей, положилъ прочныя основы къ развитію частнаго обвиненія. Для этого развитія уголовный уставъ имѣлъ готовую канву, содержащуюся въ уложеніи о наказаніяхъ и сводѣ законовъ.

Главнымъ началомъ для разграниченія уголовнаго преслѣдованія между частными и должностными лицами послужила 171 статья уложенія о наказаніяхъ, выдѣляющая изъ всей массы противозаконныхъ дѣяній цѣлый разрядъ уголовно-частныхъ преступленій и проступковъ, которые преслѣдуются, не иначе какъ по жалобѣ частныхъ лицъ, и раздѣляющая ихъ на два класса: 1) на такіе, преслѣдованіе которыхъ можетъ быть прекращаемо примиреніемъ и 2) на такіе, которые не погашаются примиреніемъ. Когда въ редакціонной коммисіи, проектировавшей уголовный уставъ, возникъ вопросъ, можетъ ли быть допущено частное обвиненіе и въ какихъ случаяхъ, то имѣя въ виду означенную статью уложенія о наказавіяхъ, коммисія находила, что «преступленія и проступки могутъ заключать въ себѣ нарушеніе главнѣйшимъ образомъ правъ частнаго лица, безъ особеннаго посягательства на безопасность общества или преимущественно посягательство на права общества. Въ первомъ случаѣ уголовныя дѣла могутъ быть вчинаемы не иначе какъ по жалобѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія вредъ и обиду или убытки, а во второмъ они начинаются безъ всякой жалобы по силѣ самого закона. Въ дѣлахъ перваго рода является истцемъ — частное лицо, въ дѣлахъ втораго рода—истцемъ представляется власть обвинительная, преслѣдующая преступленіе во имя закона. Одни изъ нихъ могутъ прекращаться примиреніемъ лица съ нарушителемъ его правъ, другіе ни въ какомъ случаѣ. Первые близко подходятъ къ дѣламъ гражданскимъ и подлежатъ болѣе

или менѣе порядку производства, для гражданскихъ дѣлъ установленному. Вторые слѣдуютъ особому теченію, однимъ чисто уголовнымъ дѣламъ свойственному. Обвинители во имя закона — прокуроры обязаны возбуждать и преслѣдовать только тѣ дѣла, въ которыхъ истцемъ представляется обвинительная власть, но они не могутъ и недолжны возбуждать производства уголовныхъ исковъ, касающихся главнымъ образомъ интересовъ одного частнаго лица и имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя, облеченнаго по закону полною властью, какъ преслѣдованія преступленія, такъ и прекращенія уголовнаго иска посредствомъ примиренія. Что же касается особаго разряда дѣлъ, *возбужденіе которыхъ предоставляется частнымъ лицамъ безъ права прекращать ихъ примиреніемъ;* то само собою разумѣется, что *право преслѣдованія* подобнаго рода дѣлъ *какъ скоро они частными лицами уже возбуждены, принадлежитъ оффиціальной власти,* по той причинѣ что только *возбужденіе* этихъ дѣлъ изъято изъ будущаго порядка уголовнаго преслѣдованія, а не дальнѣйшее ихъ производство (объяснит. зап. къ уст. уг. суд. стр. 8—9) Сверхъ того коммисія признала возможнымъ и удобнымъ совмѣстное производство съ уголовнымъ искомъ о наказаніи гражданскаго иска о вознагражденіи. По этому вопросу коммисія разсуждала, что «искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки имѣетъ нѣкоторыя свойства гражданскаго иска и потому могъ бы подлежать гражданскому суду. Но при такомъ порядкѣ нерѣдко одно и тоже дѣло разсматривалось бы два раза, — распространилось бы дѣлопроизводство и замедлилось бы окончаніе дѣлъ о вознагражденіяхъ, ибо судъ гражданскій не могъ бы приступить къ разсмотрѣнію дѣла до совершеннаго окончанія уголовнаго производства о самомъ преступленіи и проступкѣ, давшемъ поводъ къ иску о вознагражденіи. Поэтому принято за правило, что уголовный судъ, вѣдающій дѣло о преступленіи, обязанъ разсмотрѣть и вопросъ о вознагражденіи за причиненные имъ вредъ и убытки,

если искъ о томъ предъявленъ тому же суду» (тамъ же стр. 10—11).

На этихъ соображеніяхъ установились главныя правила объ участіи частныхъ лицъ въ уголовномъ преслѣдованіи по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судамъ и изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей, а именно: 1) судебное преслѣдованіе *возбуждается* какъ должностными, такъ и *частными* лицами (уст. угол. суд. ст. 2) Изъ правила объ *обличеніи* обвиняемыхъ предъ судомъ прокурорами и ихъ товарищами, сдѣлано изъятіе по дѣламъ, которыя на основаніи законовъ, не иначе могутъ быть возбуждаемы, какъ *вслѣдствіе жалобы лица, потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка.* По тѣмъ изъ числа сихъ дѣлъ, которыя дозволяется прекращать *примиреніемъ* (улож. о наказ. ст. 171), *обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ* представляется *исключительно частнымъ обвинителямъ*; по всѣмъ же прочимъ дѣламъ этого рода *право возбужденія уголовнаго иска* принадлежитъ *потерпѣвшему лицу*, а дальнѣйшее судебное преслѣдованіе — прокурору или его товарищу (тамъ же ст. 5.). Лицо *потерпѣвшее отъ преступленія* или проступка, но непользующееся правами частнаго обвинителя, *въ случаѣ заявленія иска о вознагражденіи*, во время производства уголовнаго дѣла, признается участвующимъ въ дѣлѣ гражданскимъ истцомъ (ст. 6).

Устройство мироваго суда получило у насъ особенное свойство. Какъ мы уже выше замѣтили, по внѣшнимъ условіямъ нашего государства, нѣтъ возможности распространить дѣйствіе чиновъ прокурорскаго надзора на преслѣдованіе преступленій и проступковъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ маловажнымъ дѣламъ этой подсудности дана форма, по возможности, сокращеннаго и упрощеннаго разбирательства. По этимъ причинамъ въ мировомъ судѣ главнымъ правиломъ, вмѣсто оффиціальнаго, принято существующее въ Англіи *частное обвиненіе.* Принявъ за основаніе, что въ дѣлахъ, касающихся правъ частнаго лица, потерпѣвшаго вредъ, убытокъ или оскорбленія, этому лицу или его повѣренному

лучше всего предоставить право обвиненія, законъ опредѣлилъ главное правило, по которому въ уголовныхъ дѣлахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ *обличеніе* обвиняемыхъ *предъ судомъ* принадлежитъ *потерпѣвшимъ* отъ преступныхъ дѣйствій *частнымъ лицамъ* наравнѣ съ полицейскими и административными властями (тамъ же ст. 3).

И такъ по нашимъ законамъ участіе въ уголовномъ преслѣдованіи предоставлено частнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ преступнаго дѣянія. Этимъ правомъ они пользуются или вполнѣ, какъ частные обвинители, призванные для обличенія обвиняемыхъ предъ судомъ или не въ полномъ объемѣ, какъ жалующіеся и гражданскіе истцы, участвующіе въ уголовномъ дѣлѣ. Права тѣхъ и другихъ по уголовному преслѣдованію различны; неодинаковъ и кругъ лицъ, участвующихъ въ немъ; это развитіе зависитъ отъ свойства преступленій и подсудности ихъ мировымъ или общимъ судебнымъ установленіямъ. Поэтому разсмотримъ участіе частныхъ лицъ въ уголовномъ преслѣдованіи по дѣламъ подвѣдомымъ мировымъ и общимъ судебнымъ установленіямъ.

а) По дѣламъ подвѣдомымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ.

§ 32. По дѣламъ подсуднымъ мировымъ судьямъ, къ уголовному преслѣдованію призываются всѣ частныя лица, *потерпѣвшія* отъ преступныхъ дѣйствій (уст. уг. суд. ст. 3.). Кого слѣдуетъ разумѣть подъ именемъ потерпѣвшихъ! Въ ст. 42 сказано: мировой судья приступаетъ къ разбирательству по *жалобамъ частныхъ лицъ потерпѣвшихъ вредъ и убытки.* Это опредѣленіе потерпѣвшихъ отъ преступленія не означаетъ только тѣхъ лицъ, которыя ищутъ вознагражденія за вредъ и убытки въ качествѣ гражданскихъ истцовъ. Законъ указываетъ только на то, что частное лицо, заявляя жалобою о преступленіи, причинившемъ ему вредъ и убытокъ, можетъ просить о вознагражденіи; но не разумѣетъ только тѣхъ, которые домогаются вознагражденія. По 122 ст. мировой судья

приговариваетъ признаннаго виновнымъ къ вознагражденію за причиненные имъ вредъ и убытки, *если обвинитель и гражданскій истецъ того требовали.* Слѣдовательно можно быть обвинителемъ, участвовать въ уголовномъ преслѣдованіи, безъ домогательства вознагражденія за вредъ и убытки. Самое слово обвинитель, въ противоположность гражданскому истцу, указываетъ на то, что уголовное преслѣдованіе со стороны частнаго лица, не останавливается на денежномъ взысканіи за вредъ и убытки, но распространяется и на уголовное наказаніе. Законъ предоставляетъ частному лицу *обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ* въ томъ преступленіи, отъ котораго это лицо потерпѣло, независимо отъ того ищетъ ли оно вознагражденія за вредъ и убытокъ. А. обвиняетъ Б. въ нанесенной ему обидѣ, въ сдѣланной угрозѣ, не требуя отъ Б. никакого вознагражденія. Такимъ образомъ подъ лицами, потерпѣвшими отъ преступленія слѣдуетъ разумѣть лицъ, не только понесшихъ вредъ и убытки и домогающихся вознагражденія за нихъ, но и лицъ оскорбленныхъ, обиженныхъ; уголовное преслѣдованіе имѣетъ въ виду не одно это вознагражденіе, но и уголовное взысканіе (ст. 119); обиженный можетъ проводить и одно уголовное обвиненіе.

Подъ *лицами, приносящими жалобу*, разумѣются не только тѣ, безъ жалобы которыхъ на основаніи 171 ст. улож, о наказ. и по 18 ст. уст. о наказ. налагаемыхъ мировымъ суд. не начинается уголовное дѣло, но и лица, которымъ причинены вредъ и убытокъ или оскорбленіе и по другимъ преступленіямъ, не подходящимъ подъ упомянутыя статьи. Эти статьи имѣютъ лишь то значеніе, что должностныя лица не могутъ возбуждать дѣлъ указанныхъ ими, а по нѣкоторымъ изъ нихъ не могутъ и продолжать возбужденнаго частнымъ лицемъ иска именно по тѣмъ, которыя погашаются примиреніемъ. Эти статьи отдаютъ уголовный искъ по упоминаемымъ въ нихъ преступленіямъ и проступкамъ въ исключительное обладаніе частныхъ лицъ: по однимъ изъ нихъ такое право ограничивается лишь возбужденіемъ уголовныхъ дѣлъ, по дру-

гимъ оно распространяется на обвиненіе въ полномъ объемѣ. По особенной важности 171 ст. улож. о наказ. необходимо разъясненіе ея. Въ статьѣ этой сказано: «когда преступленіе или проступокъ такого рода, что оные, на основаніи законовъ, *не иначе* могутъ подлежать вѣдѣнію и разсмотрѣнію суда, какъ *вслѣдствіе жалобы* обиженнымъ или оскорбленнымъ чрезъ противозаконное дѣяніе частнымъ лицомъ приносимой, то *приговоръ* о наказаніи виновнаго *отмѣняется, если принесшій жалобу примирится съ виновнымъ* прежде исполненія приговора. Изъ сего исключаются лишь особенные въ статьяхъ 440, 2077—2083, 2085, 2105, 2106, 2118,—2120 уложенія означенные случаи». По 35 ст. уст. уголов. суд. преступленія и проступки упомянутые въ первомъ пунктѣ означенной статьи уложенія подвѣдомы мировымъ судьямъ, не смотря на мѣру наказанія, *для склоненія сторонъ къ миру*, если же примиреніе не состоится, то мировой судья приступаетъ къ постановленію приговора въ предѣлахъ предоставленной ему власти (уст. угол. суд. ст. 120, 33, уст. о наказ. назнач. миров. суд. 18—20). Такимъ образомъ изъ преступленій и проступковъ, указываемыхъ 171 ст. улож. по однимъ можетъ возбуждаться уголовное преслѣдованіе со стороны частныхъ лицъ и затѣмъ если примиренія не состоялось, то начатый искъ можетъ продолжаться въ общихъ судахъ (уст. уг. суд. ст. 117); по другимъ, которыхъ мѣра наказанія не превышаетъ власти мировыхъ судей и мировыхъ съѣздовъ, начатый уголовный искъ можетъ, если примиреніе не состоялось, производиться и оканчиваться въ мировыхъ судахъ. Вычислимъ роды и виды такихъ преступленій и проступковъ и разграничимъ ихъ подсудность. Къ разряду преступленій и проступковъ, о которыхъ дѣла могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, уложеніемъ о наказ. и уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями отнесены:

1) *Всѣ непосредственныя личныя обиды*, за исключеніемъ обидъ нанесенныхъ *начальнику* подчиненнымъ (улож. о наказ. ст. 171, 440). Изъ числа поименованныхъ въ уложеніи ви-

довъ обидъ (тамъ же ст. 2086—2094) нѣкоторыя подсудны мировымъ судьямъ и вошли въ уставъ о наказ. назначенныхъ миров. суд. (ст. 130—135), но съ тѣмъ ограниченіемъ, что означенныя въ уставѣ обиды подлежатъ подсудности общихъ судовъ, если въ нихъ заключается особенное обстоятельство, усиливающее мѣру наказанія и предусмотрѣнное уложеніемъ (уст. 28, 135, улож. ст. 2086 п. 3., 2087 пунк. 2, 2088, 2089, 2092, 2093).

2) *Клевета и распространеніе оскорбительныхъ* для чьей-либо чести *сочиненій, изображеній или слуховъ* (уложеніе ст. 2095—2102). Изъ видовъ этого рода преступныхъ дѣйствій нѣкоторые подлежатъ подсудности мировыхъ судей (уст. о наказ. налаг. мир. суд. ст. 136, 137), но съ исключеніемъ изъ этой подсудности проступковъ соединенныхъ съ особыми обстоятельствами предвидѣнными уложеніемъ (тамъ же ст. 28, улож. 2079, 2099—2100, 2102).

3) *Угрозы* (улож. 2113—2117). Нѣкоторые виды этихъ преступленій подсудны мировымъ судьямъ (уст. о наказ. ст. 139—141), но съ вышеупомянутымъ исключеніемъ (тамъ же 28 улож. 2113 пунк. 3, 2114, п. 3, 2116, 2117).

4) *Задержаніе кого-нибудь безъ насилія* (улож. ст. 2108 съ примѣч.). Этотъ проступокъ въ уставѣ о наказ. налаг. мир. суд. не упоминается.

5) *Легкія раны, увѣчія, неважныя поврежденія* здоровья и неосторожное причиненіе ранъ и увѣчій, какова бы ни была ихъ тяжесть (улож. 2031, 2032, 2042, 2034, 2043, 2044). Въ уставѣ о наказ. налагаем. мир. суд. о ранахъ, увѣчьи и поврежденіи здоровья не упоминается, но по этому уставу къ числу проступковъ, о которыхъ дѣла начинаются по жалобѣ и прекращаются примиреніемъ отнесены *самоуправство* и употребленіе *насилія*, безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчья и безъ особенныхъ указанныхъ уложеніемъ увеличивающихъ вину обстоятельствъ (улож. ст. 2109 пунк. 2, 2111, 2112).

6) *Захваты чужаго недвижимаго имущества, несопро-*

вождаемые насиліемъ (улож. 2177, 2178, 2180—2182), а также *истребленіе* или *поврежденіе чужаго движимаго имущества*, когда отъ того никто *не подвергался опасности* (улож. 2202—2203). Въ уставѣ о наказ. налагаем. мир. суд. измѣнены нѣкоторыя статьи уложенія и подробно исчислены разные виды самовольнаго пользованія чужимъ имуществомъ и поврежденія его, также причисляемые къ проступкамъ, прекращаемымъ примиреніемъ (уст. ст. 145—153).

7) *Заимствованія* изъ *чужаго литературнаго* или *художественнаго произведенія* свыше той части, которую можно по закону заимствовать безъ нарушенія собственности литературной или художественной (улож. о наказ. ст. 2277). Этотъ проступокъ въ уставѣ о наказ. налаг. миров. судьями не упоминается.

8) *Явный подрывъ кредиту купца*, сдѣланный умышленно его *прикащикомъ* или *сидѣльцемъ* (улож. о наказ. 1696). Это преступленіе въ уст. о наказ. налаг. мировыми судьями не упоминается.

9) *Кражи и мошенничества*, между *дѣтьми* и *родителями* и между *супругами* (улож. 2251 прим., 2266 прим.). По уставу о наказ. налаг. мир. суд., *кражи*, *мошенничество* и *присвоеніе чужаго имущества* между супругами, а равно между родителями и дѣтьми тоже подлежатъ наказанію не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго убытокъ и прекращаются примиреніемъ (уст. о наказ. ст. 19—20).

10) *Жестокое обращеніе мужа съ женою* или *жены* съ мужемъ, нанесеніемъ увѣчья, ранъ или побоевъ (улож. ст. 2054). Въ уставѣ о наказ. налаг. мир. суд. объ этихъ преступныхъ дѣйствіяхъ не упоминается.

11) *Упорное неповиновеніе дѣтей* въ отношеніи къ *родителямъ*, развратная жизнь и другіе явные пороки дѣтей, дающіе право родителямъ, по требованію ихъ, безъ судебнаго разсмотрѣнія, заключать дѣтей въ смирительный домъ (улож. ст. 2164). Въ уставѣ о наказ. налаг. миров. суд. ни объ этихъ проступкахъ дѣтей, ни о правѣ родителей, ничего не гово-

рится, но этотъ уставъ причисляетъ къ проступкамъ судебнымъ по жалобѣ и погашаемымъ примиреніемъ *отказъ* нуждающимся *родителямъ*, со стороны дѣтей, въ *необходимомъ пособіи* (уст. ст. 143).

12) *Обольщеніе незамужней* женщины обѣщаніемъ жениться на ней и *прелюбодѣяніе* (улож. ст. 2084, 2156), прелюбодѣяніе преслѣдуется только по жалобѣ оскорбленнаго супруга если же не было жалобы со стороны его и прелюбодѣяніе открылось по производству какого-либо иного дѣла, то виновные отсылаются къ духовному суду (тамъ же). Въ уставѣ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями о прелюбодѣяніи и обольщеніи не упоминается; но этотъ уставъ относитъ къ проступкамъ, о которыхъ дѣла начинаются по жалобѣ и прекращаются примиреніемъ, *сообщеніе* другимъ *заразительной болѣзни*, происходящей отъ непотребства (уст. ст. 103, 18, 20).

13) *Притѣсненіе судовщиковъ*. Этотъ проступокъ причисленъ къ разряду погашаемыхъ примиреніемъ только уставомъ о наказаніяхъ, налаг. мир. судьями (ст. 84, 18, 20).

На уголовное преслѣдованіе означенныхъ преступленій имѣютъ право, какъ сами потерпѣвшіе обиду вредъ или убытокъ, такъ и лица заступающія ихъ права,—супруги, родители, опекуны и вообще тѣ, которые должны имѣть о нихъ попеченіе (тамъ же ст. 18).

Лица, имѣющія право на уголовное преслѣдованіе, могутъ возбуждать и продолжать его, какъ сами, такъ и чрезъ *повѣренныхъ* (уст. угол. суд. ст. 43, 44, 90, уст. гражд. суд. ст. 44, 50).

Частные обвинители пользуются слѣдующими правами: 1) возбуждать уголовное дѣло жалобою мировому судьѣ или полиціи (уст. угол. суд. ст. 35, 42 п. 1, 48); 2) участвовать въ разбирательствѣ мироваго судьи (тамъ же ст. 63); 3) отсрочить это разбирательство до представленія доказательствъ (ст. 73) и просить, чтобы издержки отъ неявки противной стороны были отнесены на ея счетъ (ст. 75); 4) отводить миро-

ваго судью и свидѣтелей (ст. 85—96); 5) во время разбирательства предлагать свидѣтелямъ противной стороны вопросы (ст. 100); 6) выслушивать доказательства противной стороны, опровергать ихъ и требовать повѣрки (ст. 103, 107); 7) участвовать въ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ и обыскахъ (ст. 108); 8) требовать личнаго взысканія съ обвиняемаго, вознагражденія за причиненные имъ вредъ и убытки и судебныя издержки, а равно возвращенія вещей добытыхъ преступнымъ дѣйствіемъ и объявлять условія примиренія (ст. 75, 119, 122, 126, 196); 9) выслушивать приговоръ мироваго судьи (127—128) и изъявлять удовольствіе или неудовольствіе на приговоръ (ст. 144); 10) указывать на невѣрность записки въ протоколахъ мироваго судьи показаній сторонъ, свидѣтелей, условій примиренія и отзывовъ на приговоръ, требовать поправокъ по сдѣланнымъ указаніямъ (ст. 143); получать копіи съ протоколовъ, приговора мироваго судьи и копіи съ отзыва противной стороны (ст. 148, 199), представлять объясненіе на отзывъ противной стороны (ст. 150); 11) приносить отзывъ на неокончательный приговоръ мироваго судьи, частныя жалобы на медленность производства и непринятіе отзыва и жалобу на окончательные приговоры мироваго судьи (ст. 145, 152, 173, 174); 12) участвовать въ разбирательствѣ мироваго съѣзда лично или черезъ повѣреннаго, съ тѣми же правами, какія предоставлены обвинителю въ разбирательствѣ мироваго судьи (ст. 156, 157); 13) разсматривать дѣло разбираемое съѣздомъ (ст. 155); 14) представлять объясненія въ съѣздѣ (ст. 158); 15) представлять свои доказательства, приводить свидѣтелей и просить о вызовѣ ихъ (ст. 159); 16) предлагать вопросы свидѣтелямъ (ст. 161); 17) представлять объясненіе (ст. 164), въ которомъ можетъ быть предъявлено требованіе объ увеличеніи мѣры наказанія обвиняемому, назначеннаго мировымъ судьею (ст. 168); 18) приносить жалобы на приговоръ мироваго съѣзда (ст. 173, 176) и 19) предъявлять объясненіе на жалобу противной стороны (ст. 177).

б) *По дѣламъ, подсуднымъ окружнымъ судамъ.*

§ 33, Въ дѣлахъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, уголовное преслѣдованіе принадлежитъ частнымъ лицамъ: а) въ полномъ объемѣ *частному обвинителю* по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ допускается частное обвиненіе, б) въ нѣкоторой части—*лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія обиду, оскорбленіе, вредъ и убытокъ* и обращающимся съ жалобами.

Частное обвиненіе допускается только по тѣмъ дѣламъ, которыя возбуждаются не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, и притомъ могутъ быть прекращаемы *примиреніемъ* (уст. угол. суд. ст. 5). Преступленія и проступки, составляющіе предметъ дѣлъ этого рода и упоминаемые въ ст. 171 п. 1. уложенія о наказаніяхъ: подробно исчислены въ предшествовавшемъ параграфѣ (§ 32 стр. 451—456). Этими преступленіями и проступками, если они не могутъ быть по мѣрѣ наказанія рѣшаемы мировыми установленіями, ограничивается частное обвиненіе по дѣламъ, подсуднымъ общимъ судебнымъ учрежденіямъ.

По означеннымъ дѣламъ выступаютъ обвинителями, какъ сами оскорбленные и понесшіе вредъ или убытокъ, такъ и лица, заступающія ихъ права—супруги, родители и опекуны (улож. о нак. угол. стат. 2094 прим. 2102 прим. 2108 и прим. 2117 прим). Частный обвинитель можетъ вести уголовный искъ или самъ или чрезъ посредство повѣреннаго (уст. угол. суд. ст. 570, 585). Дѣятельность частнаго обвинителя, какъ и прокурора, направлена прежде всего на уголовное взысканіе, на личное наказаніе обвиняемаго, хотя вмѣстѣ съ нимъ можетъ имѣть предметомъ и денежное вознагражденіе за вредъ и убытки; но если вознагражденіе требуется отдѣльно и жалоба ограничивается только этимъ предметомъ, то обвиненіе превращается въ гражданскій искъ, а обвинитель становится гражданскимъ истцомъ (ст. 6, 20).

Частному обвинителю предоставлены слѣдующія права по уголовному преслѣдованію: 1) возбуждать уголовное дѣло жа-

лобою съ требованіемъ производства слѣдствія (тамъ же ст. 297 п. 1); жалоба его считается достаточнымъ основаніемъ къ производству предварительнаго слѣдствія, такъ что судебный слѣдователь не можетъ отказать въ немъ (ст. 303). 2) При производствѣ слѣдствія частный обвинитель имѣетъ право: а) отводить судебнаго слѣдователя (ст. 273); б) во время производства предварительнаго слѣдствія выставлять свидѣтелей и отводить свидѣтелей обвиняемаго (ст. 444, 707), в) присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предлагать, съ разрѣшенія слѣдователя, вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ; г) представлять въ подкрѣпленіе своего иска доказательства; д) требовать на свой счетъ выдачи копій всѣхъ протоколовъ и постановленій (ст. 304); е) приносить жалобу суду на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее права частнаго обвинителя (ст. 491, 493, 498). Давать объясненія въ судѣ при разсмотрѣніи жалобы (ст. 504), выслушивать опредѣленія и получать копіи съ него (ст. 508, 509). 3) Участвовать въ судебномъ слѣдствіи и поддерживать въ немъ обвиненіе безъ участія прокурора (479, 511): а) разсматривать во всякое время подлинное дѣло въ канцеляріи суда и выписывать изъ него всѣ нужныя свѣдѣнія (ст. 570, 571); б) требовать вызова свидѣтелей и свѣдущихъ людей и въ случаѣ отказа вызывать ихъ на свой счетъ (ст. 574—578); в) отводить судей и обжаловать опредѣленія суда по этому предмету при жалобѣ на существо дѣла (ст. 600—602—605); г) имѣть въ закрытомъ засѣданіи своихъ родственниковъ и знакомыхъ (ст. 622); д) имѣть при себѣ памятныя записки по дѣлу (ст. 628), прочитывать письма и документы, когда они относятся къ предмету объясненій (ст. 629); е) отводить присяжныхъ засѣдателей (ст. 656); ж) требовать судебнаго изслѣдованія, не смотря на признаніе подсудимаго (ст. 682), чтенія протоколовъ объ осмотрахъ, освидѣтельствованіяхъ, обыскахъ и выемкахъ (ст. 687), повѣрки осмотра (ст. 688) и освидѣтельствованія (ст. 692); з) отводить по законнымъ причинамъ, свѣдущихъ людей и свидѣтелей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, во-

просы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и просить, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или отсутствіи другъ друга (ст. 630, 694, 731, 719—721, 723); и) осматривать вещественныя доказательства (ст. 697); і) представлять въ подтвержденіе своихъ показаній докательства (ст. 630), заявлять суду о вновь открывшихся доказательствахъ (ст. 733) и приготовиться къ состязанію по новому доказательству противной стороны (ст. 734); к) излагать заключительную рѣчь (ст. 736) и давать объясненія, какія по закону возлагаются на прокурора (ст. 737, 738, 741); л) возражать на защиту подсудимаго (ст. 748); м) дѣлать замѣчанія на вопросы, постановленные судомъ (ст. 762); н) въ случаѣ обвинительнаго рѣшенія присяжныхъ, дѣлать заключеніе относительно наказанія и другихъ послѣдствій виновности подсудимаго (ст. 820) и возражать противъ объясненія подсудимаго по этому предмету (ст. 825), о) выслушивать приговоръ и получать копію съ него (ст. 830); п) дѣлать замѣчанія относительно неточнаго изложенія въ протоколѣ происходившаго на судѣ дѣйствія или даннаго показанія (ст. 842—843). 4) Обжаловывать дѣйствія и приговоры суда: а) приносить апелляціонный отзывъ противъ приговора, постановленнаго окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (ст. 853—857), и получать копіи отзывовъ (ст. 871); б) подавать возраженія противъ отзыва подсудимаго (ст. 872); в) разсматривать дѣло (ст. 869); г) присутствовать въ судебной палатѣ при производствѣ дѣла (ст. 879); д) участвовать въ судебныхъ преніяхъ (ст. 888); е) приносить частныя жалобы (ст. 893, 995) и возраженіе на частную жалобу подсудимаго (ст. 898); ж) приносить кассаціонную жалобу объ отмѣнѣ окончательнаго приговора (ст. 906 — 909); з) присутствовать при докладѣ жалобы въ кассаціонномъ департаментѣ сената (ст. 917); и) представлять объясненія при докладѣ (ст. 921); і) представлять вопросы, подлежащіе разрѣшенію (ст. 923); к) приносить кассаціонную жалобу на рѣшеніе другаго суда по новому основанію (ст. 930).

Кромѣ частнаго обвинителя и другія частныя лица мо-

гутъ участвовать въ уголовномъ преслѣдованіи: изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ *гражданскому истцу* по уголовному дѣлу: онъ также какъ и частный обвинитель признается *участвующимъ въ дѣлѣ* (уст. угол. суд. ст. 6). Онъ не ограничивается только жалобою, но и требуетъ вознагражденія за вредъ и убытки, преступленіемъ ему причиненные. Онъ по отношенію къ этому предмету также участвуетъ въ обвиненіи, приводитъ доказательства въ подкрѣпленіе своего обвиненія, содѣйствуетъ въ уголовномъ преслѣдованіи прокурору и частному обвинителю, дѣйствуетъ въ немъ на свою отвѣтственность, на свой страхъ и рискъ (тамъ же ст. 782).

Различіе между гражданскимъ истцомъ и *приносящимъ* только *жалобу* состоитъ въ томъ, что первый заявляетъ искъ о вознагражденіи (ст. 6 — 7), тогда какъ послѣдній довольствуется одною жалобою; истецъ, съ предъявленіемъ иска, признается участникомъ въ уголовномъ процессѣ, имѣетъ не одни права въ немъ, но и несетъ тягость и издержки, связанныя съ этимъ процессомъ; тогда какъ жалующійся, безъ предъявленія гражданскаго иска, становится въ сторонѣ отъ дѣла и процесса, предоставивъ веденіе его должностному обвинителю.

Вслѣдствіе связи уголовнаго иска съ гражданскимъ, о которой мы говорили выше (§ 8, стр. 161), гражданскому истцу принадлежитъ извѣстная доля участія и вліянія на уголовное преслѣдованіе, хотя его требованіе простирается не на личное взысканіе, а на денежное вознагражденіе съ виновнаго. Его жалоба вызываетъ уголовное преслѣдованіе, которое становится обязательнымъ, именно вслѣдствіе жалобы истца. Гражданскій истецъ самъ не производитъ уголовнаго иска, который остается на рукахъ оффиціальнаго обвинителя, но возбуждаетъ этотъ искъ (уст. уг. суд. ст. 297). Жалоба гражданскаго истца считается достаточнымъ основаніемъ къ начатію предварительнаго слѣдствія; ни прокуроръ, ни судебный слѣдователь не могутъ отказать гражданскому истцу въ слѣдствіи (тамъ же ст. 262, 303).

Такою обязательностью производства уголовнаго иска не стѣсняется самостоятельность его и дѣйствій прокурора. Уголовный искъ не отданъ въ исключительную принадлежность прокурора; онъ принадлежитъ обществу, государству и прокуроръ производитъ его въ ихъ интересѣ; возбужденъ ли искъ самимъ прокуроромъ или частнымъ лицомъ, — нѣтъ никакой разницы въ обязанности вести искъ, въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково долженъ выполнять эту обязанность. Но частное лицо, гражданскій истецъ не можетъ связывать прокурора въ способахъ дѣятельности по уголовному иску, въ предъявленіи тѣхъ или другихъ требованій: въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ независимъ, не смотря на то, что искъ возбужденъ не имъ, а гражданскимъ истцомъ. Производя его, прокуроръ повинуется законамъ и своимъ убѣжденіямъ, не находится въ зависимости отъ требованій гражданскаго истца, отъ его интересовъ. Не имѣя права отказать въ производствѣ слѣдствія, онъ можетъ требовать прекращенія уголовнаго преслѣдованія, если не будетъ открыто достаточное основаніе къ обвиненію привлеченнаго къ слѣдствію лица (уст. уг. суд. ст. 510, 523). Не можетъ прокуроръ отказать гражданскому истцу въ уголовномъ преслѣдованіи и предварительномъ слѣдствіи, потому что кто жалуется и притомъ становится гражданскимъ истцомъ, тотъ имѣетъ за собою основаніе вѣроятности преступнаго дѣянія, на которое принесена жалоба; притомъ отказъ гражданскому истцу въ преслѣдованіи, когда онъ заявляетъ требованіе на вознагражденіе, равнялся бы отказу въ правосудіи. Такимъ правомъ не пользуется судебная власть, пока не будетъ имѣть достаточнаго убѣжденія въ неправильности требованій истца, а безъ производства предварительнаго слѣдствія нельзя придти къ тому или другому убѣжденію. По тому же основанію не дано право отказывать въ слѣдствіи по жалобѣ истца и судебному слѣдователю: онъ, не имѣя полной судебной власти, не можетъ по своему усмотрѣнію и прекращать производство слѣдствія (тамъ же ст. 277).

Дѣятельность гражданскаго истца вліятельна и полезна не только для гражданскаго, но и для уголовнаго иска: возбуждая послѣдній, онъ увеличиваетъ собою сумму средствъ, нужныхъ для общества и государства, къ преслѣдованію преступленій; служа себѣ, онъ несетъ службу въ пользу государства. Гражданскій истецъ дѣйствуетъ къ разоблаченію преступленія, указаніемъ слѣдовъ его и первоначальныхъ свѣдѣній, данныхъ къ открытію виновнаго и къ обнаруженію вины. Производя свой искъ, онъ становится дѣятельнымъ помощникомъ прокурора, указываетъ и розыскиваетъ доказательства его требованія, которыя могутъ быть весьма пригодны для успѣшности уголовнаго преслѣдованія; развивая и разъясняя свои заключенія и доводы, онъ можетъ быть подпорою въ развитіи основаній къ уголовному обличенію подсудимаго.

По такимъ соображеніямъ гражданскій истецъ допущенъ не только къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, но и къ непосредственному участію въ производствѣ предварительнаго слѣдствія и уголовнаго суда. Права его по этому участію будутъ разъяснены особо въ своемъ мѣстѣ (§ 34, стр. 205—208).

Но не одни гражданскіе истцы и частные обвинители признаются потерпѣвшими отъ преступленія и могутъ обращаться съ жалобою, а слѣдовательно возбуждать уголовное преслѣдованіе. Есть разрядъ лицъ, которыя по нашему закону не имѣютъ правъ на частное обвиненіе въ полномъ объемѣ его и которыя не являются въ ряду гражданскихъ истцовъ или потому что вредъ имъ причиненный, нанесенное оскорбленіе такого рода, что оно не влечетъ за собою права на денежное вознагражденіе или потому что они не домогаются этого вознагражденія и не желаютъ быть гражданскими истцами. Къ такимъ лицамъ принадлежатъ прежде всего тѣ лица, которымъ причинены вредъ или обида преступленіями, не погашаемыми примиреніемъ, но которыя имѣютъ исключительное право жалобы и возбужденія уголовнаго дѣла. Преступленія этого разряда такъ важны, что по тяжести не слѣдуетъ

оставлять ихъ безъ преслѣдованія, а между тѣмъ законъ, по особеннымъ причинамъ, допускаетъ его, не иначе какъ по жалобѣ оскорбленнаго лица. Они указаны въ 171 ст. пун. 2 улож. о наказ. Сюда относятся:

1) *Изнасилованіе* и *растлѣніе*, когда совершеніе преступленія не имѣло послѣдствіемъ смерти изнасилованной или растлѣнной, *похищеніе* и *обольщеніе дѣвицъ* и *женщинъ* (улож. о наказ. ст. 2076, 2079, 2082, 2083, 2085 и примѣч. къ ней). Всѣ дѣла о преступленіяхъ этого рода начинаются не иначе, какъ по жалобамъ самой изнасилованной, растлѣнной, похищенной или обольщенной или же ея родителей, родственниковъ, опекуновъ и другихъ лицъ, по званію своему обязанныхъ имѣть о ней попеченіе; о изнасилованіи же и похищеніи замужней женщины искъ начинается только или по собственной ея жалобѣ или по жалобѣ ея мужа (ст. 2153).

2) *Похищеніе незамужней женщины для вступленія* съ нею *въ бракъ*, *принужденіе къ вступленію въ бракъ* насиліемъ и угрозами, склоненіе кого-либо на противное его желанію супружество *приведеніемъ въ состояніе безпамятства* или *умоизступленія* и *совершеніе брака* чрезъ обманъ (улож. о наказ. ст. 2118 — 2120). Преступленія эти преслѣдуются, не иначе какъ по жалобѣ похищенной, угрожаемой и обманутаго или обманутой, а такъ же родителей ихъ и опекуновъ.

Очевидно, что въ большой части преступленій этого разряда нѣтъ мѣста иску о вознагражденіи въ собственномъ смыслѣ, а законъ не дозволяетъ оскорбленному лицу преслѣдовать преступленіе на правахъ частнаго обвинителя (уст. уг. суд. ст. 5), равно какъ не дозволяетъ возбужденіе уголовнаго дѣла безъ жалобы оскорбленнаго или заступающаго его права лица.

Независимо отъ упомянутыхъ преступленій, могутъ быть и другія, въ которыхъ потерпѣвшее лицо домогается не гражданскаго вознагражденія за вредъ и убытокъ, а удовлетворенія уголовнаго за оскорбленіе, обиду и вредъ и потому жалуется на нихъ.

Означенныя пострадавшія лица конечно не могутъ быть участниками въ процессѣ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ частяхъ его, но они являются участниками въ уголовномъ преслѣдованіи возбужденіемъ уголовнаго дѣла и притомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ исключительно отъ нихъ зависящихъ (тамъ же ст. 297 п. 1, 301 — 302). Жалобы ихъ почитаются достаточнымъ основаніемъ къ начатію предварительнаго слѣдствія (ст. 262, 303).

Законодатель не хотѣлъ предоставлять уголовнаго преслѣдованія однимъ должностнымъ лицамъ и отдавать его въ обладаніе этихъ лицъ на счетъ обиженныхъ и потерпѣвшихъ. Напротивъ изъ указанія основаній и поводовъ къ производству слѣдствія (ст. 297, 298, 303), замѣтно стремленіе значительно ограничить власть должностныхъ лицъ на возбужденіе уголовнаго дѣла, оставленіемъ за частными лицами этого права въ широкихъ размѣрахъ. По этому соображенію частному лицу, даже непострадавшему отъ преступленія, дано участіе въ уголовномъ преслѣдованіи, а именно объявленіе о преступномъ дѣяніи, при которомъ объявитель былъ *очевидцемъ, можетъ служить достаточнымъ поводомъ* къ слѣдствію (ст. 298).

Но по возбужденіи уголовнаго преслѣдованія жалобою или объявленіемъ очевидца, оно отходитъ къ чинамъ прокурорскаго надзора, отъ нихъ зависитъ продолженіе и дальнѣйшая участь уголовнаго иска.

Впрочемъ принесшему жалобу, но не объявителю, предоставлены нѣкоторыя права во время производства слѣдствія, а именно: 1) выставлять своихъ свидѣтелей; 2) присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и предлагать, съ разрѣшенія слѣдователя, вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ; 3) представлять въ подкрѣпленіе своей жалобы доказательства; 4) требовать на свой счетъ выдачи копій съ протоколовъ и постановленій (ст. 304). Принесшему только жалобу нельзя было отказать въ этихъ правахъ, потому что лицо подвергается взысканію вреда и убытковъ, причинен-

ныхъ подсудимому, неосновательнымъ привлеченіемъ къ дѣлу (ст. 780—781); подвергая этому взысканію, нужно было дать принесшему жалобу возможность защищать свои права. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ право приносить апелляціонный отзывъ на опредѣленіе суда о наложеніи на него означеннаго взысканія (ст. 860—861). Принесшіе жалобу не имѣютъ другихъ правъ, предоставленныхъ только участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, къ которымъ они по закону не причислены (ст. 5, 6).

Раздѣлъ II.

О лицахъ производящихъ гражданскій искъ въ уголовномъ дѣлѣ.

§ 34. Мы уже разсматривали отношеніе лицъ, понесшихъ вредъ и убытки, къ уголовному преслѣдованію (§ 33 стр. 187), теперь необходимо разсмотрѣть ихъ положеніе какъ гражданскихъ истцовъ, ихъ отношеніе къ иску о вознагражденіи за вредъ и убытки, въ которомъ назначена имъ самостоятельная роль и дѣятельность. Здѣсь разберемъ 1) условія дающія права на вчинаніе гражданскаго иска и во 2) права гражданскаго истца.

1. *Условія вчинанія гражданскаго иска.*

Гражданскій искъ въ уголовномъ дѣлѣ есть жалоба лица, потерпѣвшаго вредъ и убытки отъ преступленія или проступка и отыскивающаго вознагражденіе за нихъ (уст. уг. суд. ст. 6, 43, 46, 48, 301, и 302). Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что основаніе гражданскаго иска есть *вредъ* и *убытокъ*, *причиненные* тому *лицу*, которое *жалуется*. Гражданскій искъ есть *жалоба*. Отъ жалобы слѣдуетъ отличать объявленіе. *Объявленіе* имѣетъ въ виду лишь извѣщеніе о преступленіи или проступкѣ, съ цѣлью обнаруженія ихъ предъ властью преслѣдующею и изслѣдующею; жалоба есть также заявленіе о преступленіи, но для удовлетворенія, вознагражденія того лица, которое приносить ее. Объявленіе можетъ быть сдѣлано вся-

кимъ лицомъ, которому извѣстно о преступленіи, жалоба приносится только тѣмъ лицомъ, которое потерпѣло отъ преступленія.

Гражданскій искъ есть жалоба потерпѣвшаго отъ преступленія или проступка вредъ или убытокъ. Отсюда истекаетъ первое условіе требуемое отъ гражданскаго иска, а именно, чтобы вредъ и убытокъ происходили изъ *преступленія* или *проступка*, то есть изъ дѣянія или бездѣйствія, воспрещеннаго закономъ подъ страхомъ наказанія, взысканія. Такимъ образомъ вредъ и убытокъ, порожденные дѣйствіемъ, по закону невоспрещеннымъ, не можетъ быть предметомъ гражданскаго иска въ уголовномъ порядкѣ и предъ уголовнымъ судомъ; вчинаніе такого иска имѣетъ мѣсто лишь предъ гражданскимъ судомъ и въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства. Для повѣрки, существуетъ ли это условіе въ данномъ случаѣ нужно только знать, запрещено ли закономъ подъ страхомъ уголовнаго взысканія то дѣйствіе или бездѣйствіе, изъ котораго выводятъ вредъ и убытки.

Второе условіе, необходимое для вчинанія гражданскаго иска, требуетъ, чтобы вредъ или убытокъ былъ причиненъ тому *лицу*, отъ имени котораго вчинается гражданскій искъ и требуется вознагражденіе. Это искъ *личный*. Мы указывали (§ 32, 33, стр. 451 и 473) на преступленія и проступки, въ которыхъ уголовный и гражданскій искъ предоставлено вчинать, какъ самому оскорбленному и потерпѣвшему вредъ или убытки, такъ и его родителямъ, опекуну; эти послѣдніе обращаются съ жалобою не потому, что имъ причинено оскорбленіе, сдѣланъ вредъ или убытокъ, а вслѣдствіе того, что отецъ, супругъ и опекунъ заступаютъ лицо и права дочери, супруги и опекаемаго, они дѣйствуютъ не за себя а во имя того лица, которое состоитъ на ихъ попеченіи и которое они представляютъ, не по порученію или уполномочію его, а по тѣсной связи его съ этими лицами. Такимъ образомъ искъ отца и опекуна не есть искъ ихъ собственный а искъ того лица, которое они заступаютъ, которому нанесены вредъ или убытки и которое не можетъ выступить за себя вслѣдствіе

своей слабости и неспособности, охранять свои права. Такое предоставленіе вчинанія иска другому лицу не измѣняетъ свойства означеннаго условія гражданскаго, чтобы вредъ и убытки были причинены *лично* пострадавшему отъ преступленія. Но въ дѣйствительности бываютъ отношенія между людьми, въ которыхъ разрѣшеніе вопроса о принадлежности гражданскаго иска не такъ просто, какъ въ объясненныхъ сейчасъ случаяхъ. Можетъ быть, что преступленіе или проступокъ, причинившіе вредъ и убытки другому лицу, оказываются вредными или оскорбительными для меня. Напримѣръ воръ обокрадываетъ моего слугу, у котораго были мои деньги, женѣ нанесена обида, которая падаетъ на честь мужа. Конечно, такіе случаи бываютъ очень рѣдко, именно тогда, когда между двумя лицами, къ интересамъ которыхъ можетъ быть отнесено преступное дѣйствіе, находятся между собою болѣе или менѣе въ близкихъ отношеніяхъ: а) *Преступленія*, совершенныя надъ *лицомъ слуги* и *оказывающихъ* намъ услуги. Въ древнія времена и при крѣпостномъ правѣ вслѣдствіе тѣсной связи между слугою и господиномъ еще можно было говорить, что господинъ, помѣщикъ можетъ преслѣдовать преступленіе, совершенное надъ слугою и крѣпостнымъ человѣкомъ, въ особенности во время исполненія приказаній и службы господину, но въ настоящее время при свободныхъ отношеніяхъ слугъ и нанимающихъ въ услуженіе, нужно для права преслѣдованія и вчинанія гражданскаго иска, со стороны хозяина, чтобы оскорбленіе слугъ наносило вредъ лично самому хозяину; недостаточно вреда одному слугѣ, потому что онъ самъ считается способнымъ вчинать искъ и преслѣдовать преступное дѣйствіе, его оскорбляющее. Но если кража слуги распространилась и на вещи лица, у котораго онъ служитъ, если обманъ и мошенничество, которымъ подвергся слуга, нанесли вредъ и убытки этому лицу, если насиліе и оскорбленіе, сдѣланное слугѣ, направлено было на честь и личное достоинство хозяина, то конечно онъ имѣетъ право иска и преслѣдованія преступнаго дѣянія, потому что оно причиняетъ лично ему вредъ, убытки и оскор-

бленіе. б) *Преступленія и проступки, совершенные надъ лицомъ и имуществомъ жены.* Въ древнія времена всѣ эти преступленія преслѣдовались мужемъ, вслѣдствіе рабства мужа надъ женою; въ настоящее время во многихъ западныхъ государствахъ образуется общность имущества мужа и жены и притомъ мужъ имѣетъ власть надъ женою въ отношеніи распоряженія ея имуществомъ; поэтому всѣ иски ведутся или самимъ мужемъ или женою, съ разрѣшенія мужа. У насъ нѣтъ общности имущества супруговъ, напротивъ нашимъ закономъ признана раздѣльность ихъ собственности (св. зак. X т. ч. I, ст. 109—115, 117); жена признается полноправною во всѣхъ отношеніяхъ. Поэтому общее правило относительно вреда и убытковъ, оказанныхъ преступнымъ дѣяніемъ имуществу жены остается въ своей силѣ: мужъ тогда только можетъ вступиться въ преслѣдованіе вреда и убытковъ, причиненныхъ женѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ пострадалъ его собственный интересъ; но на веденіе гражданскаго иска отъ имени жены ему нужна довѣренность. По нѣкоторымъ преступнымъ дѣяніямъ, какъ выше было сказано, въ силу самого закона, мужъ имѣетъ право защищать жену, преслѣдовать обиду, вредъ и убытокъ, ей нанесенные преступнымъ дѣяніемъ (уст. о наказ. налаг. мир. суд. ст. 18 улож. о наказ. 2094 прим., 2102 прим. и проч). Въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ самымъ закономъ мужъ уполномоченъ на преслѣдованіе и искъ вреда и обиды, нанесенныхъ женѣ. в) *Преступленія или проступки противъ одного изъ членовъ сословія, собранія, общества.* Если преступное дѣяніе наноситъ обиду, вредъ или убытокъ члену сословія, общества, собранія, то представитель этихъ юридическихъ лицъ вправѣ начать преслѣдованіе и искъ за оскорбленнаго члена въ такомъ только случаѣ, когда они поражаютъ интересъ и достоинство всего сословія, общества, собранія, хотя сдѣланы одному лицу.

Другое обстоятельство, требующее разъясненія и особаго примѣненія высказаннаго общаго правила, — есть то, когда *лицо пострадавшее отъ преступнаго дѣянія умерло.* Здѣсь

могутъ быть три случая: а) когда *преступное дѣяніе было причиною смерти.* Конечно со смертью лица, произведенною преступнымъ дѣяніемъ умышленнымъ или неосторожнымъ, не утрачивается право на преслѣдованіе зла нравственнаго, причиненнаго семейству убитаго и вреда имущественнаго, понесеннаго имъ вслѣдствіе потери члена семьи. Семейство вступаетъ во всѣ права по преслѣдованію и иску въ преступномъ дѣяніи этого рода. Это правило освящено и нашимъ закономъ (св. зак. X т. ч. I ст. 657 — 659), права эти переживаютъ покойнаго и переходятъ къ членамъ семьи, заступающимъ его лицо и его права. Они переходятъ прежде всего къ ближайшимъ наслѣдникамъ и къ тѣмъ *лицамъ, которыхъ покойный содержалъ своими трудами* (тамъ же ст. 657; б) *когда преступное дѣяніе не было причиною смерти.* Относительно перехода правъ по преслѣдованію и иску въ этомъ случаѣ необходимо различать: была ли подана жалоба и начатъ искъ самимъ покойникомъ или нѣтъ. Если преслѣдованіе и искъ были начаты имъ, то наслѣдники и заступающіе его права имѣютъ полное право продолжать преслѣдованіе и искъ. Уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ имѣютъ значеніе *личныхъ*, лишь въ томъ отношеніи, что они должны быть вчинаемы лицомъ пострадавшимъ, какъ это и есть въ настоящемъ случаѣ. Если покойный самъ не вчиналъ иска, то необходимо различать: зависятъ ли преслѣдованіе и искъ отъ жалобы пострадавшаго или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ искъ переходитъ на другихъ лицъ лишь тогда, когда самъ законъ уполномачиваетъ ихъ на преслѣдованіе и жалобу и именно къ тѣмъ лицамъ, которыя уполномочены на это; но если права этого не дано закономъ никому, кромѣ самого потерпѣвшаго, или если лица, которымъ предоставлено право жалобы за пострадавшаго, не жалуются, то по смерти наслѣдники его не имѣютъ права вчинать гражданскій искъ, потому, что искъ этотъ зависитъ исключительно отъ жалобы и не достаетъ лицъ, за которыми законъ оставилъ право жалобы, а нѣтъ жалобы — не можетъ быть и рѣчи о послѣдствіи ея въ гражданскомъ искѣ.

Здѣсь смерть лица пострадавшаго имѣетъ значеніе отказа отъ жалобы и иска. Что же касается другихъ преступленій и проступковъ, преслѣдованіе которыхъ не поставлено въ зависимость отъ жалобы, то со смертью лица пострадавшаго, гражданскій искъ переходитъ къ наслѣдникамъ по общему правилу (св. зак. X т., ч I, ст. 1258). в) *Преступленія* и *проступки, совершенные по смерти* лица, оскорбленіе его праха, памяти о немъ, обида его доброму имени. Нельзя не обратить вниманіе, на то, что когда преступное дѣяніе направлено на личность потерпѣвшаго и учинено по смерти его, гражданскій искъ, рождающійся не въ моментъ открытія наслѣдства, не можетъ быть переданъ умершимъ наслѣднику и не переходитъ къ нему. Весь вопросъ въ томъ только, имѣютъ ли право представители личности умершаго, заступающіе его права, преслѣдовать преступныя дѣйствія, направленныя противъ его чести, имени, памяти? По римскому праву, наслѣдникъ имѣлъ право преслѣдовать обиду, нанесенную памяти покойнаго (L 1, §§ 4, 6). У римлянъ наслѣдникъ долженъ былъ оберегать личное достоинство умершаго; обида, ему нанесенная, разсматривалась, какъ будто обида самому наслѣднику, его личному достоинству; послѣдній всегда считался заинтересованъ въ очищеніи отъ безславія памяти умершаго (spectat ad existimationem si qua ei fit injuria, dicendum est hæredi quodammodo facta, semper hæredis interest existimationem purgare). Въ этомъ случаѣ наслѣднику принадлежало право личнаго иска за добрую память объ умершемъ. Но это ученіе римскаго права, выведенное изъ юридическаго предположенія, основано на другомъ такомъ же предположеніи, будто наслѣдникъ представляетъ, олицетворяетъ въ себѣ всѣ права умершаго и самую личность его. Но въ наше время было бы странно высказывать такое предположеніе римскаго права, богатаго предположеніями всякаго рода, часто опровергаемыми и разрушаемыми дѣйствительною жизнью, ея потребностями. Конечно и римляне не вчинали иска противъ Ливія, Цицерона, Тацита, потревожившихъ своими страницами память не од-

ного умершаго; допускать личный искъ за память умершаго, значило бы отнять у историка право оцѣнки личныхъ достоинствъ историческихъ дѣятелей, возбудившихъ противъ себя негодованіе народа, оставившихъ послѣ себя безславную память о своихъ злодѣяніяхъ; такой искъ уравнивался бы съ уничтоженіемъ исторіи и суда потомства, это было бы вредно и въ нравственномъ отношеніи, потому что человѣчество потеряло бы ту великую обуздывающую силу, которая кроется въ приговорѣ потомства, въ общественномъ мнѣніи. Притомъ какая нескладица въ юридическомъ опредѣленіи, что память умершаго переходитъ въ наслѣдство! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ можно распоряжаться ею, какъ вещью. Наше время и наши законы не доставляютъ наслѣднику такого духовнаго наслѣдія, неземнаго богатства; наслѣдникъ имѣетъ право лишь на цѣнное и видимое имущество, а не на идеальное; отъ умершаго онъ получаетъ съ другимъ имуществомъ право взыскивать долги ему слѣдовавшіе, иски на другихъ лицахъ, а также обязанность платить его долги другимъ и отвѣчать за иски къ нему, (св. зак. X т., ч. I, ст. 1258—1259); но никакъ не право на добрую память о немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что добрая память объ умершемъ драгоцѣнна для его родныхъ и друзей, что уваженіе къ личности его переживаетъ его. Нашъ законъ напоминаетъ дѣтямъ, что почтеніе къ памяти родителей должно продолжаться и по кончинѣ ихъ (тамъ же ст. 177); но это также нравственное правило, какъ и то, что мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло (тамъ же ст. 106). Правда, что такія нравственныя наставленія не должны имѣть мѣсто въ законахъ, опредѣляющихъ юридическія отношенія и обязанности, а не нравственныя; но нашъ законъ не даетъ дѣтямъ и мужу права иска за неуваженіе другими къ памяти родителей и жены. Уваженіе или неуваженіе къ памяти умершаго относится къ области нравственныхъ явленій, — неподлежащихъ юридическимъ опредѣленіямъ и уголовному преслѣдованію; доброе имя, честь умершихъ поддерживается, охраняется и защищается не уголовнымъ искомъ, а общественнымъ мнѣніемъ, предъ которымъ можетъ быть жалоба

и апелляція того, кто дорожитъ памятью умершаго. Уголовное правосудіе не заглядываетъ въ жизнь загробную, довольно ему хлопотъ и съ жизнью настоящею, текущую. Другое дѣло, когда оскорбленіе, наносимое чести и памяти покойнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ поражаетъ и честь живыхъ, когда неуваженіе направлено на имя покойнаго съ ясною цѣлью, чтобы оскорбить живыхъ, повредить ихъ интересу; тогда разумѣется, послѣдніе имѣютъ право вчинать искъ и уголовное преслѣдованіе. Но здѣсь искъ и преслѣдованіе допускаются именно потому, что наносится вредъ и обида не умершему, а живому: послѣдній, защищая себя, косвеннымъ образомъ охраняетъ честь перваго; для вчинанія такого иска нужно имѣть достаточное основаніе, что нанесены вредъ и обида — дѣйствительные, а не воображаемые, что они падаютъ на имущество и личность жалующагося, а не умершаго и что они поражая послѣдняго, на самомъ дѣлѣ разятъ и перваго. Напримѣръ понося честь отца, укоряя его семейныя отношенія, могутъ оскорбить дѣтей указаніемъ на незаконность ихъ рожденія, повредить ихъ имущественному интересу обвиненіемъ въ преступномъ пріобрѣтеніи родителями наслѣдственнаго имѣнія. Но во всякомъ случаѣ необходимо удостовѣреніе, что дѣти дѣйствительно и лично пострадали отъ преступнаго дѣянія, направленнаго на честь умершихъ родителей ихъ и что оно учинено съ очевиднымъ намѣреніемъ нанести имъ вредъ или обиду.

Третье условіе для вчинанія гражданскаго иска, состоитъ въ томъ, чтобы *вредъ и убытокъ были прямымъ послѣдствіемъ преступнаго дѣянія или бездѣйствія.* Объяснимъ примѣромъ: *А* былъ арестованъ и преданъ суду по ошибкѣ. По освобожденіи отъ суда *А* вчинаетъ искъ о вредѣ и убыткахъ отъ неправильнаго арестованія и обвиненія противъ *Б* — настоящаго виновника преступленія, въ которомъ *А* былъ обвиняемъ. Такой искъ не имѣетъ достаточнаго основанія потому что вредъ и убытки *А* не истекаютъ прямо изъ преступленія *Б.* Конечно преступленіе *Б* повлекло за собою арестованіе и преданіе суду *А* отъ которыхъ возникли для него

вредъ и убытки; но преступленіе *Б* неповредило непосредственно ни личности, ни имуществу *А*, открытіе виновности *Б* не имѣетъ прямой связи съ этими убытками, *Б* невиновенъ въ нихъ. Ошибка или недобросовѣстность въ уголовномъ преслѣдованіи, а не вина *Б* были причиною вреда и убытковъ для *А*. Сокрытіе *Б* отъ преслѣдованія можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ увеличить его уголовную отвѣтственность, но не можетъ быть предметомъ обвиненія въ убыткахъ *А*, такъ какъ они произошли не отъ преступленія *Б*, а отъ посторонняго обстоятельства.

Четвертое условіе для вчинанія гражданскаго иска, заключается въ томъ, чтобы *преступное дѣяніе, фактъ, изъ котораго произошли вредъ и убытки, былъ удостовѣренъ*. Какъ уголовное преслѣдованіе, такъ и гражданскій искъ не имѣютъ мѣста, коль скоро не удостовѣрено, что преступленіе или проступокъ дѣйствительно учинены. Нельзя основывать иска на одномъ отдаленномъ предположеніи о томъ, что фактъ былъ.

Пятое условіе для вчинанія иска требуетъ *дѣйствительности вреда, обиды, убытковъ и цѣнности ихъ*. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, что убытки должны основываться на одномъ имущественномъ интересѣ; вредъ можетъ быть нравственный, самъ по себѣ неоцѣнимый, но изъ него могутъ возникнуть убытки, подлежащіе оцѣнкѣ. Петръ нанесъ личную обиду Павлу, Иванъ убилъ отца Семена; Павлу и Семену причиненъ вредъ нравственный, но они могутъ требовать въ гражданскомъ искѣ денежнаго, цѣннаго вознагражденія за обиду или убытки. Означенное условіе требуетъ только, чтобы вредъ, обида были дѣйствительные а не воображаемые, мнимые и убытки подлежали оцѣнкѣ. Законъ говоритъ, *что лица потерпѣвшія отъ преступленія* или проступка могутъ заявлять о вознагражденіи (уст. угол. суд. ст. 6), это значитъ, что только *дѣйствительно пострадавшія* лица имѣютъ право на искъ. Если вредъ отъ преступнаго дѣянія только *могъ* быть, если дѣйствіе не оказалось вреднымъ, хотя и могло быть такимъ, то конечно нѣтъ основанія и права на искъ:

будущій, предполагаемый вредъ не есть дѣйствительный и не подлежитъ оцѣнкѣ. Недостаточно, чтобы преступленіе *когда нибудь* впослѣдствіи оказало свой вредъ, нужно, чтобы онъ ощущался, былъ чувствительнымъ съ того времени, когда учинено преступленіе, чтобы его пагубныя послѣдствія выказались на самомъ дѣлѣ, чтобы отъ него пострадали жизнь, честь имущество уже въ тотъ моментъ, когда предъявляется искъ. Судъ не станетъ интересоваться предполагаемыми опасеніями, мечтами пугливаго воображенія. Покушеніе на преступленіе, не сопровождавшееся никакими вредными послѣдствіями, не даетъ никакого иска на вредъ и убытки. *А* стрѣляетъ въ *Б*; произошла осѣчка, *Б* ни убилъ, ни ранилъ *А*; *А* не имѣетъ права на искъ къ *Б*. Безъ сомнѣнія *А* подвергался опасности и *Б* сдѣлалъ покушеніе на убійство или на причиненіе ранъ; за это *Б*, подлежитъ уголовному, а не гражданскому иску со стороны *А*. Нѣтъ возможности означить, оцѣнить страхъ и волненіе *А*; еще менѣе подлежитъ оцѣнкѣ опасеніе *А* на счетъ будущаго вреда при новомъ покушеніи *Б*. *А* можетъ начинать искъ въ одномъ лишь случаѣ, когда покушеніе сопровождалось дѣйствительнымъ разстройствомъ здоровья отъ испуга, ужаса. Недовольно одного страданія безъ видимаго вреда, который можно было бы оцѣнить. Частному лицу въ извѣстной мѣрѣ предоставлено право преслѣдовать преступленіе или проступокъ въ уголовномъ смыслѣ, въ общественномъ интересѣ, домогаться уголовнаго взысканія; но для преслѣдованія гражданскимъ искомъ, въ частномъ интересѣ, нужно, чтобы искъ имѣлъ достаточное основаніе, чтобы былъ дѣйствительный, несомнѣнный и способный къ оцѣнкѣ. Разумѣется при самомъ вчинаніи иска нельзя требовать, чтобы вредъ былъ вполнѣ доказанъ, оправданъ: доказательства вырабатываются предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, разбирательствомъ; не нужно для иска и прямаго указанія виновника вреда, онъ можетъ быть открытъ производствомъ уголовнаго и гражданскаго иска. Но слѣдователь и судья имѣютъ право требовать и отъ гражданскаго истца точнаго

указанія въ жалобѣ, въ чемъ именно состоялъ вредъ и убытки, ему причиненные и восколько они хоть приблизительно цѣнятся, чтобы производящій слѣдствіе и разбирающій дѣло не имѣли сомнѣнія на счетъ основанія требованій истца (уст. угол. суд. ст. 46, 302).

2. *Права гражданскаго истца.*

Коль скоро искъ предъявленъ, гражданскій истецъ во время производства слѣдствія и суда, какъ участвующій въ дѣлѣ, пользуется тѣми же правами, какія предоставлены частному обвинителю, разумѣется въ предѣлахъ гражданскаго иска, требованія вознагражденія за обиду вредъ и убытки, а не уголовнаго взысканія за преступленіе и проступокъ. Права того и другаго такъ сходны между собою, что въ дѣлахъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, законъ не отличаетъ правъ гражданскаго истца, отъ правъ обвинителя. Законодатель не находитъ нужнымъ установлять различіе между правами того и другаго, потому что во 1) вообще разбирательство мировыхъ судей и съѣздовъ приведено къ простотѣ и несложности, всякіе оттѣнки и уклоненія отъ нея не соотвѣтствовали бы существенному свойству такого разбирательства, по возможности краткаго, основаннаго на примиреніи и не были бы сообразны съ маловажностью дѣлъ; во 2) разбирательство имѣетъ общую одинаковую форму — состязанія сторонъ, какъ въ гражданскомъ, такъ и уголовномъ процессѣ; въ 3) искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, если онъ возникаетъ изъ преступленія и проступка, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ, большею частью сливается съ уголовнымъ преслѣдованіемъ, обвиненіемъ; слѣдовательно и съ этой стороны не предстояло надобности различать права обвинителя и гражданскаго истца. Впрочемъ законъ предвидѣлъ, что гражданскій истецъ можетъ выступить отдѣльно отъ обвинителя по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые обличаются полицейскою или административною властью (уст. угол. суд. ст. 50, 145).

Что касается дѣлъ, подсудныхъ окружнымъ судамъ, то по этимъ дѣламъ нерѣдко отдѣльное предъявленіе иска о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія и проступка; поэтому законъ означилъ права гражданскаго истца, называя его иногда стороною или участвующимъ въ дѣлѣ. По дѣламъ этого рода, гражданскій истецъ имѣетъ право: 1) *Во время производства предварительнаго слѣдствія* а) отводить судебнаго слѣдователя (уст. уг. суд. ст. 273); б) приносить жалобу прокурору судебной палаты на то, что прокуроръ окружнаго суда или его товарищъ не устранилъ себя отъ наблюденія за производствомъ слѣдствія (ст. 287); в) выставлять своихъ свидѣтелей и отводить свидѣтелей обвиняемаго (ст. 304, 444, 707); г) присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ лично или чрезъ повѣреннаго и предлагать, съ разрѣшенія слѣдователя, вопросы обвиняемому и свидѣтелямъ, представлять въ подкрѣпленіе своего иска доказательства просить о принятіи мѣръ къ обезпеченію отыскиваемаго вознагражденія (ст. 305); е) требовать на свой счетъ выдачи копій всѣхъ протоколовъ и постановленій (ст. 304); ж) приносить жалобы суду на всякое слѣдственное дѣйствіе, нарушающее или стѣсняющее право гражданскаго истца и притомъ на дѣйствіе, предпринятое не только собственною властью слѣдователя и полиціи, но и по требованію прокурора или его товарища (ст. 491, 493, 498), давать объясненіе въ судѣ при разсмотрѣніи жалобы (ст. 504), выслушивать опредѣленіе суда по этому предмету и получать копію съ него (ст. 508—509). 2) *Участвовать въ судебномъ слѣдствіи* (ст. 559 — 581, 585): а) разсматривать во всякое время подлинное дѣло въ канцеляріи суда и выписывать изъ него всѣ нужныя свѣдѣнія (ст. 570, 571); б) просить о дополненіи списка свидѣтелей, предназначенныхъ къ вызову въ судъ (ст. 560), о вызовѣ свидѣтелей и свѣдущихъ людей и, въ случаѣ отказа суда, вызывать ихъ на свой счетъ (ст. 574 — 578); в) отводить судей и обжаловать опредѣленіе суда по этому предмету при жалобѣ на существо дѣла (ст. 600—602); г) имѣть въ закрытомъ су-

дебномъ засѣданіи своихъ родственниковъ и знакомыхъ (ст. 622); д) представлять въ подтвержденіе своихъ показаній доказательства (ст. 630 — 631); е) имѣть при себѣ памятныя записки (ст. 628); ж) прочитывать въ судебномъ засѣданіи письма и документы (ст. 629), когда они относятся къ предмету объясненій; з) требовать судебнаго слѣдствія, не смотря на сдѣланное подсудимымъ признаніе (ст. 682); и) требовать повѣрки осмотра и освидѣтельствованія и присутствовать при ней (ст. 688, 689—692); і) отводить по законнымъ причинамъ свидѣтелей, свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя, вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и просить, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или отсутствіи другъ друга (ст. 630, 694, 707, 719, 721, 723); к) осматривать вещественныя доказательства (ст. 697); л) предварить судъ о представленіи новыхъ доказательствъ и приготовляться къ состязанію по новымъ доказательствамъ противной стороны (ст. 733 — 734); м) дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему въ судѣ и касающемуся гражданскаго истца, опровергать доводы и соображенія противной стороны (ст. 630, 742, 743, 748); н) дѣлать замѣчанія на составленные судомъ вопросы (ст. 762); о) объяснять права на полученіе вознагражденія, требуемаго гражданскимъ истцомъ (ст. 821) и возражать противъ объясненія подсудимаго поэтому предмету (ст. 825); п) выслушивать приговоръ и получать копіи съ него (ст. 830); р) разсматривать протоколъ и дѣлать замѣчанія относительно неточнаго изложенія въ немъ происходившаго на судѣ дѣйствія или даннаго показанія (ст. 842 — 843. 3) *Обжаловывать дѣйствія и приговоръ суда:* а) подавать апелляціонный отзывъ противъ приговора, постановленнаго окружнымъ судомъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей (неокончательнаго) (ст. 853, 859, 861); б) разсматривать дѣло переносимое въ судебную палату по апелляціи (ст. 869); в) получать копіи съ отзывовъ и протестовъ (ст. 871); г) подавать возраженія противъ отзыва противной стороны (ст. 872); д)

присутствовать въ засѣданіи судебной палаты (ст. 879) и участвовать въ преніяхъ (ст. 888); е) приносить частныя жалобы (ст. 893—895, 995); ж) подавать возраженія и объясненія на частныя жалобы противной стороны (ст. 898); з) приносить кассаціонную жалобу объ отмѣнѣ окончательнаго приговора; и) присутствовать при докладѣ этой жалобы въ кассаціонномъ департаментѣ сената (ст. 917) и представлять объясненія (ст. 921); і) представлять вопросы, подлежащіе разрѣшенію (ст. 923); к) приносить кассаціонную жалобу на рѣшеніе другаго суда, вслѣдствіе новыхъ упущеній или вслѣдствіе повторенія прежнихъ упущеній (ст. 930).

ГЛАВА III.

Главныя правила производства уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

Общее понятіе объ этомъ предметѣ.

§ 35. Мы указали лица, которымъ предоставлено право возбуждать и производить искъ уголовный и гражданскій и права, которыми они пользуются. Теперь намъ предстоитъ разъясненіе главныхъ правилъ о способахъ примѣненія къ дѣлу этихъ правъ: нужно разсмотрѣть порядокъ производства уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

Уголовное преслѣдованіе рождаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующіе вопросы: въ какихъ случаяхъ обвинители обязаны приступать къ производству уголовнаго иска? каковы права судебной власти въ принятіи или отказѣ въ этомъ искѣ? имѣютъ ли право обвинители отказаться отъ уголовнаго иска, входить въ мировыя сдѣлки и передавать его другимъ лицамъ? Могутъ ли быть отводимы публичные обвинители? какова отвѣтственность обвинителей?

Въ отношеніи къ гражданскому иску должны быть разрѣшены вопросы: въ какихъ судахъ онъ вчинается? какія по-

слѣдствія избранія уголовнаго и гражданскаго суда для вчинанія и производства гражданскаго иска? каковы права по отреченію, примиренію и передачѣ иска? какова отвѣтственность гражданскаго истца?

Отсюда видно, что здѣсь не будутъ излагаться обряды производства обоихъ исковъ: они такъ неразрывно связаны съ другими частями уголовнаго производства предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ, обжалованіемъ приговоровъ и опредѣленій судовъ, что должны быть излагаемы не порознь, а вмѣстѣ съ ними.

Настоящую главу дѣлимъ, по особымъ свойствамъ двухъ исковъ, также на два раздѣла.

Раздѣлъ I.

Главныя правила производства уголовнаго преслѣдованія.

I. *Право и обязанность обвинителей производить уголовное преслѣдованіе.*

§ 36. Относительно юридической дѣятельности того или другаго лица необходимо различать *право* и *обязанность* учинить извѣстное дѣйствіе или рядъ дѣйствій. Право есть власть дѣйствовать въ кругѣ и объемѣ, предоставленномъ законами; право предполагаетъ съ другой стороны возможность по своему усмотрѣнію дѣйствовать или не дѣйствовать. Напротивъ обязанность предполагаетъ независящую отъ произвола лица необходимость предпринимать извѣстныя дѣйствія, или опредѣляемыя въ точности закономъ, такъ что лицо обязано исполнить то, что предписываетъ законъ и исполнить именно такъ, какъ предписано, или же такія дѣйствія, исполненіе которыхъ предоставлено въ извѣстной степени усмотрѣнію лица, обязаннаго къ дѣйствію. Такимъ образомъ юридическая дѣятельность бываетъ двоякаго рода: или *произвольная*, предоставленная *усмотрѣнію* дѣйствующаго лица, или *обязательная* вполнѣ или въ извѣстномъ отношеніи.

Примѣняя эти общія понятія къ уголовному преслѣдованію, нельзя не замѣтить, что для однихъ обвинителей оно составляетъ дѣятельность произвольную, а именно, для частныхъ лицъ, для другихъ оно рождаетъ обязанность дѣйствовать въ большей части случаевъ, а именно для должностныхъ лицъ. Частныя лица обязаны лишь извѣщеніемъ преступленія и то не всегда. Но извѣщеніе не есть уголовное преслѣдованіе; частныя лица добровольно принимаютъ на себя судебное обличеніе. Напротивъ, должностные обличители преслѣдуютъ уголовное преступленіе по обязанности и не могутъ отказаться отъ него по своему произволу. Чины прокурорскаго надзора, полицейскія и административныя власти по долгу службы обязаны производить уголовный искъ въ кругу своего вѣдомства и власти все равно, будутъ-ли призваны къ тому извѣщеніемъ, доносомъ, жалобою, народною молвою или сообщеніемъ должностныхъ лицъ или же начнутъ сами уголовное преслѣдованіе по личному усмотрѣнію преступнаго дѣйствія.

Дѣятельность обвинителей распадается на двѣ главныя и различныя части: 1) возбужденіе уголовнаго дѣла и 2) производство его требованіями предъ слѣдователемъ и судомъ. Возбужденіе уголовнаго дѣла не составляетъ, какъ мы уже видѣли, исключительной принадлежности должностныхъ обвинителей: оно предоставлено другимъ должностнымъ лицамъ, судебной власти и частнымъ лицамъ. Коль скоро уголовное дѣло возбуждено, оффиціальный обвинитель не въ правѣ отказаться отъ начатія преслѣдованія, отъ предъявленія его предъ судебною властью, отъ требованій производства предварительнаго слѣдствія, отъ надзора за нимъ, вотъ въ чемъ состоитъ его *обязанность*, *обязательная дѣятельность*, возлагаемая на него, независимо отъ его усмотрѣнія, произвола. Но эта обязанность ограничена: а) лишь означенными въ законѣ случаями возбужденія уголовнаго преслѣдованія не самими чинами прокурскаго надзора и обязательнымъ для нихъ предъявленіемъ иска. За исключеніемъ этихъ случаевъ оно необязательно и для чиновъ прокурорскаго надзора, то есть предоставлено ихъ

усмотрѣнію, предъявлять или не предъявлять искъ, начинать или не начинать уголовное преслѣдованіе. Этимъ правомъ они пользуются, когда возбужденіе уголовнаго дѣла зависитъ отъ нихъ самихъ по усмотрѣннымъ лично ими преступленіямъ и проступкамъ и по дошедшимъ до нихъ частнымъ путемъ свѣдѣніямъ, по слуху, по народной молвѣ, по объявленіямъ частныхъ лицъ, безъименнымъ пасквилямъ и доносамъ, даже по явкѣ съ повинною и по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ; въ этихъ случаяхъ они могутъ воздержаться отъ возбужденія уголовнаго дѣла, отказаться отъ уголовнаго преслѣдованія, когда въ доставленныхъ имъ свѣдѣніяхъ нѣтъ достаточнаго удостовѣренія въ дѣйствительномъ совершеніи преступнаго дѣянія, когда нѣтъ основанія къ производству предварительнаго слѣдствія или когда преступленіемъ или проступкомъ не нарушается общественный интересъ (уст. угол. суд. 298, 299, 300, 306, 311). Законъ даже сдерживаетъ излишнюю ревность въ уголовномъ преслѣдованіи, возлагая обязанность на слѣдователя въ извѣстныхъ случаяхъ не начинать самому слѣдствія и ожидать предложенія прокурора или его товарища (ст. 310, 314) и предписывая чинамъ прокурорскаго надзора требовать слѣдствія безъ достаточнаго основанія (ст. 312); б) обязанность производить уголовный искъ не стѣсняетъ чиновъ прокурорскаго надзора во второй части ихъ дѣятельности — въ требованіяхъ предъ слѣдователемъ и судомъ. Власти и частныя лица возбужденіемъ уголовнаго дѣла лишь вызываютъ уголовное преслѣдованіе со стороны чиновъ прокурорскаго надзора, какъ это было объяснено въ своемъ мѣстѣ; но не ограничиваютъ ихъ въ направленіи уголовнаго иска. Чины прокурорскаго надзора не могутъ отказаться отъ дѣйствій по уголовному преслѣдованію, когда уголовное дѣло возбуждено, это ихъ обязанность; но они властны исполнять эти дѣйствія по личному усмотрѣнію, по своему убѣжденію, могутъ предлагать тѣ или другія требованія, дѣлать тѣ или другія заключенія. Въ этомъ состоитъ *право независимости* чиновъ прокурорскаго надзора:

оно не даетъ имъ произвола отказываться отъ уголовнаго преслѣдованія, воздерживаться отъ дѣйствій по уголовному иску, когда уголовное дѣло возбуждено и когда эти дѣйствія необходимы по свойству даннаго случая, хотя бы уголовное дѣло еще и не было возбуждено; но оно даетъ имъ власть производить возбужденный уголовный искъ, согласно съ внушеніями своей совѣсти и законными требованіями долга, безъ посторонняго принужденія.

Самый законъ усвоиваетъ чинамъ прокурорскаго надзора такую независимость, совершенно необходимую въ практическомъ отношеніи для самаго успѣха уголовнаго преслѣдованія, въ которомъ обвинитель долженъ быть, такъ сказать, хозяиномъ и распорядителемъ иска, имъ производимаго. По 130 ст. учрежд. суд. уст. лица прокурорскаго надзора, при заявленіи судебнымъ мѣстамъ своихъ заключеній, дѣйствуютъ *единственно на основаніи своего убѣжденія и существующихъ законовъ;* по 539 ст. уст. угол. суд. прокуроръ судебной палаты не вправѣ требовать, чтобы прокуроръ окружнаго суда *поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію.*

Вслѣдствіе этой независимости, чины прокурорскаго надзора преслѣдуютъ преступленія и проступки по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ *въ силу самого закона* не испрашивая на то разрѣшенія суда, при которомъ они состоятъ и отъ котораго они не зависятъ, какъ это мы объяснили. Судъ не имѣетъ права предписывать имъ давать заключенія по дѣламъ ему подвѣдомымъ. Судъ и судьи не могутъ дѣлать лицамъ прокурорскаго надзора ни напоминанія объ исполненіи ими обязанностей службы, ни предостереженія объ уклоненіи отъ служебнаго долга, о превышеніи власти обвинительной. Если лицо прокурорскаго надзора вышло изъ предѣловъ правъ, ему предоставленныхъ, то суду остается только сообщить непосредственному его начальнику или довести до свѣдѣнія министра юстиціи о неправильныхъ или противозаконныхъ его поступкахъ (учрежд. суд. уст. ст. 252).

Суды и судьи не имѣютъ права препятствовать свободному

возбужденію уголовнаго дѣла и производству уголовнаго иска со стороны прокурора. Суды не связаны заключеніями прокурора, могутъ согласиться съ ними или отвергнуть ихъ: въ этомъ отношеніи судебная власть вполнѣ независима и самостоятельна; но суды обязаны постановить свое опредѣленіе по заключенію или требованію прокурора. Судъ не ограниченъ рамкою прокурорскихъ требованій и заключеній, можетъ предписать мѣру, распоряженіе, даже прекратить производство слѣдствія, независимо отъ прокурорскаго предложенія (уст. угол. суд. ст. 277), постановить наказаніе и взысканіе, которыхъ прокуроръ не требовалъ; но судъ обязанъ разсмотрѣть содержаніе уголовнаго иска, предъявленнаго прокуроромъ, не мѣшать его ходу въ законныхъ предѣлахъ и порядкѣ и опредѣлить, имѣетъ ли онъ достаточное основаніе и долженъ ли продолжаться.

Власти и лица, которыя раздѣляютъ съ чинами прокурорскаго надзора право возбужденія уголовнаго дѣла, не раздѣляютъ съ этими чинами правъ по самому производству уголовнаго иска и направленію его: они одни имѣютъ право надзора за производствомъ слѣдствія, одни даютъ заключенія и предлагаютъ требованія во все продолженіе процесса; гражданскій истецъ, участвующій въ общемъ для него и прокурора дѣлѣ, можетъ давать объясненія и предъявлять требованія только тѣ, которыя относятся къ гражданскимъ правамъ; хотя бы уголовное дѣло было возбуждено имъ самимъ, онъ не вмѣшивается въ дѣятельность прокурора и не вправѣ предъявлять требованія, относящіяся не къ гражданскому, а уголовному иску.

Но чины прокурорскаго надзора съ своей стороны не имѣютъ права вмѣшиваться въ дѣла, предоставленныя частному обвинителю, если только съ дѣломъ, начатымъ по жалобѣ частнаго обвинителя, не связано преступленіе, преслѣдуемое чинами прокурорскаго надзора. По дѣламъ прекращеннымъ примиреніемъ, обвинитель совершенно свободенъ и независимъ, именно, потому что возбужденіе такого дѣла и са-

мое направленіе уголовнаго иска исключительно зависитъ отъ требованій заявленій частнаго обвинителя: онъ беретъ искъ на себя, онъ за искъ и отвѣчаетъ (уст. угол. суд. ст. 5, 479, 511).

II. *Мировыя сдѣлки по уголовному иску, отреченіе, отказъ отъ него, передача его.*

§ 37. Общее правило въ отношеніи къ уголовному иску, производимому должностными лицами, есть то, что они не имѣютъ права взять его обратно, коль скоро онъ принятъ судебною властью. Уголовный искъ не можетъ быть *предметомъ мировыхъ сдѣлокъ со стороны должностныхъ обвинителей.* Это запрещеніе примиренія опирается на томъ основаніи, что уголовный искъ не принадлежитъ лично должностному обвинителю, онъ есть достояніе общества, государства; поэтому онъ не можетъ распоряжаться имъ по своему произволу, отчуждать его; онъ владѣетъ однимъ правомъ—возбудить уголовное дѣло и продолжать его. Если ему дано право не начинать иска по всякому извѣщенію, доносу и слуху, то это не есть предоставленіе произвольнаго распоряженія искомъ; законъ, предоставляя это право публичному обвинителю, только предполагалъ, что могутъ быть объявленія, доносы, слухи о преступныхъ дѣяніяхъ, лишенныя основанія, которыя поэтому и должны быть оставлены безъ преслѣдованія. Но если свѣдѣнія о преступленіи заслуживаютъ вѣрованія, то законъ, напротивъ, требуетъ удостовѣриться посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія или розысканія, нѣтъ ли и основанія къ уголовному преслѣдованію (уст. угол. суд. ст. 49, 52, 312). Прощеніе преступнаго дѣянія не принадлежитъ должностному лицу, оно есть дѣло закона, есть право верховной власти.

Частный обвинитель только по дѣламъ, прекращаемымъ примиреніемъ, имѣетъ право входить въ мировыя сдѣлки съ обвиняемымъ. По особенному свойству этихъ дѣлъ законъ даже способствуетъ примиренію въ нихъ и потому предоставляетъ

обвинителю предварительно обратиться къ мировому судьѣ, именно съ цѣлью примиренія (тамъ же ст. 35).

Публичный обвинитель не имѣетъ права *отказываться отъ уголовнаго преступленія* по собственному произволу. На томъ же основаніи, на какомъ запрещены должностному лицу мировыя сдѣлки, не предоставлено ему личное право на отказъ отъ уголовнаго иска. Этотъ искъ принадлежитъ не ему, а государству; вслѣдствіе этого онъ собственною властью не можетъ отказаться отъ начатаго преслѣдованія. Но чины прокурорскаго надзора не только обвинители, но и блюстители закона, требующаго чтобы былъ наказанъ виновный, а не невинный и чтобы послѣдній не подвергался напрасному стѣсненію. Вотъ почему, если прокуроръ усмотритъ изъ дѣла, что лицо привлечено къ слѣдствію неосновательно, что обвиняемый не долженъ подвергаться наказанію, потому ли что не виновенъ или потому, что ему вмѣняется дѣйствіе незапрещенное закономъ, прокуроръ имѣетъ право предлагать о прекращеніи дѣла. Но далѣе такого предложенія это право не простирается и не отъ него, а отъ суда зависитъ рѣшеніе вопроса о прекращеніи преслѣдованія (уст. угол. суд. ст. 277). По указаннымъ причинамъ прокуроръ не можетъ отказываться и отъ отдѣльныхъ правъ по производству уголовнаго иска, напримѣръ отъ протестовъ, разъ поданныхъ и проч.

Равнымъ образомъ должностной обвинитель не можетъ *отрѣчься* впередъ отъ правъ ему предоставленныхъ по производству уголовнаго иска: эти права принадлежатъ не ему лично, а государству, уполномочившему его на уголовное преслѣдованіе и на всѣ права, съ нимъ соединенныя; должностной обвинитель не можетъ самъ себя обезоруживать отреченіемъ отъ тѣхъ средствъ, которыя даны ему, для борьбы съ обвинителемъ, въ интересахъ общества. Такимъ образомъ прокуроръ не имѣетъ права впередъ соглашаться на судебный приговоръ и отвергать способы къ обжалованію его — протесты противъ него, хотя бы согласіе и было дано, оно не лишаетъ прокурора права на протестъ до истеченія законныхъ сро-

ковъ на подачу протестовъ. Вслѣдствіе того же начала старшее лицо прокурорскаго надзора имѣетъ право опротестовать приговоръ до истеченія сроковъ на подачу протестовъ, хотя бы младшее лицо согласилось съ приговоромъ и признало его съ своей стороны подлежащимъ исполненію.

Частные обвинители, по преступленіямъ и проступкамъ, погашаемымъ примиреніемъ, удерживаютъ за собою право отказаться отъ начатаго ими уголовнаго иска и отречься отъ правъ по производству его: отъ апелляціи, жалобы въ кассаціонномъ порядкѣ и т. п. Законъ, содѣйствуя примиренію въ этихъ преступленіяхъ и проступкахъ, подразумѣваетъ отказъ отъ уголовнаго преслѣдованія въ неявкѣ обвинителя къ суду и прекращаетъ дѣло (уст. угол. суд. ст. 135, 593). За неявку же частнаго обвинителя по дѣламъ не прекращаемымъ примиреніемъ, назначаетъ штрафъ, но иска не признаетъ прекращеннымъ; такъ какъ въ дѣлахъ этого рода искъ вчинается и производится частнымъ лицомъ не только въ интересахъ его самого, но и общества (тамъ же ст. 135).

Публичные обвинители, не имѣя права на произвольное распоряженіе уголовнымъ искомъ, могутъ, однакожъ, *передавать* производство его другимъ обвинителямъ. Это право вытекаетъ изъ единства прокурорскаго надзора, по которому одни чины его могутъ замѣнять другихъ. Вслѣдствіе этого старшіе чины могутъ поручать младшимъ по порядку подчиненія, какъ начатіе и производство уголовнаго преслѣдованія, такъ и отдѣльныя права: надзоръ за производствомъ предварительнаго слѣдствія, протесты и т. под., само собою разумѣется, что уголовное преслѣдованіе можетъ быть передано лишь въ предѣлахъ вѣдомства того лица прокурорскаго надзора, которому дается порученіе; такъ прокуроръ судебной палаты не можетъ передать своихъ правъ, по участію въ дѣлахъ палаты, прокурору окружнаго суда; но онъ можетъ поручить обвиненіе товарищу прокурора этого суда вмѣсто самого прокурора по дѣлу производящемуся въ окружномъ судѣ (учрежд. суд. уст. ст. 129, 132 уст. уг. суд. 539). Старшій чинъ про-

курорскаго надзора можетъ замѣнить младшаго (учрежд. суд. уст. ст. 131, уст. уг. суд. 539).

Частные обвинители могутъ передать производство уголовнаго иска въ цѣломъ составѣ и въ частяхъ своимъ повѣреннымъ (уст. уг. суд. ст. 43, 135, 585). Правомъ замѣнять себя повѣренными пользуются даже полицейскія и административныя власти (ст. 64).

III. *Отводъ и устраненіе чиновъ прокурорскаго надзора.*

§ 38. Вопросъ объ отводѣ публичныхъ обвинителей одинъ изъ самыхъ спорныхъ. Одни писатели не допускаютъ отвода ихъ, потому что они истцы въ дѣлѣ, а отводятъ судью, но не истца; какъ преслѣдователи и обвинители, онъ не обязаны отчетомъ, по какимъ побужденіямъ производятъ искъ и проводятъ обвиненіе. Другіе писатели настаиваютъ на отводѣ прокуроровъ по тѣмъ же причинамъ, какъ и судей. По ихъ мнѣнію, прокурорамъ не слѣдуетъ давать тѣхъ преимуществъ и привилегій, какими не пользуются судьи. Правда, что прокуроръ не судитъ, но онъ, двигатель процесса, можетъ, отяготить участь обвиняемаго и подсудимаго даже болѣе, чѣмъ судья, умышленнымъ нерадѣніемъ, намѣреннымъ растягиваніемъ процесса, излишнею суровостью въ преслѣдованіи, въ требованіяхъ мѣръ крайне тягостныхъ для обвиняемаго или заключеніями въ понаровку ему и во вредъ интересамъ общества, гражданскаго истца. Чѣмъ болѣе вліяніе на дѣло имѣетъ судья, тѣмъ болѣе нужно увѣренности въ его безпристрастіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о прокурорахъ. Предварительное слѣдствіе производится по ихъ направленію, они пользуются большими преимуществами; уничтоженіе отвода прокурора влечетъ за собою полнѣйшее неравенство въ нападеніи и защитѣ. Прокуроръ, возражаютъ сторонники отвода, не только истецъ въ уголовномъ дѣлѣ, но и блюститель закона, охраняющій его исполненіе, а законъ требуетъ прежде всего безпристрастія и правды. Какъ же ждать безпристра-

стія отъ того, кто не можетъ быть отводимъ? Въ отводѣ прокурора, говорятъ они, нѣтъ никакого препятствія, потому что онъ всегда можетъ быть замѣненъ своимъ товарищемъ, чиномъ низшимъ или высшимъ. Этотъ споръ объ отводѣ прокуроровъ развился въ особенности у французскихъ писателей, вслѣдствіе привилегированнаго положенія прокуроровъ во Франціи.

При разрѣшеніи этого вопроса коммисія, проектировавшая нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства, отвергла отводъ чиновъ прокурорскаго надзора, потому что дѣйствія обвинителя всегда будутъ представляться обвиняемому болѣе или менѣе стѣснительными и дозволеніе ему предъявлять формальный отводъ прокурора привело бы къ размноженію ябедническихъ просьбъ; прокуроръ не рѣшаетъ дѣла, заключеніе его необязательно для суда и обвинительные его выводы могутъ быть опровергаемы защитою. Но коммисія признавала, что прокуроръ, по огромному вліянію своему, какъ на полицейскихъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ онъ вправѣ собирать по дѣлу возможныя свѣдѣнія, такъ и на самого судебнаго слѣдователя, никакъ не менѣе опасенъ для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, чѣмъ слѣдователь, подъ наблюденіемъ прокурора, собирающій матеріалы слѣдствія. По этимъ соображеніямъ коммисія допустила вмѣсто отвода обязанность со стороны прокурора *устранять себя* какъ отъ наблюденія за производствомъ предварительнаго слѣдствія, такъ и отъ участія въ судебномъ слѣдствіи, когда онъ находится съ обвиняемымъ или потерпѣвшимъ отъ преступленія лицомъ, въ отношеніяхъ, препятствующихъ безпристрастному отправленію служебныхъ обязанностей (объяснит. зап. къ проект. уст. угол. суд. стр. 156 — 157, 294—295). Такимъ образомъ нашъ законъ не дозволяетъ формальнаго отвода прокурора; но тѣмъ неменѣе вмѣняетъ ему въ обязанность устранять себя по тѣмъ же причинамъ, которыя служатъ основаніемъ къ отводу судей (уст. угол. суд. ст. 600). Если онъ, не смотря на эти причины, производитъ преслѣдованіе и обвиненіе, то во время предва-

рительнаго дѣйствія на неустраненіе себя прокуроромъ окружнаго суда или его товарищемъ можетъ быть только принесена жалоба обвиняемымъ или гражданскимъ истцомъ прокурору судебной палаты (тамъ же ст. 287); а во время судебнаго слѣдствія тотъ и другой могутъ довести до свѣдѣнія суда о существованіи законныхъ причинъ къ устраненію прокурора; судъ сообщаетъ о неустраненіи себя прокуроромъ его ближайшему начальству (ст. 609). Устраненіе прокурора совершается передачею уголовнаго иска его товарищу (тамъ же ст. 608 учрежд. суд. уст. ст. 132).

IV. *Отвѣтственность за уголовное преслѣдованіе.*

§ 39. Чѣмъ важнѣе дѣятельность, чѣмъ тягостнѣе ея послѣдствія, чѣмъ опаснѣе вредъ отъ неправильныхъ, беззаконныхъ дѣйствій, тѣмъ строже должна быть за нихъ отвѣтственность, тѣмъ болѣе должно быть ограды въ ней отъ злоупотребленія власти и предупрежденія отъ нарушенія долга. Уголовное преслѣдованіе, увлекая лицъ къ судебной отвѣтственности, обращая ихъ въ обвиняемыхъ, подслѣдственныхъ, подсудимыхъ, налагаетъ свою тяжелую руку на свободу, честь, спокойствіе не одного привлеченнаго къ дѣлу лица, но и его семейства, обвиненіе ложится на нихъ позорнымъ пятномъ, котораго нерѣдко не въ состояніи стереть самое оправданіе; и привлекаемый къ дѣлу и его семья часто лишаются послѣдняго пропитанія, обрекаются на нужду, на большія потери въ имуществѣ. Немало мукъ претерпѣваетъ подсудимый во все время производства слѣдствія и суда; много терзаній и нравственныхъ пытокъ выпадаетъ на его долю, отъ перваго подозрѣнія его до послѣдняго выхода его изъ суда. Сколько ему придется выстрадать, пока извѣдаются надъ нимъ всѣ опыты слѣдственнаго и судебнаго искусства и сколько останется еще въ его душѣ горькихъ страданій, когда судебные пріемы убѣдятъ другихъ въ его невинности, въ той невинности, сознаніе

которой въ немъ самомъ дѣлало эти пріемы для него еще суровѣе!

Но нельзя не обратить вниманіе и на другую сторону той же монеты. Сколько опасности для частныхъ лицъ и общества отъ слабости уголовнаго преслѣдованія, отъ безпечности, небрежности, умышленной и ненамѣренной понаровки обвиняемому. Участія заслуживаетъ не только онъ и его семья, но и лица пострадавшія отъ преступленія; но и общество, интересы котораго столько же попираются отъ нарушенія суровыхъ обязанностей со стороны обвинителя, сколько и отъ самого злодѣянія, которое преслѣдовать онъ уполномоченъ.

Вотъ на какихъ вѣсахъ должна упираться отвѣтственность и вина обвинителей; найти для нихъ центръ тяжести — мудрость законодателя, руководящаяся не одними теоретическими доводами, но и соображеніями разныхъ условій той или другой страны, того или другаго общественнаго быта. Во всякомъ случаѣ въ опредѣленіи ихъ какъ законами, такъ и судебными приговорами нужно имѣть въ виду, двѣ указанныя нами и совершенно противоположныя стороны, потребности уголовнаго преслѣдованія.

Отвѣтственность за нарушеніе обязанностей уголовнаго преслѣдованія можетъ быть двоякаго рода: 1) *личная*, — возбуждаемая и прилагаемая уголовнымъ порядкомъ и 2) *имущественная*, состоящая въ удовлетвореніи за вредъ и убытокъ отъ послѣдствій неправильнаго уголовнаго преслѣдованія. Личная отвѣтственность за противозаконное нарушеніе обязанностей по преслѣдованію преступленій различна по отношенію къ частнымъ и должностнымъ обвинителямъ. Къ первымъ примѣняются общія правила уголовнаго судопроизводства, то есть за преступныя дѣйствія, совершенныя частнымъ лицомъ при возбужденіи уголовнаго дѣла или при обвиненіи (ложный доносъ, лживое показаніе, обманъ, подлогъ и т. п.) оно преслѣдуется и судится общимъ уголовнымъ порядкомъ. Должностные обвинители за противозаконные поступки и противозаконное бездѣйствіе преслѣдуются и судятся или уголовнымъ

порядкомъ, опредѣленнымъ въ отношеніи къ преступленіямъ и проступкамъ должности или особымъ дисциплинарнымъ порядкомъ; о томъ и другомъ порядкѣ будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ.

Имущественная отвѣтственность обвинителей составляетъ особый видъ гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные за неправильное привлеченіе къ суду. Законодательство особенно останавливается на опредѣленіи этого взысканія съ лицъ виновныхъ въ убыткахъ, понесенныхъ подсудимымъ оправданнымъ, чтобы дать ему возможность, хотя нѣкоторою долею, вознаградить, если не за нравственныя страданія, то по крайней мѣрѣ за вещественныя утраты; установленіемъ такого гражданскаго иска оно вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣло указать, съ какою осторожностью должны дѣйствовать частныя и должностныя лица при возбужденіи уголовнаго дѣла и привлеченіи къ нему подозрѣваемыхъ, которые отъ злаго умысла или легкомыслія въ извѣтѣ, доносѣ, объявленіи и уголовномъ искѣ, могутъ потерпѣть неисправимыя бѣдствія и лишенія. Конечно, такое вознагражденіе далеко не соотвѣтствуетъ злу, ему причиненному, но онъ долженъ довольствоваться имъ, потому что возвратить ему все въ полной мѣрѣ не въ силахъ человѣческихъ.

Когда же обвиняемый получаетъ право на такой искъ гражданскій? Обвиняемое подслѣдственное лицо можетъ быть признано неосновательно привлеченнымъ къ дѣлу не однимъ оправдательнымъ приговоромъ, но и прекращеніемъ слѣдствія прежде преданія суду (уст. уг. суд. ст. 277, 528, 534). Привлеченіе къ уголовному слѣдствію лицъ подозрѣваемыхъ, составляетъ предварительную форму уголовнаго судопроизводства, установленную съ цѣлью оградить безопасность общества отъ предполагаемыхъ еще виновниковъ преступленія. Эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ нѣкотораго безпокойства, а иногда и оскорбительнаго предположенія на счетъ виновности извѣстныхъ лицъ въ совершеніи преступленія, въ которомъ предварительное слѣдствіе раскрываетъ ихъ невин-

ность или виновность. Это слѣдствіе большею частью начинается съ обнаруженія однихъ признаковъ преступленія, на слѣды виновника совершенія его и участія въ немъ нападаютъ часто спустя значительное время послѣ того, какъ нѣсколько лицъ были призваны уже къ допросу. Подозрѣніе изъявляется сперва нерѣшительно и прежде чѣмъ остановится на дѣйствительно виновномъ, оно можетъ коснуться и невиннаго лица, вслѣдствіе одного случайнаго, но, по видимому, основательнаго совпаденія его поступковъ съ обстоятельствами разслѣдуемаго преступленія. Слѣдовательно, пока обвинительная власть не стала прямо предъ судомъ обвинять уже опредѣленное слѣдствіемъ лицо, одно привлеченіе къ слѣдствію нельзя еще считать полнымъ привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности. Опредѣленіе суда о прекращеніи слѣдствія есть рѣшительное указаніе, что никто не можетъ подлежать этой отвѣтственности. Предоставлять право на гражданскій искъ за вредъ и убытки отъ неосновательнаго привлеченія къ предварительному слѣдствію послѣ прекращенія этого слѣдствія было бы опасно, потому что, угрожая и должностнымъ и частнымъ лицамъ возможностью подвергнуться взысканію въ пользу того, кто былъ призванъ къ слѣдствію по подозрѣнію, законъ обезоружилъ бы какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ преслѣдованіи преступленій и поставилъ бы общество въ необходимость терпѣть отъ безнаказанности преступниковъ. У насъ вообще неохотно берутся за преслѣдованіе преступленій; искъ объ убыткахъ еще болѣе ослабилъ бы содѣйствіе къ раскрытію вины злодѣевъ, отъ которыхъ обыкновенно ждутъ поджоговъ и другихъ родовъ мести. Вотъ почему нашъ законъ не предоставилъ права на вчинаніе уголовнаго иска тотчасъ по прекращеніи слѣдствія. Этого права нельзя было предоставить еще и потому, что прекращеніе слѣдствія разрѣшается безъ состязанія сторонъ, въ отсутствіи ихъ; слѣдовательно опредѣленіе вознагражденія за вредъ и убытки должно было бы или рѣшиться безъ состязанія и оправданія отвѣтчика, что было бы противно существу иска или оттягивать

уголовное дѣло призывомъ сторонъ къ состязанію по иску о вознагражденіи за вредъ и убытки. Такимъ образомъ этотъ искъ допускается лишь по совершенномъ окончаніи уголовнаго дѣла, когда подсудимый будетъ оправданъ судебнымъ приговоромъ (уст. уг. суд. ст. 780).

Искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ неправильнаго привлеченія къ уголовной отвѣтственности оправданнаго подсудимаго можетъ быть вчинаемъ противъ всякаго частнаго и должностнаго лица, возбудившаго судебное преслѣдованіе и обвинявшаго въ немъ подсудимаго. Но основанія, по которымъ можетъ имѣть мѣсто и быть принятъ такой искъ, различно опредѣлены въ законѣ по отношенію къ частнымъ и должностнымъ лицамъ, преслѣдовавшимъ преступленіе и подсудимаго. Когда подсудимаго обвиняло частное лицо, не потерпѣвшее отъ преступленія или проступка, *взысканіе вознагражденія можетъ быть требуемо во всякомъ случаѣ* (тамъ же ст. 781), то есть для требованія вознагражденія съ такого лица достаточно дѣйствительности вреда и убытковъ нанесенныхъ отъ неправильнаго привлеченія къ суду лицомъ оправданнымъ по судебному приговору. Если судебное преслѣдованіе возбуждено *лицомъ пострадавшимъ отъ преступленія*, то вознагражденіе съ него оправданному подсудимому назначается лишь тогда, *когда лицо это дѣйствовало недобросовѣстно, искажая обстоятельства происшествія, дѣлая ложныя показанія или подговаривая къ тому другихъ или же употребляя незаконныя или предосудительныя къ тому средства*, (тамъ же ст. 121, 782), то есть оправданному подсудимому для признанія его иска основательнымъ и заслуживающимъ уваженія, нужно доказать, что лицо возбудившее судебное преслѣдованіе дѣйствовало въ отношеніи къ нему однимъ изъ вышеозначенныхъ незаконныхъ способовъ, безъ этихъ условій искъ его не можетъ быть уваженъ, хотя бы подсудимый и былъ оправданъ. Наконецъ относительно должностныхъ обвинителей оправданный подсудимый допускается къ иску о вознагражденіи за вредъ и убытки, если можетъ доказать,

что *они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго повода или основанія или вообще недобросовѣстно* (тамъ же ст. 783); то есть когда будетъ доказано, что они превратили свои дѣйствія по уголовному преслѣдованію и обвиненію въ орудіе личной мести и удовлетворенія своимъ страстямъ, когда они устраняли обряды и формы, ограждающіе обвиняемаго отъ стѣсненій съ намѣреніемъ вредить ему, когда они умышленно взводили на него ложныя обвиненія, когда они продолжали задержаніе обвиняемаго, и настаивали на лишеніи его свободы подъ вымышленнымъ предлогомъ и т. п. Сверхъ того, производство исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки съ должностныхъ лицъ подчинено нѣкоторымъ особеннымъ правиламъ (уст. гражд. судопр. ст. 1316—1336).

Законъ не могъ безразлично предоставлять право на гражданскій искъ этого рода всякому оправданному подсудимому, въ 1-хъ потому, что доводы достаточные для привлеченія обвиняемаго къ суду, могутъ оказаться недостаточными для его осужденія, и такъ какъ въ уголовныхъ приговорахъ по уставу угол. судопроизводства не допущено оставленіе въ подозрѣніи, то нельзя различать освобожденъ ли подсудимый отъ взысканія, потому что онъ дѣйствительно невиновенъ или только по недостатку доказательствъ въ его виновности; во 2-хъ потому, что законъ имѣлъ въ виду, что излишнею строгостью во взысканіи съ обвинителей и возбуждающихъ уголовное дѣло можно поставить тѣхъ и другихъ въ безвыходное затрудненіе относительно уголовнаго преслѣдованія: обвинитель и возбуждающій уголовное дѣло отказались бы отъ уголовнаго преслѣдованія изъ одной боязни подвергнуться взысканію по всякому требованію оправданнаго подсудимаго. Такимъ образомъ возбудившій уголовное дѣло жалобою и обвинитель не подвергаются отвѣтственности, если они дѣйствовали добросовѣстно и безъ грубыхъ ошибокъ въ уголовномъ преслѣдованіи и обвиненіи. Одно оправданіе подсудимаго не даетъ еще достаточнаго основанія ко взысканію въ его пользу возна-

гражденія за вредъ и убытокъ, потому что подозрѣніе, возбужденное противъ него могло не выясниться при слѣдствіи лишь на столько, чтобы перейти въ убѣжденіе о виновности, или потому что самъ подсудимый умѣлъ покрыть тайною совершенное имъ преступленіе, истребить слѣды его, или потому что случайныя обстоятельства не благопріятствовали раскрытію виновности подсудимаго. По такимъ основаніямъ установлены вышеупомянутыя условія для предъявленія гражданскаго иска.

Въ случаѣ недобросовѣстнаго обвиненія, обвинитель кромѣ вознагражденія оправданнаго подсудимаго, подлежитъ еще платежу *судебныхъ издержекъ* (уст. угол. суд. ст. 121, 194).

Раздѣлъ II.

Главныя правила производства гражданскаго иска.

I. *Независимость гражданскаго иска отъ уголовнаго преслѣдованія. Отказъ отъ гражданскаго иска, мировыя сдѣлки о немъ, передача правъ его и отреченіе отъ него.*

§ 40. Хотя гражданскій истецъ въ уголовномъ дѣлѣ нерѣдко возбуждаетъ его своею жалобою и требованіемъ производства слѣдствія или разбирательства мироваго судьи и считается участвующимъ въ уголовномъ дѣлѣ; но такое положеніе гражданскаго истца, какъ пострадавшаго отъ преступнаго дѣйствія, не ставитъ въ зависимость гражданскаго иска отъ уголовнаго, не смотря на то, что оба они могутъ производиться предъ однимъ и тѣмъ же судомъ, въ одно и тоже время. Оба иска, какъ уже было объяснено, различаются по сущности и цѣли каждаго изъ нихъ, идутъ рядомъ, не смѣшиваясь другъ съ другомъ.

Гражданскій искъ можетъ быть вчинаемъ въ томъ же уголовномъ судѣ, которымъ вѣдается и уголовный искъ; но онъ можетъ быть вчинаемъ и производимъ и отдѣльно отъ послѣдняго, даже въ томъ случаѣ, когда началось уголовное пре-

слѣдованіе; гражданскій истецъ не связанъ никакою обязанностью начинать свой искъ въ то время, когда производится уголовное дѣло и предъ тою властью, которая производитъ это дѣло; лицо привлеченное къ уголовному слѣдствію и суду не имѣетъ права требовать, чтобы искъ противъ него о вознагражденіи за вредъ и убытки, имъ причиненные, рѣшался въ одно и тоже время и тѣмъ же самымъ судомъ, которымъ рѣшается и главный искъ о немъ—уголовный. Избраніе того или другаго суда — уголовнаго или гражданскаго и времени вчинанія иска принадлежитъ гражданскому истцу, а не обвиняемому, подсудимому. Это начало признано нашимъ законодательствомъ. Гражданскій истецъ можетъ предъявить свой искъ *въ уголовномъ судѣ* во всякое время отъ начатія уголовнаго дѣла *до открытія судебнаго засѣданія*, а также и въ *гражданскомъ судѣ* до истеченія земской давности (уст. угол. суд. ст. 6, 7, уст. гражд. судопр. ст. 5).

Гражданскій искъ, какъ независимый отъ уголовнаго, не погашается тѣми причинами которыя прекращаютъ уголовное преслѣдованіе — смертью, помилованіемъ обвиняемаго, примиреніемъ съ нимъ и давностью, назначенною для уголовнаго прослѣдованія: гражданскій искъ можетъ быть производимъ по прекращеніи уголовнаго упомянутыми причинами (тамъ же ст. 16, 17, 18, 20); даже освобожденіе подсудимаго отъ уголовной отвѣтственности и невмѣненіе ему преступленія въ вину не связываетъ гражданскаго истца ни въ начатіи, ни въ дальнѣйшемъ производствѣ его (тамъ же ст. 31).

Вслѣдствіе независимости гражданскаго иска и по свойству частныхъ правъ, которыми владѣлецъ ихъ можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію и произволу, гражданскій истецъ не можетъ быть стѣсненъ въ свободномъ распоряженіи искомъ и его правами, какъ стѣсняется въ преслѣдованіи преступленій уголовный истецъ — обвинитель, прокуроръ.

При свободномъ распоряженіи искомъ гражданскій истецъ имѣетъ право *отказаться* отъ него, отъ его доброй воли зависитъ вчинать или не вчинать искъ, требовать вознагражде-

нія за обиду, вредъ и убытокъ или не требовать. Самый искъ производится не иначе и не прежде, какъ послѣ жалобы и требованія гражданскаго истца о вознагражденіи его — безъ такого прямаго выраженія его воли домогаться вознагражденія не можетъ быть и иска. Это начало освящено закономъ, требующимъ *заявленія иска* со стороны истца и опредѣляющаго, что *отреченіе отъ вознагражденія* за вредъ и убытки не прекращаетъ дѣла объ уголовной соотвѣтственности (уст. угол. суд. ст. 6, 19).

Право отказываться отъ гражданскаго иска влечетъ за собою и право вступать *въ мировыя сдѣлки* о вознагражденіи за вредъ и убытки договариваться о немъ. Очевидно, кто можетъ отказаться отъ правъ, тотъ можетъ соединить съ отказомъ отъ нихъ тѣ, или другія условія: будетъ ли онъ даровымъ, безвозмезднымъ или за условленную плату, послѣдствія его одинаковы. Соглашеніе объ отказѣ отъ правъ, отъ иска за опредѣленную плату составляетъ мировую сдѣлку. Послѣдствія отказа и мировой сдѣлки заключаются только въ томъ, что истецъ послѣ нихъ не можетъ уже участвовать въ уголовномъ дѣлѣ, которое производится безъ него.

Изъ права вступать въ мировыя сдѣлки вытекаетъ *уступка, передача* правъ по гражданскому иску (св. зак. т. X., ч. 1, ст. 1528). Пріобрѣтающій права по иску производитъ его не отъ своего имени, но отъ имени и по довѣренности самаго гражданскаго истца. Само собою разумѣется, что судъ назначаетъ вознагражденіе, соразмѣрное съ вредомъ причиненнымъ преступнымъ дѣяніемъ, а не съ цѣною уступки и что пріобрѣтающій право на искъ отвѣчаетъ за всѣ тѣ дѣйствія по производству гражданскаго иска и участію въ уголовномъ искѣ, какія окажутся вредными для обвиняемаго, за всякую недобросовѣстность, изъ корыстной цѣли или за стачку съ обвиняемымъ, въ ущербъ уголовному преслѣдованію; самый договоръ объ уступкѣ гражданскаго иска можетъ быть уничтоженъ, если въ немъ будетъ открыта противозаконная цѣль, запрещаемая 1528 ст. свод. зак. X т., ч. 1.

Наконецъ гражданскому истцу принадлежитъ право на *отреченіе* отъ своего иска. Отказъ, мировая сдѣлка и передача могутъ быть и чаще всего бываютъ прежде вчинанія иска, отреченіе отличается отъ нихъ тѣмъ, что дѣлается не прежде, а послѣ начатія иска, во время производства его. Какъ отказъ, мировая сдѣлка, передача, такъ и отреченіе не останавливаютъ уголовнаго преслѣдованія: оно можетъ прекратиться по волѣ истца только въ случаѣ примиренія, когда дѣло по его свойству погашается примиреніемъ (уст. угол. суд. ст. 19, 20).

II. *Подсудность гражданскаго иска уголовному или гражданскому суду; избраніе истцомъ того или другаго суда.*

§ 41. Гражданскій искъ можетъ быть вчинаемъ какъ предъ уголовнымъ, такъ и предъ гражданскимъ искомъ: выборъ между ними предоставленъ гражданскому истцу. Но это право его подчиняется нѣкоторымъ ограниченіямъ.

«Лицо потерпѣвшее отъ преступленія вредъ и убытки можетъ вчинать гражданскій искъ о вознагражденіи въ уголовномъ *судѣ* лишь тогда, когда этотъ судъ *производитъ уголовный искъ по преступленію или проступку*, изъ котораго возникли обида, вредъ и убытки, отыскиваемые лицомъ пострадавшимъ. Законъ, указывая на это правило, положительно говоритъ, что искъ о вознагражденіи заявляется *во время производства уголовнаго дѣла* (уст. угол. суд. ст. 6). Слѣдовательно, если нѣтъ уголовнаго преслѣдованія и уголовнаго дѣла о томъ преступленіи или проступкѣ, изъ котораго выводится искъ о вознагражденіи, то онъ не можетъ быть вчинаемъ предъ уголовнымъ судомъ, которому подсудно это преступленіе или этотъ проступокъ. Гражданскій истецъ не можетъ предъявить гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ, не возбудивши уголовнаго преслѣдованія, если оно еще не было возбуждено (тамъ же ст. 301). Вслѣдствіе того же начала, въ уголовномъ судѣ не можетъ быть вчинаемъ гражданскій искъ,

когда уголовный, съ которымъ онъ связанъ, прекратился по той или другой причинѣ (ст. 18).

Второе ограниченіе свободы гражданскаго истца избирать уголовный или гражданскій судъ состоитъ въ томъ, что если онъ началъ искъ въ гражданскомъ судѣ, то не можетъ *перенести иска изъ этого суда въ уголовный.* Начало это основано на томъ требованіи справедливости, что нельзя приводить подсудимаго къ отвѣтственности двухъ судовъ по одному и тому же предмету по произволу истца, и на томъ предположеніи, что если истецъ избралъ гражданскій судъ, имѣя возможность подчинить свой искъ суду уголовному, то этимъ онъ высказалъ свой отказъ отъ уголовной подсудности; такъ какъ послѣдняя несравненно тяжелѣе гражданской, то такое толкованіе выбора истца должно служить въ пользу отвѣтчика. Но это толкованіе можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда истцу во время вчинанія иска въ гражданскомъ судѣ дѣйствительно были извѣстны обстоятельства дѣла, имѣющія уголовный характеръ и допускающія для него уголовную подсудность. Невѣдѣніемъ его въ этомъ отношеніи не можетъ пользоваться отвѣтчикъ, такъ что если истецъ узналъ объ уголовномъ свойствѣ факта, изъ котораго производитъ свой искъ, уже послѣ подачи искового прошенія въ гражданскій судъ, то ему не можетъ быть закрытъ доступъ къ уголовному суду, къ перенесенію дѣла въ этотъ судъ. Отсюда слѣдуетъ, что если во время производства дѣла въ гражданскомъ судѣ откроется обстоятельство уголовное (наприм. подлогъ въ документѣ), то истцу не можетъ быть отказано въ предъявленіи начатаго иска уголовному суду, если только изъ этого обстоятельства возникаетъ для него требованіе гражданскаго взысканія (уст. гражд. суд. ст. 8). Право на производство иска въ уголовномъ судѣ не прекращается для гражданскаго истца даже и въ томъ случаѣ, когда судебное преслѣдованіе прекращено, *если искъ* о вознагражденіи за вредъ и убытки *начатъ въ этомъ судѣ* и, прекратившій уголовное дѣло прими-

реніемъ, частный *обвинитель не отказался отъ гражданскаго иска* (уст. угол, суд. ст. 16, 17, 20).

Искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки можетъ быть *перенесенъ* изъ уголовнаго суда въ *гражданскій*. Это перенесеніе должно быть предоставлено на произволъ истца, потому что оно не вредитъ отвѣтчику, для котораго замѣняется преслѣдованіе въ требованіи вознагражденія менѣе строгимъ, чѣмъ уголовное. Но это право истца ограничивается въ слѣдующихъ случаяхъ: а) нельзя перенести иска послѣ судебныхъ преній въ уголовномъ судѣ, потому что слишкомъ позднее отступленіе отъ уголовнаго дѣла и перенесенія иска въ гражданскій судъ клонилось бы къ тому, чтобы избѣжать проигрыша иска въ одномъ и заводить его снова въ другомъ, въ ущербъ отвѣтчику; б) истецъ не можетъ быть допущенъ къ гражданскому суду, если въ искѣ отказано ему въ уголовномъ судѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ, и если ему судебнымъ опредѣленіемъ или приговоромъ не предоставлено развѣдаться съ отвѣтчикомъ въ гражданскомъ судѣ; это запрещеніе начать снова искъ въ гражданскомъ судѣ имѣетъ то основаніе, что опредѣленіе и рѣшеніе уголовнаго суда имѣетъ силу рѣшеннаго дѣла, не подлежащаго перевершенію. Гражданскій истецъ ограниченъ въ предъявленіи иска опредѣленнымъ временемъ: чтобы имѣть право производить свой искъ въ уголовномъ судѣ, онъ долженъ начать его *не позже открытія судебнаго засѣданія въ этомъ судѣ*. Если онъ не началъ иска до этого времени, то можетъ вести только въ гражданскомъ судѣ, но не прежде окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла (уст. уг. суд. ст. 7).

III. *Отвѣтственность гражданскаго истца.*

§ 42. Отвѣтственность гражданскаго истца можетъ быть двоякаго рода: личная или имущественная. За уголовныя преступленія (напр. подлогъ, лживыя показанія, клевету, утайку имущества), совершенныя во время производства гражданскаго

иска, истецъ отвѣчаетъ какъ и всякое другое лицо, — личнымъ наказаніемъ. Кромѣ личнаго взысканія онъ можетъ подвергнуться имущественному—вознагражденію за вредъ и убытки отъ недобросовѣстнаго уголовнаго преслѣдованія; объ этомъ предметѣ было уже говорено (§ 39, стр. 526 — 534).

ГЛАВА IV.

О предѣлахъ уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска, въ отношеніи къ подданству и территоріи государства.

§ 43. Преступленія могутъ быть совершены какъ въ предѣлахъ государства подданными и иностранцами, такъ и внѣ этихъ предѣловъ. По этому рождаются вопросы относительно преслѣдованія преступленій и производства гражданскихъ исковъ по преступленіямъ *русскихъ подданныхъ* и *иностранцевъ*, въ *Россіи* и *за границею*. Сверхъ того, нерѣдко бываетъ, что преступникъ, по совершеніи преступленія въ отечествѣ, бѣжитъ за границу или, совершивъ преступленія за границею, укрывается отъ преслѣдованія въ Россіи; въ этихъ случаяхъ для достиженія цѣлей правосудія необходима *выдача преступниковъ*. Сообразно съ означенными предметами нужно разсмотрѣть: 1) уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ въ предѣлахъ территоріи государства; 2) за границею, и 3) выдачу преступниковъ.

Всѣ эти предметы относятся къ наукѣ международнаго права и потому не должны бы имѣть мѣсто въ нашемъ изложеніи, но такъ какъ въ слѣдственной и судебной практикѣ встрѣчается много случаевъ, разрѣшеніе которыхъ вытекаетъ изъ ученія международнаго права, то нельзя пройти молчаніемъ выше указанныхъ предметахъ и не дать о нихъ хотя общихъ понятій. Настоящая глава дѣлится на три раздѣла.

Раздѣлъ I.

Объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ въ предѣлахъ территоріи государства.

I. *Уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ въ отношеніи къ подданнымъ и иностранцамъ.*

§ 44. Общее правило здѣсь то, что уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ распространяются на всѣ преступныя дѣянія и бездѣйствія, учиненныя въ предѣлахъ государства и за нихъ въ одинаковой мѣрѣ подвергаются взысканіямъ какъ *русскіе подданные*, такъ и *иностранцы*, всѣ лица, обитающія въ Россіи, безъ различія званія и состоянія (улож. о наказ. ст. 183, 185). Иностранецъ, являясь на русскую почву, пребывая въ ней временно или поселяя на продолжительное время, пользуется покровительствомъ русскихъ законовъ наравнѣ съ русскими подданными, поэтому онъ обязанъ уважать и исполнять ихъ также какъ и послѣдніе. Притомъ государство обязано заботиться объ охраненіи общественнаго порядка, кѣмъ бы онъ нарушаемъ не былъ, власть верховная одинаково распространяется на всѣхъ лицъ, живущихъ въ предѣлахъ государства и законы, ею издаваемые, обязательны для всѣхъ, никакія лица и вещи не могутъ быть изъяты отъ дѣйствія ихъ.

По основному началу преступленіе преслѣдуется, изслѣдуется и судится въ той мѣстности, гдѣ оно учинено (уст. уг. суд. ст. 208). Это правило одинаково простирается на всѣхъ лицъ, — будутъ ли они русскіе подданные или иностранцы; мѣстная подсудность есть послѣдствіе самого преступленія. Иностранецъ подлежитъ этой подсудности, также какъ и русскій подданный; мѣстная судебная власть видитъ въ немъ не иностранца, а преступника и привлекаетъ его къ дѣлу какъ обвиняемаго. Равнымъ образомъ эта подсудность служитъ потерпѣвшему отъ преступленія лицу, хотя бы онъ былъ не

только иностранецъ, но и не имѣлъ даже мѣста жительства тамъ, гдѣ совершено оскорбившее его преступное дѣяніе; такъ какъ та или другая подсудность установлена въ интересахъ не лицъ пострадавшихъ, а общества, государства, законъ котораго нарушенъ, равно какъ и установленный имъ судебный порядокъ.

II. *Территорія государства; юридическія предположенія, соединяемыя съ этимъ понятіемъ, въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію и гражданскому иску.*

§ 45. Подсудность судамъ государства распространяется на всѣ преступныя дѣянія, совершенныя въ предѣлахъ его территоріи. Чтобы означить точно внѣшній объемъ подсудности, необходимо опредѣлить значеніе территоріи.

Территоріею извѣстнаго государства, въ буквальномъ смыслѣ, называется все пространство, занимаемое имъ и подчиненное его верховной власти; оно очерчивается и заканчивается границами, положенными самою природою или опредѣленными договорами съ другими государствави. Но въ юридическомъ смыслѣ территорія имѣетъ болѣе широкое значеніе, выходитъ за предѣлы дѣйствительныхъ границъ, по тому юридическому предположенію, что территорія извѣстнаго государства объемлетъ всѣ тѣ пространства, въ которыхъ видимо проявляется владычество верховной власти этого государства; эти пространства предполагаются составляющими часть того государства, продолженіемъ его, хотя бы находились внѣ предѣловъ его. Вслѣдствіе этого предположенія территорію Русскаго государства составляютъ: 1) всѣ мѣста, гдѣ развѣвается русское знамя; 2) извѣстныя части пограничнаго моря и 3) всѣ корабли какъ военные, такъ и купеческіе, плавающіе по чужимъ морямъ подъ русскимъ флагомъ и занимающіе иноземные порты.

Первое предположеніе относится: а) ко всѣмъ мѣстамъ, внѣ границъ государства, занимаемымъ *русскими войсками;*

б) къ мѣстамъ гдѣ пребываютъ *русскіе консулы*. Такимъ образомъ всѣ лица принадлежащія къ арміи, судятся русскими судами и по русскимъ законамъ, хотя бы находились за границею.

Консулы въ мѣстахъ пребыванія ихъ судятъ русскихъ подданныхъ за нѣкоторыя преступныя дѣянія, по другимъ же производятъ слѣдствія, на основаніи русскихъ законовъ (консульскій уставъ 23-го декабря 1858 года § 99—100). И такъ во всѣхъ мѣстахъ за границею, гдѣ находятся русскіе консулы, дѣйствуетъ подсудность русскимъ судамъ и законамъ, потому что русскій флагъ, развѣвающійся надъ мѣстопребываніемъ консула, превращаетъ его въ русскую территорію.

Второе предположеніе разширяетъ русскую территорію на *прибрежное пространство пограничнаго моря*. Это предположеніе основано на установившемся съ давняго времени международомъ обычаѣ, по которому, для охраненія безопасности морскаго берега, опредѣлена воображаемая черта, до которой море отъ берега его считается *территоріальнымъ* то есть продолженіемъ территоріи государства, въ предѣлахъ котораго состоитъ прибрежное пространство. Разстояніе отъ берега до предполагаемой черты измѣряется пушечнымъ выстрѣломъ. Такимъ образомъ территорія государства продолжается на самомъ морѣ на пушечный выстрѣлъ и всѣ преступленія, совершенныя на этомъ разстояніи, подсудны судамъ этого государства.

Третье предположеніе распространяетъ рускую территорію на корабль подъ русскимъ флагомъ, который признается частью Русскаго государства. Всѣ морскіе чины и пассажиры на кораблѣ подсудны русскому суду. Это право и всѣ подробности, къ нему относящіяся, опредѣляются трактатами съ иностранными государствами.

Освобожденіе дипломатическихъ агентовъ отъ территоріальной подсудности освящено повсемѣстнымъ обычаемъ. Но это право не можетъ быть безграничнымъ; какъ всякое изъятіе, оно должно быть поставлено въ извѣстные предѣлы.

Исключеніе въ пользу дипломатическихъ агентовъ, вынуждаемое особеннымъ личнымъ качествомъ ихъ, свойствами ихъ дѣятельности и необходимостью международныхъ сношеній, подчиняется потребности болѣе важной для государства—преслѣдовать и взыскивать за покушенія на общественный порядокъ, безопасность и цѣлость самого государства. Если дипломатическій агентъ совершаетъ или принимаетъ участіе въ важныхъ преступленіяхъ, если онъ замышляетъ и приводитъ въ исполненіе заговоръ противъ государства, въ которомъ пребываетъ, если онъ покушается на жизнь и личность человѣка, живущаго въ этомъ государствѣ, то конечно мѣстная власть не можетъ остаться равнодушною зрительницею преступленій, потому только что они совершаются дипломатическимъ агентомъ. Самымъ совершеніемъ преступленія онъ стираетъ съ своего лица то представительство, которое онъ носитъ; преступникъ и притомъ важный не можетъ быть дипломатическимъ агентомъ. Право личной неприкосновенности, даруемое ему высокимъ значеніемъ его сана, никакъ не должно заходить за предѣлы дѣйствительной надобности и если оно нарушаетъ эти предѣлы, то обращается въ привилегію, тягостную и опасную для государства, въ которое онъ посланъ. Эти предѣлы указаны международнымъ обычаемъ и практикою дипломатическихъ сношеній, но положительнымъ закономъ не обозначаются. Само собою разумѣется, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія противъ дипломатическаго агента не можетъ имѣть мѣста безъ дозволенія верховной власти, правительства, именно потому что онъ пользуется правомъ неприкосновенности.

Къ дипломатическимъ агентамъ, пользующимся правомъ неподсудности мѣстнымъ судамъ, относятся вообще всѣ представители иностранныхъ державъ, подъ разными наименованіями: послы, посланники, полномочные министры, нунціи, интернунціи, резиденты, повѣренные въ дѣлахъ (chargés d'affaires) и легаты. Всѣ эти агенты облечены въ различной степени представительствомъ, всѣ они пользуются правомъ не-

прикосновенности. Къ посольскимъ миссіямъ принадлежатъ секретари посольства. Они назначаются самымъ государемъ и не зависятъ отъ посланника, а также изъяты отъ подсудности территоріальной. Секретарей посольства надо отличать отъ секретарей самихъ дипломатическихъ агентовъ, получающихъ отъ нихъ жалованье и имъ вполнѣ подчиненныхъ.

III. *Изъятіе изъ территоріальной подсудности для дипломатическихъ агентовъ и консуловъ.*

§ 46. Подсудность для дипломатическихъ агентовъ, уголовное преслѣдованіе ихъ и вчинаніе гражданскихъ исковъ противъ нихъ основываются на *внеземельности* ихъ тамъ, гдѣ они пребываютъ и представляютъ лицо монарха, которымъ уполномочены. Это качество ихъ даетъ имъ *право неприкосновенности.* Это право дипломатическихъ агентовъ установилось съ давняго времени международнымъ обычаемъ и опирается на взаимности: одно государство, присвоивая такое право дипломатическимъ агентамъ другаго, требуетъ того же права отъ послѣдняго для своихъ агентовъ; это взаимный обмѣнъ правъ въ пользу политическихъ дѣятелей, которые необходимы для каждаго самостоятельнаго и независимаго государства. Такимъ образомъ, означенное право дипломатическихъ агентовъ не зависитъ отъ положительнаго закона извѣстнаго государства, потому что правила, которыми опредѣляются исключенія изъ закона для этихъ лицъ, исполняются другими государствами и обязываютъ обоюдно; умаленіе или неисполненіе привилегіи ихъ повлекло бы за собою покушеніе на самостоятельность другаго государства и она можетъ быть отмѣнена или измѣнена, только по обоюдному согласію государствъ между собою, въ особыхъ договорахъ. Словомъ эта привилегія поддерживается и разъясняется установившимися въ международныхъ сношеніяхъ обычаями и практикою.

Внѣземельность есть такое качество, по которому извѣст-

ное лицо или вещь предполагаются изъятыми изъ той страны, гдѣ онѣ дѣйствительно находятся. Въ силу этого предполагаемаго отсутствія, лицо не подлежитъ власти этой страны и пользуется личною *неприкосновенностью*, слѣдовательно и освобожденіемъ отъ вмѣненія преступленій, имъ совершенныхъ и отъ подсудности мѣстнымъ судамъ. Право неприкосновенности присвоено дипломатическимъ агентамъ вслѣдствіе особеннаго свойства ихъ дѣйствій, какъ представителей монарховъ, и необходимо имъ, потому что безъ этого права безопасность ихъ не была бы прочно ограждена: они подвергались бы стѣсненіямъ, безпокойствамъ разнаго рода и не могли бы отправлять свою важную дѣятельность, какъ должно. Иногда дипломатическій агентъ получаетъ порученія, непріятныя для того государства, въ которомъ находится; если бы онъ не былъ освобожденъ отъ мѣстной власти и подсудности, онъ былъ бы затрудненъ въ выполненіи подобныхъ порученій съ полною свободою, самостоятельностью, которыя должны принадлежать его государю, его государству.

Служащіе въ домѣ посланника, къ которымъ принадлежитъ и его секретарь, его прислуга, не могутъ пользоваться правами неприкосновенности, потому что они не облечены представительнымъ характеромъ, и потому подлежатъ мѣстной подсудности.

Наконецъ извѣстными преимуществами пользуется самый домъ, въ которомъ помѣщается посольство и посланникъ: онъ предполагается также изъятымъ отъ дѣйствія мѣстныхъ властей; но это право ограничивается лишь тою цѣлью, для которой оно служитъ — именно охраненіе и безопасность дипломатическаго агента, далѣе этой цѣли оно не можетъ расширяться, и домъ посланника не можетъ служить убѣжищемъ для постороннихъ преступниковъ. Но во всякомъ случаѣ обычай требуетъ, чтобы въ домѣ посланника преступникъ былъ взятъ мѣстною властью не иначе, какъ съ согласія самого посланника; для этого дѣлается сношеніе съ министромъ ино-

странныхъ дѣлъ — единственнымъ посредникомъ между мѣстными властями и членами дипломатическаго корпуса.

По нашимъ законамъ дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, принадлежащихъ къ посольствамъ и миссіямъ иностранныхъ державъ, возбуждаются не иначе, какъ по надлежащемъ дипломатическомъ сношеніи съ непосредственнымъ начальствомъ обвиняемыхъ. Дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ лицъ, находящихся въ услуженіи пословъ, посланниковъ и другихъ дипломатическихъ агентовъ, подлежатъ уголовному суду на общемъ основаніи, если въ отношеніи къ нимъ не сдѣлано никакихъ изъятій въ трактатахъ съ иностранными державами (уст. угол. суд. ст. 229 — 230).

Консулы иностранныхъ державъ не принадлежатъ къ дипломатическимъ агентамъ,они не имѣютъ вѣрительныхъ грамотъ и не представляютъ лицо государя, которымъ назначены. Они назначаются въ торговыхъ мѣстахъ иноземныхъ государствъ, для покровительства подданнымъ того государства, которому служатъ, для огражденія ихъ правъ и преимуществъ и для отправленія въ отношеніи къ нимъ опредѣленной дѣятельности административной и судебной. Вмѣсто вѣрительныхъ грамотъ, на отправленіе дѣятельности, на которую призваны, консулы получаютъ особое полномочіе называемое exequatur. Хотя они не пользуются тѣми преимуществами, какія предоставлены дипломатическимъ агентамъ и не могутъ быть вполнѣ изъяты отъ мѣстной подсудности и уголовнаго преслѣдованія; но они пользуются въ этомъ отношеніи нѣкоторыми правами, опредѣленными международнымъ обычаемъ и трактатами, во вниманіе къ охраняемымъ консулами интересамъ подданныхъ того государства, отъ котораго они избраны.

Раздѣлъ II.

Объ уголовномъ преслѣдованіи и гражданскомъ искѣ по преступленіямъ, совершеннымъ за границею.

§ 47. Ученія криминалистовъ и публицистовъ по этому предмету подвержены спорамъ и раздѣляются на два глав-

ныхъ мнѣнія, по двумъ началамъ, принятымъ въ основу ихъ— *территоріальности* и *личности закона.* По мнѣнію однихъ, уголовный законъ есть чисто территоріальный и не идетъ далѣе предѣловъ того государства, въ которомъ изданъ, слѣдовательно ни законъ, ни уголовное преслѣдованіе, ни подсудность судамъ этого государства не распространяются на преступленія, совершаемыя за границею. По мнѣнію другихъ, уголовный законъ есть личный: каждый человѣкъ, гдѣ бы онъ не былъ, отражаетъ на себѣ свое отечество и потому подчиняется его законамъ и подлежитъ его судамъ, его власти. Но и та и другая система, какъ крайности, не могутъ быть допущены въ приложеніи, безъ уступки дѣйствительной потребности. Первая система въ одномъ одностороннемъ примѣненіи повлекла бы за собою безнаказанность въ томъ случаѣ, когда преступникъ противъ законовъ своего отечества бѣжалъ бы за границу; вторая система обязывала бы подданнаго къ исполненію за границею даже полицейскихъ законовъ своего отечества и подвергла бы его преслѣдованію за такія дѣянія, которыя дозволяются или даже предписываются мѣстными законами, потому только что они запрещены въ его отечествѣ. Уголовный законъ запечатлѣнъ характеромъ территоріальности и личности: онъ *территоріаленъ* въ томъ смыслѣ, что распространяется на всѣ лица, находящіяся въ предѣлахъ государства; онъ *личенъ* въ томъ отношеніи, что подданный, выходя за предѣлы своего государства, не перестаетъ быть подданнымъ, гражданиномъ своего отечества, пока не отказался отъ возврата въ отчизну, отъ подданства и гражданства своего государства; покровительство его законовъ продолжается надъ нимъ и за границею: тамъ онъ находитъ охраненіе и защиту своихъ правъ въ консульствахъ и посольствахъ; слѣдовательно онъ обязанъ въ извѣстной степени не нарушать эти законы и за нарушеніе ихъ можетъ подлежать уголовной отвѣтственности. Очевидно, что полицейскіе проступки, дѣйствія, ненарушающія чьихъ либо правъ, но запрещаемыя закономъ въ отвращеніе нарушеній правъ, распо-

лагающія къ нарушеніямъ, имѣютъ чисто мѣстное значеніе и потому могутъ быть вмѣняемы въ вину только лицамъ, пребывающимъ тамъ, гдѣ за нихъ взыскивается, но не за границею; слѣдовательно, за полицейскіе проступки подданный не подлежитъ отвѣтственности и уголовному преслѣдованію по законамъ своего государства. Что же касается общихъ преступленій и проступковъ, т. е. такихъ дѣйствій, которыя запрещаются съ нѣкоторыми изъятіями, законами всѣхъ государствъ въ бо̀льшей или меньшей степени, то за эти преступленія подданный можетъ подлежать подсудности и уголовному преслѣдованію по законамъ своего государства.

Еще затруднительнѣе рѣшеніе вопроса о преслѣдованіи преступленій совершенныхъ за границею иностранцами противъ другаго государства и его подданныхъ. Если государство, интересы котораго нарушены иностранцемъ за границею, захватитъ его на своей территоріи, то, конечно, имѣетъ право преслѣдовать и судить его по своимъ законамъ, по праву самообороны и защиты себя отъ нарушеній; преступленія, совершенныя иностранцемъ противъ этого государства, какъ интересующія его самого, остались бы безнаказанными, если бы оно само не взыскивало за нихъ. Государство съ своей стороны имѣетъ право взыскивать и за преступленія, совершенныя за границею противъ его подданныхъ, которыхъ интересы оно должно охранять, если виновникъ его будетъ захваченъ въ томъ государствѣ.

Но если виновникъ преступленія будетъ находиться въ другомъ государствѣ, то государство интересы котораго нарушены или подданный котораго пострадалъ отъ преступленія, можетъ преслѣдовать виновника по своимъ законамъ лишь въ томъ случаѣ, когда это предоставлено ему особымъ трактатомъ. Государство не обязано само преслѣдовать за преступленія, совершенныя противъ другаго государства подданнымъ его или иностранцемъ, оно можетъ преслѣдовать по своимъ законамъ или оставить безъ преслѣдованія.

По уложенію о наказаніахъ, дѣйствію нашего уголовнаго

закона, уголовному преслѣдованію и суду, за преступленія, совершенныя за границею подлежатъ:

I. *Русскіе подданные*:

а) За преступленія, совершенныя внѣ предѣловъ государства, противъ державной власти своего отечества или цѣлости безопасности и благосостоянія Россіи или же за нарушеніе правъ *одного* или *нѣсколькихъ соотечественниковъ* своихъ (улож. о наказ. ст. 189).

б) За преступленія, учиненныя русскими подданными въ какомъ либо иностранномъ государствѣ противъ верховной власти его или же противъ правъ одного или нѣсколькихъ подданныхъ того государства или той державы. Но дѣлъ этого рода русское правительство само не вчинаетъ, а подвергаетъ преслѣдованію лишь въ такомъ случаѣ, если иностранная держава препроводитъ русскаго подданнаго для сужденія въ Россію или если по добровольномъ его возвращеніи въ отечество на него поступятъ жалобы или обвиненія. Если наказаніе, налагаемое уложеніемъ, строже нежели наказаніе по законамъ того края, гдѣ учинено преступленіе, то наказаніе смягчается (тамъ же ст. 190).

в) Трактатами съ восточными государствами Турціею, Персіею, Японіею и Китаемъ, Россія обезпечила своимъ подданнымъ, тамъ пребывающимъ, судъ по русскимъ законамъ (тамъ же ст. 191 дополн. по IV продолж. №№ 2 и 4).

г) Служащіе въ русскихъ вспомогательныхъ войскахъ въ иностранныхъ земляхъ также преслѣдуются и судятся по русскимъ законамъ (тамъ же ст. 191 примѣч.).

II. *Иностранцы.*

За преступленія, которыми преступникъ посягалъ на права державной власти въ Россіи, а также на права русскихъ подданныхъ (тамъ же ст. 188).

Опредѣленіе подсудности русскихъ подданныхъ и иностранцевъ, совершившихъ преступленія противъ Россіи и ея подданныхъ за границею, содержится въ 214 и 215 ст. уст. угол. судопр.

Раздѣлъ III.

О выдачѣ преступниковъ.

I. *Общія понятія объ этомъ предметѣ.*

§ 48. Подъ *выдачею преступниковъ* разумѣется такое дѣйствіе, которымъ одно государство передаетъ другому государству виновника преступленія подсуднаго суду этого государства, для взысканія за то преступленіе. Такая мѣра есть послѣдствіе взаимныхъ отношеній между государствами, съ цѣлью, необходимою для каждаго изъ нихъ, преслѣдованія преступленій, сдѣлавшагося невозможнымъ отъ побѣга виновника его; этою мѣрою пресѣкается безнаказанность преступленій, обезпечивается общее отправленіе уголовнаго правосудія, а виновникъ преступленія отдается въ руки его законнаго и нерѣдко единственнаго суда.

Отсюда видно, что выдача преступниковъ коренится въ международныхъ отношеніяхъ и потому зависитъ отъ бо́льшаго или меньшаго развитія связей между государствами. Въ древнія времена, когда эти связи были весьма слабы, когда каждый народъ обособлялся и смотрѣлъ непріязненно на другой народъ, выдача преступника находила сильное противодѣйствіе, не только въ понятіяхъ объ отношеніяхъ одного государства къ другому, но и въ особомъ учрежденіи, также порожденномъ этими понятіями, въ *правѣ убѣжища*. Связанное съ религіозными взглядами, это право поддерживалось, какъ охраненіе отъ варварства, жестокости, рабства, личной мести: на бѣглеца преступника смотрѣли, какъ на несчастнаго, порученнаго покровительству и заступничеству боговъ; бѣглецъ иноземецъ оберегался отъ преслѣдованія, какъ гость,

котораго нравы и обычаи защищали отъ всякаго нападенія. Нѣкоторыя мѣста исключительно предназначены были для убѣжища преслѣдуемымъ. Но отсюда возникало много злоупотребленій, такъ какъ подъ покровомъ убѣжища скрывались не только несчастные безвинные, но и дѣйствительно виновные, иногда злодѣи по ремеслу. Вслѣдствіе этого право убѣжища стало мало по мало стѣсняться и затрудняться различными ограниченіями. Однакожъ, не смотря на стѣсненія, установленныя въ законахъ, право убѣжища оставалось долго какъ дѣйствительное право и упорно поддерживалось еще во время борьбы церковной власти съ свѣтскою въ XIII и XIV столѣтіи.

Независимо отъ права убѣжища самые нравы не благопріятствовали выдачѣ преступниковъ. Изгнаніе изъ отечества, лишеніе роднаго попелища, утрата родины, при тѣсной связи членовъ семейнаго, родоваго союза, разсматривалось какъ тяжкое наказаніе, по строгости слѣдовавшее за смертною казнью; поэтому всякое преступленіе считали достаточно взысканнымъ и очищеннымъ добровольнымъ изгнаніемъ; думали, что правосудіе вполнѣ удовлетворительно расквиталось съ виновникомъ преступленія, когда онъ даже по своей волѣ оставилъ отечество.

Мало по малу образованіе, гражданственность, развитіе государствъ и сближеніе народовъ наложили свою печать на нравы, понятія, обычаи и на самое право убѣжища; между враждебными народами завязались мирные узы, болѣе и болѣе сознавалась необходимость въ объединеніи, во взаимномъ обезпеченіи безопасности и благосостоянія; народное право стало установлять отношенія между государствами, по мѣрѣ оказавшейся въ нихъ потребности. Съ усложненіемъ этихъ отношеній правительства стали сознавать, что всѣ ихъ орудія преслѣдованія преступленій въ нѣкоторыхъ случаяхъ не достигнутъ своей цѣли, когда другія государства не окажутъ имъ своего содѣйствія, что увѣренность найти убѣжище въ чужой странѣ даетъ могучую опору преступленію, развиваетъ

преступность и что устраненіе способовъ къ пріюту безнаказанности служитъ предупрежденіемъ нарушеній общественнаго порядка и укрѣпленіемъ общаго спокойствія; выдача преступниковъ сдѣлалась однимъ изъ предметовъ международнаго права; къ концу XVIII столѣтія начало выдачи преступниковъ признано почти всѣми государствами.

Выдача преступниковъ есть средство, обезпечивающее отправленіе правосудія; но она не составляетъ мѣру полицейскую — поимку и задержаніе виновника преступленія и мѣру судебную — арестованіе его, она по своей сущности есть актъ, право верховной власти того или другаго государства, неотъемлемо ему принадлежащее. Правительство, выдающее преступника, дѣйствуетъ не по требованію судебной власти другаго государства, потому что это требованіе не имѣетъ никакой силы за его предѣлами и ни сколько необязательно для чужой страны; оно повинуется не требованію посторонней для него власти, а исполняетъ лишь международную сдѣлку, договоръ о выдачѣ преступника. Правда, что исполненіе такого обязательства назначено къ удовлетворенію потребности правосудія чужеземнаго; но если правительство удовлетворяетъ этой потребности соглашеніемъ на выдачу, то оно побуждается къ этому вовсе не судебнымъ предписаніемъ; здѣсь имѣетъ мѣсто не предписаніе и не требованіе, а просьба. Самостоятельное государство не обязано къ выполненію требованія; выдача преступника есть дѣло доброй воли его правительства; оказывая содѣйствіе чужой судебной власти, оно никакъ не обращается въ ея агента; содѣйствуя интересамъ правосудія другой страны, оно имѣетъ въ виду найти въ ней содѣйствіе своему правосудію, взаимное удовлетвореніе его интересамъ въ случаѣ надобности. Такимъ образомъ выдача преступника есть свободное дѣйствіе правительства, которое оно можетъ не исполнить, такъ какъ нѣтъ для международныхъ сдѣлокъ никакой принудительной силы; она основывается на договорѣ двухъ государствъ, и принадлежитъ къ международному праву, хотя содѣйствуетъ уголовному право-

судію и находитъ себѣ опору въ его потребностяхъ. Чѣмъ больше сближаются государства, чѣмъ болѣе средствъ къ сообщенію одной страны съ другою и чѣмъ легче они, тѣмъ болѣе необходимости обезпечить уголовное преслѣдованіе отъ затрудненій, государство отъ безнаказанности преступленій международнымъ соглашеніемъ о выдачѣ преступниковъ, потому что они находили бы весьма легкій притонъ въ чужой странѣ.

II. *Лица и преступныя дѣйствія, на которыя распространяется выдача преступниковъ.*

§ 49. Главное правило относительно лицъ, какія могутъ и не могутъ быть выдаваемы, есть то, что правительство не выдаетъ своихъ подданныхъ. Когда они совершили преступленіе въ чужой странѣ и укрылись въ своемъ отечествѣ, оно имѣетъ право судить ихъ по своимъ законамъ и въ своихъ судахъ; но не обязывается выдавать ихъ чужимъ судамъ. Каждое государство беретъ на себя защиту и охрану своихъ подданныхъ, заботится, чтобы права ихъ не были нарушены; нельзя ожидать, чтобы чужое государство оградило ихъ всѣми тѣми способами, какіе предоставлены въ отправленіи правосудія подсудимому его отечественными законами. Сверхъ того выдача своихъ подданныхъ чужому государству была бы оскорбительна для чести и достоинства народа: добровольная выдача ихъ была бы покушеніемъ на независимость народа въ расправѣ съ своими гражданами. Такимъ образомъ выдача можетъ распространяться только на *иностранцевъ* въ отношеніи къ тому правительству, которое соглашается выдать преступника.

Что же касается выдачи иностранныхъ преступниковъ, то ей могутъ подлежать, какъ подданные того государства, которое проситъ выдачи, такъ и иностранцы. Государство имѣетъ право ходатайствовать о выдачѣ виновника преступленія, совершеннаго въ его предѣлахъ, къ какой бы націи

онъ ни принадлежалъ, потому что оно вправѣ преслѣдовать преступленія, учиненныя кѣмъ бы то ни было. Правительство, къ которому обращается просьба о выдачѣ, не имѣетъ основанія къ отказу, потому что общимъ началомъ признается, что преступленіе преслѣдуется и судится судомъ по мѣсту совершенія его; для государства выдающаго достаточно убѣдиться, что преступленіе учинено въ той странѣ, которая желаетъ выдачи; оно выдаетъ преступника суду, которому онъ подсуденъ за свою вину. Международный обычай однакожъ требуетъ передачи просьбы о выдачѣ и обвиненія правительству, котораго виновникъ считается подданнымъ; это извѣщеніе дѣлается съ тою цѣлью, чтобы правительство было поставлено въ возможность ограждать права своего подданнаго, какъ оно признаетъ нужнымъ и удобнымъ. Какъ должно поступить государство, у котораго просятъ выдачи преступника, когда его правительство не соглашается на выдачу? — Въ разрѣшеніи этого вопроса съ точки зрѣнія права не можетъ стѣснять государство, удерживающее преступника, отказъ другаго государства въ выдачѣ его подданнаго. Общее правило, относительно признаваемой всѣми государствами необходимости преслѣдовать преступленія, и здѣсь должно имѣть мѣсто. Государство, удерживающее преступника, не связано и заявленіемъ правительства, что оно само осудитъ своего подданнаго по своимъ законамъ: государство, въ предѣлахъ котораго учинено преступленіе, имѣетъ предпочтительное право на выдачу, потому что тамъ находятся всѣ доказательства виновности, тамъ подсудность по мѣсту совершенія, имѣющая преимущество предъ всякою другою подсудностью. Но въ разрѣшеніи означеннаго вопроса могутъ имѣть мѣсто соображенія и расчеты политическіе, выгоды въ согласіи на выдачу тому или другому правительству, слѣдовательно, вопросъ этотъ входитъ въ область политики, а не права.

Преступленія, къ которымъ примѣняется выдача, имѣютъ ту общую черту, что они должны быть болѣе или менѣе важны. Конечно для мелкихъ преступленій государству нѣтъ

побужденія прибѣгать къ хлопотамъ и расходамъ, съ которыми соединяется выдача преступниковъ. Преступленія, на которыя распространяется выдача виновниковъ, обыкновенно вычисляются въ конвенціяхъ, заключаемыхъ государствами по этому предмету. Второе правило, котораго придерживаются многія государства, есть то, что выдача не имѣетъ мѣста въ *политическихъ преступленіяхъ*. Постороннее государство смотритъ на такія преступленія, какъ на послѣдствія весьма разнообразныхъ причинъ, значеніе которыхъ понятно только для того государства и народа, среди котораго они совершаются и потому преслѣдованіе ихъ имѣетъ интересъ для него одного, а не для другихъ народовъ; только въ отношеніи къ дѣйствіямъ, которыхъ преступность, безнравственность не подлежатъ никакому сомнѣнію и толкованію и всюду признаются въ бо̀льшей и меньшей степени, государства считаютъ себя обязанными содѣйствовать уголовному преслѣдованію. Впрочемъ многіе криминалисты и въ этомъ отношеніи требуютъ строгаго отличія государственныхъ преступленій отъ общихъ: убійства, разбоя, грабежа и друг., такъ какъ послѣднія нерѣдко совершаются подъ покровомъ политическимъ, ради личныхъ побужденій и выгодъ; но на это требованіе возражаютъ другіе, что перевороты въ государствахъ нерѣдко сопровождаются общими, неполитическими преступленіями и что тѣ и другія такъ связаны между собою, что провести между ними разграничительную черту и узнать, какимъ побужденіемъ увлекался преступникъ — политическою ли страстью или корыстною цѣлью, во многихъ случаяхъ оказывается весьма труднымъ: само собою разумѣется, что оцѣнка побужденія преступника въ данномъ случаѣ принадлежитъ тому правительству, у котораго испрашивается выдача преступника. Несомнѣнно и то, что опредѣленіе, выдавать или не выдавать политическихъ преступниковъ, имѣетъ значеніе взаимное, то есть на столько же обязывается одно государство, на сколько и другое.

При этомъ нельзя не замѣтить, что выдача преступника

не нуждается въ трактатѣ: нерѣдко происходятъ выдачи между такими государствами, которыя не заключили другъ съ другомъ никакого трактата на этотъ предметъ. Трактаты опредѣляютъ только взаимныя отношенія государствъ другъ къ другу, дѣлая ихъ болѣе опредѣленными, ясными, но они не творятъ этихъ отношеній; послѣднія рождаются вслѣдствіе потребностей, нуждъ того или другаго государства. Поэтому правила о выдачѣ преступниковъ не имѣютъ безусловной необходимости внесенія ихъ въ письменныя условія, составляющія трактаты; согласіе на выдачу можетъ послѣдовать и безъ нихъ, вслѣдствіе международнаго обычая, принятаго всѣми государствами, содѣйствовать другъ другу въ преслѣдованіи преступленій и тѣмъ охранять общіе интересы правосудія. Но согласіе на выдачу преступника въ данномъ случаѣ по праву взаимности влечетъ за собою обязанность съ другой стороны соглашаться на выдачу въ подобномъ же случаѣ. Такимъ образомъ выдача преступниковъ, по настоящему состоянію этого учрежденія въ международномъ правѣ, распространяется: 1) на всѣ лица, кромѣ подданныхъ того государства, у котораго испрашивается разрѣшеніе на выдачу; 2) на всѣ преступленія, кромѣ политическихъ; 3) на дѣйствія, всюду признаваемыя преступными и наказываемыя и 4) означенныя или въ общей конвенціи о выдачѣ преступниковъ или въ особой частной сдѣлкѣ по данному случаю, обязывающей взаимностью.

III. *Порядокъ и формы выдачи преступниковъ.*

§ 50. По полученіи свѣдѣній о побѣгѣ преступника за границу и о мѣстѣ его укрывательства, они представляются прокурорами министру юстиціи, которымъ сообщаются министру иностранныхъ дѣлъ. Только министръ иностранныхъ дѣлъ можетъ сноситься съ мѣстнымъ правительствомъ о выдачѣ преступниковъ. При этомъ должны быть приложены судебныя опредѣленія относительно виновности или преданія суду преступника или по крайней мѣрѣ распоряженія объ арестованіи

обвиняемаго. Конечно эти распоряженія не обязательны для иноземнаго правительства; они составляютъ только документы, указывающіе основаніе обвиненія и необходимость выдачи; по нѣкоторымъ трактатамъ требуется, чтобы судопроизводство достигало извѣстной степени,—судебнаго приговора о виновности или по крайней мѣрѣ преданія суду.

Испрашиваніе согласія на выдачу преступника вмѣстѣ съ доказательствами виновности отсылается къ министру иностранныхъ дѣлъ того государства, въ которомъ укрывается преступникъ. Мѣстныя судебныя власти одного государства не могутъ непосредственно сносится съ судебными властями другаго. Свѣдѣнія о преступленіи и виновности преступника передаются на предварительное разсмотрѣніе мѣстной судебной власти, чтобы удостовѣриться въ самоличности преступника, въ основательности обвиненія, чтобы оправдать его задержаніе, арестъ. За тѣмъ испрашивается разрѣшеніе верховной власти на выдачу виновника, по воспослѣдованіи котораго чрезъ посредство министра иностранныхъ дѣлъ извѣщается о томъ правительство, испрашивавшее выдачи, а обвиняемый препровождается на мѣсто требованія и чрезъ полицію передается, куда слѣдуетъ.

Практика международныхъ отношеній не допускаетъ выдачи преступника, подвергшагося обвиненію въ томъ государствѣ, у котораго испрашивается согласіе на выдачу, до исполненія уголовнаго приговора о немъ. Но кредиторы, даже заключившіе въ тюрьму должника, не имѣютъ права на удержаніе его отъ выдачи; потому что уголовное преслѣдованіе ставится выше гражданскаго взысканія и можетъ соперничать только съ уголовнымъ преслѣдованіемъ другаго государства.

Наравнѣ съ другими европейскими державами Россія заключила много трактатовъ о взаимной выдачѣ преступниковъ: одни изъ нихъ вѣчные (то есть безсрочные) другіе срочные; одни потеряли свою силу, другіе сохраняютъ ее до сихъ поръ (свод. зак. XIV т. уст. о паспорт. и бѣглыхъ ст. 663, 687). Такъ Россія условилась со Швеціей о взаимной выдачѣ *бѣг-*

лыхъ матросовъ (тракт. 18 октября 1799 года, 1 марта 1801, 27 марта 1812), съ тою же державою о взаимной выдачѣ *бродягъ, нищихъ* и *преступниковъ* (27 дек. 1860 года); съ Бельгіею, Португаліею и Греціею о взаимной выдачѣ *бѣглыхъ* съ военныхъ и купеческихъ судовъ (2 іюня 1850 года, 31 января 1851, 24 сент. 1851 года); съ Австріею о взаимной выдачѣ *дезертировъ* (2 іюня 1815 и 14 іюля 1822 г.) и *бѣглыхъ евреевъ* (30 окт. 1849 г.); съ Пруссіею заключена конвенція 12 іюля 1857 г. на 12 лѣтъ о взаимной выдачѣ *дезертировъ* и *всѣхъ вообще преступниковъ;* Пекинскимъ трактатомъ (2 ноября 1860 года) Россія и Китай обязались выдавать другъ другу *всѣхъ вообще преступниковъ.*

ГЛАВА V.

О пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

§ 51. Разсмотрѣвъ значеніе обоихъ исковъ уголовнаго и гражданскаго, означивъ пути, которыми они должны слѣдовать, мы должны указать на различныя препятствія, останавливающія начатіе ихъ или задерживающія производство, если они начаты. Разсмотрѣніе этихъ препятствій необходимо, потому что недостаточно опредѣленія цѣли двухъ исковъ и обозначенія дороги, по которой они должны идти, нужно еще, чтобы они могли свободно достигать своей цѣли, безъ остановки на ходу. Съ другой стороны препятствія сами по себѣ могутъ быть столь сильны и интересы, преграждающіе ходъ двухъ исковъ, могутъ быть такъ важны, что иски должны уступить этимъ интересамъ. Объясненіе причинъ остановки двухъ исковъ составитъ предметъ настоящей главы, и такъ какъ онѣ различны по отношенію къ тому и другому иску, то главу эту раздѣлимъ на два раздѣла.

Раздѣлъ I.

Причины, пріостанавливающія уголовное преслѣдованіе.

§ 52. Причины эти состоятъ или въ свойствахъ преступнаго дѣйствія или въ особыхъ качествахъ лицъ, подлежащихъ уголовному преслѣдованію. Къ тѣмъ и другимъ принадлежатъ: 1) *недостатокъ жалобы* по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, которые преслѣдуются, не иначе какъ вслѣдствіе жалобы лица потерпѣвшаго; 2) *предварительные вопросы*, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ производство уголовнаго преслѣдованія; 3) *разрѣшеніе судебнаго преслѣдованія* лицъ, особыя качества которыхъ требуютъ этого разрѣшенія. Здѣсь нѣтъ рѣчи о тѣхъ препятствіяхъ, которыя временно задерживаютъ начатое производство дѣла, такъ напримѣръ о неподсудности дѣла извѣстному суду или власти судебной или административной, начавшихъ или принявшихъ дѣло, имъ неподвѣдомое; эти препятствія составляютъ вопросы о подсудности, о пререканіи о ней.

I. *Недостатокъ жалобы потерпѣвшаго лица.*

1. Свойства преступленій, преслѣдуемыхъ не иначе какъ по жалобѣ.

§ 53. Уголовное преслѣдованіе, какъ уже объяснено, не должно находиться въ зависимости отъ жалобы пострадавшаго лица. Поэтому общее правило требуетъ, чтобы должностные обвинители возбуждали уголовное преслѣдованіе по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ о преступномъ дѣйствіи, какъ вслѣдствіе жалобы, такъ и безъ нея, по другому поводу къ начатію уголовнаго иска. Но изъ этого общаго правила есть исключеніе: по нѣкоторымъ преступнымъ дѣйствіямъ, законъ не допускаетъ уголовнаго преслѣдованія безъ жалобы лица пострадавшаго, ставитъ въ зависимость уголовный искъ отъ жалобы его. Эти преступленія и проступки по своимъ свойствамъ и по тѣмъ

обстоятельствамъ, изъ которыхъ рождаются и среди которыхъ возникаютъ, таковы, что уголовное преслѣдованіе не можетъ быть оставлено на произволъ посторонняго должностнаго обвинителя: они не могутъ быть раскрываемы, безъ доброй воли оскорбленныхъ лицъ, потому что или тѣсно связаны съ благосостояніемъ семьи, съ личнымъ достоинствомъ и честью членовъ ея или отдѣльнаго лица, или не могутъ быть доказаны безъ посредственнаго участія того, чей интересъ нарушенъ. Законъ, предоставляя самое обвиненіе или возбужденіе дѣла частному лицу, уважаетъ миръ и спокойствіе семьи, видитъ бо́льшую опасность и неудобство въ преслѣдованіи такихъ преступныхъ дѣйствій, чѣмъ въ безнаказанности ихъ; притомъ во многихъ изъ нихъ больше вреда частнаго, личнаго, чѣмъ общественнаго; поэтому государство отступается отъ уголовнаго иска по нимъ, предоставляя на произволъ лица оскорбленнаго вчинать или не вчинать его.

Въ началѣ образованія общественной жизни каждаго народа число преступленій, которыя преслѣдуются, не иначе какъ по жалобѣ оскорбленнаго лица, бываетъ очень велико, именно потому что уголовное преслѣдованіе находится почти исключительно въ рукахъ частныхъ лицъ; общественная власть беретъ на себя преслѣдованіе только тѣхъ преступныхъ дѣйствій, которыя заключаютъ въ себѣ слишкомъ большой и очевидный вредъ для самого общества. Но съ развитіемъ общества, государства, уголовное преслѣдованіе подчиняется совершенно обратному порядку, т. е. оно разсматривается какъ дѣло самого общества и государства, независящее отъ произвола частнаго лица и только какъ исключеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ дается частному лицу исключительное право на уголовный искъ. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе развивается жизнь, тѣмъ болѣе ограничивается число преступныхъ дѣйствій, преслѣдованіе которыхъ зависитъ отъ жалобы и воли частнаго лица. Впрочемъ слишкомъ большое ограниченіе преступныхъ дѣйствій этого рода не должно имѣть мѣста тогда, когда они преимущественно относятся къ частной жизни.

Не говоря о томъ, что развитіе самаго общества, государства задерживается въ извѣстной степени отъ излишняго стѣсненія частной жизни, требующей простора и свободнаго движенія ея силъ, нельзя непризнать того опыта всѣхъ обществъ, что государству затруднительно вмѣшиваться въ частный бытъ и во многихъ случаяхъ нельзя услѣдить за всѣми ея явленіями. Вотъ почему во многихъ государствахъ преступленія, относящіяся къ частному быту и не затрогивающія или затрогивающія слишкомъ слабо общественный интересъ, вводятся въ рязрядъ тѣхъ, для преслѣдованія которыхъ требуется предъявленіе жалобы со стороны лицъ заинтересованныхъ. Ихъ раздѣляютъ на два класса: одни изъ нихъ потрясаютъ семейный бытъ, касаются внутренней стороны его, такъ тѣсно связаны съ нею, что нельзя дать мѣста въ преслѣдованіи постороннему лицу, потому что такое вмѣшательство большею частью разрывало бы семейныя связи, колебало бы настоящее или будущее семьи; таковы напримѣръ: прелюбодѣяніе жены или мужа, личныя обиды между супругами, родителями и дѣтьми и друг. Ко второму классу принадлежатъ такія преступныя дѣянія, которыя по своему свойству недостижимы для преслѣдованія посторонними, а тѣмъ болѣе должностными лицами потому что они укрываются отъ постороннихъ глазъ, нарушаютъ исключительно частный интересъ, касаются чести, достоинства, уваженія отдѣльныхъ лицъ; таковы напримѣръ кражи и мошенничества между супругами, родителями и дѣтьми, подрывъ кредиту купца его прикащикомъ, непосредственныя личныя обиды и проч. Съ перваго взгляда кажется страннымъ оставленіе на волю оскорбленнаго лица преслѣдованія преступленія, каторое, хотя въ малой долѣ, все таки наноситъ вредъ общественный; жалоба можетъ и не послѣдовать, слѣдовательно преступленіе можетъ остаться безнаказаннымъ. Но если всмотримся глубже въ это изъятіе изъ преслѣдованія преступленій во имя и въ интересахъ общества, нетрудно убѣдиться, что сама общественная потребность, которая находитъ нужнымъ уголовное преслѣдованіе, заставляетъ ставить его въ зависи-

мость отъ жалобы. Она требуется въ тѣхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, которыхъ преслѣдованіе отъ имени общества могло бы причинить вредъ обществу или отдѣльному лицу: въ большей части случаевъ оно оскорбило бы тѣхъ самыхъ лицъ, которыя и безъ того пострадали отъ преступленія; преслѣдованіе очень часто расплачивалось бы нарушеніемъ семейнаго спокойствія и согласія. Оно подрывало бы самыя крѣпкіе узы, вчиная дѣло о прелюбодѣяніи жены безъ желанія мужа, выставило бы на позоръ самую жертву преступленія, если бы изнасилованіе женщины обратилось въ уголовный искъ безъ ея жалобы, нанесло бы не одинъ ударъ чести лица, если бы брало на себя удовлетвореніе нарушенія его чести уголовнымъ порядкомъ. Было бы несправедливо вынуждать лицо обиженное подчиниться вторичному оскорбленію огласкою, обнаруженіемъ преступныхъ дѣйствій. Государство имѣетъ и другіе интересы, кромѣ уголовнаго преслѣдованія: семейныя связи, личное достоинство гражданъ, которыя не должны подвергаться нападеніямъ ради уголовнаго преслѣдованія. Наконецъ общество и государство грозили бы большою опасностью благосостоянію и личной свободѣ, если бы уголовнымъ преслѣдованіемъ добивались обнаруженія семейныхъ тайнъ, частныхъ сдѣлокъ и отношеній, составляющихъ неотъемлемое достояніе благосостоянія и свободы отдѣльныхъ лицъ, которыя сберегаютъ общественный порядокъ. Вотъ почему государство предоставляетъ уголовный искъ самому потерпѣвшему лицу въ тѣхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, которыя почти исключительно падаютъ на частное лицо, задѣвая слишкомъ мало общественный интересъ.

Таковы основанія, по которымъ почти всѣ государства преслѣдуютъ нѣкоторыя преступленія, не иначе какъ по жалобамъ лицъ потерпѣвшихъ, обиженныхъ.

Конечно, въ каждомъ законодательствѣ число этихъ преступленій различно. Мы уже указали, какія именно преступленія по нашимъ законамъ признаются подлежащими преслѣдованію, не иначе какъ по жалобѣ частныхъ лицъ; у насъ

они имѣютъ еще иное значеніе въ уголовномъ преслѣдованіи: одинъ разрядъ ихъ даетъ право частному лицу быть обвинителемъ, другой предоставляетъ ему возбуждать уголовный искъ. Къ такимъ преступленіямъ наши законы относятъ: 1) прелюбодѣяніе; 2) обольщеніе незамужней женщины обѣщаніемъ на ней жениться; 3) изнасилованіе и растлѣніе, когда они не имѣли послѣдствіемъ смерти изнасилованной или растлѣнной; 4) похищеніе незамужней женщины для вступленія съ нею въ бракъ и принужденіе ко вступленію въ бракъ; 5) жестокое обращеніе мужа съ женою и жены съ мужемъ; 6) упорное неповиновеніе дѣтей родителямъ, развратная жизнь и другіе явные пороки дѣтей, отказъ нуждающимся родителямъ со стороны дѣтей въ необходимомъ пособіи; 7) кражи, мошенничества и присвоеніе чужаго имущества между супругами, родителями и дѣтьми; 8) непосредственныя личныя обиды; 9) клевета и распространеніе оскорбительныхъ для чьей-либо чести сочиненій, изображеній или слуховъ; 10) угрозы; 11) задержаніе кого-нибудь безъ насилія; 12) легкія раны, увѣчья и неважныя поврежденія здоровья; 13) самоуправство и насиліе безъ нанесенія тяжкихъ побоевъ, ранъ или увѣчія; 14) захваты чужаго недвижимаго имущества, несопровождаемые насиліемъ; 15) истребленіе или поврежденіе чужаго движимаго имущества, самовольное пользованіе имъ; 16) заимствованіе изъ чужаго литературнаго или художественнаго произведенія свыше указанной части; 17) явный подрывъ кредиту купца, сдѣланный его прикащикомъ или сидѣльцемъ; 18) сообщеніе другимъ заразительной болѣзни, происходящее отъ непотребства (§§ 32, 33).

2. Условія и послѣдствія жалобы.

§ 54. Такъ какъ уголовное преслѣдованіе въ означенныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ зависитъ исключительно отъ жалобы, то необходимо разъяснить, какія условія отъ нея требуются, чтобы она получила надлежащее дѣйствіе.

При общемъ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія жалоба сама по себѣ не составляетъ сущности; поэтому, хотя бы она была составлена неправильно, принятіе ея и возбужденіе уголовнаго дѣла покрываютъ собою ея недостатки. Но когда жалоба, такъ сказать узаконяетъ уголовное преслѣдованіе, является его главною причиною, единственнымъ его основаніемъ, то необходимо соблюденіе условій, отъ которыхъ зависитъ правильность ея и самаго уголовнаго преслѣдованія по ней. Существенное условіе этой жалобы состоитъ именно въ томъ, чтобы она выражала *полную и непринужденную волю жалующагося вести* или по крайней мѣрѣ *возбудить* уголовное преслѣдованіе.

Отсюда вытекаютъ слѣдующія условія: 1) *Жалоба должна быть подана*, если преступное дѣяніе относится къ вѣдомству мироваго судьи, *самому мировому судьѣ* (уст. угол. суд. ст. 35, 43). Хотя законъ дозволяетъ потерпѣвшимъ отъ преступнаго дѣйствія вредъ и убытокъ приносить жалобу полиціи (тамъ же ст. 48); но жалоба по вышеупомянутымъ преступнымъ дѣйствіямъ требуетъ предварительнаго обсужденія ея правильности, а такое обсужденіе принадлежитъ только тому лицу, которое разбираетъ дѣло, а не полиціи, производящей только предварительное розысканіе; мировой судья вѣрнѣе можетъ обсудить, подлежитъ ли жалоба принятію и какіе въ ней недостатки; наконецъ въ дѣлахъ этого рода допускается примиреніе, которое можетъ послѣдовать прежде полицейскаго розысканія и на которое полиція не имѣетъ никакого права. Въ дѣлахъ, подлежащихъ вѣдомству окружнаго суда, жалоба должна быть принесена также мировому судьѣ, но только съ одною цѣлью примиренія сторонъ (тамъ же ст. 35); если уголовное дѣло можетъ быть прекращено примиреніемъ (улож. о наказ. ст. 171). Если же оно примиреніемъ не прекращается, то жалоба должна быть принесена полицейскому чиновнику или судебному слѣдователю или прокурору и его товарищу (ст. 306). 2) Жалоба должна быть составлена самимъ жалующимся или тѣмъ, кому онъ довѣритъ или же должностнымъ лицомъ, которому она приносится, но не иначе *какъ со словъ*

самого жалующагося, о чемъ должно быть упомянуто въ самой жалобѣ, такъ какъ безъ этого условія нельзя удостовѣриться, дѣйствительно ли то лицо, отъ имени котораго написана жалоба, само выразило волю на жалобу. 3) Она должна быть *подписана самимъ жалующимся* или тѣмъ, кому онъ вѣритъ, если самъ онъ писать не можетъ или неграмотенъ. 4) Жалоба словесная должна быть записана въ протоколъ *со словъ самого жалующагося, прочитана ему* и *подписана имъ*, а если онъ писать не можетъ или не умѣетъ, то объ этомъ должно быть оговорено въ протоколѣ (уст. угол. суд. ст. 45, 306). Здѣсь не говорится о другихъ формальностяхъ, требуемыхъ отъ жалобъ, вообще онѣ будутъ разсмотрѣны въ своемъ мѣстѣ.

Несоблюденіе одного изъ означенныхъ условій влечетъ за собою, недѣйствительность жалобы и уничтожаетъ производство по ней. Жалоба составляетъ источникъ, начало уголовнаго преслѣдованія въ дѣлахъ этого рода; поэтому она должна быть правильна а правильность ея должна быть установлена точнымъ выполненіемъ условій, отъ нея требуемыхъ. Если воля жалующагося начать уголовное дѣло сомнительна, если она не выражена твердо и ясно, то, конечно, и самое производство по ней не представляетъ ничего вѣрнаго, а при такомъ положеніи оно разрушается, какъ непрочно построенное зданіе. Безъ соблюденія этихъ условій нельзя доказать дѣйствительности самой жалобы и твердости желанія жалующагося. Принесеніе или отсылка жалобы должностному лицу, которое вѣдаетъ дѣла по жалобѣ, и составленіе ея съ упомянутыми условіями служатъ единственнымъ ручательствомъ зрѣлой обдуманности и несомнѣнности желанія вызвать уголовное преслѣдованіе. Вотъ почему со стороны должностныхъ лицъ, дающихъ ходъ уголовному дѣлу, по уголовному иску, возбуждаемому въ вышеупомянутыхъ случаяхъ не иначе какъ жалобою, требуется особенная осторожность и вниманіе. Въ случаѣ сомнѣнія въ дѣйствительности жалобы того именно лица, которое по закону имѣетъ право приносить ее, необходимо распросить это лицо прежде начатія дѣла (уст. угол. суд. ст. 306)

и если въ жалобѣ оказываются недостатки, то требовать замѣны ея новою, исправленною или же вмѣсто жалобы составить протоколъ послѣ распроса жалующагося. Мы особенно настаиваемъ на точномъ выполненіи условій, требуемыхъ отъ жалобы, потому что въ нашей практикѣ можно найти не одинъ примѣръ того, что уголовныя слѣдствія производились по неосновательнымъ жалобамъ и даже безъ жалобы по такимъ преступнымъ дѣйствіямъ, по которымъ на основаніи 171 ст. улож. о наказаніяхъ, дѣла начинаются не иначе какъ по жалобѣ. Легко себѣ представить, каково положеніе пострадавшаго лица, когда оно вынуждается на участіе въ дѣлѣ, котораго оно вовсе не желало возбуждать, именно вслѣдствіе тѣхъ вышеупомянутыхъ причинъ, по которымъ законодатель оставилъ на добрую волю оскорбленнаго преступленіемъ преслѣдовать или не преслѣдовать его. Само собою разумѣется, что пострадавшее и другое лицо, имѣющее по закону право на жалобу, въ случаѣ начатія дѣла безъ жалобы его, можетъ требовать прекращенія слѣдствія и въ случаѣ неисполненія этого требованія приносить жалобу на слѣдователя или на судъ (уст. угол. суд. ст. 491).

Никакое предположеніе, какими бы доводами оно не подкрѣплялось, не можетъ служить основаніемъ уголовнаго преслѣдованія, если не было самой жалобы. Поэтому одно начатіе иска въ гражданскомъ судѣ за вредъ и убытки отъ преступленія, преслѣдуемаго не иначе какъ жалобою, не есть достаточный поводъ къ начатію уголовнаго иска. Исковое прошеніе отличается отъ жалобы тѣмъ, что имѣетъ предметомъ лишь вознагражденіе за вредъ и убытки, тогда какъ предметъ жалобы состоитъ въ требованіи уголовнаго преслѣдованія: истецъ домогается взысканія гражданскаго, жалующійся ищетъ взысканія уголовнаго. Тѣмъ, что истецъ началъ искъ въ гражданскомъ судѣ, онъ заявляетъ свое нежеланіе возбудить уголовный искъ, въ которомъ могъ бы домогаться и вознагражденія за вредъ и убытки, если бы желалъ производить искъ уголовнымъ порядкомъ.

Послѣдствія жалобы различаются по свойству преступнаго

дѣянія. Если оно относится къ подсудности мировыхъ установленій (тамъ же ст. 33), то жалующійся во время разбирательства дѣла вступаетъ въ права частнаго обвинителя. Если же преступное дѣяніе подлежитъ вѣдомству окружнаго суда и можетъ быть погашаемо примиреніемъ, то въ случаѣ неокончанія дѣла примиреніемъ у мироваго судьи, оно отсылается къ судебному слѣдователю (ст. 117) и жаловавшійся обращается въ обвинителя. Законъ по дѣламъ этого рода заботится о доставленіи сторонамъ возможности покончить дѣло миромъ, и съ этою цѣлью установилъ для нихъ мировое разбирательство. Вникая въ тѣ причины, которыя побудили законодателя оставить на волю частнаго лица преслѣдовать или не преслѣдовать преступленіе, погашаемое примиреніемъ, нельзя не желать, чтобы мировый судья ради этихъ причинъ, употребилъ стараніе съ своей стороны склонить къ миру оскорбленнаго съ оскорбителемъ, пострадавшаго съ нанесшимъ вредъ: тутъ въ рукахъ мировыхъ судей часто будутъ находиться семейное спокойствіе, честь и личное достоинство; отъ успѣшности примиренія нерѣдко будетъ зависѣть участь домашняго благосостоянія, окончательное раззореніе или приведеніе въ порядокъ семейныхъ дѣлъ, сохраненіе въ тайнѣ нанесенныхъ преступнымъ дѣйствіемъ пораженій или обличеніе ихъ. Конечно, самымъ лучшимъ результатомъ мироваго разбора будетъ поставленіе истца въ возможность не доводить дѣла до формальнаго уголовнаго преслѣдованія, до обвиненія преступленія и виновника его предъ судомъ.

Если же преступленіе принадлежитъ къ разряду непогашаемыхъ примиреніемъ, то съ подачею жалобы оканчивается дѣятельность жалующагося по уголовному преслѣдованію; въ права его вступаетъ лицо прокурорскаго надзора. По нашему закону жалоба считается достаточнымъ основаніемъ къ производству предварительнаго слѣдствія, и если она составлена правильно, безъ нарушенія вышеозначенныхъ условій, въ этомъ слѣдствіи жалующемуся не можетъ быть отказано (ст. 303). Послѣ принятія жалобы жалующійся уже не можетъ стѣ-

снить прокурора въ дѣйствіяхъ по уголовному преслѣдованію, которое вполнѣ переходитъ въ его руки. По дѣламъ, непрекращаемымъ примиреніемъ, оскорбленное лицо можетъ пріостановить уголовный искъ отказомъ отъ подачи жалобы, препятствовать этимъ способомъ возбужденію иска; но болѣе правъ не даетъ ему законъ. За подачею жалобы начинается дѣятельность лица прокурорскаго надзора, не въ интересахъ жаловавшагося, а во имя закона, въ интересахъ общественнаго порядка. Тогда какъ частный обвинитель можетъ до истеченія приговора прекратить дѣло примиреніемъ, прощеніемъ, отказомъ отъ жалобы, отреченіемъ отъ уголовнаго иска, жаловавшійся на преступленіе, непогашаемое примиреніемъ, ни на одинъ изъ этихъ способовъ прекращенія дѣла правъ не имѣетъ.

По нашимъ законамъ на жалобу имѣютъ право не только сами пострадавшіе, оскорбленные, обиженные, но во многихъ случаяхъ лица, заступающія ихъ права—супруги, родители, опекуны и вообще тѣ, которые должны имѣть попеченіе о лицѣ, потерпѣвшемъ отъ преступленія (улож. о наказ. ст. 2085 2094 примѣч., 2102 прим., 2117 примѣч. и др. уст. о наказ. налаг. миров. суд. ст. 18). Это разширеніе права жалобы другими лицами, близкими къ оскорбленному, опирается на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) обиженный пострадавшій отъ преступленія не всегда бываетъ въ состояніи самъ приносить жалобу, или по причинѣ его смерти, или потому что онъ по своимъ лѣтамъ не можетъ дѣйствовать за себя и защищать себя, или же вслѣдствіе вліянія на него преступнаго дѣйствія и другихъ причинъ лишился этой возможности; 2) оскорбленіе извѣстнаго лица нерѣдко бываетъ связано съ оскорбленіемъ близкаго ему; 3) законъ, распространяя права жалобы на другихъ лицъ, имѣлъ въ виду по возможности дать большій просторъ уголовному преслѣдованію и уменьшить безнаказанность преступленій. Само собою разумѣется, что право жалобы прежде всего принадлежитъ самому пострадавшему, а другому лицу только въ случаѣ препятствій жаловаться

ему самому; но такимъ правомъ не можетъ воспользоваться другое лицо противъ воли самого обиженнаго. Поэтому если онъ не желаетъ предъявлять уголовнаго иска, то по дѣламъ, прекращаемымъ примиреніемъ, всегда можетъ прекратить его, потому что преступленіе касается непосредственно его самого, а на другія лица падаетъ посредственно; въ дѣлахъ же неоканчиваемыхъ примиреніемъ, уголовный искъ, начатый не самимъ оскорбленнымъ не можетъ быть прекращенъ имъ, такъ какъ принадлежитъ не ему, а государству, въ интересахъ котораго производится; но оскорбленный имѣетъ право пріостановить уголовное преслѣдованіе, еще неначатое, такъ какъ это право не можетъ быть отнято отъ него одною подачею жалобы отъ заступающаго его мѣсто, пока преслѣдованіе еще не начато. Такъ какъ на жалобу имѣетъ право другое лицо вмѣсто обиженнаго только при невозможности жалобы отъ него самого; то въ случаѣ сомнѣнія относительно желанія самого обиженнаго жаловаться или по крайней мѣрѣ его согласія на это, нужно предварительно распросить его, дѣйствительно ли причинены ему оскорбленіе вредъ или убытокъ, на которые принесена жалоба и согласенъ ли онъ на подачу жалобы; подобный распросъ необходимъ для устраненія злоупотребленій въ жалобахъ, столь обыкновенныхъ въ нашей практикѣ и могущихъ нанести вредъ оскорбленному оглашеніемъ безчестія, ему причиненнаго преступнымъ дѣйствіемъ. Отъ жалобы, приносимой другимъ лицамъ вмѣсто самого обиженнаго, слѣдуетъ также требовать соблюденія вышеозначенныхъ условій.

II. *Пріостановленіе уголовнаго преслѣдованія, по случаю разрѣшенія предварительныхъ вопросовъ.*

§ 55. *Предварительнымъ вопросомъ* въ уголовномъ дѣлѣ называемъ мы такой вопросъ, такое обстоятельство, отъ разрѣшенія и повѣрки котораго зависитъ уголовное преслѣдованіе и судебный приговоръ; вслѣдствіе вліянія этого особаго обстоятельства на существо уголовнаго дѣла, предваритель-

ное разсмотрѣніе его составляетъ необходимое условіе уголовнаго преслѣдованія и приговора. Таковы вопросы: по обвиненію въ уничтоженіи документовъ или подлогѣ въ правахъ состоянія — о законности рожденія и о правахъ состоянія того лица, документы котораго уничтожены, подмѣнены или поддѣланы, по обвиненію въ двоеженствѣ — вопросъ о законности перваго брака, по обвиненію въ истребленіи или поврежденіи вещей, отданныхъ на сохраненіе, въ нарушеніи предѣловъ довѣренности или полномочія, въ истребленіи актовъ по обязательствамъ—вопросы о существованіи поклажи, обязательствъ и актовъ о нихъ; по обвиненію въ кражѣ — вопросы о правахъ собственности или владѣнія вещами, составляющими предметъ кражи, по обвиненію въ преступныхъ дѣйствіяхъ, касающихся недвижимаго имущества — вопросъ о правахъ собственности или владѣнія имуществомъ и т. п.

Предварительные вопросы могутъ быть двоякаго рода: одни ставятъ въ зависимость отъ нихъ уголовное преслѣдованіе, другіе вліяютъ на приговоръ или на производство уголовнаго дѣла, такъ что до разрѣшенія этихъ вопросовъ временно задерживается уголовный процессъ, который продолжаетъ дальнѣйшій ходъ, по разсмотрѣніи и разрѣшеніи ихъ. Вопросы послѣдняго рода, какъ относящіеся къ порядку и формамъ уголовнаго процесса, не относятся къ уголовному преслѣдованію, они составляютъ отводы, предъявляемые обвиняемымъ въ свою защиту и не могутъ останавливать уголовнаго иска. Напротивъ вопросы перваго рода такъ спорны и имѣютъ такое вліяніе на самый уголовный искъ, что онъ останавливается до разрѣшенія ихъ. Такими вопросами по нашему закону признаются вопросы о правахъ состоянія извѣстнаго лица, о правахъ собственности на недвижимое имущество или же о свойствахъ несостоятельности обвиняемаго. Коль скоро опредѣленіе преступности преслѣдуемаго противозаконнаго дѣйствія зависитъ отъ разрѣшенія одного изъ этихъ вопросовъ, то преслѣдованіе не возбуждается, а возбужденное *пріостановливается* до разрѣшенія спорнаго предмета судомъ граж-

данскимъ (уст. уг. суд. ст. 27). Такимъ образомъ если одинъ изъ этихъ вопросовъ возникнетъ въ уголовномъ преслѣдованіи, то до окончательнаго рѣшенія ихъ нельзя приступить ни къ какому дѣйствію по уголовному иску, въ какомъ бы положеніи ни находилось уголовное дѣло, возбужденіе такого вопроса останавливаетъ его дальнѣйшій ходъ до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ рѣшенъ окончательно такъ или иначе, потому что до этого времени нельзя еще знать, подлежитъ ли обвиняемый уголовному суду, или онъ еще ему не подсуденъ.

Но для того, чтобы предварительный вопросъ могъ сопровождаться такими послѣдствіями нужна существенная связь его съ преслѣдуемымъ уголовнымъ дѣйствіемъ; если этой связи нѣтъ, если преступленіе можетъ быть признано, установлено, независимо отъ предварительнаго вопроса, если онъ только случайно примыкаетъ къ уголовному дѣлу и не относится прямо къ факту, составлявшему предметъ обвиненія, то уголовное преслѣдованіе не останавливается и дѣло идетъ своимъ чередомъ.

III. *Пріостановленіе уголовнаго преслѣдованія по особымъ личнымъ качествамъ обвиняемыхъ.*

1. Общее понятіе объ этомъ предметѣ.

§ 56. Личное качество обвиняемаго можетъ имѣть двоякое вліяніе, на уголовное дѣло: оно можетъ служить основаніемъ особенной подсудности для извѣстнаго лица вмѣсто общей; оно можетъ вызывать необходимость предварительнаго разрѣшенія на уголовное преслѣдованіе. Здѣсь будетъ говориться о послѣднемъ значеніи качества обвиняемаго въ уголовномъ дѣлѣ. Когда личное качество обвиняемаго имѣетъ послѣдствіемъ отсылку его къ особенному суду, ходъ уголовнаго иска не прерывается; онъ только переходитъ изъ однихъ рукъ въ другія, но онъ не перестаетъ безпрепятственно

производиться послѣ перехода. Такъ если обвиняемый — принадлежитъ къ военно-сухопутному или морскому вѣдомству, онъ передается военнымъ или морскимъ судебнымъ властямъ, если лицо духовное обвиняется въ нарушеніи обязанностей его званія, установленныхъ церковными правилами, то оно подлежитъ суду духовному (уст. уг. суд. ст. 1017). Тутъ уголовное преслѣдованіе ничего не теряетъ, оно сохраняетъ всѣ свои права свойственныя особенной подсудности, весь вопросъ, возбуждаемый личнымъ качествомъ обвиняемаго, состоитъ въ опредѣленіи для него подсудности, соотвѣтствующей этому качеству.

Напротивъ того сущность разбираемаго предмета заключается именно въ томъ, что уголовный искъ не можетъ производиться *безъ предварительнаго разрѣшенія*, какому бы суду ни былъ подсуденъ, что онъ остается безъ движенія, пока это разрѣшеніе не послѣдовало; что за недостаткомъ дозволенія преслѣдовать, всякій судъ закрытъ для жалобы и иска по ней. Особенное личное качество обвиняемаго, требующее предварительнаго разрѣшенія на уголовное преслѣдованіе, есть качество *должностнаго лица*.

2. Уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ.

А. По французскому законодательству.

§ 57. Особенное условіе уголовнаго преслѣдованія должностнаго лица за то преступное дѣйствіе и бездѣйствіе, въ которомъ проявляется это личное качество, состоитъ въ томъ, что для преслѣдованія такого лица необходимо предварительное разрѣшеніе. Причина особенной привилегіи должностнаго лица относительно уголовнаго преслѣдованія кроется въ личномъ качествѣ, сообщаемомъ ему общественною дѣятельностью, на которое оно уполномочено государствомъ, или точнѣе въ занимаемой имъ должности. Законъ такою привилегіею ограждаетъ самую должность, кѣмъ бы она отправляема ни

была и распространяетъ привилегію только на дѣйствія, относящіяся къ должности, на преступленія или проступки по службѣ.

Соображенія, на которыхъ опирается привилегія должностныхъ лицъ, объясняются отчасти историческими причинами, отчасти общественнымъ и государственнымъ бытомъ страны, окружающимъ извѣстными преимуществами государственную службу и лицъ, отправляющихъ ее.

Сильное развитіе означенная привиллегія должностныхъ лицъ получила во Франціи; отсюда она перешла въ другія государства, заимствовавшія французскую систему уголовнаго преслѣдованія, съ тѣми измѣненіями, которыя оказывались нужными въ примѣненіи къ особеннымъ историческимъ и государственнымъ условіямъ той или другой страны. Поэтому для разъясненія основаній уголовнаго преслѣдованія, должностныхъ лицъ считаемъ нужнымъ предварительно обратиться къ французской системѣ.

По законамъ Франціи уголовное преслѣдованіе должностнаго лица за преступленія по службѣ административной не можетъ быть начато, прежде преданія его суду надлежащею правительственною, а не судебною властью. Эта власть представляется государственнымъ совѣтомъ со многими изъятіями, допускающими преданіе суду должностнаго лица его начальствомъ.

Эта привилегія не отнимаетъ у общей обвинительной власти права установлять самое преступленіе должности, розыскивать признаки его и удостовѣрять уликами и доказательствами преступность дѣйствія или бездѣйствія до преданія чиновника суду, но власти обвинительная и судебная не имѣютъ права преслѣдовать самое должностное лицо, прежде преданія его суду государственнымъ совѣтомъ или начальствомъ обвиняемаго, когда по закону это право предоставлено начальству.

Привилегія въ уголовномъ преслѣдованіи должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства обязана своимъ происхож-

деніемъ историческимъ причинамъ. Она возникла на пепелищѣ того вулканическаго изверженія, которое породили старые порядки, возбуждавшіе столь сильное негодованіе въ учредительномъ собраніи противъ прежнихъ судовъ. Противоборство этимъ порядкамъ и недовѣріе къ судамъ отразились въ усиленіи администраціи, въ преобладаніи ея власти надъ властью судебною. Отсюда явилось строгое отдѣленіе двухъ властей, но съ такимъ условіемъ, что тамъ, гдѣ пограничную линію нельзя или трудно было провести, старались дать болѣе значенія и вѣса власти административной, отдать подъ надзоръ ея судебную. Такое стремленіе выразилось въ учрежденіи судебныхъ установленій въ зависимости уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ отъ преданія ихъ суду административною властью. Впослѣдствіи времени такой порядокъ преданія суду сталъ поддерживаться крайнимъ усиліемъ централизаціи и увеличеніемъ значенія чиновниковъ.

Французская система преслѣдованія должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства находитъ себѣ защиту въ доводахъ *о необходимости* и *полезности ея для огражденія дѣятельности ихъ*. Должностнымъ лицамъ, говорятъ сторонники этой системы, нужны покровительство и охрана противъ неблагонамѣренныхъ жалобъ, противъ вражды, которыя могутъ возбудить они своими дѣйствіями въ частныхъ лицахъ и интересахъ и которыми могутъ ослабиться и колебаться ихъ власть, отправленіе служебныхъ обязанностей. Эта охрана должна имѣть цѣлью препятствовать всякому злонамѣренному, неправильному и безъосновательному преслѣдованію должностныхъ лицъ, въ ущербъ ихъ дѣятельности. Власть судебная не находится въ такомъ положеніи, чтобы могла взвѣсить и обсудить всѣ обстоятельства, въ которыя можетъ быть поставленъ чиновникъ своею службою, она не можетъ знать всѣхъ нравственныхъ и политическихъ побужденій, по которымъ чиновникъ дѣйствовалъ въ данное время, при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Кромѣ нарушеній закона, которыя не могутъ быть терпимы, есть много неправильныхъ дѣйствій, незначитель-

ныхъ по своимъ послѣдствіямъ, которыя въ глазахъ судей, привыкшихъ къ раздражительной строгости въ обвиненіи, приняли бы такую важность, какой они вовсе не имѣютъ. Устраненіе судебной власти отъ обвиненія должностныхъ лицъ нужно и для разграниченія администраціи и суда. Дозволеніе послѣднему разрѣшать преслѣдованіе должностныхъ лицъ администраціи повлекло бы за собою разборъ и осужденіе административныхъ мѣръ и распоряженій и слѣдовательно вмѣшательство въ дѣла административныя. По этимъ причинамъ преданіе суду должностныхъ лицъ, разрѣшеніе преслѣдовать ихъ уголовнымъ порядкомъ должно быть предоставлено той самой отрасли администраціи, къкоторой принадлежитъ обвиняемый: только она можетъ сдѣлать правильную оцѣнку фактовъ, заслуживающихъ или незаслуживающихъ уголовнаго преслѣдованія; только она можетъ знать, къ какому свойству обязанностей относятся вмѣняемыя должностному лицу дѣйствія, только ей извѣстны вполнѣ его права и обязанности, обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ дѣйствовалъ, побужденія и соображенія, которыми онъ руководился. Коль скоро обвиняется чиновникъ, въ обвиненіи его замѣшаны интересы власти, ему ввѣренной: она ограждается привилегіею, а не чиновникъ пользующійся привилегіею потому только, что облеченъ властью.

Не смотря на такую сильную защиту и на сочувствіе французовъ идеямъ 1789 года, содѣйствовавшимъ образованію системы уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, она подвергалась и подвергается всесторонней критикѣ. По общему началу, возражаютъ противники этой системы, каждое преступленіе влечетъ за собою, какъ необходимое послѣдствіе, уголовное преслѣдованіе, которое должно принадлежать безраздѣльно одной судебной власти, недопускающей никакихъ привилегій во взысканіи за преступное дѣйствіе; правильное судоотправленіе видитъ въ привлеченномъ къ дѣлу лицѣ не чиновника, а обвиняемаго, судъ преслѣдуетъ не администрацію, не распоряженія ея, а дѣйствіе признаваемое за-

комъ за преступленіе. Обвиняя должностное лицо, привлекая его къ уголовной отвѣтственности, власть судебная дѣйствуетъ въ предѣлахъ ея собственныхъ, не вторгается въ область администраціи, не присвоиваетъ правъ принадлежащихъ послѣдней, не имѣетъ надъ ней никакого преобладанія, а приводитъ въ дѣйствіе свою власть, которой принадлежитъ розысканіе, подтвержденіе доказательствами и признаніе преступныхъ дѣяній подлежащими обвиненію въ отношеніи къ извѣстному лицу; такою властью суда не оказывается никакого противодѣйствія администраціи. Хотя оправданіе обвиняемаго чиновника, опирающееся на приказанія и распоряженія его начальниковъ, можетъ сопровождаться оцѣнкою свойства этихъ приказаній и распоряженій, но развѣ для самой административной службы не было бы полезно, чтобы повѣрка суда сдерживала административную власть въ указанныхъ закономъ предѣлахъ? Опасеніе, чтобы административная власть не подвергалась нѣкоторой зависимости и помѣшательству свободѣ ея дѣйствій со стороны судебной власти, было главною причиною неудачи проекта уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, разбиравшагося въ 1835 году и имѣвшаго въ виду измѣненіе закона по этому предмету. Но, замѣчаютъ противники системы административнаго обвиненія, если власть административная должна быть отдѣлена отъ судебной и независима отъ нея; то свобода дѣйствій той и другой должны состоять въ безпрепятственномъ отправленіи дѣйствій, составляющихъ сущность и назначеніе каждой изъ нихъ. Для цѣлей администраціи и свободы ея дѣйствій нѣтъ никакой надобности въ безнаказанности мѣръ, распоряженій и приказаній беззаконныхъ; обвиненіе такихъ дѣйствій администраціи со стороны судебной власти не есть покушеніе на свободу, независимость ея дѣйствій, не есть препятствіе въ отправленіи служебныхъ обязанностей. Противозаконныя распоряженія и приказанія не должны дѣлаться законными, оттого что ихъ покрываетъ привилегія независимости отъ уголовнаго преслѣдованія судебною властью, они не имѣютъ права ни на-

какую ограду, которая распространяется лишь на дѣйствія законныя; беззаконія, въ чемъ бы они ни состояли не принадлежатъ къ отправленію должности, напротивъ они должны быть исключены изъ него. Повѣрка дѣйствій администраціи со стороны суда вовсе не есть надзоръ въ смыслѣ преобладанія, господства, надзоръ въ такомъ смыслѣ есть мѣра предупрежденія будущихъ неправильныхъ дѣйствій, а судъ имѣетъ дѣло съ преступленіемъ уже совершившимся, такой надзоръ предполагаетъ право повѣрки цѣлаго ряда дѣйствій, а власть судебная разсматриваетъ лишь противозаконныя дѣйствія; такой надзоръ оцѣниваетъ отправленіе должности въ отношеніи административномъ, порядка управленія, судъ разбираетъ дѣйствіе только въ отношеніи его къ уголовному закону. Напротивъ того административная власть, облекаясь правомъ преслѣдовать должностныхъ лицъ въ уголовномъ порядкѣ, обращается въ обвинительную власть для своихъ агентовъ и тѣмъ вторгается въ предѣлы власти судебной, овладѣваетъ дѣятельностью, принадлежащею послѣдней. Послѣдствія такого отступленія отъ общаго правила очевидны: настоящая обвинительная власть поставлена въ необходимость оставаться зрительницею преступленій, которыхъ преслѣдованіе у нея отнято; лица, оскорбленныя злоупотребленіемъ и бездѣйствіемъ власти, должны расчитывать на вниманіе къ ихъ жалобамъ тѣхъ чиновниковъ, которые сами могли быть причиною обиды, вреда и убытка, имъ причиненнаго, только чрезъ посредство другаго чиновника; а какъ такой произволъ не встрѣчаетъ себѣ отпора въ общей обвинительной власти, то отсюда возникаютъ злоупотребленія должностныхъ лицъ, безнаказанность ихъ, а частныя лица вынуждены оставаться нерѣдко безъ удовлетворенія и вознагражденія по невозможности признанія дѣйствій чиновниковъ беззаконными. Оцѣнка дѣйствій должностныхъ лицъ не представляетъ необходимыхъ затрудненій для судебной власти, потому что они обсуживаются со стороны уголовной преступности и наказуемости, съ той стороны, которая доступнѣе къ пониманію органамъ обвинительной и су-

дебной, чѣмъ административной власти. Судебная и обвинительная власть въ этомъ обсужденіи представляетъ болѣе обезпеченія въ точности и всесторонности, чѣмъ административная, по навыку обращать вниманіе на всѣ обстоятельства дѣла и разнородные интересы, по привычкѣ къ строгому выполненію формъ, охраняющихъ истину и безпристрастіе. Если же встрѣтятся какія-нибудь затрудненія въ дѣлѣ по спеціальнымъ вопросамъ, то они могутъ быть разрѣшаемы экспертами. Наконецъ сама администрація можетъ и должна быть обязана содѣйствовать суду своими свѣдѣніями, какъ содѣйствуютъ ему частныя лица. Безъ всякаго сомнѣнія многія должностныя лица нуждаются въ огражденіи отъ безъосновательныхъ обвиненій, отъ стѣсненій въ службѣ неправильными жалобами, нареканіями, пристрастными извѣтами, которымъ они могутъ дать поводъ самымъ свойствомъ дѣятельности, вліяніемъ ея на частные интересы, и которые могутъ тревожить ихъ въ отправленіи должности и проявленіи власти. Но такимъ огражденіемъ должна ограничиваться вся привилегія должностныхъ лицъ: она должна охранять ихъ отъ пристрастныхъ и дерзкихъ нападеній, а не устранять обвиняемыхъ отъ законнаго уголовнаго преслѣдованія общею обвинительною и судебною властью; она должна состоять во внимательномъ разсмотрѣніи вмѣняемыхъ въ вину дѣйствій и бездѣйствій, въ тщательной оцѣнкѣ отношенія ихъ къ правамъ должности, словомъ въ разборчивомъ соображеніи доводовъ жалобы. Если заявленные въ ней факты не имѣютъ достовѣрности, если они указываютъ на законное отправленіе служебнаго долга, не заключаютъ въ себѣ преступленія, опредѣляемаго уголовнымъ закономъ, наконецъ если отвѣтственность за эти факты не относится къ обвиняемому должностному лицу, то не слѣдуетъ подвергать уголовному преслѣдованію; въ этомъ состоитъ его привилегія, ограда и право администраціи. Но если содержащіеся въ жалобѣ факты не подлежатъ сомнѣнію, указываютъ ясно и точно на дѣйствіе или бездѣйствіе очевидно преступныя, на превышеніе или бездѣйствіе власти, то уголовное преслѣдованіе должно получить безпре-

пятственный ходъ; это право уголовнаго правосудія, обвинительной и судебной власти. Въ преслѣдованіи со стороны обвинительной власти можетъ представиться затрудненіе въ томъ случаѣ, когда обвиняемый чиновникъ защищается предписаніемъ своего начальника. Проектъ 1835 года разрѣшалъ этотъ вопросъ тѣмъ, что предоставлялъ высшему лицу и министру принять на свою отвѣтственность вмѣняемое низшему чиновнику дѣйствіе или бездѣйствіе, такое заявленіе освобождаетъ обвиняемаго чиновника отъ уголовнаго преслѣдованія и возбуждаетъ отвѣтственность высшаго лица.

Въ подтвержденіе своихъ заключеній противники системы административнаго обвиненія указываютъ и на вредныя послѣдствія ея: трудность обвиненія чиновниковъ за явныя преступленія, необузданность власти ихъ, послабленія имъ въ ущербъ самому правительству, обществу и частнымъ лицамъ и враждебное отношеніе послѣднихъ къ чиновникамъ. Дѣйствительность вреда такъ очевидна, что ее не могутъ скрыть такіе писатели, которые далеки отъ упрековъ этой системѣ и они замѣчаютъ, что сильное увеличеніе въ послѣднее время оскорбленій правительственныхъ органовъ при отправленіи ими служебныхъ обязанностей, происходитъ оттого, что чиновники «вносятъ въ свои отношенія къ гражданамъ то чрезмѣрное важничанье, ту жестокость и высокомѣріе обращенія, которыя дѣлаютъ власть невыносимою» (De l'amélioration de la loi criminelle par Bonneville de Marsangy), Конечно, не могло бы быть такихъ непріязненныхъ отношеній къ чиновникамъ и такихъ плодовъ высокомѣрія и жестокости ихъ въ обращеніи, если бы чиновниковъ не покрывала привилегія въ уголовномъ преслѣдованіи ихъ проступковъ, если бы обвинительная и судебная власть не были лишены права обвинять ихъ, независимо отъ административной власти.

Не ограничиваясь выясненіемъ недостатковъ административнаго обвиненія должностныхъ лицъ и необходимости кореннаго измѣненія ея, противники этой системы указываютъ и на способы нѣкотораго исправленія ея. По ихъ мнѣнію са-

мымъ полезнымъ улучшеніемъ было бы требованіе предварительнаго разрѣшенія только на случаи крайней необходимости и только для тѣхъ лицъ, которыя, по своей должности и власти, являются прямыми и непосредственными агентами правительства, стоятъ во главѣ той или другой вѣтви администраціи, а не для низшихъ и подчиненныхъ чиновниковъ. Сверхъ того находятъ непонятнымъ противорѣчіемъ, что нѣкоторые чиновники за одни дѣйствія подвергаются общимъ правиламъ уголовнаго преслѣдованія, а за другія — административному обвиненію, какъ напримѣръ полицейскіе агенты за дѣйствія по судебной полиціи подлежатъ общему преслѣдованію, а за дѣйствія исполнительной полиціи особенному, одни и тѣ же чиновники должны подвергаться одинаковому способу обвиненія по всѣмъ отраслямъ своей служебной дѣятельности. Наконецъ признаютъ нужнымъ назначить срокъ, въ который должно быть дано разрѣшеніе на уголовное преслѣдованіе, чтобы отъ медленности не исчезли признаки преступленія и доказательства виновности.

Впрочемъ различными законами изъяты изъ привилегіи по уголовному преслѣдованію тѣ лица, которыя своею службою только содѣйствуютъ отправленію административныхъ должностей и потому не считаются агентами правительства: одни изъ нихъ, хотя и облечены нѣкоторою властью, но не состоятъ подъ управленіемъ администраціи, а другіе, находясь въ вѣдѣніи и управленіи ея, не имѣютъ никакой власти.

Б. По русскимъ законамъ.

§ 58. По разнымъ историческимъ причинамъ и условіямъ государственнаго быта, наши законы присвоивали и присвоиваютъ разныя преимущества должностнымъ лицамъ. Къ этимъ преимуществамъ относится особенной порядокъ уголовной отвѣтственности ихъ за преступленія должности. Тогда какъ по своду законовъ всѣ лица за преступленія частной жизни подвергаются уголовному суду, безъ всякаго порядка преданія ему,

по производствѣ формальнаго слѣдствія и отсылкѣ дѣла въ судъ, должностныя лица пользуются особеннымъ правомъ подлежать уголовному суду, не прежде преданія ихъ этому суду. Особенный порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ о преступленіяхъ должностей называется *слѣдственнымъ* и самыя дѣла называются *слѣдственными* (свод. зак. Т. XV, кн. II, ст. 7, 635 примѣч.). Порядокъ этотъ отличается отъ общаго уголовно-судебнаго порядка тѣмъ, что 1) жалобы и доносы на чиновниковъ подаются начальству ихъ (тамъ же ст. 638, 651), которое можетъ независимо отъ суда подвергать ихъ административнымъ взысканіямъ безъ слѣдствія и суда, не превышая мѣры указанной 73. ст. уложенія о наказаніяхъ и примѣчанія къ ней; 2) слѣдствіе наряжается по усмотрѣнію начальства и производится мѣстами и лицами къ тому назначенными, тогда какъ по преступленіямъ частной жизни слѣдствіе производится исключительно судебнымъ слѣдователемъ по установленной закономъ подсудности, или же чиновникъ предается прямо суду по первоначальному обозрѣнію его вины и въ этомъ случаѣ слѣдствіе производится самимъ судомъ (Т. XV кн. II ст. 661, 713); 3) чиновники за преступленія по службѣ предаются суду тѣмъ начальствомъ, отъ котораго зависитъ опредѣленіе обвиняемаго чиновника къ мѣсту (тамъ же ст. 647, 712); 4) должностныя лица судятся уголовною палатою, правительствующимъ сенатомъ и верховнымъ уголовнымъ судомъ, смотря по важности должностей тамъ же ст. 630, 632, 633). Соображенія, руководившія законодателемъ при установленіи этого порядка, основаны на огражденіи отправленія должности и высказаны отчасти въ самомъ законѣ: начальству въ отношеніи обвиненія подчиненныхъ поставляется въ обязанность «не давать движенія жалобамъ, безъ всякихъ доказательствъ приносимымъ и не допускать доносовъ на одной ябедѣ основанныхъ, чтобы *вообще не ослаблять силы и дѣйствія лицъ подчиненныхъ излишнимъ благопріятствомъ къ жалобамъ и доносамъ*, неосновательными преждевременными взысканіями и выговорами по обвине-

ніямъ недоказаннымъ или требованіемъ отвѣтовъ и объясненія по навѣтамъ вниманія незаслуживающимъ» (тамъ же ст. 644)

Такой порядокъ обвиненія должностныхъ, не смотря на указываемую въ законѣ полезную цѣль его, представляетъ много неудобствъ и самая цѣль оградить чиновниковъ отъ излишняго благопріятства къ жалобамъ и доносамъ не всегда достигалась. Напротивъ, нерѣдко чиновники подвергались обвиненію по жалобамъ безъосновательнымъ, потому что само обвиненіе отдается на одностороннее усмотрѣніе административной власти: эта власть по характеру своей дѣятельности не имѣетъ той устойчивости и того осторожнаго вниманія къ обстоятельствамъ дѣла, которыя свойственны суду. Съ другой стороны при такомъ порядкѣ и частныя лица не всегда были ограждены въ своихъ интересахъ. Притомъ начальствующія лица, какъ болѣе способныя оцѣнить, есть ли основаніе къ обвиненію и преданію суду низшихъ лицъ, за громадностью переписки, по разнороднымъ частямъ управленія, не имѣютъ возможности вникать во всѣ подробности дѣла и потому вынуждены ограничиться лишь общимъ взглядомъ, а подробный разборъ всѣхъ свѣдѣній относительно преступности и виновности чиновниковъ предоставить своимъ подчиненнымъ, полагаться на ихъ безпристрастіе.

Такой порядокъ уголовной отвѣтственности должностныхъ лицъ не могъ остаться безъ измѣненія при реформѣ уголовнаго судопроизводства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ затруднительно было преобразованіе стараго порядка и поставленіе его въ уровень съ измѣненіемъ уголовнаго преслѣдованія по преступленіямъ частной жизни, такъ какъ преобразованіе этого порядка согласно съ общими началами обвиненія повлекло бы за собою необходимость коснуться многихъ существенныхъ вопросовъ самой службы государственной, а этотъ предметъ требуетъ особыхъ законодательныхъ работъ. Поэтому судопроизводство по преступленіямъ должности совершенно отдѣлено отъ общаго порядка уголовнаго судопроизводства, включено въ особую книгу объ изъятіяхъ изъ этого порядка и развито

лишь съ тѣми измѣненіями въ слѣдственномъ производствѣ свода законовъ, какія оказались возможными по соображеніи съ нимъ общей части уголовнаго производства, при нынѣшнемъ состояніи административнаго порядка и службы.

При составленіи основныхъ положеній по этой части, принято за главное начало, что преслѣдованіе должностныхъ лицъ за такія нарушенія должности, которыя подвергаютъ наказаніямъ, опредѣляемымъ лишь по суду, не можетъ происходить порядкомъ, для преслѣдованія преступленій и проступковъ вообще. Поэтому соединенные департаменты государственнаго совѣта признали, что судебное преслѣдованіе должностнаго лица должно быть начинаемо не иначе, какъ по постановленію начальства обвиняемаго о преданіи его суду, что порядокъ преданія суду губернскими правленіями административныхъ чиновъ, служащихъ въ составѣ губернскаго правленія и опредѣляемыхъ къ должностямъ мѣстными властями, можетъ быть оставленъ на существующемъ основаніи; преданіе суду тѣхъ губернскихъ чиновъ, опредѣленіе которыхъ зависитъ отъ министерствъ и главныхъ управленій, а равно чиновъ служащихъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, должно происходить не иначе, какъ съ утвержденія министровъ и главноуправляющихъ по принадлежности. При этомъ замѣчено, что изъятіе преступленій должности изъ общаго порядка уголовнаго преслѣдованія не должно имѣть слѣдствіемъ, чтобы прокуроръ, получивъ свѣдѣніе о преступленіи по должности административнаго чиновника, оставлялъ это свѣдѣніе въ безгласности. Но обязанности прокурора въ этомъ случаѣ должны ограничиваться сообщеніемъ полученнаго имъ свѣдѣнія начальству обвиняемаго, а въ важныхъ случаяхъ и донесеніемъ о томъ непосредственно, или въ порядкѣ подчиненности, министру — юстиціи. Въ видахъ устраненія всякаго вліянія административныхъ властей на служебныя дѣла и всякаго сужденія этихъ властей о правильности судебныхъ дѣйствій, преданіе суду чиновъ судебныхъ должно зависѣть исключительно отъ судебныхъ

мѣстъ (журн. соед. департ. госуд. сов. о преобраз. суд. части стр. 239 — 240).

По этимъ соображеніямъ установились слѣдующія основныя положенія: 1) въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ по гражданской службѣ судебное производство можетъ быть начато не иначе, какъ вслѣдствіе постановленія надлежащаго начальства о преданіи суду обвиняемаго въ преступленіи должности (основн. полож. Ч. II, статья 132); 2) чины административнаго вѣдомства за преступленія и проступки по службѣ предаются суду ихъ начальствами (тамъ же ст. 134); 3) чины судебнаго вѣдомства и присяжные засѣдатели предаются суду — по постановленіямъ судебной палаты и кассаціонныхъ департаментовъ сената (тамъ же ст. 135); 4) чины первыхъ трехъ классовъ по судебному и административному вѣдомству предаются суду по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта (тамъ же ст. 138). Развитіе этихъ основныхъ положеній въ уставѣ уголовнаго судопроизводства составило третій раздѣлъ третьей книги устава.

Главныя правила преслѣдованія должностныхъ лицъ въ уставѣ заключаются въ слѣдующихъ постановленіяхъ: донесенія и сообщенія о преступленіяхъ должности *по административнымъ вѣдомствамъ*, а также просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные сими преступленіями, обращаются къ тому *начальству, отъ кого зависитъ опредѣленіе обвиняемаго къ должности;* объ опредѣляемыхъ же Высочайшею властью на должности не выше четвертаго класса, а равно о губернскихъ и уѣздныхъ предводителяхъ дворянства — въ *первый департаментъ правительствующаго сената* (уст. угол. суд. ст. 1085). По разсмотрѣніи объясненій обвиняемаго и слѣдствія о его дѣйствіяхъ, если оно произведено, начальство его или разрѣшаетъ дѣло административнымъ порядкомъ, или же дѣлаетъ постановленіе или входитъ, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ о преданіи обвиняемаго суду (тамъ же ст. 1087). Должностныя лица административныхъ вѣдомствъ, за преступле-

нія должности, предаются суду: 1) опредѣляемыя къ должностямъ губернскими и равными имъ властями — по постановленіямъ губернскихъ правленій; 2) опредѣляемыя министерствами и главными управленіями — по постановленіямъ, утвержденнымъ министрами и главноуправляющими; 3) опредѣляемыя Высочайшею властью на должности не выше четвертаго класса, а также губернскіе и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели и члены губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ и собраній — по постановленіямъ перваго департамента правительствующаго сената (ст. 1088). Донесенія и сообщенія о преступленіяхъ должности *по судебному вѣдомству*, а также просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные сими преступленіями, обращаются къ тѣмъ *судебнымъ установленіямъ, отъ коихъ зависитъ преданіе обвиняемаго суду* (ст. 1079). Высшіе чины, занимающіе должности *первыхъ трехъ классовъ какъ по судебному, такъ и по административнымъ вѣдомствамъ*, за преступленія должности, предаются суду не иначе какъ по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта (ст. 1097). Такимъ образомъ уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ не можетъ быть начато прежде разрѣшенія вопроса о преданіи обвиняемаго суду. Вопросъ этотъ разрѣшается надлежащею властью, различною для лицъ административнаго и судебнаго вѣдомствъ и для чиновъ, опредѣляемыхъ къ должностямъ губернскими и равными имъ властями, министерствами и главными управленіями, Высочайшею властью, для предводителей дворянства, предсѣдателей и членовъ земскихъ управъ и собраній и для чиновъ первыхъ трехъ классовъ.

Указавъ общія правила, обратимся къ подробностямъ разсматриваемаго предмета.

3. Лица, имѣющія право пользоваться особыми преимуществами по уголовному преслѣдованію за преступленія должностей.

§ 59. Особыя преимущества, предоставленныя закономъ

по уголовному преслѣдованію за преступленія должности, распространяются на всѣхъ лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ гражданской какъ отъ правительства, такъ и по выборамъ (уст. уг. суд. ст. 1072 п. 2); законъ переноситъ это право какъ на высшихъ, такъ и на низшихъ должностныхъ лицъ, не различаетъ въ самомъ правѣ на преимущество ни должностей, ни чиновъ, относитъ эти преимущества къ должностнымъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, къ канцелярскимъ служителямъ и къ нижнимъ полицейскимъ чинамъ и пользующимся *за урядъ* классами занимаемыхъ ими должностей (тамъ же ст. 1071 п. 1 и 4). Этими преимуществами пользуются должностныя лица, какъ состоящія въ дѣйствительной службѣ, такъ и *состоящія въ отставкѣ* за преступленія, совершенныя ими во время прохожденія службы (тамъ же ст. 1078).

Изъ этихъ преимуществъ изъяты всѣ лица, служащія въ разныхъ вѣдомствахъ *по найму*, если на нихъ по закону не возложена уголовная отвѣтственность за преступленія относящіяся къ ихъ наемной службѣ наравнѣ съ лицами, состоящими въ дѣйствительной службѣ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда такая отвѣтственность лежитъ на лицахъ служащихъ по найму и они пользуются преимуществами въ уголовномъ преслѣдованіи преступленій должности, какъ напримѣръ волостные писари (полож. о крест. вышедшихъ изъ крѣпостной зависим. 19 февраля 1861 г. общ. полож. ст. 92, 113).

4. Дѣйствія, на которыя распространяются преимущества по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ.

§ 60. Дѣйствія, къ которымъ относятся преимущества по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ, составляютъ всѣ преступленія и проступки, относящіеся къ службѣ и должности и подлежащіе вѣдѣнію уголовныхъ судовъ. Преступленія и проступки этого рода содержаться въ V раздѣлѣ уло-

женія о наказаніяхъ, а также въ разныхъ уставахъ касающихся административнаго управленія. Изъ нихъ должны быть изъяты тѣ проступки, которые по 1066 и 1067 ст. устава уголовнаго судопр. подлежатъ административнымъ и дисциплинарнымъ взысканіямъ: по маловажности своей они не подлежатъ ни уголовному суду, ни уголовному преслѣдованію. Отличительный характеръ преступленій по службѣ заключается въ томъ, что 1) они оказываются дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ *должностнаго лица*, которое можетъ пользоваться своею должностью и властью или бездѣйствіемъ ихъ, во вредъ государственнымъ или частнымъ интересамъ; 2) они составляютъ противозаконное отправленіе должности, незаконное пользованіе властью и злоупотребленіе ею. Остается ли должностное лицо невѣрнымъ въ исполненіи даннаго ему закономъ порученія и нарушаетъ-ли оказываемое ему довѣріе въ отправленіи служебныхъ обязанностей, служитъ ли ему власть къ угнетенію и притѣсненію другихъ лицъ, или увлекаясь излишнею ревностью и страстью, злоупотребляетъ оно своими правами, во всѣхъ этихъ случаяхъ оно обращаетъ свою должность и службу въ орудіе преступленія. Такимъ образомъ тогда только противозаконное дѣйствіе есть преступленіе должности, когда оно состоитъ въ употребленіи власти, которою облеченъ обвиняемый по своей службѣ, когда оно заключаетъ въ себѣ дѣйствіе или рядъ дѣйствій, выполняемыхъ имъ въ качествѣ должностнаго лица, въ силу даннаго ему закономъ полномочія.

Поэтому всѣ преступныя дѣйствія, принадлежащія *частной жизни* обвиняемаго и не относящіяся къ его должности, изъяты изъ преимуществъ по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ и входятъ въ разрядъ преступленій преслѣдуемыхъ общимъ порядкомъ. Законъ, установляя эти преимущества, ограждаетъ главнымъ образомъ не лица, а самую должность, для безпрепятственнаго и независимаго выполненія ея.

Такимъ же образомъ должны подлежать общему порядку

уголовнаго преслѣдованія всѣ тѣ преступныя дѣйствія, которыя совершены обвиняемымъ внѣ предѣловъ его вѣдомства или его власти, хотя они относятся къ служебному порядку. Но съ другой стороны къ числу преступленій службы надобно отнести и такія, которыя совершены обвиняемымъ не во время отправленія должности, но относятся прямо къ ней; потому что эти дѣйствія тѣсно связаны съ самою должностью.

Вообще нужно замѣтить, что ограда состоящая въ особыхъ преимуществахъ уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, относящаяся къ охраненію отправленія самой должности, тогда только можетъ быть примѣняема къ обвиняемому, когда должность обвиняемаго или власть именно ею предоставленная ему, какъ выше объяснено, служили орудіемъ или средствомъ къ совершенію преступленія, когда преступленіе было злоупотребленіемъ этой должности и этой власти, когда совершенію его содѣйствовали и помогали права, принадлежавшія обвиняемому, какъ должностному лицу. Напротивъ, тамъ не имѣютъ мѣста изъятія изъ общаго порядка уголовнаго преслѣдованія, гдѣ преступленія, хотя совершены во время отправленія должности, не были послѣдствіемъ власти, предоставленной ею, ни злоупотребленіемъ, ни превышеніемъ ея, ни орудіемъ, ни средствомъ совершенія преступленія. Такъ насильственныя дѣйствія не составляютъ преступленія должности, хотя и совершены во время отправленія ея, если причина ихъ не относится къ правамъ должности, если обвиняемый не имѣлъ никакого повода къ проявленію власти надъ лицомъ, подвергшимся насилію. Такъ напримѣръ таможенный чиновникъ во время исполненія служебнаго дѣла, совершаетъ изнасилованіе. Разумѣется, если это преступленіе совершено надъ женщиною, неподлежавшею осмотру или уже гораздо прежде осмотрѣнною, то изнасилованіе входитъ въ разрядъ общихъ преступленій. Но если это преступленіе совершено таможеннымъ чиновникомъ во время обыска ея платья или лѣснымъ сторожемъ, поймавшимъ дѣвушку на увозѣ казеннаго лѣса и угрожавшимъ ей взысканіемъ за похищеніе лѣса и когда преступленіе явилось по-

слѣдствіемъ страха, то въ этихъ случаяхъ будетъ преступленіе должности. Полицейскій служитель, обкрадывающій во время обыска, совершаетъ преступленіе должности; но полицейскій служитель, крадущій вещь у судебнаго слѣдователя, съ которымъ онъ находится при обыскѣ, совершаетъ преступленіе общее.

И такъ въ опредѣленіи свойства уголовнаго преслѣдованія по дѣйствіямъ, ему подлежащимъ на общемъ правѣ или въ изъятіяхъ общаго порядка, главное вниманіе должно быть обращено на то, связано ли преступленіе съ правами, соединенными съ должностью, являются ли они результатомъ отправленія должности, злоупотребленіемъ ея, превышеніемъ, дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ власти; такъ какъ изъятія изъ общаго порядка переносятся на лицо не отъ личныхъ качествъ чиновника, а отъ его должности. На этомъ основаніи, какъ выше замѣчено, преслѣдуются особеннымъ порядкомъ обвиненія отставные и перешедшіе на службу въ другое вѣдомство чиновники за преступленія, совершенныя ими во время нахожденія въ должности (уст. уголов. судопр. ст. 1078).

5. Власть, отъ которой зависитъ преданіе должностныхъ лицъ суду.

§ 61. Власть эта въ законѣ опредѣляется различно для лицъ *административнаго* вѣдомства и для лицъ *судебнаго* вѣдомства. Что касается должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, то для нихъ главнымъ началомъ принято преданіе суду болѣе коллегіальною, чѣмъ единоличною властью, законъ имѣлъ въ виду прежде всего оградить правильность разрѣшенія вопроса, есть ли достаточное основаніе преслѣдовать должностное лицо уголовнымъ порядкомъ или нѣтъ, и потому довѣрилъ это право коллегіальному составу, а не одному начальнику. Второе свойство опредѣленія власти, предающей суду, состоитъ въ томъ, что она въ большей части случаевъ не есть власть, отъ которой непосредственно зависитъ чинов-

никъ: отъ такой власти, несвязанной близкими отношеніями къ обвиняемому, слѣдуетъ ожидать болѣе безпристрастія въ опредѣленіи обвиненія, какъ для него самого, такъ и въ особенности для частныхъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступнаго дѣйствія должностнаго лица.

Должностныя лица административныхъ вѣдомствъ предаются суду слѣдующими властями: 1) *Опредѣляемыя къ должностямъ губернскими* и *равными имъ властями* по постановленіямъ *губернскихъ правленій* (уст. угол. суд. ст. 1088 п. 1). Такимъ образомъ всѣ лица административныхъ вѣдомствъ будутъ ли они назначены губернскими правленіями или другими мѣстами и лицами, если только обвиняемые не опредѣляются къ должности министерскими и главными управленіями, предаются суду губернскими правленіями. Это право предоставлено губернскому правленію преимущественно предъ другими мѣстами, потому что оно по закону составляетъ высшее управленіе въ губерніи (свод. зак. т. II. учреж. губ. ст. 714). 2) *Опредѣляемые* къ должностямъ *министерствами* и *главными управленіями* предаются суду по постановленіямъ коллегіальнымъ мѣстъ министерскаго управленія, *совѣтовъ*, *общихъ присутствій* и друг.; но эти постановленія приводятся въ исполненіе только тогда, когда будутъ утверждены министрами и главноуправляющими (уст. угол. суд. ст. 1088 п. 2). 3) *Опредѣляемыя Высочайшею властью* на должности *не выше четвертаго класса*, а также *губернскіе* и *уѣздные предводители дворянства*, *предсѣдатели* и *члены губернскихъ* и *уѣздныхъ земскихъ управъ* и *собраній* предаются суду по постановленіямъ *перваго департамента правительствующаго сената* (тамъ же ст. 1088 п. 3). Право преданія суду означенныхъ должностныхъ лицъ предоставлено первому департаменту правительствующаго сената, потому что въ этомъ департаментѣ сосредоточенъ высшій надзоръ за дѣйствіями всѣхъ мѣстъ управленія (свод. зак. т. I учреж. сената ст. 1, 2, 30, 229) и происходящее отсюда опредѣленіе мѣры взысканія. Такимъ образомъ, чѣмъ выше должность об-

виняемаго, тѣмъ болѣе законъ даетъ обезпеченія правильности обвиненія въ нарушеніи правъ и обязанностей съ нею соединенныхъ; высшею инстанціею обвиненія указанъ первый департаментъ сената — высшаго судебнаго мѣста въ Имперіи. Это еще болѣе подтверждаетъ высказанную истину, что изъятія въ уголовномъ преслѣдованіи для должностныхъ лицъ имѣютъ въ виду не ихъ лично, а самую должность. Тотъ же департаментъ сената признается рѣшительною инстанціею въ разномыслiи общей обвинительной власти — прокурора и особенной обвинительной власти—администраціи (уст. угол. судопр. ст. 1092, 1093); чтобы еще болѣе оградить правильность разрѣшенія подобнаго спора, законъ требуетъ въ этомъ случаѣ соединенія присутствія административнаго департамента сената и чисто судебнаго кассаціоннаго уголовнаго (тамъ же ст. 1094). Преданіе суду *должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства* зависитъ исключительно отъ *судебной власти*: законъ имѣлъ въ виду 1) отдѣленіе суда и судебнаго вѣдомства отъ администраціи и призналъ невозможность послѣдней имѣть какое-нибудь вліяніе на сужденіе о дѣйствіяхъ первыхъ; 2) охранить правильность разрѣшенія вопроса о виновности такихъ лицъ, которыхъ независимость и самостоятельность составляютъ высшую ограду правосудія. Къ лицамъ, которыхъ уголовное преслѣдованіе разрѣшается не иначе какъ судебною властью, законъ отнесъ не только постоянныхъ но и временныхъ судей — *присяжныхъ засѣдателей* по отношенію къ нарушенію ими обязанностей этого званія (уст. угол. суд. ст. 1082). Огражденіе ихъ отъ неправильнаго преслѣдованія оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что они, исполнивши свой очередной долгъ, становятся частными лицами, которымъ могутъ мстить обвиненіемъ за неблагопріятный тѣмъ или другимъ лицамъ или администраціи приговоръ или же предварительною угрозою вынудить у нихъ пристрастный приговоръ, притомъ правильное разрѣшеніе обвиненія по нарушенію обязанностей, хотя и временныхъ, но все таки судей можетъ быть сдѣлано только судебнымъ мѣстомъ. Наравнѣ

съ судьями преслѣдуются уголовнымъ порядкомъ только съ разрѣшенія надлежащаго суда и должностныя лица, незанимающія судейскія мѣста, но вмѣстѣ съ судьями принадлежащія къ судебному вѣдомству; это потому, что дѣятельность ихъ, по своей спеціальности относящаяся къ судебнымъ дѣламъ, понятна и можетъ быть оцѣнена только судами и притомъ привлеченіе этихъ лицъ къ отвѣтственности въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть связано съ отвѣтственностью самихъ судовъ. Разрѣшеніе уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства преданіемъ суду предоставлено судебнымъ мѣстамъ въ слѣдующей постепенности должностей и власти судовъ: 1) *секретари, помощники секретарей,* и *прочіе чиновники,* состоящіе при судебныхъ мѣстахъ, а также *судебные пристава,* губернскіе и уѣздные *нотаріусы* предаются суду по постановленіямъ *судебной палаты*; 2) *оберъ-секретари* и *помощники ихъ, мировые судьи, предсѣдатели* и *члены окружныхъ судовъ* и *судебныхъ палатъ,* а также *прокуроры* и *оберъ-прокуроры* и *товарищи* ихъ, предаются суду по постановленіямъ *кассаціоннаго департамента сената,* (тамъ же ст. 1080). Но для преданія суду *чиновъ прокурорскаго надзора* необходимо предварительное *разрѣшеніе министра юстиціи,* такъ какъ отъ него зависитъ ихъ опредѣленіе, они находятся подъ его надзоромъ и ему подчинены (тамъ же ст. 1081). *Присяжные засѣдатели* за нарушеніе обязанностей ихъ званія предаются суду не иначе какъ съ разрѣшенія *кассаціоннаго департамента сената* (тамъ же ст. 1082). Для отдѣленія власти обвинительной отъ чисто судебной, чтобы обвиненіе не имѣло вліянія на рѣшеніе и чтобы судьи, участвовавшіе въ первомъ, не принимали участіе въ послѣднемъ, принято за правило, что если дѣло о какомъ нибудь должностномъ лицѣ судебнаго вѣдомства подсудно (подлежитъ сужденію) судебной палатѣ или кассаціонному департаменту сената, то вопросы о преданіи суду этихъ лицъ разсматриваются и разрѣшаются уже не уголовнымъ а

гражданскимъ департаментомъ палаты или сената (тамъ же ст. 1084, 1073, 1075).

Изъ этихъ правилъ объ опредѣленіи власти отъ которой зависитъ преданіе суду должностныхъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомствъ, сдѣлано одно изъятіе для *чиновъ занимающихъ должности первыхъ трехъ классовъ*, какъ по судебному, такъ и по административному вѣдомствамъ; во вниманіе къ важности ихъ должностей и къ тому что они опредѣляются Высочайшею властью эти лица предаются суду за преступленія должности, не иначе какъ по Высочайше, утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта (тамъ же ст. 1097).

6. Права и отношенія судебнаго и административнаго вѣдомствъ по уголовному преслѣдованію должностныхъ лицъ.

§ 62. Такъ какъ административная власть, по преданію суду должностныхъ лицъ своего вѣдомства, входитъ въ ту область дѣятельности, которая принадлежитъ судебной власти, то необходимо съ точностью опредѣлить границы той и другой власти, что принадлежитъ одной и относится къ другой, чтобы двѣ власти не входили во взаимныя пререканія и столкновенія другъ съ другомъ.

По французскимъ законамъ первоначальное производство, касающееся разъясненія преступнаго дѣянія должностнаго лица, принадлежитъ судебной власти, даже тогда, когда ей извѣстно, что обвиняемый есть должностное лицо: это качество пріостанавливаетъ только личное уголовное преслѣдованіе его, но не пріостанавливаетъ дѣйствій, посредствомъ которыхъ выясняется, удостовѣряется и доказывается самое преступленіе. Поэтому всѣ власти, которымъ предоставлено общее уголовное преслѣдованіе, имѣютъ право собрать всѣ свѣдѣнія, служащія къ разъясненію и удостовѣренію преступности дѣйствій должностныхъ лицъ, касающихся ихъ службы; эти власти не имѣютъ только права подвергать допросу и требовать явки

къ себѣ обвиняемыхъ (декретъ 9 августа 1806 года ст. 3). Такимъ образомъ, всѣ первоначальныя дѣйствія, относящіяся къ собиранію указаній и уликъ самого преступленія, распросы лицъ, знающихъ о немъ, всѣ способы и мѣры къ охраненію слѣдовъ и доказательствъ преступленія, составляютъ дѣятельность судебной власти, она пріостанавливается до разрѣшенія вопроса о преданіи суду тамъ, гдѣ идетъ дѣло о самомъ лицѣ обвиняемаго, объ отношеніяхъ его къ преступленію, о виновности его.

Совсѣмъ иначе у насъ. По нашимъ законамъ все предварительное производство, какъ и преданіе суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства, принадлежитъ административной власти, съ нѣкоторыми исключеніями. Разъясняя это общее правило, соединенные департаменты государственнаго совѣта, при составленіи основныхъ положеній, замѣтили, что прокуроръ, получивъ свѣдѣніе о преступленіи должности административнаго чиновника, не долженъ оставлять это свѣдѣніе въ безгласности; но обязанности прокурора въ этомъ случаѣ должны ограничиваться сообщеніемъ полученнаго имъ свѣдѣнія начальству обвиняемаго чиновника, а въ важныхъ случаяхъ и донесеніяхъ о томъ непосредственно или въ порядкѣ подчиненности министру юстиціи (журн. соедин. департ. государ. совѣта стр. 239). И такъ вся дѣятельность прокурора, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ о преступномъ дѣйствіи административнаго чиновника, ограничивается донесеніемъ начальству его, а въ важныхъ случаяхъ и министру юстиціи. Согласно съ этимъ началомъ опредѣлились правила и въ уставѣ уголовнаго судопроизводства. *Донесенія* и *сообщенія о преступленіяхъ должности по административнымъ вѣдомствамъ* а также *просьбы* о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные сими преступленіями, обращаются къ тому *начальству*, отъ котораго зависитъ опредѣленіе обвиняемаго къ должности (уст. угол. суд. ст. 1085). Это начальство требуетъ объясненія отъ обвиняемаго и, если окажется нужнымъ, поручаетъ производство слѣдствія *чиновнику подвѣдомственному*

этому начальству (ст. 1086). По разсмотрѣніи объясненій обвиняемаго и слѣдствія, если оно было произведено, начальство его или разрѣшаетъ дѣло административнымъ порядкомъ, то есть налагаетъ на чиновника административное взысканіе, или дѣлаетъ постановленіе или, если само начальство не вправѣ разрѣшить вопросъ о преданіи чиновника суду входитъ, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ о преданіи обвиняемаго суду (тамъ же ст. 1087). Такимъ образомъ *начальству обвиняемаго* предоставлены слѣдующія права: 1) получать всѣ свѣдѣнія о преступленіи должности чиновника, а также и просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ такого преступленія; 2) требовать объясненія отъ обвиняемаго; 3) назначать или не назначать производство предварительнаго слѣдствія по его усмотрѣнію и притомъ чрезъ подчиненнаго ему чиновника, по его назначенію; 4) подвергать чиновника административному взысканію или предавать суду, по усмотрѣнію начальства. Противъ столь широкихъ правъ, предоставленныхъ административному начальству, установлена только одна охрана: жалоба на неправильность постановленій и распоряженій его (тамъ же примѣч., къ ст. 1185). Жалобы этого рода должны быть приносимы въ общемъ порядкѣ обжалованія распоряженій и постановленій присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, такъ напримѣръ, на губернское правленіе, правительствующему сенату (свод. зак. т. II, общ. губерн. учреж. ст. 943), на казенную палату — министру финансовъ или сенату (тамъ же ст. 1202), на палату государственныхъ имуществъ — министру государственныхъ имуществъ (тамъ же ст. 1864), и т. п. Законъ ограничилъ въ нѣкоторой степени права администраціи относительно производства предварительнаго слѣдствія. Имѣя въ виду, что эта часть судебной дѣятельности можетъ болѣе всего имѣть вліяніе на участь обвиняемыхъ и лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія, онъ отдалъ въ руки административной власти предварительное слѣдствіе только по незначительнымъ преступнымъ дѣйствіямъ по службѣ, когда въ нихъ не участвовали частныя лица, когда съ обвиняемаго

чиновника не требуется вознагражденія за вредъ и убытки, и когда его преступленіе не влечетъ за собою ни лишенія всѣхъ правъ состоянія, ни потери всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ. Напротивъ при упомянутыхъ условіяхъ, т. е. 1) когда въ преступленіи вмѣстѣ съ должностными участвовали и частныя лица; 2) когда съ обвиняемаго должностнаго лица требуется вознагражденіе за вредъ или убытки, причиненные его дѣйствіями по должности; 3) когда должностное лицо обвиняется въ такомъ преступленіи, которое по закону влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или же потерю всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ виновному правъ и преимуществъ, предварительное слѣдствіе производится не иначе какъ *судебнымъ слѣдователемъ* (уст. угол. суд. ст. 1089). Въ этихъ случаяхъ административное начальство связано необходимостью передать начавшееся въ ней дѣло судебной власти и не имѣетъ права наряжать своего чиновника для производства предварительнаго слѣдствія; порученіе его другому лицу, а не судебному слѣдователю, было бы нарушеніемъ коренныхъ основъ судопроизводства, повлекло бы за собою отвѣтственность лица или мѣста, давшаго такое порученіе мимо судебнаго слѣдователя и уничтоженіе всего производства, какъ неправильнаго, незаконнаго. Но по силѣ 1085 ст. уст. угол. суд. разрѣшеніе вопроса, есть ли достаточное основаніе къ начатію слѣдствія, въ которомъ заключается уже возбужденіе уголовнаго иска, принадлежитъ административной власти. Конечно, постановленіе по этому предмету, въ случаѣ неправильности его, можетъ быть обжаловано порядкомъ указаннымъ въ примѣчаніи къ 1085 ст.; но тѣмъ не менѣе судебный слѣдователь по одной жалобѣ частнаго лица на незаконныя дѣйствія должностнаго лица, причинившія вредъ или убытокъ, не можетъ начать слѣдствія, а долженъ ожидать сообщенія о томъ административнаго начальства прямо къ нему (уст. угол. суд. ст. 297, п. 2), или къ прокурору, если только въ дѣйствіи должностнаго лица заключается нарушеніе обязанностей службы, а не частное пре-

ступленіе, прикрываемое только званіемъ должностнаго лица. Такъ какъ званіе само по себѣ не даетъ никакой привилегіи, то при частномъ преступленіи должностнаго лица, слѣдователь можетъ и долженъ начать слѣдствіе по одной жалобѣ потерпѣвшаго лица (тамъ же ст. 303). Изъ общаго правила, что предварительное слѣдствіе разрѣшается административною властью, въ законахъ означено слѣдующее исключеніе: когда судъ признаетъ что полицейскіе чины, волостные или сельскіе начальники, а также судебные врачи допустили, при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей по слѣдственной части, важные безпорядки или злоупотребленія, то судъ имѣетъ полное право поручить производство слѣдствія судебному слѣдователю для преданія ихъ суду (тамъ же ст. 487, 490). Это право принадлежитъ суду: 1) потому что онъ по причинамъ, которыя будутъ объяснены въ своемъ мѣстѣ, налагаетъ на означенныхъ лицъ административныя взысканія (ст. 486, 490) и въ этомъ случаѣ замѣняетъ ихъ непосредственное начальство; 2) судъ, подобно административному начальству, дѣлаетъ заключеніе о свойствѣ и степени важности обнаруженныхъ безпорядковъ или злоупотребленій, а нерѣдко безъ предварительнаго слѣдствія нельзя сдѣлать такого заключенія; 3) требовать особаго разрѣшенія административнаго начальства въ этомъ случаѣ, значило бы колебать достоинство судебной власти, допускать повѣрку заключеній ея и возможность столкновенія двухъ властей. Тутъ административной власти принадлежитъ одно распоряженіе о преданіи суду упомянутыхъ должностныхъ лицъ, на основаніи заключенія суда.

По своду законовъ судебный слѣдователь не имѣетъ права производить слѣдствія о преступленіяхъ должности; такъ какъ эти слѣдствія наряжаются начальствомъ чиновника обвиняемаго или прежде и отдѣльно отъ суда и *производятся мѣстами* и *лицами* къ *тому назначенными* или же въ случаѣ преданія суду слѣдствіе производится самою уголовною палатою (св. зак. т. XV, кн. II ст. 661). Такое отношеніе судебнаго слѣдователя къ преступленіямъ должности ставитъ его

въ самое затруднительное положеніе: усматривая преступныя дѣйствія по должности, и имѣя право производить вообще слѣдствія и обязанность производить слѣдствіе, когда самъ усмотритъ преступленіе, онъ обрекается на бездѣйствіе, становится зрителемъ противозаконныхъ дѣйствій, только потому что они соединены съ нарушеніемъ служебныхъ обязанностей. Конечно онъ обязанъ сообщить о нихъ по начальству, но далѣе этого и безъ разрѣшенія начальства не можетъ сдѣлать ни одного шага: пока будетъ получено это разрѣшеніе, нарядится слѣдствіе и пріѣдетъ на мѣсто назначенный начальствомъ слѣдователь, слѣды преступленія исчезнутъ, доказательства унесетъ или ослабитъ въ своей силѣ всепоглощающее время; тѣ самые свидѣтели, которые могли бы удостовѣрить преступность дѣйствія или вину на первыхъ порахъ, впослѣдствіи охлаждаются въ своемъ рвеніи содѣйствовать правосудію и отдѣлываются незнаніемъ или потому что дѣйствительно забываютъ, какъ было дѣло или потому что не хотятъ показывать истину, за открытіе которой слишкомъ принимается слѣдователь. У насъ медленность имѣетъ громадное значеніе въ слѣдственной практикѣ. Коль скоро люди, знающіе о преступленіи и виновности преступника, замѣчаютъ, что слѣдствіе откладывается въ длинный ящикъ, тотъ часъ придаютъ этому обстоятельству такое толкованіе, котораго оно можетъ и не имѣть: думаютъ, что есть въ самомъ содержаніи дѣла причины, по которымъ слѣдствіе медлится, что оно производится только ради формъ и не нуждается въ истинѣ; что поэтому гораздо выгоднѣе и лучше промолчать кое о чемъ, а особенно когда дѣло идетъ о какомъ-нибудь чиновникѣ, который въ глазахъ простаго народа всегда считается начальникомъ, въ какомъ бы отдаленномъ отношеніи къ народу ни находился онъ по своей власти и дѣятельности. Тутъ у народа является своя смѣтка: пожалуй, можно еще бѣды нажить себѣ, если скажешь правду про вину начальника, думаетъ нашъ простолюдинъ. Мысли эгого рода даже высказываются вскользь предъ самымъ слѣдователемъ, когда слѣдствіе

производится, спустя нѣкоторое время по обнаруженіи преступленія по службѣ. Еще на первыхъ порахъ очевидецъ, свидѣтель разныхъ событій относящихся къ дѣлу, разскажетъ истину; но когда съ дѣломъ медлятъ, у него является недовѣріе къ слѣдствію, предположеніе, часто ни на чемъ не основанное, что опасно объявлять правду, и тогда уже, если нѣтъ вещественныхъ доказательствъ и уликъ, нельзя добыть истины изъ устъ другихъ, именно потому, что слѣдствіе оттягивается, пріостанавливается, до разрѣшенія начальства. Простолюдинъ не убѣждается тѣмъ, что остановка слѣдствія есть формальность, требованіе закона, независящее отъ обстоятельствъ самого дѣла; напротивъ того онъ именно въ самомъ содержаніи дѣла видитъ причину остановки, а не въ необходимости начальственнаго разрѣшенія, которое для другихъ слѣдствій не требуется. Эта разница такъ поражаетъ его, что образуется задняя мысль, вредно вліяющая на раскрытіе истины, располагающая ко лжи въ показаніяхъ, внушающая боязнь говорить правду. При такомъ ложномъ пониманіи остановки въ слѣдствіи, открывается большое поприще для дѣятельности обвиняемаго въ свою пользу, къ закрытію своей вины: нѣтъ ничего легче въ этомъ случаѣ какъ подговорить свидѣтелей, пугать ихъ противъ всякаго правдиваго отзыва о виновности и страхомъ ихъ закупить себѣ молчаніе. Вотъ почему многія преступленія должности оставались не раскрытыми, не смотря на всю добросовѣстность и стараніе слѣдователя. Такова участь дѣла; но неловко и положеніе судебнаго слѣдователя. Видя, что онъ долженъ уступить свою роль другому слѣдователю, назначаемому начальствомъ, народъ оказываетъ къ первому нѣкоторое недовѣріе, отражающееся на другихъ дѣлахъ, и предполагаетъ, что самъ онъ находится въ подчиненіи начальства, насылающаго вмѣсто его другое лицо, какъ будто для повѣрки его дѣйствій: среда, въ которой чаще всего приходится дѣйствовать слѣдователю, смотритъ на формальности иначе, чѣмъ законъ и слѣдователь. Положимъ, что и это не важность; но важно то стѣсненіе, въ которое ста-

вится судебный слѣдователь, особенно по слѣдствіямъ о преступленіяхъ частной жизни, съ которыми связано преступленіе должности. Такъ напр. въ порубкѣ казеннаго лѣса вмѣстѣ съ частными лицами оказываются виновными должностныя лица по управленіи лѣсами; при производствѣ слѣдствія о поджогѣ, оказываются виновными должностныя лица, завѣдывающія пожарною частью; оправданіе дѣйствій частнаго лица по совершеніи преступленія ложится на обвиненіи чиновника, въ служебной дѣятельности котораго кроется причина частнаго преступленія; всего чаще случается связь слѣдствія по преступленіямъ частной жизни съ обвиненіемъ полицейскихъ чиновниковъ потому же дѣлу. Нерѣдко бывало, что оба дѣятеля смотрятъ на свое призваніе съ разныхъ точекъ зрѣнія; иногда эта двойственность взгляда доходила до того, что слѣдователь встрѣчалъ систематическую оппозицію себѣ въ дѣйствіяхъ полицейскаго чиновника: по тѣмъ или другимъ побужденіямъ полицейскій чиновникъ не только не содѣйствовалъ ему въ раскрытіи преступленія, но явно противодѣйствовалъ, совершая рядъ злоупотребленій для достиженія своей беззаконной цѣли. И вотъ слѣдователь не только не можетъ устранить злоупотребленія чиновника, потому что это зависитъ отъ его непосредственнаго начальства, но не можетъ и раскрыть самыхъ явныхъ, въ глазахъ его совершающіяся беззаконій, потому что долженъ испрашивать и ждать разрѣшенія начальства на уголовное преслѣдованіе, наряда слѣдствія и особаго слѣдователя, который пріѣдетъ для того, чтобы убѣдиться въ невозможности доказать преступность и виновность полицейскаго чиновника, что уже давно ушло время для обыска у него, для изобличенія подлоговъ, которые скрыты имъ и что свидѣтели многое забыли или ихъ заставили забыть. Хорошо еще, если на этомъ оканчивается бѣда, но вопросъ становится еще сложнѣе и важнѣе, когда съ частнымъ преступленіемъ соединяется должностное, такъ, что разъединить ихъ почти невозможно. Тутъ судебному слѣдователю цѣлый рядъ помѣхъ: нужно формально допросить чиновника, но на это онъ

не имѣетъ права; нужно принять разныя охранительныя мѣры по отношенію къ преступнымъ дѣйствіямъ чиновника, но и въ этомъ законъ ему отказываетъ; ему остается предоставить изслѣдованіе того и другаго преступленія слѣдователю, назначенному начальствомъ, потому что нельзя предпринять слѣдственныхъ дѣйствій по отношенію къ частному лицу, которыя не касались бы привилегированнаго обвиняемаго чиновника. Взвѣсивъ всѣ эти недостатки свода законовъ, и понимая ихъ практическое значеніе, мы придаемъ особенную важность новому закону. Нельзя не признать, хотя и не кореннаго исправленія, но значительнаго улучшенія прежняго порядка въ томъ, что власть административная не можетъ назначать слѣдователя по своему усмотрѣнію въ случаяхъ означенныхъ 1089 ст. уст. уг. суд., а обязана передать дѣло судебному слѣдователю, который производитъ слѣдствіе по другимъ дѣламъ и поставленъ въ условія, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе благопріятныя истинѣ, чѣмъ всякій другой слѣдователь. Еще важнѣе улучшеніе закона, дающее возможность судебной власти самостоятельно обнаружить злоупотребленія и безпорядки полицейскихъ чиновниковъ по слѣдственной части чрезъ судебнаго слѣдователя безъ замедленія, неизбѣжнаго въ испрашиваніи разрѣшенія администраціи.

Общее правило всегда должно имѣть перевѣсъ передъ частнымъ исключеніемъ, поэтому послѣднее никакъ не можетъ быть подразумѣваемо, а должно быть доказано. Слѣдовательно, если должностное лицо желаетъ воспользоваться привилегіею въ отношеніи къ уголовному преслѣдованію по дѣлу, начатому въ общемъ порядкѣ, то оно должно представить удостовѣреніе или указать на способы къ удостовѣренію въ томъ, что преступленіе, по которому это лицо привлечено къ дѣлу, совершено обвиняемымъ, какъ должностнымъ лицомъ, а не какъ частнымъ человѣкомъ и относится къ отправленію службы. Это удостовѣреніе тѣмъ болѣе необходимо, что вслѣдствіе дѣйствій одного и того же лица въ двухъ различныхъ областяхъ частной жизни и службы и вслѣдствіе связи между тою

и другою дѣятельностью, нерѣдко бываетъ трудно съ перваго взгляда оцѣнить, къ которой изъ нихъ относится данный случай, и иногда можетъ быть, что судебный слѣдователь будетъ производить слѣдствіе по преступленію должности въ общемъ порядкѣ начатія его, находясь въ невѣдѣніи о томъ, что это преступленіе должности. Голословное показаніе самого обвиняемаго, что онъ дѣйствовалъ какъ должностное лицо и что изслѣдуемое противозаконное дѣйствіе принадлежитъ къ служебному порядку, къ отправленію должности, никакъ не можетъ служить основаніемъ къ пріостановленію уголовнаго преслѣдованія: обвиняемый могъ бы уклониться отъ общаго порядка преслѣдованія, отговариваться отъ него и повредить своевременному раскрытію истины, ссылаясь на то, что преступленіе относится къ службѣ, и потому разслѣдованіе его и обвиненіе должно быть предоставлено его начальству. Во всякомъ случаѣ удостовѣреніе, что въ данномъ случаѣ есть основаніе для привилегіи, которою пользуются должностныя лица въ уголовномъ преслѣдованіи, принадлежитъ судебному слѣдователю, коль скоро дѣло начато имъ, а окончательное разрѣшеніе сомнѣній и пререканій по этому предмету относится къ суду, потому что административная власть, по ея свойству, не можетъ и не имѣетъ права разрѣшать вопросъ о подсудности въ случаѣ столкновенія, должна подчиниться постановленію суда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ ему противодѣйствовать. Притомъ особенность всякой привилегіи состоитъ въ стремленіи расширять свои предѣлы далѣе назначенныхъ, слѣдовательно было бы весьма опасно оставлять за администраціею рѣшеніе вопроса, что данный случай подлежитъ ея вѣдѣнію. Это право суда признано закономъ, такъ какъ всякое сомнѣніе о томъ, подлежитъ ли возникшее въ судѣ дѣло разсмотрѣнію правительственныхъ или судебныхъ установленій, разрѣшается судомъ, отъ коего зависитъ принять дѣло или признать его не подлежащимъ судебному производству (уст. уг. суд. ст. 231, 239). Конечно должностное лицо имѣетъ право обжаловать начатіе слѣдствія въ общемъ по-

рядкѣ уголовнаго преслѣдованія (тамъ же ст. 491). и само административное начальство можетъ обратиться къ суду чрезъ прокурора, съ указаніемъ основаній, по которымъ оно считаетъ дѣло подлежащимъ своему вѣдомству (тамъ же ст. 241); но при сомнѣніи о подсудности и даже пререканіи, производство предварительнаго слѣдствія не пріостанавливается (ст. 236), а правительственное мѣсто или лицо не вправѣ принять къ своему разсмотрѣнію дѣло, производившееся уже въ судебномъ установленіи, прежде уничтоженія этого производства высшею судебною инстанціею (ст. 240).

Но можетъ ли сама административная власть поручать производство слѣдствія судебному слѣдователю, если она имѣетъ право избирать то или другое лицо для изслѣдованія по своему усмотрѣнію? Хотя по своду законовъ судебные слѣдователи не производятъ слѣдствій по преступленіямъ должности, но на практикѣ эти слѣдствія иногда производились ими, то по требованію судебныхъ мѣстъ, то по требованію административныхъ властей. Новый законъ положительно опредѣляетъ, что слѣдствіе возлагается на одного изъ подвѣдомственныхъ административному начальству чиновниковъ (уст. угол. ст. 1086); поэтому судебный слѣдователь производить такихъ слѣдствій не обязанъ. Вопросъ этотъ находился въ обсужденіи соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта при разсмотрѣніи проекта устава уголовнаго судопроизводства: было признано, что невозможно обязать судебныхъ слѣдователей, которые считаются членами окружнаго суда, исполнять предписанія административныхъ начальствъ (жур. соедин. депар. госуд. совѣта по проекту уст. угол. суда ст. 110).

Какими же правилами должны руководствоваться административные чиновники при производствѣ слѣдствій? Такъ какъ никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію, не бывъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности въ порядкѣ, опредѣленномъ правилами устава уголовнаго судопроизводства (уст. угол. суд. ст. 1), то слѣдствіе, производимое административными чиновниками не можетъ подлежать ника-

кимъ другимъ правиламъ, кромѣ тѣхъ, которыя установлены общимъ уставомъ уголовнаго судопроизводства. Такимъ образомъ административные чиновники должны производить предварительныя слѣдствія не иначе какъ на основаніи постановленій о предварительномъ слѣдствіи (раздѣлъ второй), исполненіе этихъ постановленій необходимо и потому, что предметы обвиненія должны быть приведены въ такую ясность, чтобы прокуроръ могъ составить обвинительный актъ, а судъ могъ приступить прямо къ судебному слѣдствію (тамъ же ст. 1095).

При этомъ нельзя не замѣтить, что права прокурорскаго надзора, по наблюденію за производствомъ предварительныхъ слѣдствій по общимъ преступленіямъ, не относятся къ слѣдствіямъ, производимымъ чиновникомъ, назначеннымъ административнымъ начальствомъ. Это изъятіе, неупомянутое въ уставѣ уголовнаго судопроизводства, вытекаетъ изъ того правила, что наблюденіе за производствомъ предварительныхъ слѣдствій составляетъ принадлежность и дѣйствіе обвинительной власти; а по проступкамъ должности, о которыхъ изслѣдованіе производится административнымъ чиновникомъ, общая обвинительная власть вступаетъ въ права свои и начинаетъ дѣйствовать, только по преданіи обвиняемаго суду, когда собранныя его начальствомъ свѣдѣнія передаются прокурору для составленія обвинительнаго акта (тамъ же ст. 1095); до этого времени всѣ права обвинительной власти находятся въ рукахъ не судебнаго, а административнаго вѣдомства. Притомъ и по правиламъ учрежденія прокурорскаго надзора, дѣятельность его ограничивается только дѣлами судебнаго вѣдомства (учреж. судеб. уст. ст. 135); слѣдовательно, пока дѣло вращается въ административномъ вѣдомствѣ, прокуроръ, ни предъявленіемъ своихъ требованій, ни наблюденіемъ за правильностью слѣдствія, не можетъ вторгаться въ административный кругъ дѣятельности по дѣламъ судебнымъ. И такъ административная власть, составляя сама обвинительную палату, становясь истцомъ въ дѣлѣ по менѣе значитель-

нымъ проступкамъ должности, принимаетъ на себя права чиновъ прокурорскаго надзора, по возбужденію уголовнаго дѣла и по наблюденію за производствомъ предварительнаго слѣдствія. Такое отношеніе администраціи къ судебнымъ дѣламъ требуетъ отъ нея особеннаго вниманія къ правильному производству слѣдствій ея чиновниками, чтобы при маломъ знакомствѣ ихъ съ слѣдственною частью, не были нарушены формы и обряды, ограждающіе обвиняемаго и безприступную истину и чтобы упущеніемъ въ раскрытіи обстоятельствъ дѣла, неисполненіемъ правилъ по производству слѣдствія, въ которомъ прокуроръ не принималъ никакого участія, онъ не былъ поставленъ въ затруднительное положеніе при составленіи обвинительнаго акта.

Не таковы отношенія чиновъ прокурорскаго надзора къ тѣмъ дѣламъ, о которыхъ слѣдствія производятся судебнымъ слѣдователемъ (уст. угол. суд. ст. 1089). Эти дѣла уже входятъ въ кругъ дѣятельности судебнаго вѣдомства и съ передачею ихъ судебному слѣдователю, прокуроръ или его товарищъ вступаетъ въ свои права по наблюденію за производствомъ предварительнаго слѣдствія (тамъ же ст. 278). Съ этою цѣлью законъ требуетъ, чтобы административное начальство, передавая дѣло судебному слѣдователю, увѣдомляло прокурора, состоящаго при томъ судѣ, которому дѣло подсудно (тамъ же ст. 1090). Подсудность дѣлъ по преступленіямъ должности находится въ зависимости отъ старшинства должностей и опредѣляется 1072 и 1075 ст. уст. угол. судовъ; этою подсудностью указывается, къ какому прокурору должна обратиться административная власть въ упомянутомъ случаѣ.

Согласно съ общими правилами предварительное слѣдствіе препровождается къ прокурору; но отъ него поступаетъ не въ судъ и не въ обвинительную палату, какъ слѣдовало бы по общему порядку, и даже не къ высшей административной власти, предающей суду (тамъ же ст. 1088), а къ начальству обвиняемаго; вмѣстѣ съ заключеніемъ о томъ направленіи, какое должно получить дѣло (тамъ же ст. 1091). И такъ об-

винительная власть, разъ получивши вліяніе на дѣло, не ограничиваетъ его однимъ надзоромъ за производствомъ слѣдствія, но идетъ далѣе: какъ истецъ, какъ блюститель закона, прокуроръ заявляетъ свои требованія предъ начальствомъ обвиняемаго. Эти требованія могутъ расходиться съ заключеніями начальства обвиняемаго. Возникающія отсюда пререканія разрѣшаются тою административною властью, которая по закону имѣетъ право предавать суду; но если разномысліе возникло между прокуроромъ и властью, предающею суду, въ такомъ случаѣ, когда эта власть сама составляетъ начальство, опредѣляющее обвиняемаго къ должности, то дѣло разрѣшается первымъ департаментомъ правительствующаго сената (тамъ же ст. 1092, 1093). Чтобы дать обсужденію разномыслія между прокуроромъ и начальствомъ, въ этомъ департаментѣ сената болѣе правильности и соединить съ голосомъ администраціи голосъ суда, законъ требуетъ соединеннаго присутствія перваго съ кассаціоннымъ департаментомъ сената по уголовнымъ дѣламъ (ст. 1094). Такимъ образомъ по дѣламъ, указаннымъ въ 1089 ст. уст. уг̀ол. суд. обвиненіе должностныхъ лицъ упрощается: оно можетъ послѣдовать прямо отъ начальства, которымъ опредѣляется обвиняемый къ должности, если оно согласится съ заключеніемъ прокурора о преданіи обвиняемаго суду; дѣло обращается къ власти, предающей суду — губернскому правленію и первому департаменту правительствующаго сената тогда только, когда начальство, вопреки мнѣнію прокурора, признаетъ, что обвиняемый вовсе не подлежитъ отвѣтственности, или что взысканіе на него можетъ быть наложено въ административномъ порядкѣ (ст. 1092). Равнымъ образомъ подлежатъ пересмотру сената опредѣленія губернскаго правленія, несогласныя съ заключеніемъ прокурора (ст. 1093). Губернское правленіе, хотя и признано властью предающею суду, но не стоитъ на той высокой степени, чтобы опредѣлить ея, несогласныя съ заключеніемъ прокурора, о преданіи суду, могли считаться окончательными.

Первый департаментъ правительствующаго сената замѣняетъ администнистративное начальство во всѣхъ вышеозначенныхъ случаяхъ для лицъ, опредѣляемыхъ на должности Высочайшею властью не выше четвертаго класса, а равно для губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства (тамъ же ст. 1085). Сюда поступаютъ всѣ донесенія о преступленіяхъ должности, а также просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные этими преступленіями. Сенатъ назначаетъ чиновниковъ для производства слѣдствія по преступленіямъ должности, когда они не подлежатъ разслѣдованію чрезъ судебнаго слѣдователя по 1089 ст. уст. угол. суда; онъ же и предаетъ упомянутыхъ лицъ суду. На опредѣленіе сената нѣтъ апелляціи (свод. зак. т. I учрежд. прав. сен. ст. 240). Дозволяется только приносить прошеніе Его Императорскому Величеству и если оно соотвѣтствуетъ законнымъ условіямъ, то съ Высочайшаго соизволенія можетъ имѣть послѣдствіемъ разсмотрѣніе дѣла въ общемъ собраніи сената (тамъ же учрежденіе коммисіи прошеній ст. 29).

Донесенія о преступленіяхъ должности, министровъ и вообще лицъ первыхъ трехъ классовъ, жалобы и прошенія о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные этими преступленіями приносятся Его Императорскому Величеству (свод. зак. т. I учрежд. минист. ст. 259, 365, уст. угол. суд. ст. 1097). Тогда только министръ подвергается отвѣтственности, когда донесеніе удостоено будетъ Высочайшаго уваженія (учрежд. минист. ст. 262). Лица, занимающія должности первыхъ трехъ классовъ предаются суду не иначе, какъ по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, которое и служитъ основаніемъ обвинительному акту (уст. угол. суд. ст. 1097).

Судебная дѣятельность административной власти не ограничивается преданіемъ суду должностныхъ лицъ ея вѣдомства: ей принадлежитъ и право суда въ административномъ порядкѣ и въ предѣлахъ означенныхъ въ 1066 ст. уст. угол. суда. Но эта власть администраціи не относится къ уголовному преслѣдованію и изъята изъ него.

Что касается преступленій должности *лицъ судебнаго вѣдомства*, то донесенія, сообщенія, а также просьбы о вознагражденіи за вредъ и убытки обращаются къ тѣмъ судебнымъ установленіямъ, отъ которыхъ зависитъ преданіе обвиняемыхъ суду (уст. угол. суд. ст. 1079, 1082). Отъ жалобъ на дѣйствія должностныхъ лицъ законъ отличаетъ жалобы на неправильность слѣдствій, постановленій, опредѣленій, и рѣшеній, жалобы этого рода приносятся въ порядкѣ указанномъ во II и III книгѣ устава угол. судопр.

Такъ какъ судъ не связанъ необходимостью наряжать особаго чиновника для производства предварительнаго слѣдствія и имѣетъ полное право поручить его судебному слѣдователю; то отъ усмотрѣнія суда зависитъ избирать для этой надобности чиновника или судебнаго слѣдователя въ случаяхъ, не подходящихъ подъ 1089 ст., когда предварительное слѣдствіе должно быть производимо непремѣнно чрезъ судебнаго слѣдователя (тамъ же ст. 1083). Для большаго безпристрастія и во избѣжаніе щекотливыхъ отношеній, которыя могутъ возникнуть между слѣдователемъ и обвиняемымъ, когда оба они служатъ въ одномъ судебномъ мѣстѣ, законъ требуетъ только, чтобы изслѣдованіе о дѣйствіяхъ предсѣдателей, членовъ судебныхъ установленій, и состоящихъ при нихъ прокуроровъ не возлагалось на судебнаго слѣдователя или инаго чиновника того суда, къ которому обвиняемый принадлежитъ. Но будетъ ли слѣдствіе производиться судебнымъ слѣдователемъ или другимъ чиновникомъ, наблюденіе за правильностью слѣдствія всегда принадлежитъ прокурору того суда, отъ котораго зависитъ преданіе обвиняемаго суду (тамъ же ст. 1080); такъ какъ такое слѣдствіе принадлежитъ къ дѣламъ судебнаго вѣдомства (учр. суд. уст. ст. 135).

Какъ прежде производства предварительнаго слѣдствія, такъ и послѣ судебное мѣсто по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла можетъ или освободить отъ всякаго личнаго взысканія, если обвиненіе ничѣмъ не подтверждается, или же назначить дисциплинарное производство, когда противозаконное дѣяніе не пре-

вышаетъ мѣры дисциплинарнаго взысканія (тамъ же ст. 262, 264); въ отношеніи къ чинамъ прокурорскаго надзора это производство не можетъ быть возбуждено безъ разрѣшенія министра юстиціи (тамъ же ст. 252). Только по преданіи обвиняемаго суду надлежащею властью начинается дѣятельность обвинительной власти въ полномъ объемѣ правъ ея по уголовному преслѣдованію (уст. угол. судопр. ст. 1080, 1088), дѣло передается прокурору того суда, которому подсуденъ обвиненный (ст. 541, 1072, 1075); обвиненіе проводится прокуроромъ въ предѣлахъ заключенія объ уголовной отвѣтственности обвиняемаго, составленнаго властью предающею суду (ст. 1096).

По преступленіямъ должности членовъ государственнаго совѣта, министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, дѣло передается въ верховный уголовный судъ по Высочайше утвержденному мнѣнію государственнаго совѣта, которое и служитъ основаніемъ обвинительному акту, составляемому министромъ юстиціи (ст. 1064, 1076, 1097, 1112).

Раздѣлъ II.

Причины, пріостанавливающія гражданскій искъ.

§ 63. Гражданскій искъ можетъ пріостанавливаться или по причинѣ начатія уголовнаго преслѣдованія потому же предмету, по которому гражданскій искъ начатъ въ гражданскомъ судѣ до окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла, или же по причинѣ предъявленія гражданскаго иска за вредъ и убытки, происшедшіе изъ преступныхъ дѣйствій по службѣ должностнаго лица, до разрѣшенія надлежащей власти. Разсмотримъ каждую изъ этихъ причинъ отдѣльно.

I. *Пріостановленіе гражданскаго иска до окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла.*

§ 64. Гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и

убытки отъ преступленія можетъ быть начатъ или въ уголовномъ или въ гражданскомъ судѣ (уст. угол. судопр. ст. 6, 7, уст. гражд. судопр. ст. 5). Главнымъ правиломъ въ выборѣ того или другаго суда для рѣшенія гражданскаго иска слѣдуетъ признать уголовную подсудность: предъявленіе гражданскаго иска въ уголовномъ судѣ. Законъ предпочитаетъ эту подсудность по слѣдующимъ соображеніямъ: интересъ частнаго лица и интересъ общества сходятся въ одномъ и томъ же дѣлѣ; доказательства уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска нерѣдко истекаютъ изъ одного источника; гражданскій истецъ даетъ толчекъ и силу уголовному иску; наконецъ уголовная вина и вредъ, отъ нея происшедшій для гражданскаго истца, возникаютъ изъ одного предмета—преступнаго дѣйствія. По такимъ соображеніямъ законъ желаетъ, чтобы гражданскій и уголовный иски производились однимъ и тѣмъ же судомъ уголовнымъ, чтобы государство не теряло дѣятельнаго помощника уголовному преслѣдованію въ гражданскомъ истцѣ, чтобы одно и тоже дѣло не разлагалось на два отдѣльныхъ процесса, чтобы на гражданскій судъ не взаливать работу, которая, въ разслѣдованіи преступленія, какъ основанія гражданскаго иска, можетъ быть исполнена легче и удобнѣе уголовнымъ судомъ въ одно время съ производствомъ уголовнаго иска. Вотъ почему законъ отдаетъ предпочтеніе уголовной подсудности и постановляетъ, что гражданскій истецъ можетъ начать дѣло въ уголовномъ судѣ, и обязанъ обращаться къ гражданскому суду тогда только, когда не заявитъ своего иска въ уголовномъ до открытія судебнаго засѣданія по уголовному дѣлу (уст. угол. суд. ст. 7).

При всемъ томъ законъ не желаетъ стѣснять частное лицо въ его гражданскихъ правахъ, и потому предоставляетъ вчинать гражданскій искъ въ томъ или другомъ судѣ (уст. граж. судопр. ст. 5). Но когда этотъ искъ заявленъ въ гражданскомъ судѣ, онъ останавливается, если уголовное дѣло возбуждено прежде или во время производства гражданскаго иска до окончанія уголовнаго дѣла (уст. угол. суд. ст. 7, уст.

граж. судопр. ст. 6). Это требованіе закона основано на томъ стремленіи, чтобы избѣжать разсмотрѣнія одного и того же предмета въ двухъ разныхъ судахъ и разнорѣчія въ рѣшеніяхъ. Согласно съ упомянутыми соображеніями законъ отдаетъ первенство уголовному суду, его окончательному приговору.

При разсмотрѣніи этого предмета коммисія, составлявшая проектъ уголовнаго судопроизводства, обсуждала, въ какой мѣрѣ рѣшеніе въ уголовномъ судѣ главнаго вопроса о преступленіи, можетъ и должно имѣть вліяніе на рѣшеніе въ судѣ гражданскомъ второстепеннаго вопроса о вознагражденіи? Коммисія находила: уголовный судъ при разсмотрѣніи преступленія, причинившаго вредъ и убытки, или обвинитъ подсудимаго, или оправдаетъ его. За признаніемъ уголовнымъ судомъ подсудимаго виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступленія, право на вознагражденіе вреда и убытковъ, причиненныхъ этимъ преступленіемъ, не можетъ быть оспариваемо обвиненнымъ; онъ не можетъ доказывать, что преступнаго дѣянія не было или что оно имъ не совершено. Поэтому и судъ гражданскій обстоятельства эти новому судебному пересмотру подвергать не долженъ, можетъ только разсмотрѣть вопросъ: понесены ли отъ преступленія убытки? и опредѣлить разсмотръ ихъ.

Допустить иное толкованіе о предѣлахъ правъ гражданскаго суда по рѣшенію предъявленнаго ему гражданскаго иска, значило бы допустить правосудіе къ противорѣчію самому себѣ, къ оглашенію, напримѣръ въ уголовномъ порядкѣ судопроизводства, что подсудимый дѣйствительно совершилъ кражу, убійство или иное преступленіе, а въ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, что тотъ же подсудимый можетъ быть уже наказанный, никакого преступленія не совершилъ. Но такимъ образомъ можно разрушить въ обществѣ всякое довѣріе къ правосудію. Съ другой стороны уголовный судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можетъ признать, что событія преступленія вовсе не было, или что оно совершилось, но подсудимый никакого участія въ немъ не прини-

малъ. Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ положеніе уголовнаго суда о томъ, что событія преступленія, наприм. поврежденія здоровья нанесеніемъ раны, вовсе не совершилось, или же что подсудимый въ нанесеніи раны вовсе не участвовалъ, вполнѣ обязательно для гражданскаго суда, къ которому обращаются съ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, отъ означеннаго поврежденія здоровья происшедшіе. Какъ въ случаѣ обвинительнаго приговора уголовнаго суда, обвиненный не вправѣ оспаривать дѣйствительность совершенія преступленія, причинившаго вредъ и убытки и свое въ этомъ преступленіи участіе, такъ точно и гражданскій истецъ, въ случаѣ оправданія уголовнымъ судомъ подсудимаго на указанныхъ основаніяхъ, не вправѣ доказывать ни дѣйствительности совершенія преступленія, ни участія подсудимаго въ причинившемъ вредъ дѣяніи, потому что то и другое уголовнымъ судомъ отвергнуто; иначе одно и тоже дѣяніе по рѣшенію суда уголовнаго признано было бы вовсе несуществовавшимъ, а по рѣшенію гражданскаго суда содѣяннымъ или совершившимся; по рѣшенію одного суда подсудимый признанъ былъ бы неучаствовавшимъ въ совершеніи дѣянія, причинившаго вредъ и убытки, а по рѣшенію другого суда былъ бы подвергнутъ вознагражденію завредъ и убытки, то есть признанъ былъ бы виновникомъ или участникомъ въ этомъ дѣяніи. Однимъ словомъ рѣшеніе суда уголовнаго и въ этомъ данномъ случаѣ, потеряло бы всякое нравственное значеніе и силу, если бы могло быть опровергаемо въ порядкѣ гражданскомъ (объяснит. зап. къ проек. устав. угол. суд. стр. 30 — 31). По этимъ доводамъ признано нужнымъ постановить правило, по которому окончательное рѣшеніе суда уголовнаго по вопросамъ: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и какого свойства это дѣяніе, обязательно для суда гражданскаго, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскія послѣдствія дѣянія бывшаго предметомъ уголовнаго суда, разсматриваются судомъ гражданскимъ (уст. угол. суд. ст. 30).

Такимъ образомъ законъ не только требуетъ отъ граждан-

скаго суда выжиданія окончательнаго рѣшенія суда уголовнаго, но и подчиняетъ опредѣленіе гражданскимъ судомъ извѣстныхъ обстоятельствъ гражданскаго иска за вредъ и убытки отъ преступленія обязательному принятію вопросовъ, рѣшенныхъ уголовнымъ судомъ именно въ томъ смыслѣ, какъ они рѣшены этимъ судомъ. Самое пріостановленіе гражданскаго иска до окончательнаго рѣшенія уголовнаго суда имѣетъ въ виду необходимость принятія гражданскимъ судомъ вопросовъ разрѣшенныхъ уголовнымъ приговоромъ, чтобы по одному и тому же предмету не было противорѣчія въ рѣшеніяхъ двухъ судовъ.

Но производство гражданскаго иска пріостановливается только при слѣдующихъ условіяхъ: 1) когда оба иска гражданскій и уголовный относятся къ отдѣльному и томуже предмету; 2) когда уголовное преслѣдованіе уже начато.

Первое условіе выражено въ самомъ законѣ, по которому судъ гражданскій приступаетъ къ производству не прежде какъ по окончаніи уголовнаго производства по *тому предмету, изъ коего искъ проистекаетъ* (уст. гражд. суд. ст. 6). И такъ для выжиданія гражданскимъ судомъ окончательнаго рѣшенія уголовнаго суда законъ требуетъ, чтобы гражданскій искъ и уголовное дѣло истекали изъ одного предмета. Это требованіе весьма понятно: опредѣленіе уголовнаго приговора тогда только должно служить руководствомъ и обязательно для гражданскаго суда, когда неизбѣжно противорѣчіе или согласіе между двумя рѣшеніями; а это можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, когда у того и другаго рѣшенія есть общій имъ одинъ предметъ; а коль скоро гражданскій искъ и уголовное дѣло рождаются изъ различныхъ предметовъ, то оба суда, оба рѣшенія не имѣютъ другъ на друга никакого вліянія и нѣтъ никакой надобности для гражданскаго суда въ остановкѣ. Хотя оба иска гражданскій и уголовный могутъ имѣть одинъ и тотъ же способъ доказательства, напримѣръ, свидѣтель можетъ показывать по одному и тому же предмету сначала въ уголовномъ, а потомъ въ гражданскомъ судѣ; но одно это обстоятельство не служитъ основаніемъ къ пріостановленію производства граж-

данскаго иска, если онъ и уголовное дѣло, по которому призываемъ былъ свидѣтель, проистекаютъ изъ различныхъ предметовъ. Но тождество предмета не требуетъ тождества лицъ: производство гражданскаго иска пріостанавливается и въ томъ случаѣ, хотя бы онъ былъ предъявленъ и не къ тому лицу, противъ котораго начато уголовное дѣло, а къ другому. Напримѣръ, гражданскій искъ предъявленъ въ гражданскомъ судѣ о возвращеніи денегъ по подложному векселю, между тѣмъ начато уголовное дѣло о подлогѣ того векселя, въ которомъ обвиняется другое лицо. Очевидно гражданскій искъ долженъ быть пріостановленъ до окончательнаго рѣшенія уголовнаго дѣла, потому что гражданскій искъ и уголовное дѣло въ рѣшеніяхъ своихъ зависятъ отъ одного предмета—подлога векселя: хотя они относятся къ разнымъ лицамъ.

Второе условіе требуетъ, *чтобы уголовное дѣло было начато прежде или во время производства гражданскаго иска.* Это требованіе основывается на томъ, что если нынуждать гражданскаго истца ожидать возбужденія уголовнаго дѣла, то онъ можетъ понести убытки и даже потерять искъ истеченіемъ давности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ уголовное дѣло можетъ быть вызвано гражданскимъ искомъ. Такъ во время производства послѣдняго предъявлены подложные документы; гражданскій судъ или судья самъ можетъ вызвать уголовное преслѣдованіе передачею подложнаго документа прокурору (уст. граж. судопр. ст. 8, 110, 563) и пріостановить дѣло, если рѣшеніе зависитъ отъ подложнаго акта.

Уголовное дѣло должно считать *начатымъ* съ приступа мироваго судьи къ разбирательству и съ требованія со стороны прокурора или другаго лица производства предварительнаго слѣдствія, которое не можетъ быть не исполнено: уголовное дѣло представляется несомнѣнно начатымъ, когда въ мировомъ разбирательствѣ и въ предварительномъ слѣдствіи по закону не можетъ быть отказано; такъ одно объявленіе посторонняго лица о преступленіи, котораго онъ не былъ очевидцемъ, не служитъ еще достаточнымъ основаніемъ къ раз-

бирательству и къ предварительному слѣдствію и не можетъ быть причиною остановки производства гражданскаго иска.

Коль скоро уголовное дѣло начато, гражданскій искъ долженъ пріостановиться; если же онъ будетъ продолжаться, не смотря на производство уголовнаго дѣла, то можетъ быть уничтоженъ, какъ производившійся въ явное нарушеніе закона. Искъ пріостановливается до окончанія уголовнаго производства (уст. гражд. судопр. ст. 6). Окончаніемъ производства уголовнаго дѣла слѣдуетъ признавать не одно окончательное рѣшеніе (уст. угол. суд. ст. 7), но и прекращеніе слѣдствія судомъ (тамъ же ст. 277); гражданскій истецъ не обязанъ выжидать начатія уголовнаго преслѣдованія по новымъ доказательствамъ (тамъ же ст. 542).

Законъ предвидѣлъ и тотъ случай, когда гражданскій искъ можетъ быть оконченъ прежде начатія уголовнаго дѣла по тому же самому предмету, о которомъ производится гражданскій искъ. Во избѣжаніе противорѣчія между рѣшеніемъ гражданскаго и приговоромъ уголовнаго суда, законъ призналъ правиломъ, что окончательное рѣшеніе гражданскимъ судомъ подлежащихъ его рѣшенію вопросовъ обязательно для уголовнаго суда только въ отношеніи дѣйствительности и свойства событія или дѣянія а не въ отношеніи виновности подсудимаго (тамъ же ст. 29), потому что сужденіе о виновности принадлежитъ исключительно уголовному суду.

II. *Пріостановленіе гражданскаго иска противъ должностнаго лица до разрѣшенія надлежащей власти.*

§ 65. Пріостановленіе гражданскаго иска, предъявленнаго къ должностному лицу и проистекающаго изъ его неправильныхъ дѣйствій по службѣ, основано на тѣхъ же соображеніяхъ, по которымъ пріостанавливается уголовное преслѣдованіе должностныхъ лицъ.

Въ гражданскомъ судѣ, также какъ и въ уголовномъ могутъ быть разбираемы не только дѣйствія должностнаго лица,

причинившія вредъ и убытокъ, но и распоряженія той отрасли администраціи, къ которой принадлежитъ отвѣтчикъ. Поэтому коль скоро существуетъ опасеніе на счетъ того, что судомъ могутъ быть затронуты интересы администраціи, въ ущербъ ея самостоятельности, коль скоро признано необходимымъ оградить служебную дѣятельность должностнаго лица отъ неправильныхъ притязаній къ ней частныхъ лицъ; то означенное опасеніе и необходимость ограды самой службы предварительнымъ разрѣшеніемъ, относительно свойства дѣйствій должностныхъ лицъ, имѣютъ одинаковое значеніе, какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ искѣ.

Взысканіе вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные дѣйствіями должностныхъ лицъ, опредѣляется различными правилами, смотря по тому предъявляется ли искъ въ уголовномъ или въ гражданскомъ судѣ.

Требованіе вознагражденія съ должностнаго лица, какъ судебнаго, такъ и административнаго вѣдомства, лицомъ потерпѣвшимъ вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ должности, предъявляется въ уголовномъ судѣ во время производства уголовнаго дѣла до открытія судебнаго засѣданія и обращаетъ лицо потерпѣвшее въ участвующаго въ дѣлѣ гражданскаго истца, а самое требованіе или искъ подчиняется тѣмъ особеннымъ правиламъ, отъ которыхъ зависитъ уголовное преслѣдованіе. Поэтому жалоба и просьба объ удовлетвореніи за вредъ и убытки обращается, въ отношеніи лицъ административнаго вѣдомства къ начальству, отъ котораго зависитъ опредѣленіе обвиняемаго въ должности, а въ отношеніи лицъ судебнаго вѣдомства къ тѣмъ судамъ, отъ которыхъ зависитъ преданіе обвиняемаго суду (уст. угол. судопр. ст. 1079, 1085. 1097, 1098). Наравнѣ съ уголовнымъ преслѣдованіемъ гражданскій искъ пріостанавливается до преданія обвиняемаго суду; но въ случаѣ предъявленія этого иска, непремѣнно требуется производство предварительнаго слѣдствія чрезъ судебнаго слѣдователя, а не чрезъ особо наряжаемаго начальствомъ чиновника (тамъ же ст. 1089 пунк. 2); во время слѣдствія и суда

гражданскій истецъ пользуется всѣми правами, предоставленными ему по общимъ правиламъ уголовнаго судопроизводства (тамъ же ст. 1103). Начальство должностнаго лица можетъ, по производствѣ слѣдствія назначить вознагражденіе за убытки потерпѣвшему лицу изъ особо назначенныхъ для того суммъ и взыскать выданное вознагражденіе съ виновнаго безъ преданія его суду, если за уголовную вину опредѣлено такое наказаніе, которое можетъ быть наложено безъ суда въ административномъ или дисциплинарномъ порядкѣ (тамъ же ст. 1068). Но за лицомъ, подвергнутымъ денежному взысканію означеннымъ порядкомъ, остается право просить о преданіи суду, если оно признаетъ это взысканіе не заслуженнымъ; это весьма важное право, потому что нерѣдко по безпристрастному суду можетъ оказаться, что должностное лицо дѣйствіемъ своимъ причинило убытки и независимо отъ его воли, а вслѣдствіе исполненія приказанія или распоряженія начальства; слѣдовательно, для такого лица необходимо оправдаться предъ судомъ и избавиться отъ неправильно наложеннаго на него денежнаго взысканія.

Но лицо, потерпѣвшее вредъ и убытки, можетъ и не обращаться въ уголовный судъ съ требованіемъ вознагражденія, а искать его въ гражданскомъ судѣ. Если убытки приписываются такимъ преступнымъ ихъ дѣйствіямъ по должности, которыя совершены вслѣдствіе *корыстныхъ* или *иныхъ личныхъ видовъ*, то взысканіе вознагражденія съ должностныхъ лицъ, какъ административнаго, такъ судебнаго вѣдомства, производится не иначе какъ по преданіи обвиняемаго суду (уст. угол. суд. ст. 1070). Поэтому гражданскій искъ останавливается до преданія суду и только если обвиняемые будутъ признаны подлежащими суду, онъ можетъ быть вчинаемъ въ надлежащемъ гражданскомъ судѣ (уст. гражд. судопр. ст. 1317, 1335). Но если искъ предъявленъ въ гражданскомъ судѣ во время производства уголовнаго дѣла, то онъ пріостанавливается до окончательнаго рѣшенія уголовнаго суда, по основаніямъ указаннымъ въ предшествовавшемъ параграфѣ.

Если искъ простирается на вознагражденіе за вредъ и убытки происшедшіе отъ *медленности, нерадѣнія* или *неосмотрительности* должностныхъ *лицъ административнаго вѣдомства* или отъ *неправильныхъ* или *пристрастныхъ дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства*, не подлежащихъ уголовному суду; то предварительно предъявленія иска въ гражданскомъ судѣ требуется *разрѣшеніе отыскивать вознагражденіе* за вредъ и убытки признаніемъ распоряженія или дѣйствія нарушающимъ права просителя, и до разрѣшенія искъ пріостанавливается (тамъ же ст. 1316, 1331). Это разрѣшеніе въ отношеніи къ отвѣтчикамъ административнаго вѣдомства дается *особымъ присутствіемъ*, составленнымъ изъ членовъ суда и высшихъ административныхъ чиновъ губернскаго состава, а въ отношеніи къ отвѣтчикамъ судебнаго вѣдомства — разрѣшеніе отыскивать убытки дается судебною палатою или кассаціоннымъ департаментомъ сената (тамъ же ст. 1320, 1331). Присутствіе, въ отношеніи къ лицамъ административнаго вѣдомства, можетъ опредѣлить и сумму вознагражденія за вредъ и убытки, если количество ихъ положительно удостовѣрено; а относительно лицъ судебнаго вѣдомства, по разрѣшеніи отыскивать вредъ и убытки, предоставляется истцу обратиться съ искомъ въ тотъ окружный судъ, который будетъ указанъ ему въ самомъ разрѣшеніи (тамъ же ст. 1330, 1335).

ГЛАВА VI.

О прекращеніи уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

§ 66. Уголовное преслѣдованіе и гражданскій искъ могутъ прекращаться по причинамъ каждому изъ нихъ свойственнымъ. Уголовное преслѣдованіе прекращается: 1) смертью преступника, 2) по неподлежности вторичному уголовному преслѣдованію за одно и тоже преступленіе, 3) давностью, 4) помилованіемъ, 5) примиреніемъ, отказомъ и отреченіемъ

отъ уголовнаго иска. Гражданскій искъ прекращается: 1) отказомъ, отреченіемъ отъ иска и мировою сдѣлкою; 2) окончательнымъ приговоромъ уголовнаго суда и 3) давностью. Въ двухъ раздѣлахъ разсмотримъ каждую изъ означенныхъ причинъ прекращенія уголовнаго преслѣдованія и гражданскаго иска.

Раздѣлъ I.

Причины, прекращающія уголовное преслѣдованіе.

I. *Смерть преступника.*

§ 67. Уголовное преслѣдованіе имѣетъ въ виду личную отвѣтственность преступника, взысканіе съ него за уголовную вину наказаніемъ. Со смертью преступника исчезаетъ лицо, противъ котораго возбуждается уголовное преслѣдованіе и проводится судебное обвиненіе; наказаніе по отношенію къ нему дѣлается невозможнымъ; замыкая уста на вѣки, смерть отнимаетъ возможность оправданія. По этимъ причинамъ смерть преступника покрываетъ забвеніемъ вину невзысканную, прекращаетъ уголовное преслѣдованіе, погашаетъ уголовную отвѣтственность.

По нашимъ законамъ въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя. За смертью обвиняемаго *судебное преслѣдованіе* въ отношеніи къ уголовной отвѣтственности его *не можетъ быть возбуждено*, а начатое *подлежитъ прекращенію* (уст. угол. судопр. ст. 15, 16). За смертью осужденнаго *приговоръ о наказаніи* его *самъ собою отмѣняется*; но частные, вслѣдствіе преступленія его, иски, и казенныя взысканія, *за исключеніемъ однакожъ налагаемыхъ въ наказаніе по суду*, обращаются на его имущество (улож. о наказ. угол. и испр. ст. 170).

По указаннымъ началамъ и законамъ прекращеніе уголовной отвѣтственности смертью преступника распространяется не только на *личное* и на *имущественное наказаніе* обвиняе-

маго на *пени, штрафы, денежныя взысканія*; коль скоро они налагаются въ наказаніе по суду, то не могутъ быть обращаемы къ наслѣдникамъ умершаго обвиняемаго. Такъ какъ по уложенію о наказаніяхъ за смертью осужденнаго приговоръ о наказаніи его самъ собою отмѣняется, то штрафъ, пеня, и конфискація, опредѣленные уголовнымъ приговоромъ и невзысканные при жизни осужденнаго, по смерти его не падаютъ на его наслѣдниковъ.

Кромѣ конфискаціи имущества, налагаемой уголовнымъ пригоровомъ, нерѣдко отбираются у обвиняемаго поличное, орудія преступленія и другія вещественныя доказательства. Эти предметы, если составляютъ собственность обвиняемаго, за смертью его должны быть возвращаемы наслѣдникамъ, потому что конфискація ихъ есть послѣдствіе уголовнаго преслѣдованія и обращается въ наказаніе; а уголовное преслѣдованіе и наказаніе прекращаются смертью обвиняемаго. Но если у обвиняемаго отбираются вещи, запрещенныя закономъ, какъ напримѣръ фальшивая монета, испорченные припасы, поддѣльныя питья, запрещенное оружіе, то эти вещи по смерти обвиняемаго не возвращаются наслѣдникамъ, потому что владѣніе ими составляетъ проступокъ не только по отношенію къ умершему обвиняемому, но и къ его наслѣдникамъ, въ чьихъ бы рукахъ они не были, законъ преслѣдуетъ самое обладаніе ими.

Послѣдствіе обвиненія составляетъ взысканіе судебныхъ издержекъ съ обвиняемаго (уст. угол. судопр. 194, 990). Такъ какъ по нашему закону смерть осужденнаго сама собою отмѣняетъ приговоръ, то судебныя издержки какъ послѣдствіе его, если они не были взысканы съ самаго осужденнаго, по смерти его не могутъ быть относимы къ его наслѣдникамъ.

Но смерть преступника погашаетъ уголовный искъ и всѣ послѣдствія его только въ отношеніи къ нему и только къ тому, за что онъ самъ отвѣчаетъ. Поэтому смерть обвиняемаго и осужденнаго не прекращаетъ судебнаго преслѣдованія для участниковъ въ преступленіи и винѣ его и для прикосновенныхъ къ

одному съ нимъ дѣлу; она не прекращаетъ исковъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія какъ частныхъ лицъ такъ и казны, падающихъ не на личность умершаго преступника, а на его имущество и потому обязательныхъ для его наслѣдниковъ; но къ этимъ искамъ не относятся денежныя взысканія, налагаемыявъ наказаніе подсудимому, какъ это объяснено въ 170 ст. улож. о наказ.

II. *Прекращеніе уголовнаго преслѣдованія по неподлежности вторичному уголовному преслѣдованію за одно и тоже преступленіе.*

1. Общія понятія объ этомъ предметѣ.

§ 68. Вторая причина, по которой уголовное преслѣдованіе прекращается, заключается въ томъ главномъ началѣ науки, что *нельзя преслѣдовать два раза за одно и тоже преступленіе.* По этому началу законно оправданный или осужденный не подлежитъ вторичному слѣдствію и суду за прежнее преступленіе, хотя бы оправданіе и наказаніе въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ слѣдовало, были допущены по ошибкѣ, хотя бы впослѣдствіи открылись новыя доказательства, обвиняющія оправданнаго и увеличивающія мѣру наказанія обвиненнаго. Начало это зиждется на неотмѣняемости судебныхъ приговоровъ и опредѣленій, которыхъ непоколебимость составляетъ ограду правосудія. Нашъ законъ принялъ его по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ оно признано и другими европейскими законодательствами. Приписывая особенную важность этимъ соображеніямъ, представимъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ изложены они при составленіи законовъ, относящихся къ настоящему предмету, для точнаго пониманія ихъ.

Когда въ соединенныхъ департаментахъ государственнаго совѣта, при составленіи основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства возбудился вопросъ, по какимъ основаніямъ и

причинамъ могутъ быть отмѣняемы судебные приговоры, то большинство членовъ присутствія находило, что по своду законовъ пересмотръ окончательныхъ рѣшеній допускается только для облегченія участи осужденныхъ, а не для увеличенія мѣры наказанія, опредѣленнаго приговоромъ (свод. зак. т. XV, ч. II, ст. 414). Прямымъ послѣдствіемъ этого правила должна быть невозможность подвергнуть наказанію того, кто оправданъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу. Если наши законы столь строго ограждаютъ силу судебныхъ рѣшеній при существованіи порядка не вполнѣ удовлетворительнаго, при которомъ вслѣдствіе несовершенства теоріи доказательствъ, письменнаго и негласнаго производства и отсутствія обвинительной власти, легко могли состояться неправильныя рѣшенія объ освобожденіи отъ слѣдствія и суда, или о наказаніи менѣе строгомъ, нежели слѣдовало по закону; то нѣтъ достаточнаго повода, при введеніи гласности, обвинительнаго начала, повѣрки слѣдствія въ судѣ и рѣшенія дѣлъ присяжными и судьями по внутреннему убѣжденію отступать отъ кореннаго правила, что никто не долженъ быть привлекаемъ нѣсколько разъ къ отвѣтственности за одно и тоже дѣйствіе. По новымъ началамъ судопроизводства, судебному разсмотрѣнію подвергаются не всѣ безъ исключенія слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, а только такія, по которымъ собраны улики, достаточно сильныя для преданія кого-либо суду. По этимъ дѣламъ прокуроры обязаны предъявлять суду обвиненіе не прежде, какъ собравъ всѣ необходимыя для правильнаго рѣшенія свѣдѣнія и, безъ сомнѣнія, при надлежащемъ исполненіи прокурорами своихъ обязанностей, случаи освобожденія отъ суда, вслѣдствіе неполноты дѣла, будутъ чрезвычайно рѣдки. Посему дозволеніе въ случаѣ вновь открывающихся уликъ, по окончаніи суда, противъ оправданнаго или наказаннаго подсудимаго, производить новое слѣдствіе и судъ, для рѣшенія, какую степень важности имѣютъ эти улики, не принесло бы существенной пользы правосудію, а только поколебало бы твердость и значеніе судебныхъ рѣшеній и лишило

бы ихъ должнаго къ нимъ уваженія. Нельзя также не замѣтить, что введеніе въ наше законодательство подобнаго правила, не только уничтожило бы значеніе отмѣны оставленія въ подозрѣніи, но и распространило бы на всѣ, безъ исключенія оправдательные и обвинительные, приговоры тѣ стѣсненія, которымъ можетъ подвергаться оподозрѣнный, при дѣйствіи закона дозволяющаго возобновленіе противъ такихъ лицъ слѣдствія по вновь открытымъ уликамъ. (т. XV, ч. II, ст. 313, п. 2-й).

Вслѣдствіе этихъ соображеній, находя, что пересмотръ рѣшеній, вошедшихъ въ законную силу, можетъ быть допускаемъ только по такимъ, вновь открывающимся обстоятельствамъ, которыми обнаруживается невинность осужденнаго или неправильность наказанія его по подложности доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ или по другому случаю, большинство членовъ соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта признало необходимымъ установить общее правило, что оправданный или наказанный по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу, не можетъ быть вторично судимъ за тоже преступленіе, хотя бы и открылись новыя доказательства, обнаруживающія или увеличивающія его вину, (жур. соед. депар. госуд. совѣт. объ основн. полож. судебн. части стр. 189—191). Согласно съ означенными разсужденіями въ основныхъ положеніяхъ выражено начало, что поводомъ къ пересмотру приговоровъ могутъ быть только такія вновь открытыя обстоятельства, которыя обнаруживаютъ невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ (осн. полож. ч. II, ст. 104, п. 3).

Такъ какъ въ государственномъ совѣтѣ между прочимъ было замѣчено, что вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ могутъ быть судимы лица оправданныя или признанныя виновными по приговору, вошедшему въ законную силу, долженъ быть подробно разсмотрѣнъ и разрѣшенъ при составленіи устава уголовнаго судопроизводства; поэтому вопросъ этотъ подвергнутъ новому разбору коммисіею, проектировавшею

уставъ. По мнѣнію большинства членовъ коммисіи, какъ бы ни были обширны установляемыя закономъ средства открытія истины, какъ бы ни были многосложны обряды и формы судопроизводства, для этой цѣли учрежденные, какъ бы ни было велико количество судебныхъ инстанцій, тѣмъ не менѣе наступаетъ моментъ, когда всѣ эти средства исчерпаны, когда всѣ эти формы соблюдены, когда судъ, исполнивъ все то, что въ силахъ человѣческихъ исполнить, торжественно произноситъ свой приговоръ. Съ этого момента приговоръ суда получаетъ значеніе непоколебимаго памятника человѣческаго правосудія, съ этого момента ему безусловно должны подчиниться и подсудимый и общество; какъ подсудимый не вправѣ уже оспаривать свою невинность, такъ и общество не вправѣ уже доказывать его виновность. Наступаетъ время, когда судебное рѣшеніе должно почесться неопровержимою истиною. Отвергать въ это время истину судебнаго рѣшенія, значило бы отвергать пользу правосудія, сомнѣваться въ его необходимости, обращать его въ пустое слово. Въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣвались бы общественная безопасность и спокойствіе, какое могло бы существовать довѣріе къ правосудію, если бы послѣ долгихъ и торжественныхъ судебныхъ преній, подсудимый могъ бы быть осужденъ, по тому же обвиненію, по которому онъ быть можетъ весьма недавно былъ гласно оправданъ? Конечно, невозможно предполагать безусловно, что всѣ рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ будутъ безошибочны; но развѣ изъ того, что въ самыхъ рѣдкихъ, при правильномъ устройствѣ суда, случаяхъ можетъ вкрасться ошибка, изъ того что одинъ подсудимый будетъ неправильно оправданъ, можно всѣхъ подсудимыхъ вообще подчинять вѣчному опасенію подвергнуться новому преслѣдованію, — опасенію безвыходному, часто несравненно болѣе тяжкому, нежели то наказаніе, которому они могутъ подвергнуться. Должно ли и самое общество, по поводу одной возможной рѣдкой ошибки, держать себя въ вѣчно враждебномъ настроеніи противъ всѣхъ лицъ, оправданныхъ судомъ? Въ ряду такъ называемыхъ законныхъ

поводовъ къ прекращенію уголовнаго преслѣдованія начало непоколебимости разъ состоявшагося судебнаго приговора оправдывается и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія; во всякомъ случаѣ давность и милостивый манифестъ представляются поводами къ прекращенію преслѣдованія далеко не столь необходимыми, а между тѣмъ противъ основательности послѣднихъ никто не возражаетъ.

Но какъ ни важно для правосудія охраненіе твердости судебныхъ рѣшеній, какъ ни священно то начало, что подсудимый отвѣчаетъ одинъ только разъ, при всемъ томъ возвести это начало на степень никогда и ни по какому поводу непоколебимаго, было бы и несправедливо и опасно. Во первыхъ, необходимо допустить пересмотръ рѣшенія въ томъ случаѣ, когда ошибка въ судебномъ рѣшеніи послужила къ осужденію невиннаго или къ смягченію участи подсудимаго выше мѣры вины его. Но въ этихъ случаяхъ пересмотръ рѣшенія долженъ быть допускаемъ со всевозможною осторожностью и крайнею осмотрительностью, потому что малѣйшее снисхожденіе въ этомъ отношеніи имѣло бы послѣдствіемъ то что, на дѣлѣ правосудія вовсе не существовало бы, что его замѣнилъ бы безграничный произволъ. Во вторыхъ, могутъ быть случаи, правда рѣдкіе, что судебное рѣшеніе въ пользу обвиняемаго оказывается послѣдствіемъ положительнаго доказаннаго подлога, подкупа или инаго преступленія. Безъ сомнѣнія подобное рѣшеніе, въ самомъ корнѣ незаконное и преступленіемъ опороченное, не можетъ почитаться вошедшимъ въ законную силу. Если преступленіе допущено судьями, — значитъ законнаго суда не было, если преступленіе допущено постороннимъ лицомъ,—значитъ судьи умышленно во влечены были въ ошибку, были обмануты. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣшеніе суда ничтожно (объяснит. зап. къ проекту уст. угол. суд. ст. 15—22).

По означеннымъ соображеніямъ соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта и разсужденіямъ коммисіи, принятымъ и государственнымъ совѣтомъ при разсмотрѣніи про-

екта устава уголовнаго судопроизводства, опредѣлились въ самомъ уставѣ законы, касающіеся разсматриваемаго предмета. Ими постановлено: *оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, если бы даже открылись къ изобличенію его новыя обстоятельства; присужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію* или *взысканію не можетъ быть вновь судимъ по тому же дѣлу*, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства, увеличивающія его вину. Эти *правила не распространяются на тѣ случаи*, когда судомъ будетъ признано, что *прежде состоявшійся приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа* или *инаго преступленія. Открытіе доказательствъ невинности осужденнаго* или *понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ свыше мѣры* содѣяннаго признается законнымъ *поводомъ къ возобновленію о немъ дѣла.* Возстановленіе чести и правъ *невинно осужденнаго* допускается во всякое время, не смотря ни на пропущеніе давности, ни на смерть осужденнаго (уст. угол. суд. ст. 21—26).

2. Разъясненіе и примѣненіе законовъ.

§ 69. Изложенные законы и разсужденія, на которыхъ они основаны, приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Всякій судебный приговоръ, по своей конечной цѣли направляемый къ тому, чтобы разрѣшить такъ или иначе уголовное дѣло, коль скоро онъ вошелъ въ законную силу, ставитъ преграду дальнѣйшему уголовному преслѣдованію, служитъ препятствіемъ къ нему; уголовное дѣло не можетъ возбуждаться два раза по одному и тому же преступленію. Хотя бы обвиняемый былъ освобожденъ отъ суда по недостатку доказательствъ, по судебной ошибкѣ; хотя бы судъ неумышленно упустилъ изъ виду обстоятельства, увеличивающія наказаніе осужденнаго, на примѣръ повтореніе преступленія и назначилъ ему наказаніе или взысканіе меньшее, чѣмъ слѣдовало; вошедшій въ законную

силу приговоръ не допускаетъ вторичнаго преслѣдованія, для исправленія ошибки, упущенія, если только приговоръ не былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или инаго преступленія. 2) Возраженіе, что вошедшій въ законную силу приговоръ препятствуетъ новому уголовному преслѣдованію по тому же преступленію, можетъ быть приводимо обвиняемымъ во всякомъ положеніи дѣла. Такъ какъ это возраженіе имѣетъ въ виду положить предѣлъ самому возбужденію уголовнаго дѣла, погасить вновь начатой уголовный искъ; то дѣло, въ какомъ бы положеніи производство его ни находилось, прекращается совсѣмъ, за недостаткомъ предмета производства. Если обвиняемый умалчиваетъ или не знаетъ объ этомъ законномъ препятствіи, то прокуроръ, судебный слѣдователь, мировой судья, члены судовъ имѣютъ право напомнить, возбудить вопросъ объ этомъ препятствіи; потому что въ уголовныхъ дѣлахъ, по общему юридическому началу, нельзя допускать въ обвиняемомъ желаніе дѣйствовать во вредъ себѣ, быть обвиненнымъ, когда онъ могъ оправдаться, проиграть уголовный искъ, который онъ могъ уничтожить. Вошедшій въ законную силу приговоръ прекращаетъ уголовное преслѣдованіе въ самомъ его зародышѣ; слѣдовательно вопросъ объ этомъ препятствіи ему долженъ быть разрѣшенъ прежде всего, онъ стоитъ на первомъ планѣ; потому что коль скоро уголовный искъ прекращается, всякое производство по этому иску не имѣетъ никакого основанія, значенія, ничтожно.

Но прекращеніе уголовнаго преслѣдованія, по причинѣ прежде состоявшагося судебнаго приговора, имѣетъ свои условія, безъ которыхъ оно не можетъ быть признано правильнымъ. Уголовное преслѣдованіе тогда только можетъ быть прекращено, когда былъ судебный приговоръ, вошедшій въ законную силу и имѣющій своимъ предметомъ тоже самое преступленіе, противъ котораго направлено преслѣдованіе. Оправданный или осужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію или

дѣлу (уст. угол. суд. ст. 21, 22). Такимъ образомъ требуются три условія: 1) приговоръ надлежащаго суда въ уголовномъ порядкѣ, 2) приговоръ долженъ быть вошедшимъ въ законную силу и 3) необходимо единство преступленія, составляющаго предметъ прежняго и новаго уголовнаго дѣла. Разсмотримъ каждое изъ этихъ условій порознь.

Первое условіе требуетъ, чтобы опредѣленіе суда имѣло характеръ *рѣшенія, приговора уголовнаго*. Такимъ образомъ опредѣленіе суда о прекращеніи уголовнаго дѣла примиреніемъ не есть рѣшеніе; постановленіе суда о дисциплинарномъ взысканіи съ чиновъ судебнаго вѣдомства не составляетъ также рѣшенія уголовнаго приговора; дисциплинарныя взысканія не входятъ въ составъ уголовныхъ наказаній; дисциплинарное производство подчинено особому порядку, почему оно и не вошло въ уставъ уголовнаго судопроизводства, возбужденіе дѣла о дисциплинарномъ взысканіи не зависитъ отъ уголовнаго преслѣдованія; по этимъ причинамъ взысканіе, наложенное дисциплинарнымъ судомъ, не препятствуетъ преслѣдованію въ уголовномъ порядкѣ по тому же преступленію. Тоже слѣдуетъ сказать и объ административномъ взысканіи.

Опредѣленіе суда не имѣетъ значенія приговора, когда оно не разрѣшаетъ уголовнаго иска въ существѣ, когда оно ограничивается требованіемъ какого-нибудь судебнаго дѣйствія или пріостановленія уголовнаго преслѣдованія, таковы напримѣръ опредѣленія судьи или суда о повѣркѣ осмотра, освидѣтельствованія экспертовъ или о пріостановленіи уголовнаго преслѣдованія до разрѣшенія предварительныхъ вопросовъ, или до подачи жалобы, если дѣло не можетъ быть начато иначе какъ по жалобѣ и проч. Приговоръ долженъ исходить отъ *надлежащаго суда*. Поэтому уголовное преслѣдованіе не прекращается, когда приговоръ исходитъ отъ власти, не имѣющей права на судъ и рѣшеніе, напримѣръ мнѣніе слѣдственной коммисіи не прекращаетъ новаго уголовнаго преслѣдованія. Но вопросъ дѣлается затруднительнѣе, когда приговоръ исходитъ отъ суда, неправильно составленнаго, напримѣръ

отъ присяжныхъ съ тѣми недостатками, при которыхъ они не могутъ быть присяжными вообще или по отношенію къ данному случаю, или отъ суда, которому дѣло не было подсудно. Примѣнять правило, чтобы приговоръ исходилъ отъ надлежащаго суда, со всею строгостью, значило бы потрясти въ самомъ основаніи начало о несудимости два раза за одно и тоже преступленіе. Конечно было бы слишкомъ тяжело подсудимому, оправданному судомъ, которому дѣло не было подвѣдомо или судомъ, въ которомъ оказался недостатокъ относящійся къ одному изъ членовъ его, подвергаться новому преслѣдованію и оставаться подъ постояннымъ опасеніемъ, что новое дѣло будетъ начато противъ него: онъ можетъ быть вовсе не виновенъ въ нарушеніи законовъ о подсудности или въ участіи члена суда, не имѣвшаго на это право. Поэтому во французской практикѣ установилось то правило, что если обвинитель не воспользовался жалобою и протестомъ, противъ нарушенія формъ судопроизводства, противъ неправильной подсудности или участія члена въ судѣ, не имѣвшаго на то права, въ узаконенный срокъ и рѣшеніе вошло въ законную силу, то оно освобождаетъ обвиняемаго отъ новаго преслѣдованія по тому же обвиненію: рѣшеніе признается законнымъ, когда были средства къ исправленію его недостатковъ и стороны не воспользовались этими средствами. По нашимъ законамъ требуется, чтобы обвиняемый былъ оправданъ приговоромъ *надлежащаго суда* (уст. угол. суд. ст. 21). Судя по буквѣ, закона, приговоръ суда неподвѣдомаго или незаконно составленнаго не можетъ служить препятствіемъ ко вторичному возбужденію уголовнаго преслѣдованія противъ оправданнаго однимъ изъ такихъ ненадлежащихъ судовъ. Но съ другой стороны изъ разсужденій коммисіи проектировавшей уставъ, видно, что допущены только два изъятія изъ начала о несудимости два раза за одно и тоже преступленіе, а именно: а) когда прежде состоявшійся приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа или инаго преступленія (тамъ же ст. 23) и б) вслѣдствіе открытія дока-

зательствъ невинности осужденнаго и понесенія имъ наказанія бо̀льшаго чѣмъ слѣдовало (ст. 25). По этимъ соображеніямъ *ненадлежащимъ судомъ* слѣдуетъ признавать такой, который принялъ на себя незаконную подсудность по данному случаю и котораго составъ оказался незаконнымъ, именно вслѣдствіе подлога, подкупа или инаго преступленія а не, безъ злаго умысла и преступленія, по одной неосторожности, безпечности.

Второе условіе для примѣненія начала о несудимости два раза за одно и тоже требуетъ, чтобы *приговоръ* суда былъ *окончательный, вошелъ въ законную силу.* Пока противъ приговора могутъ быть принесены жалобы участвующими въ дѣлѣ лицами или протесты чиновъ прокурорскаго надзора, для его отмѣны порядкомъ апелляціоннымъ или для его уничтоженія порядкомъ кассаціоннымъ, приговоръ можетъ быть измѣненъ и не входитъ въ законную силу, слѣдовательно не прекращаетъ втораго преслѣдованія. Приговоръ считается вошедшимъ въ законную силу, когда истекли всѣ сроки для апелляціи и кассаціи. (уст. уг. суд. ст. 181, 941, 944).

Третье условіе требуетъ, чтобы оправданный и осужденный были обвиняемы *за тоже преступленіе*, по *тому же дѣлу, которое рѣшалось прежде.* Такимъ образомъ требуется *единство преступленія, уголовнаго дѣла.* Практическое примѣненіе этого условія требуетъ разъясненія, что считается однимъ и тѣмъ же преступленіемъ. Нѣтъ единства въ преступленіяхъ, хотя и связанныхъ между собою внѣшнимъ образомъ, коль скоро между ними нѣтъ внутренней связи, коль скоро они различны по содержанію. Такъ напримѣръ *А* обвинялся въ сокрытіи краденыхъ вещей и по суду освобожденъ отъ обвиненія, потомъ опять обвиняется по новымъ обстоятельствамъ въ сокрытіи вещей, послѣдовавшемъ по освобожденіи отъ суда; *А* можетъ быть вторично судимъ за сокрытіе предметовъ кражи и содѣйствіе ей, потому что по слѣдующія обстоятельства не имѣютъ внутренней, нравственной связи съ предшествовавшими, потому что прежнее и новое обвиненіе въ

сокрытіи вещей послѣ перваго приговора составляютъ отдѣльныя обвиненія. Два преступленія, хотя и имѣющія общую причину или общую цѣль, слѣдующія другъ за другомъ въ скоромъ времени, не должны быть сливаемы въ одно, и подлежатъ различнымъ судамъ, различнымъ приговорамъ, если только между ними нѣтъ внутренней связи. Но преступленіе должно считать за одно и тоже, когда новыя обстоятельства, открывшіяся послѣ приговора, увеличиваютъ только вину, отягощаютъ прежнее преступленіе. Напримѣръ оправданный за кражу простую не можетъ быть вновь судимъ, потому что открылись новыя обстоятельства, доказывающія, что то была кража со взломомъ; судившійся за изнасилованіе не можетъ вновь обвиняемъ въ побояхъ, которыми оно сопровождалось и которые не имѣлись въ виду при прежнемъ дѣлѣ. Преступленіе считается за одно и тоже, когда оно состоитъ изъ ряда противозаконныхъ дѣйствій, хотя и различныхъ между собою, но составляющихъ повтореніе одного и тогоже преступленія или относящихся къ одному и тому же преступленію или дѣлу. Напримѣръ *Б* при воровствѣ у *В* укралъ съ вещами *В* и вещи другихъ лицъ, бывшихъ въ гостяхъ у *В*; обвиняемый *Б* не можетъ подлежать вторичному преслѣдованію, по жалобѣ гостей *В*, коль скоро онъ былъ судимъ за кражу у послѣдняго. Хотя эта кража относится къ различнымъ предметамъ и составляетъ рядъ отдѣльныхъ кражъ, но всѣ они вмѣстѣ заключаютъ одно и тоже преступленіе, раздѣленное на части. Слѣдуетъ признавать единство преступленія и въ томъ случаѣ, когда оно состоитъ изъ различныхъ преступленій, нераздѣльныхъ по своему свойству. Такъ кто судится за подлогъ въ актахъ, того нельзя вторично судить за лихоимство, для котораго подлогъ служитъ средствомъ, орудіемъ. Подлогъ и лихоимство въ томъ случаѣ одно и тоже дѣло.

Одно преступленіе можетъ быть разсматриваемо съ различныхъ сторонъ, въ немъ можетъ крыться другое преступленіе, какъ видоизмѣненіе. Такъ лишеніе жизни можетъ представляться и убійствомъ и причиненіемъ смерти по неосто-

рожности и даже случайно; обезчещеніе женщины можетъ имѣть характеръ изнасилованія или растлѣнія или обольщенія или прелюбодѣянія; присвоеніе чужаго имущества можетъ представляться подъ видомъ кражи, или подъ видомъ утайки находки или подъ видомъ присвоенія ввѣреннаго имущества. Спрашивается, можетъ ли возбуждаться уголовное дѣло по новымъ обстоятельствамъ, которыя видоизмѣняютъ рѣшенное прежнимъ судомъ преступленіе? можно ли начать обвиненіе противъ Петрова, оправданнаго или осужденнаго по судебному приговору въ неосторожномъ убійствѣ Иванова, когда оказываются новыя обстоятельства, удостовѣряющія умышленное убійство Иванова? Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ принятой законодательствомъ системы судебнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ: то есть должны ли судьи при рѣшеніи держаться только того обвиненія, которое поставлено въ обвинительномъ актѣ или обязаны разсмотрѣть обвиненіе со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ точекъ зрѣнія. По нашимъ законамъ, основаніемъ вопросовъ по существу должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также *судебное слѣдствіе* и *заключительныя пренія*, въ чемъ они *развиваютъ дополняютъ* или *измѣняютъ* тѣ выводы (уст. уг. суд. ст. 751). И такъ по нашимъ законамъ судьи не должны ограничиваться рамкою обвинительнаго акта и рѣшать дѣло только по тому обвиненію, которое выставлено въ этомъ актѣ; но обязаны имѣть въ виду *всѣ обстоятельства*, раскрытыя судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями, то есть обсудить дѣло со *всѣхъ точекъ зрѣнія*. Отсюда нельзя не заключить, что въ приговоръ нашего суда должны входить всѣ виды обвиненія, какіе можетъ представить уголовное дѣло, всѣ видоизмѣненія преступнаго дѣйствія, по которому составляется приговоръ; слѣдовательно по нашимъ законамъ несудимость два раза за одно и тоже распространяется не только на преступленіе, содержащеся въ обвинительномъ актѣ, до и на всѣ видоизмѣненія этого преступленія, такъ какъ предполагается, что судъ или судья обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Миро-

вой судья постановляетъ приговоръ по *разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, обнаруженныхъ при судебномъ разбирательствѣ* (тамъ же ст. 119); слѣдовательно не долженъ ограничиваться только тѣмъ свойствомъ преступнаго дѣйствія, которое выставлено въ жалобѣ и обвиненіи обвинителя, а обязанъ сообразить совокупность всѣхъ обстоятельствъ, открытыхъ разбирательствомъ. Судебная палата можетъ измѣнить обвинительный актъ по своему усмотрѣнію; она можетъ привлечь обвиняемаго къ суду не только по тому преступленію, которое указано въ этомъ актѣ, но и по другому (тамъ же ст. 536, 537). Всѣ эти законы указываютъ на то, что преступное дѣйствіе въ уголовномъ дѣлѣ разсматривается во всѣхъ степеняхъ суда, во всѣхъ частяхъ судопроизводства, не съ одной стороны, а во всѣхъ его видахъ: все это приводитъ къ заключенію, что окончательный приговоръ, на основаніи 21 и 22 ст. уст. уг. судопр., не дозволяетъ приступать ко вторичному слѣдствію потому же преступленію и дѣлу не только въ томъ смыслѣ обвиненія, которое заключается въ приговорѣ, но и по всѣмъ оттѣнкамъ, видоизмѣненіямъ того же преступленія и того же дѣла; для новаго уголовнаго преслѣдованія того же лица необходимо совершенно другое преступленіе, а не одно видоизмѣненіе того преступленія и дѣла, которое обсуждалось и рѣшалось. Неотмѣняемость окончательныхъ приговоровъ, законная сила ихъ не должны быть колеблемы по поводу новыхъ обстоятельствъ, видоизмѣняющихъ преступленіе, разъ разсмотрѣнное, разобранное со всѣхъ сторонъ. Изъ разсужденій государственнаго совѣта и коммисіи, составлявшей проектъ уголовнаго судопроизводства, видно, съ какою строгостью требуется охраненіе ненарушимости приговора вошедшаго въ законную силу. Безнаказанность преступленій, которая могла бы произойти отъ такого толкованія единства преступленія и дѣла, предотвращается тѣмъ, что если при судебномъ слѣдствіи будетъ обнаружено дѣяніе, непредвидѣнное въ обвинительномъ актѣ и подвергающее обвиняемаго болѣе строгому наказанію, чѣмъ дѣяніе въ томъ актѣ опре-

дѣленное, то дѣло можетъ быть обращено вновь къ предварительному слѣдствію и къ составленію обвинительнаго акта по всѣмъ преступнымъ дѣйствіямъ подсудимаго (тамъ же ст. 752, 753). Но если бы и за этой предосторожностью закона случилось, что обвиняемый подвергся оправданію и менѣе строгому наказанію, чѣмъ слѣдовало, то ради этихъ рѣдкихъ случаевъ не слѣдуетъ новымъ преслѣдованіемъ его колебать законную силу приговора о немъ, рушить основное начало, что никто не можетъ подвергаться слѣдствію и суду два раза за тоже преступленіе, по тому же дѣлу, хотя бы открылись къ изобличенію новыя обстоятельства, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства, увеличивающія его вину. Нельзя упустить изъ виду и того, что подсудимый подвергавшійся всѣмъ испытаніямъ уголовнаго судопроизводства, всѣмъ тягостямъ, связаннымъ съ уголовнымъ судомъ, понесъ въ нѣкоторой степени кару: покончивъ дѣло, правосудіе съ нимъ расчиталось. Садить его снова на скамью обвиняемыхъ, причинять ему новыя испытанія по прежнему преступленію, по прежнему дѣлу, по измѣняющему характеръ ихъ обстоятельству, которое можетъ быть и не доказано новымъ слѣдствіемъ и судомъ, значило бы во многихъ случаяхъ отяготить вину и отвѣтственность подсудимаго выше заслуженной мѣры.

Правило о несудимости два раза за тоже преступленіе и по тому же дѣлу распространяется на всѣ вообще приговоры по уголовнымъ дѣламъ, постановленные, какъ судебными мѣстами общими, такъ и *мировыми судебными установленіями*, такъ равно и *особенными судами—военными*. Это правило опирается на судебномъ порядкѣ, который не зависитъ отъ той или другой особенности судебнаго устройства; для всѣхъ судовъ одинаково необходима непоколебимая сила рѣшеній, для всякаго правосудія нужна ограда лица, что оно не будетъ преслѣдуемо за одно и тоже нѣсколько разъ. Необходимо только, чтобы приговоръ былъ постановленнымъ по существу дѣла, о виновности обвиняемаго и окончательнымъ, то есть вошедшимъ въ законную силу.

Кромѣ приговоровъ по существу могутъ быть *заключенія суда* о *прекращеніи уголовнаго преслѣдованія*. Относительно вступленія въ законную силу этихъ заключеній и примѣненія ихъ къ правилу о несудимости два раза по тому же преступленію и дѣлу, коммисія, составлявшая проектъ устава уголовнаго судопроизводства, разсуждала: «по ученію западныхъ законодательствъ, заключенія о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія входятъ или не входятъ въ законную силу, смотря по тѣмъ поводамъ, которые послужили основаніемъ къ прекращенію судомъ преслѣдованія. Если эти поводы основаны на *соображеніяхъ права*, напримѣръ на томъ что дѣйствіе, въ которомъ обвиняется подсудимый, не составляетъ преступленія, что оно не запрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, что оно покрывается давностью, рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу и т. д., то подобныя заключенія о прекращеніи преслѣдованія входятъ въ окончательную законную силу. Иначе и быть не можетъ, потому что вопросы права могутъ быть обсуждены вполнѣ и со всѣхъ сторонъ безъ повѣрки слѣдствія на судѣ, потому что вопросы права въ большей части случаевъ зависятъ не отъ измѣняющихся событій, а отъ незыблемыхъ началъ права. Напротивъ того, если поводы къ прекращенію дѣла основаны на *соображеніяхъ фактическихъ*, напримѣръ на томъ, что обвиненіе недостаточно доказано, то заключеніе о прекращеніи преслѣдованія не можетъ и не должно входить безусловно въ законную силу; дѣло разсмотрѣно въ томъ видѣ, въ какомъ въ то время представлялось событіе; обвиненіе снято при тѣхъ только извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя были въ виду суда; рѣшеніе вошло въ законную силу по отношенію только къ тѣмъ обстоятельствамъ и уликамъ, которыя были въ данное время въ виду суда; откроются новыя улики и доказательства вины, — преслѣдованіе можетъ и должно возобновиться. По мнѣнію коммисіи этихъ началъ необходимо держаться, какъ по вышеприведеннымъ соображеніямъ, такъ и по слѣдующимъ причинамъ: если признать, что рѣшенія о прекращеніи преслѣдованія

не могутъ ни въ какомъ случаѣ входить въ законную силу, то это значило бы уничтожить всю пользу обряда предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ обвинительной камерѣ; это значило бы оставлять всѣхъ подсудимыхъ, освобожденныхъ отъ преслѣдованія по предварительному разсмотрѣнію дѣла, въ вѣчномъ подозрѣніи, отъ удержанія котораго въ приговорахъ законодательство отказалось, это повело бы къ тому, что подобное, безвыходное подозрѣніе безконечно тяготѣло бы надъ подсудимыми, а опасеніе быть подвергнутымъ новому преслѣдованію было бы для нихъ тягостнѣе самого наказанія, къ которому они могли бы быть присуждены; короче, подобное постановленіе имѣло бы послѣдствіемъ, что никто изъ подсудимыхъ не подчинился бы освобожденію безъ уголовнаго приговора, а потребовалъ бы суда, и самый обрядъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ сдѣлался бы мертвою въ законѣ буквою. Все это указываетъ на необходимость того положенія, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ о прекращеніи дѣла по причинамъ, на соображеніяхъ права основаннымъ, могутъ и должны входить въ законную силу, (объяснит. зап. на проекту уст. угол. суд. стр. 255, 256). По такимъ разсужденіямъ коммисіею составлены слѣдующія правила закона: обвиняемый, о которомъ дѣло было прекращено въ установленномъ порядкѣ, но безъ постановленія судебнаго приговора, можетъ быть привлеченъ къ отвѣтственности по особому о томъ опредѣленію суда, когда прежде истеченія срока давности *будутъ обнаружены къ его изобличенію новыя обстоятельства* (уст. угол. суд. ст. 24). По прекращеніи слѣдствія, дѣло можетъ быть возобновлено не иначе, какъ съ *разрѣшенія судебной палаты* и только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда послѣ прекращенія слѣдствія по недостаточности доказательствъ откроются *новыя доказательства;* 2) когда дѣло, прекращенное за *неимѣніемъ въ виду жалобы* со стороны частнаго обвинителя, *будетъ возбуждено въ установленномъ* законами *порядкѣ*, и 3) когда послѣ прекращенія дѣла, за *неразсмотрѣніемъ* гражданскимъ или духовнымъ судомъ *вопро-*

совъ обусловливающихъ уголовное преслѣдованіе, *вопросы* тѣ будутъ *разрѣшены въ смыслѣ, допускающемъ такое преслѣдованіе* (тамъ же ст. 542). Изъ означенныхъ законныхъ постановленій и разсужденій коммисіи слѣдуетъ: а) заключенія о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія входятъ въ окончательную законную силу и не могутъ быть опровергаемы только въ отношеніи къ вопросамъ права, то есть къ тѣмъ причинамъ, по которымъ законъ признаетъ уголовное преслѣдованіе прекращеннымъ; коль скоро эти причины признаны заключеніемъ суда существующими въ данномъ случаѣ, то вторичное разсмотрѣніе ихъ недопускается; б) по отношенію къ вопросамъ фактическимъ, заключеніе суда получаетъ законную силу, дѣлается неотмѣняемымъ только въ отношеніи къ тѣмъ обстоятельствамъ, которыя находились уже въ разсмотрѣніи суда, по этимъ обстоятельствамъ уголовное дѣло не можетъ быть вторично возбуждаемо; в) по дѣламъ, прекращеннымъ по *причинамъ* только *пріостанавливающимъ уголовное преслѣдованіе*, какъ-то: по недостатку жалобы, по случаю предварительныхъ вопросовъ, по недостатку разрѣшенія уголовнаго преслѣдованія должностныхъ лицъ, опредѣленіе суда о прекращеніи слѣдствія сохраняетъ свою законную силу только до прекращенія этихъ причинъ, то есть до воспослѣдованія жалобы, до разрѣшенія предварительныхъ вопросовъ, до заключенія надлежащей власти, дозволяющаго преслѣдовать должностное лицо; г) когда препятствія, пріостанавливающія уголовное преслѣдованіе, будутъ устранены или когда будутъ открыты новыя обстоятельства къ обвиненію, уголовное преслѣдованіе можетъ быть вновь возбуждено, но не иначе какъ съ разрѣшенія обвинительной камеры судебной палаты (гражданскаго департамента). Само собою разумѣется, что новыя обстоятельства никакъ не могутъ служить причиною къ возбужденію уголовнаго преслѣдованія, прекращеннаго по вопросамъ права. Какое новое доказательство можетъ служить основаніемъ къ начатію дѣла вторично, когда оно прекращено напримѣръ по случаю манифеста? какъ бы это доказательство

сильно не было, оно не воскреситъ дѣла, покончennаго манифестомъ; тутъ новое обстоятельство можетъ только тогда поднять дѣло вторично, если это обстоятельство подтвердитъ несуществованіе причины, погасившей уголовный искъ, то есть если оно докажетъ, напримѣръ, что сила манифеста на данный случай не распространяется. Новыя обстоятельства вообще возобновляютъ дѣло, прекращенное только по недостатку основаній къ обвиненію привлеченнаго къ слѣдствію лица, къ преданію его суду. Подъ *новыми обстоятельствами* разумѣются всѣ доказательства и улики, не находившіяся въ разсмотрѣніи палаты, при обвиненіи привлеченнаго къ слѣдствію лица и служащія или къ подкрѣпленію прежнихъ доказательствъ виновности, признанныхъ слишкомъ слабыми, или же къ новому разъясненію виновности, какъ новыя основанія подозрѣнія. Отъ заключенія палаты зависитъ признать эти новыя доказательства и улики достаточными къ возобновленію уголовнаго дѣла или недостаточными.

Второй поводъ къ возобновленію уголовнаго дѣла состоитъ въ томъ обстоятельствѣ, что прежде состоявшійся *приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа* или *инаго преступленія* (уст. угол. суд. ст. 23) и что онъ былъ послѣдствіемъ *судебной ошибки*, по которой *осужденъ невинный* или же *осужденный понесъ наказаніе свыше мѣры заслуженной* (тамъ же ст. 25). При составленіи этихъ постановленій, коммисія, проектировавшая уставъ уголовнаго судопроизводства, признала необходимость принять мѣры противъ того, чтобы преступники не могли быть оправдываемы вслѣдствіе новыхъ съ ихъ стороны преступленій, совершенныхъ именно съ тою цѣлью, чтобы достигнуть оправданія, посредствомъ злонамѣреннаго обмана, такъ какъ безнаказанность, достигнутая посредствомъ подлога, подкупа свидѣтелей и тому подобныхъ преступныхъ дѣйствій, противорѣчила бы самымъ основнымъ началамъ справедливости. Если уваженіе къ неприкосновенности и ненарушимости судебнаго приговора требуетъ, чтобъ подсудимый, оправданный судомъ, былъ освобожденъ навсегда отъ уголовнаго пре-

слѣдованія по дѣлу, по коему ни слѣдствіемъ, ни судомъ не было открыто достаточныхъ доказательствъ и уликъ, то совсѣмъ противоположное требованіе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда открытыя во время производства дѣла улики и доказательства были искажены подсудимымъ посредствомъ подлога, подкупа свидѣтелей и тому подобныхъ преступныхъ дѣйствій совершенныхъ для того, чтобы ввести судъ въ обманъ. Оставлять безъ просмотра приговоры, постановленные вслѣдствіе такихъ преступныхъ дѣйствій, значило бы открыть путь преступникамъ къ продолженію ихъ злодѣяній на самомъ судѣ (объяснит. зап. на уст. угол. суд. стр. 459 — 460). Затѣмъ признано нужнымъ разъяснить подробнѣе причины и порядокъ *возобновленія* дѣлъ. Причины эти слѣдующія: 1) осужденіе различными приговорами нѣсколькихъ лицъ за одно и тоже преступленіе, совершеніе коего однимъ изъ осужденныхъ доказываетъ невозможность совершенія его другимъ; 2) осужденіе кого-либо за убійство человѣка, оказавшагося послѣ живымъ, или за иное преступленіе, которое не совершилось и вообще открытіе доказательствъ невинности или понесенія имъ наказанія по судебной ошибкѣ, свыше мѣры содѣяннаго; 3) открытіе подложности документовъ или лживости показаній, на которыхъ основанъ приговоръ; 4) доказанные по суду корыстные или иные виды судей потому дѣлу, о возобновленіи коего поступили просьбы или сдѣлано представленіе (уст. угол. суд. ст. 935). Самый порядокъ возобновленія дѣлъ опредѣленъ въ ст. 934, 936, 939. Изъ смысла означенныхъ постановленій оказывается: а) Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ допускается только по *окончательнымъ приговорамъ*, недопускающимъ апелляціи и подлежащимъ обжалованію только въ кассаціонномъ порядкѣ; оно распространяется какъ на приговоры общихъ судовъ, такъ и на приговоры мировыхъ судебныхъ установленіи (уст. угол. суд. ст. 180). б) Причины, по которымъ дозволяется возобновленіе уголовныхъ дѣлъ, сводятся къ двумъ главнымъ: къ видимой *судебной ошибкѣ*, въ которую вовлеченъ былъ судья или судъ, постановлявшій приго-

воръ или къ *обману*, *подлогу* и *другимъ преступленіямъ*, имѣвшимъ вліяніе на составленіе несправедливаго приговора. в) Для возобновленія уголовнаго дѣла по причинѣ обмана, подлога, подкупа или инаго преступленія требуется, чтобы самая причина несправедливости приговора то есть обманъ, подлогъ и проч., была предварительно доказана по суду, такъ какъ эта причина кроется въ преступленіяхъ, которыхъ дѣйствительность можетъ быть признана не иначе какъ судебнымъ приговоромъ въ установленномъ порядкѣ (тамъ же ст. 23, 935, п. 3, 4). г) Возобновленіе уголовныхъ дѣлъ имѣетъ цѣлью или исправленіе самаго приговора въ видахъ закона или оправданіе невинно осужденнаго и смягченіе наказанія, наложеннаго свыше мѣры, то есть оказаніе справедливости въ отношеніи къ подсудимому; поэтому ходатайство о возобновленіи уголовнаго дѣла предоставляется прокурору въ интересахъ закона и самимъ осужденнымъ въ ихъ интересахъ, а также ихъ родственникамъ и свойственникамъ (тамъ же ст. 934). д) Ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ представляется кассаціонному департаменту сената (тамъ же ст. 180, 936). Ни смерть, ни давность не лишаютъ права на ходатайство о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, которыми осуждены невинные: возстановленіе ихъ чести и правъ предоставляется ихъ родственникамъ и свойственникамъ, то есть тѣмъ лицамъ, которыхъ касается нарушеніе чести и правъ невинно осужденнаго.

III. *Давность.*

1. Общія понятія объ этомъ предметѣ.

§ 70. Все имѣетъ свой конецъ; поэтому и для уголовнаго преслѣдованія полагается извѣстный, промежутокъ времени, по истеченіи котораго оно поглощается. Время уноситъ съ собою вещи, событія, помять о дѣйствіяхъ человѣческихъ. На этомъ погашающемъ свойствѣ времени основано ученіе о давности вообще и въ особенности о давности, прекращающей

уголовное преслѣдованіе. Причины, по которымъ давность оказываетъ разрушающее вліяніе на уголовное дѣло, заключаются въ томъ, что въ 1-хъ, обвиненіе за истеченіемъ долгаго времени отъ совершенія преступленія становится несправедливымъ и тягостнымъ для преслѣдуемаго лица, потому что время отняло у него средства къ оправданію, способы защиты, давая вмѣстѣ съ тѣмъ молвѣ и злословію возможность преувеличить значеніе виновности, окружить ее баснословными прикрасами; во 2-хъ, признаки преступленія, улики и доказательства вины, какъ и невинности, уносятся потокомъ времени, исчезаютъ и повреждаютъ истину такъ, что судьи не могутъ дать правильнаго приговора, и если бы не было давности, впадали бы въ безвыходную ошибку. во 3-хъ, наконецъ вслѣдствіе долготы времени самое уголовное преслѣдованіе теряетъ свою силу и значеніе: впечатлѣніе, производимое преступленіемъ отъ времени сглаживается, стирается такъ, что общество дѣлается къ нему вполнѣ равнодушнымъ; давнишнее преступленіе не оставляетъ уже слѣдовъ нарушенія общественнаго порядка, и вмѣсто взысканія наказаніемъ настаетъ пора забвенія. Такимъ образомъ давность есть установленіе, которое опирается на понятіи о справедливости въ отношеніи къ обвиняемому, который не долженъ платиться трудностью оправданія и нескончаемымъ безпокойствомъ за свою вину, а также на понятіи о правильномъ судебномъ порядкѣ, для котораго выгоднѣе прекращеніе преслѣдованія, чѣмъ слишкомъ позднее возбужденіе его, почти всегда соединенное съ невозможностью добиться истины. Такъ какъ всѣ преступленія подлежатъ уничтожающему дѣйствію времени, то по означеннымъ причинамъ наука не знаетъ преступленій, которыя не покрывались бы давностью. Но нѣкоторыя законодательства, по примѣру римскаго (Dig. l. Corn. de parricidiis) не распространяютъ давности на преступленія особенно тяжкія.

2. Разъясненіе законовъ.

а) *Сроки давности.*

§ 71. Сущность давности основанной на теченіи времени, состоитъ въ опредѣленіи срока, за которымъ юридическое отношеніе и дѣло о немъ считаются конченными, прекращенными, какъ бы ихъ вовсе не было. Обращаясь къ давности, прекращающей уголовное дѣло, нельзя не признать того, что чѣмъ важнѣе преступленіе, тѣмъ рѣзче оно отражается, тѣмъ далѣе удерживается воспоминаніе о немъ, тѣмъ болѣе для общества интереса въ преслѣдованіи его. На этомъ соображеніи основано опредѣленіе различнаго срока давности по большей или меньшей тяжести преступленія или по точному указателю этой тяжести — по мѣрѣ наказанія.

Нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства принялъ давность въ число причинъ, прекращающихъ уголовное преслѣдованіе (уст. угол. суд. ст. 16 п. 2). Но не въ этомъ уставѣ, а въ уложеніи о наказаніяхъ, слѣдуетъ искать правилъ о давности и указанія срока ея, потому что срокъ этотъ зависитъ отъ мѣры наказанія за преступленіе.

По мнѣнію государственнаго совѣта, давность установлена у насъ сколько изъ состраданія къ человѣку, который, впавъ однажды въ преступленіе, послѣ того, въ продолженіи многихъ лѣтъ, велъ жизнь честную и неукоризненную, столько же, и еще даже болѣе, по невозможности или чрезвычайной трудности открыть и разсмотрѣть слѣды и другіе признаки преступленія по истеченіи долгаго времени, что повело бы неизбѣжно къ обширной, большею частью напрасной перепискѣ, и къ розысканіямъ большею частью напраснымъ и соединеннымъ иногда съ безпокойствомъ для людей вовсе не причастныхъ къ преступленію (сборникъ мнѣній государ. совѣт. съ 1846 по 1862 годъ, стр. 114). Такимъ образомъ и по нашему закону давность признается установленіемъ не только

въ интересахъ обвиняемаго, но еще болѣе въ интересахъ правосудія, общественнаго порядка.

Нашъ законъ говоритъ: «*наказаніе отмѣняется вслѣдствіе давности*» (улож. о наказ. угол. и испр. ст. 169 п. 3), а по уставу угол. суд. не только наказаніе отмѣняется, но и самое *уголовное преслѣдованіе не можетъ быть возбуждено*, а *начатое подлежитъ прекращенію* (уст. угол. суд. ст. 16). Законъ такъ опредѣляетъ давность: когда со времени учиненія какого либо преступленія *прошло опредѣленное закономъ время* и когда во все сіе время то *преступленіе не сдѣлалось гласнымъ*, то есть когда по оному *не было никакого дѣлопроизводства* или слѣдствія, *ни же донесенія* или *жалобы, совѣта* или *иного показанія*, или же когда въ теченіи тогожъ времени, *виновный въ преступленіи не былъ обнаруженъ не смотря на произведенное слѣдствіе* (улож. о нак. ст. 172). Такимъ образомъ, по нашему закону для давности требуется или 1) *безгласность преступленія* въ теченіи срока давности; или 2) *необнаруженіе виновника преступленія*, въ теченіи того же срока при производствѣ слѣдствія. Какъ въ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ законодательствахъ, въ нашемъ есть преступленія, на которыя давность не распространяется, а именно 1) преступленія особенно важныя и тяжкія — *преступленія государственныя* (улож. о нак. ст. 275, 278, 283, 287) и *умышленное убійство отца* или *матери*. Но для этихъ преступленій назначенъ *20-лѣтній срокъ*, по истеченіи котораго преступленіе все таки не остается безъ преслѣдованія и наказанія, а только смягчается виновному мѣра наказанія, если въ продолженіи этого срока преступленіе оставалось безгласнымъ, или виновный не былъ обнаруженъ (улож. о нак. ст. 175). 2) Такія *противоположныя дѣянія*, которыя, по объясненію государственнаго совѣта, *продолжаясь безпрерывно*, не могутъ быть почитаемы отдѣльными, въ минуту совершенія прекращаемыми. Къ такимъ преступленіямъ отнесены: *отступленіе* отъ *вѣры православной* въ иное исповѣданіе, или *отпаденіе* отъ *вѣры христіанской*, *вступленіе завѣдомо* въ *противоза-*

конный бракъ, *присвоеніе* непринадлежащаго обвиняемому *состоянія*, *должности*, *чина*, *ордена*, *почетнаго титула* или *имени* (тамъ же ст. 176). Для этихъ противозаконныхъ дѣйствій давность не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ законъ предполагаетъ, будто бы совершеніе его продолжается безпрерывно, коль скоро виновникъ его пользуется плодами преступленія или пребываетъ въ состояніи, созданномъ преступленіемъ.

Уложеніемъ опредѣлены различные сроки давности, смотря по важности преступленія и мѣрѣ наказанія, а именно: 1) *давность 10-лѣтняя*, уничтожающая преступленія, за которыя положены *лишеніе всѣхъ правъ состоянія* и ссылка въ каторжную работу или на поселеніе; 2) давность *8-лѣтняя* уничтожающая преступленія, за которыя положены *лишеніе всѣхъ особенныхъ* лично и по состоянію присвоенныхъ *правъ* и *преимуществъ* и ссылка на житье въ Сибирь или *отдача* въ *исправительныя арестантскія роты* гражданскаго вѣдомства; 3) давность *5-лѣтняя* покрывающая преступленія, за которыя назначены *лишеніе всѣхъ особенныхъ* лично и по состоянію присвоенныхъ *правъ* и преимуществъ и *ссылка на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній*, кромѣ сибирскихъ, или *заключеніе въ рабочемъ домѣ*, въ *смирительномъ домѣ*, или *крѣпости*; 4) давность *3-лѣтняя*, погашающая преступленія, за которыя положены *заключеніе въ тюрьмѣ*, *кратковременный арестъ*, *денежныя взысканія*, *выговоры*, *замѣчанія* или *внушенія* (улож. о наказ. ст. 172).

Сверхъ того назначенъ особенный срокъ давности для проступковъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ. При составленіи устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ этими судьями было замѣчено, что опредѣленные уложеніемъ о наказаніяхъ сроки давности весьма продолжительные не могутъ быть примѣняемы къ проступкамъ, подвѣдомымъ мировымъ судьямъ, потому что впечатлѣніе дѣйствій незначительныхъ скоро изглаживается изъ памяти, а отъ того и показанія свидѣтелей, по неясности и сбивчивости ихъ, почти никогда не ведутъ къ изобличенію виновнаго, способствуя, между тѣмъ, къ напрасному безпокойству

многихъ людей. Притомъ производство у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ должно быть по возможности сокращенное, тогда какъ при долгихъ срокахъ давности обыкновенно влекущихъ за собою довольно затруднительныя справки и дознанія за нѣсколько лѣтъ, оно естественно усложняется (объяснит. записк. къ проекту о взыск. за проступки, подвѣд. мир. суд. стр. 34 — 35). Согласно съ этими соображеніями въ уст. о наказ. налаг. мир. суд. опредѣлены слѣдующіе сроки давности: *двухлѣтній для кражи, мошенничества* и *присвоенія чужаго имущества, годичный для лѣсоистребленія* и *шестимѣсячный* для *прочихъ проступковъ* (ст. 21). И такъ нашимъ закономъ указаны различные сроки давности 10, 8, 5 и 3-лѣтній, опредѣленные уложеніемъ, 2-лѣтній годичный и 6-мѣсячный, назначенные уставомъ о наказаніяхъ налагаемыхъ миров. суд. Такъ какъ послѣднимъ закономъ измѣненъ срокъ давности, назначенный уложеніемъ, а именно 3-лѣтній срокъ замѣненъ 2-лѣтнимъ, годичнымъ и шестимѣсячнымъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда по уложенію назначенъ 3-лѣтній срокъ за проступки, которые вошли въ уставъ о наказ. налаг. мир. суд., срокъ давности долженъ быть опредѣляемъ не по уложенію, а по 21 ст. этого устава, потому что позднѣйшій законъ прекращаетъ дѣйствіе того предшествовавшаго, который замѣненъ новымъ закономъ, становясь на его мѣсто.

Срокъ давности долженъ быть соображаемъ съ тѣмъ *преступнымъ дѣйствіемъ*, въ которомъ извѣстное *лицо признается виновнымъ*, по приговору судьи или суда, если дѣло не прекращено до приговора, или по слѣдствію, а не съ тѣмъ преступленіемъ, которое выставлено въ обвиненіи, въ жалобѣ, потому что обвиненіе и жалоба могутъ преувеличить свойства преступнаго дѣйствія, находить грабежъ тамъ, гдѣ была кража, кражу простую называть кражею со взломомъ, убійство неосторожное, убійство въ запальчивости и раздраженіи считать за убійство предъумышленное и т. д. Во всякомъ случаѣ *давность должна быть соображаема* съ *наказаніемъ:* это основное

начало положенное уложеніемъ о наказаніяхъ и только по видимому измѣняемое уставомъ о наказ. налаг. мир. суд., который по необходимости, требуемой краткостью изложенія статьи закона, указываетъ на проступокъ, а не на наказаніе; поэтому давность примѣняется къ тому *наказанію, которое опредѣлено судомъ* по выслушаніи дѣла. Но это вовсе не значитъ, что прекращеніе дѣла по давности должно быть отлагаемо до разрѣшенія его судомъ. Давность учреждена столько же и еще болѣе въ видахъ общественнаго порядка, въ интересахъ правосудія; она служитъ въ пользу не только обвиняемаго, но и суда. Поэтому давность должна быть примѣняема къ данному случаю во всякомъ положеніи дѣла, и притомъ не только по односторонней просьбѣ обвиняемаго, но и самимъ прокуроромъ, слѣдователемъ и судьею, во имя закона.

Такъ какъ по основному положенію давность должна быть соображаема съ мѣрою наказанія, то въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе уменьшается, по смягчающимъ вину обстоятельствамъ, срокъ давности долженъ быть опредѣляемъ по этому уменьшенному наказанію. Но само собою разумѣется, какъ самое уменьшеніе наказанія, такъ и приложеніе сообразнаго съ нимъ срока давности зависитъ отъ *суда, разрѣшающаго дѣло по существу;* ни слѣдователь, ни обвинительная палата не могутъ судить, имѣютъ ли мѣсто въ данномъ случаѣ смягчающія обстоятельства или нѣтъ.

Особый срокъ давности назначенъ для всѣхъ *нарушеній постановленій о печати:* по указу 6 апрѣля 1865 года, срокъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія нарушеній этого рода полагается *годовой* (о судѣ въ дѣлахъ печати ст. 7.) Въ иностранныхъ законодательствахъ по нарушеніямъ постановленій о печати опредѣленъ еще кратчайшій срокъ (по французскому закону 6 мѣсяцевъ). Краткость этого срока основывается на самомъ свойствѣ означенныхъ нарушеній, не влекущихъ за собою значительнаго наказанія, на слабости и непродолжительности впечатлѣній, производимыхъ ими, на легкости и удобствѣ доказать нарушеніе тотчасъ по его совершеніи.

б) Время, съ котораго начинается теченіе давности.

§ 72. Какъ по уложенію о наказаніяхъ, такъ и по уставу о наказ. налаг. мировыми суд., срокъ считается *со времени совершенія преступленія*, то есть съ того дня, когда совершено послѣднее дѣйствіе, нужное для того, чтобы преступленіе считалось вполнѣ оконченнымъ или когда прекратилось покушеніе на преступленіе, если вина преступника состояла только въ покушеніи. Съ этого дня могло быть начато уголовное преслѣдованіе, съ этого дня течетъ и давность, покрывающая это преслѣдованіе, по причинѣ бездѣйствія его. То же правило нужно примѣнять къ тѣмъ преступленіямъ, которыя совершаются не разомъ, не мгновенно, а продолжительно съ нѣкоторыми промежутками между преступными дѣйствіями, а также къ преступленіямъ, заключающимъ въ себѣ рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій, связанныхъ между собою и образующихъ одно цѣлое, прекращеніе послѣдняго изъ этихъ дѣйствій и даетъ начатіе срока давности. Такъ лишеніе свободы оканчивается и открываетъ теченіе срока давности съ того времени, когда окончилось удерживаніе жертвы преступленія въ неволѣ, потому что характеристическій признакъ этого преступленія состоитъ не въ однѣхъ насильственныхъ мѣрахъ, а въ препятствіи пользоваться свободою. Шайка, незаконное общество продолжаются до тѣхъ поръ, пока не разошлась шайка, пока не прекратились сходбища съ противозаконною цѣлью. Бродяжничество оканчивается, когда бродяга выбралъ для своего пребыванія осѣдлое мѣсто. Поддѣлка монеты, паспорта, документа оканчиваются тѣмъ дѣйствіемъ, которое необходимо для полнаго совершенія всѣхъ преступныхъ дѣйствій, дающихъ возможность пользоваться поддѣльнымъ документомъ, выпускомъ фальшивой монеты. Когда преступленіе состоитъ изъ ряда отдѣльныхъ дѣйствій, не связанныхъ между собою и не составляющихъ одного цѣлаго, то давность течетъ со дня окончанія каждаго отдѣльнаго дѣйствія. Такъ выпускъ фальшивыхъ билетовъ можетъ состоять въ поддѣлкѣ нѣсколькихъ билетовъ

вмѣстѣ и выпускѣ ихъ въ одно время, тогда срокъ давности считается со дня выпуска послѣдняго билета; но если поддѣлка совершается періодически, то срокъ давности течетъ со дня выпуска каждаго билета отдѣльно. Отъ самаго совершенія преступленія необходимо отличать пользованіе плодами его и пользованіе тѣмъ состояніемъ, которое возникло изъ преступленія; пользованіе результатами преступленія не стѣсняетъ теченія давности. Такъ побѣгъ со службы совершается и начинается срокъ давности, со дня самаго побѣга, а не со дня явки на службу.

Для *сообщниковъ* и *пособниковъ* въ преступленіи срокъ давности начинается съ того времени, съ какого течетъ этотъ срокъ для главныхъ виновниковъ и зачинщиковъ; самый срокъ давности послѣднихъ прилагается, по уложенію о наказаніяхъ, и къ первымъ, т. е. къ сообщникамъ и пособникамъ (ст. 174). Особый срокъ давности и способъ исчисленія его опредѣленъ уложеніемъ для *судей* и другихъ *чиновниковъ*, *изобличенныхъ въ неприведеніи въ исполненіе вошедшихъ въ законную силу судебныхъ рѣшеній* и въ несдѣланіи *распоряженій* объ объявленіи этихъ рѣшеній. Срокъ давности считается со времени, въ которое рѣшеніе *потеряло свою силу* чрезъ неисполненіе и продолжается 10 лѣтъ. (улож. о наказ. ст. 177).

в) *Причины прерывающія теченіе давности.*

§ 73. *Причиною прерывающею давность* называется такое обстоятельство, которое уничтожаетъ собою весь срокъ давности, прошедшій отъ начала теченія его до этого обстоятельства, какъ будто давности не было, какъ будто время, положенное для нея, остановилось въ своемъ теченіи, по вліянію на него обстоятельства, случившагося въ продолженіи этого времени. По общему началу прерываетъ давность всякое *дѣйствіе судебной* или *обвинительной власти*, относящееся къ уголовному преслѣдованію, или предварительному слѣдствію. Такъ какъ существеннымъ условіемъ теченія давности

признается бездѣйствіе въ уголовномъ преслѣдованіи и производствѣ уголовнаго дѣла, то коль скоро эта дѣятельность обнаруживается точными признаками, коль скоро уголовное дѣло получаетъ свой ходъ, теченіе давности прерывается.

Нашъ законъ не ограничивается однимъ бездѣйствіемъ надлежащихъ властей по производству уголовнаго дѣла, онъ требуетъ *безгласности* дѣла, то есть когда по оному не было донесенія, жалобы, извѣта или инаго показанія (улож. о наказ. ст. 172); когда оно не сдѣлалось извѣстнымъ мировому судьѣ или полиціи (уст. о наказ. налаг. мир. суд. ст. 21). Поэтому по нашему закону давность прерывается не только начатіемъ производства по уголовному дѣлу, но и донесеніемъ, жалобою, извѣтомъ и всякимъ свѣдѣніемъ о преступленіи, сообщеннымъ мировому судьѣ или полиціи, хотя бы по этимъ свѣдѣніямъ не было еще начато никакого производства. Но съ другой стороны нашъ законъ ставитъ необходимымъ условіемъ для перерыва давности то обстоятельство, чтобы слѣдствіемъ *былъ обнаруженъ виновный*, потому что если во время производства слѣдствія не было обнаружено виновнаго въ преступленіи, къ которому примѣняется давность, то съ истеченіемъ ея срока отмѣняется наказаніе и по 16 ст. уст. угол. суд. прекращается уголовное преслѣдованіе, не смотря на жалобу, донесеніе, извѣтъ о преступленіи и даже на производство слѣдствія. Слѣдовательно для перерыва давности нашимъ закономъ требуется извѣстность о преступленіи всякого рода, оффиціально доставленная надлежащему должностному лицу вмѣстѣ съ открытіемъ по слѣдствію виновнаго. Но само собою разумѣется, что всѣ указанные способы къ начатію уголовнаго дѣла должны быть въ рукахъ тѣхъ должностныхъ лицъ, которымъ оно подвѣдомо; потому что коль скоро свѣдѣнія о преступленіи сообщены лицамъ, не имѣющимъ права приступать къ производству, принятіе ими этихъ свѣдѣній и начатое ими производство не имѣютъ законнаго характера и подлежатъ уничтоженію.

Послѣдствіе перерыва давности заключается въ томъ, что

срокъ который протекъ для нея отъ совершенія преступленія до обстоятельства, прерывающаго давность, признается уничтоженнымъ и со дня перерыва давность начинаетъ новый срокъ, если допущено ея теченіе бездѣйствіемъ судебной и обвинительной власти послѣ перерыва давности.

IV. *Помилованіе.*

§ 74. Помилованіе есть изъятіе изъ уголовнаго закона, которымъ прекращается его дѣйствіе или на наказаніе осужденнаго или на уголовную отвѣтственность обвиняемаго, еще неразрѣшенную судомъ. Такимъ образомъ помилованіе можетъ устранить дѣйствіе закона по отношенію къ *подсудимому,* надъ которымъ состоялся осуждающій его приговоръ, *отмѣною* и *смягченіемъ наказанія* ему опредѣленнаго судомъ, или прекратить дѣйствіе закона по отношенію *къ обвиняемому отпущеніемъ ему вины, освобожденіемъ отъ слѣдствія* и *суда,* еще до рѣшенія дѣла. То и другое постановленіе можетъ выразиться въ одномъ актѣ называемомъ *амнистіей* (слово греческое означающее забвеніе). Но только поминовеніе послѣдняго рода, называемое *отпущеніемъ вины* и состоящее въ прекращеніи уголовнаго преслѣдованія будемъ разсматривать. Тогда какъ помилованіе, освобождающее отъ наказанія или смягчающее его, даруется только послѣ судебнаго приговора, опредѣляющаго мѣру наказанія; отпущеніе вины даруется во время производства уголовнаго дѣла до окончанія его, устраняетъ дальнѣйшее уголовное преслѣдованіе, останавливаетъ ходъ его, поражаетъ дѣятельность властей обвинительной и судебной по отношенію къ тѣмъ дѣламъ, на которыя помилованіе распространяется и которыя признаетъ оно какъ будто несуществовавшими.

Нашъ законъ въ числѣ причинъ, прекращающихъ уголовное преслѣдованіе, помѣстилъ и помилованіе, выраженное въ формѣ отдѣльнаго Высочайшаго указа или общего милостиваго манифеста, дарующаго прощеніе (уст. угол. суд. ст. 16

п. 4). У насъ манифестами по случаю какой-либо всеобщей радости или счастливыхъ событій даруется прощеніе тѣмъ, которыхъ вина слѣдствіемъ и судомъ совершенно обнаружена и тѣмъ, которыхъ вина не была еще подвергаема слѣдствію или суду. Какъ изъятіе изъ закона, которымъ отмѣняется дѣйствіе его по отношенію къ уголовному судопроизводству, прощеніе вины зависитъ единственно отъ верховной власти, а не отъ суда или другимъ властей. Судъ и исполнительная власть обязаны примѣнять существующіе законы, каковы бы они не были по ихъ убѣжденію, судъ и исполнительная власть не имѣютъ права ставить свое личное усмотрѣніе выше закона, они—не раздаватели милостей; если бы милость была въ ихъ рукахъ, то общественный порядокъ былъ бы въ зависимости отъ ихъ произвола. Только верховная власть, издающая законы, можетъ оказывать милосердіе по своему усмотрѣнію и отпущеніемъ вины прекращать уголовное преслѣдованіе, уничтожать законную дѣятельность слѣдствія и суда (улож. о наказ. ст. 180).

Прощеніе вины можетъ выразиться по отдѣльному случаю въ особомъ Высочайшемъ указѣ; тогда этотъ указъ прекращаетъ уголовное преслѣдованіе только по отношенію къ тому случаю или дѣлу, на который онъ изданъ. Прощеніе вины можетъ быть сдѣлано въ отношеніи къ цѣлымъ разрядамъ преступныхъ дѣйствій, обыкновенно означаемыхъ во Всемилостивѣйшемъ манифестѣ; въ такомъ случаѣ уголовное преслѣдованіе прекращается по дѣламъ о всѣхъ преступленіяхъ, поименованныхъ въ манифестѣ (тамъ же ст. 181).

Прощеніе распространяется какъ на главное преступленіе, поименованное въ манифестѣ, такъ и *второстепенныя преступныя дѣйствія*, *содѣйствовавшія* или *облегчавшія совершеніе главнаго*. Если первое, въ силу манифеста, теряетъ свой преступный характеръ, признается какъ будто небывшимъ и не подлежитъ преслѣдованію, то трудно допустить, чтобы вина послѣднихъ, которыя не имѣли другой цѣли, кромѣ оказанія помощи въ совершеніи прощаемаго преступленія под-

вергалась слѣдствію и суду, потому только что въ манифестѣ она не означена. На томъ же основаніи вина *участниковъ* въ одномъ и томъ же преступленіи подлежитъ погашенію, коль скоро манифестомъ прощается главный виновникъ.

Такъ какъ прощеніе само по себѣ составляетъ законъ, отмѣняющій уголовное преслѣдованіе, слѣдствіе и судъ по опредѣленнымъ дѣламъ, которыя для судебной власти считаются какъ будто неимѣвшими уголовнаго характера; то прекращеніе дѣла по манифесту не зависитъ отъ одного желанія обвиняемаго, оно зависитъ отъ суда и можетъ быть требуемо въ интересахъ закона должностными лицами судебной и обвинительной власти во всякомъ положеніи уголовнаго производства, если въ манифестъ не означено никакого ограниченія по этому предмету (уст. угол. суд. ст. 16). Но обвиняемый можетъ отклонить отъ себя помилованіе, такъ какъ по слѣдствію и суду онъ можетъ оказаться вовсе невиновнымъ, а милость не есть оправданіе. Это право обвиняемаго допускается и нашимъ законодательствомъ для должностныхъ лицъ, чтобы не лишить права на награды и пенсію, которое они теряютъ, если находились подъ судомъ или подлежали преданію суду, но были освобождены отъ него милостивымъ манифестомъ. Поэтому закономъ признано, что должностныя лица, которыя по преступленіямъ должности подведены подъ Всемилостивѣйшій манифестъ, безъ судебнаго опредѣленія вины или невинности, имѣютъ право просить въ опредѣленный закономъ срокъ надлежащее судебное установленіе о возобновленіи дѣлъ такимъ образомъ прекращенныхъ (уст. угол. суд. ст. 117—118). Право на *возобновленіе* дѣлъ, прекращенныхъ милостивымъ манифестомъ, принадлежитъ не только самимъ обвиняемымъ, но и ихъ семействамъ, въ случаѣ смерти ихъ (тамъ же ст. 1121—1123). По нашему закону милость, отъ которой отказался милуемый, не возвращается ему. Поэтому, если должностное лицо, просившее о возобновленіи дѣла, прекращеннаго милостивымъ манифестомъ, по разсмотрѣнію дѣла не будетъ оправ-

дано, то оно уже не можетъ быть подводимо подъ силу манифеста (тамъ же ст. 1120).

V. *Примиреніе, отказъ, отреченіе отъ уголовнаго иска.*

§ 75. По общему началу уголовное преслѣдованіе, принадлежа обществу, не зависитъ отъ воли лица, пострадавшаго отъ преступленія, и потому не можетъ быть прекращено по его желанію. Даже отказъ лица пострадавшаго отъ вознагражденія за вредъ и убытки, отъ гражданскаго иска, не смотря на связь этого иска съ уголовнымъ преслѣдованіемъ не можетъ служить основаніемъ къ прекращенію послѣдняго. Отказываясь отъ вознагражденія за вредъ и убытки, частное лицо отрекается лишь отъ собственнаго интереса—взысканія денежнаго; но общество отъ этого не теряетъ права на требованіе взысканія уголовнаго. Правда уголовное преслѣдованіе отказомъ гражданскаго истца отъ участія въ уголовномъ дѣлѣ утрачиваетъ дѣятельнаго пособника въ раскрытіи виновности преступника, но оно не связано этимъ отказомъ и можетъ безпрепятственно производиться (уст. уг. суд. ст. 19).

Однакожъ изъ общаго начала о независимости уголовнаго преслѣдованія отъ воли частнаго лица есть исключенія. Они были указаны въ своемъ мѣстѣ. Нѣкоторыя уголовныя дѣла начинаются не иначе, какъ по жалобѣ частнаго лица, а иныя изъ этихъ дѣлъ еще болѣе зависятъ отъ произвола потерпѣвшаго лица, которое можетъ не только начать, но и прекратить ихъ по своему усмотрѣнію. Къ этимъ послѣднимъ дѣламъ, погашаемымъ примиреніемъ, примѣняется правило, что уголовное преслѣдованіе прекращается *примиреніемъ* (тамъ же ст. 16 и 3).

Какъ было замѣчено, нашъ законъ содѣйствуетъ этому способу прекращенія уголовнаго дѣла и для того установилъ особую подсудность для нихъ въ мировомъ разбирательствѣ (тамъ же ст. 35), хотя нѣкоторыя преступленія, сюда относящіяся, по мѣрѣ наказанія превышаютъ власть мировыхъ установленій: имъ они подсудны не для взысканія за вину, а

для примиренія обиженнаго съ обидчикомъ, жалующагося съ обжалованнымъ, обвинителя съ обвиненнымъ.

Принимая этотъ способъ прекращенія въ самомъ широкомъ смыслѣ, нашъ уголовный законъ дозволяетъ мириться не только во время мироваго разбирательства, но и во всякомъ другомъ положеніи уголовнаго дѣла по преступленію, могущему погаситься примиреніемъ *до исполненія приговора* и даже во время исполненія его, коль скоро состоится примиреніе, наказаніе вслѣдствіе примиренія отмѣняется (улож. о наказ. ст. 171).

Дѣла этого рода могутъ прекращаться не только примиреніемъ, но и *отказомъ* отъ уголовнаго иска со стороны обвинителя послѣ подачи жалобы, но прежде начатія уголовнаго дѣла, а также и *отреченіемъ* отъ иска во время производства дѣла. Самый законъ придаетъ значеніе отказа и отреченія отъ иска неявкѣ частнаго обвинителя или его повѣреннаго къ мировому разбирательству или къ судебному слѣдствію безъ законныхъ на то причинъ и по этой неявкѣ прекращаетъ дѣло (уст. угол. суд. ст. 135, 593).

При такомъ широкомъ значеніи, какое приписываетъ нашъ законъ примиренію, при стремленіи содѣйствовать ему всѣми способами, нельзя не признать, что примиреніе съ однимъ участникомъ въ преступленіи, распространяется и на другихъ *соучастниковъ:* въ отношеніи къ послѣднимъ слѣдуетъ считать искъ прекращеннымъ, также какъ и въ отношеніи къ первому, съ которымъ истецъ примирился. Притомъ было бы несправедливо за ту же вину одного виновнаго освобождать отъ наказанія, а другихъ подвергать ему, только по произволу истца — одному простить уголовную отвѣтственность, а другимъ не прощать.

Раздѣлъ II.

Причины прекращенія гражданскаго иска.

§ 76. По различію между уголовнымъ и гражданскимъ искомъ,

многія изъ причинъ, прекращающихъ первый, не погашаютъ втораго, такъ что онѣ никакъ не могутъ быть примѣняемы къ нему, не смотря на дѣйствіе того и другаго иска въ одномъ дѣлѣ, на вчинаніе ихъ обоихъ въ одномъ судѣ. Такъ *смерть обвиняемаго, прощеніе* и *милостивый манифестъ*, прекращая уголовное преслѣдованіе, не влекутъ за собою прекращенія гражданскаго иска. При прекращеніи судебнаго преслѣдованія, по означеннымъ причинамъ, говоритъ законъ, начатые въ судахъ уголовныхъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ разрѣшаются тѣми же уголовными судами (уст. угол. суд. ст. 17). Но если уголовное преслѣдованіе прекращено прежде начатія иска о вознагражденіи за вредъ и убытки въ уголовномъ судѣ, искъ этотъ, не смотря на прекращеніе уголовнаго дѣла, можетъ быть предъявленъ въ гражданскомъ судѣ до истеченія земской давности и въ случаѣ смерти отвѣтчика къ его наслѣдникамъ (тамъ же ст. 18, уст. гражд. судопр. ст. 5). Въ самомъ дѣлѣ законъ можетъ отнять у дѣла его уголовный характеръ, отмѣнить, прекратить уголовное взысканіе за преступленіе, но онъ не можетъ уничтожить самое преступное дѣйствіе, вредное для частнаго лица и вслѣдствіе вреда и убытка открывающее ему право на вознагражденіе, на собственность, которая должна быть неприкосновенна и можетъ быть прекращена причинами, ей, а не уголовной винѣ, свойственными. Даже примиреніе обиженнаго съ обидчикомъ не влечетъ за собою прекращенія иска о денежномъ вознагражденіи, если обиженный оставилъ за собою право на этотъ искъ. Но давая широкое значеніе примиренію, законъ признаетъ его прекращеніемъ и для гражданскаго иска, если обвинитель не выразилъ точно свою волю объ оставленіи за собою права на этотъ искъ (уст. угол. суд. ст. 20). Само собою разумѣется, что гражданскій искъ, какъ право на собственность частнаго лица, подлежитъ совершенно свободному распоряженію со стороны истца: онъ можетъ, по своему усмотрѣнію, отказаться отъ иска, примириться съ отвѣтчикомъ, от-

речься отъ вознагражденія за вредъ и убытки во время производства иска, прекратить его однимъ изъ этихъ способовъ.

Какъ было разъяснено, уголовное преслѣдованіе прекращается вслѣдствіе *вошедшаго въ законную силу уголовнаго приговора*, въ томъ смыслѣ, что не допускается вторичное преслѣдованіе потому же преступленію и дѣлу. Какое вліяніе уголовный приговоръ имѣетъ на гражданскій искъ? Если этотъ искъ разсматривался вмѣстѣ съ уголовнымъ дѣломъ и разрѣшенъ уголовнымъ судомъ, то само собою разумѣется что вошедшій въ законную силу уголовный приговоръ столько же обязателенъ для гражданскаго истца, сколько и для подсудимаго; поэтому такой уголовный приговоръ окончательно прекращаетъ искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія и ставитъ преграду ко вторичному его производству въ гражданскомъ судѣ. Такимъ образомъ начало, что *никто не можетъ быть судимъ два раза за одно* и *тоже* примѣняется и къ гражданскому иску, разрѣшенному уголовнымъ судомъ, потому что это начало укрѣпляетъ силу судебныхъ рѣшеній и составляетъ неизбѣжную необходимость для всякой формы судопроизводства, для всякого дѣла, какъ уголовнаго такъ и гражданскаго.

Если же искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія предъявленъ отдѣльно отъ уголовнаго, то и въ этомъ случаѣ уголовный приговоръ оказываетъ извѣстное вліяніе на гражданскій искъ, если уголовное преслѣдованіе начато прежде или во время производства гражданскаго иска. Объ этомъ вліяніи было говорено въ своемъ мѣстѣ (§ 64 стр. 685 и слѣд.). Какъ извѣстно, *окончательное рѣшеніе суда уголовнаго* по вопросамъ: совершилось ли событіе преступленія? было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и какого свойства это дѣяніе? — *обязательно для суда гражданскаго* (уст. уг. суд. ст. 30). Такимъ образомъ рѣшеніе суда уголовнаго прекращаетъ производство по означеннымъ вопросамъ гражданскаго суда, который обязанъ принять ихъ въ такомъ смыслѣ, въ какомъ разрѣшены они судомъ уголовнымъ. Но для этого вліянія уго-

ловнаго приговора на гражданскій искъ требуется, кромѣ другихъ условій, чтобы приговоръ былъ *окончательнымъ рѣшеніемъ* суда уголовнаго. Слѣдовательно гражданскій искъ не стѣсняется опредѣленіями уголовнаго суда, прекращающими уголовное преслѣдованіе, но не рѣшающими уголовнаго дѣла въ существѣ: словомъ все то, что не составляетъ окончательнаго рѣшенія, не имѣетъ никакого вліянія на гражданскій искъ. Такъ остаются безъ всякого вліянія на гражданскій искъ опредѣленія обвинительной палаты, которыми отказывается въ судебномъ преслѣдованіи обвиняемаго, потому что не доказана преступность дѣйствія, не вполнѣ удостовѣрена дѣйствительнось совершенія преступленія или потому что оно не можетъ быть вмѣнено обвиняемому по недостатку доказательствъ: такія опредѣленія, прекращая уголовное преслѣдованіе, не прекращаютъ гражданскаго иска, потому что не составляютъ рѣшеній окончательныхъ, новыя доказательства могутъ измѣнить ихъ. Сюда же относятся опредѣленія, прекращающія уголовное преслѣдованіе по уголовной давности, по милостивому манифесту, по смерти обвиняемаго: и эти опредѣленія не вліяютъ на гражданскій искъ, потому что не указываютъ, что преступнаго дѣйствія, вреднаго для гражданскаго истца не было, а только утверждаютъ, что уголовное преслѣдованіе прекратилось и притомъ по причинамъ, не свойственнымъ гражданскому иску.

Окончательное рѣшеніе уголовнаго суда можетъ признать обвиняемаго невиннымъ и освободить отъ вмѣненія ему преступленія въ вину или же обвинить его; какое вліяніе на гражданскій искъ имѣютъ такія рѣшенія уголовнаго суда, коль скоро искъ начатъ въ гражданскомъ судѣ? 1) *Оправдательный* приговоръ можетъ основываться на томъ, что дѣйствіе, въ которомъ обвиняется подсудимый не было преступнымъ или что дѣйствіе, хотя и противозаконное, не можетъ быть вмѣнено подсудимому. Такой оправдательный приговоръ, даже вошедши въ законную силу, не препятствуетъ обсужденію въ гражданскомъ судѣ всѣхъ вопросовъ иска о вознагражденіи

за вредъ и убытки отъ преступленія, не прекращаетъ разсмотрѣнія ни одного изъ вопросовъ этого иска: законъ положительно утверждаетъ, что непризнаніе преступнымъ или невмѣненіе подсудимому въ вину его дѣянія не устраняетъ гражданскаго иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ (уст. уг. суд. ст. 31). Словомъ къ оправдательному приговору не можетъ быть примѣнена 30 статья устава, стѣсняющая гражданскій судъ въ разрѣшеніи означенныхъ въ ней вопросовъ, потому что непризнаніе извѣстнаго дѣйствія преступнымъ не значитъ, чтобы оно было безвреднымъ для гражданскаго истца: оно могло не заключать въ себѣ преступнаго умысла, уголовной вины, но тѣмъ не менѣе оно могло быть дѣйствіемъ, причинившимъ вредъ и убытокъ; равнымъ образомъ объявленіе подсудимаго невиннымъ не влечетъ за собою необходимости рѣшенія, что дѣйствія вовсе не было или что оно несовершено подсудимымъ, признаніе невиннымъ можетъ быть основано на одномъ недостаткѣ доказательствъ его виновности. Отсюда видно, что оправдательные приговоры ни въ какомъ случаѣ не могутъ препятствовать обсужденію вопросовъ въ гражданскомъ судѣ, такъ какъ эти приговоры имѣютъ въ основаніи своемъ такіе доводы, которые имѣютъ мѣсто въ уголовныхъ дѣлахъ, но не могутъ быть примѣнимы къ дѣламъ гражданскимъ, потому что судамъ гражданскимъ приходилось бы доискиваться соображеній уголовнаго приговора о томъ, почему подсудимый признанъ невиннымъ и освобожденъ отъ суда, и опираться только на этихъ соображеніяхъ, если бы примѣнять 30 статью къ оправдательнымъ рѣшеніямъ уголовнаго суда. При такомъ взглядѣ на оправдательный приговоръ опасаются противорѣчія рѣшеній, какія могутъ возникнуть изъ разсмотрѣнія двумя судами одного и того же предмета безъ всякого стѣсненія судовъ въ разрѣшеніи вопросовъ, къ нему относящихся. Но этого противорѣчія можетъ и не быть, если оба рѣшенія будутъ основательны; это противорѣчіе, если оно и случиться, болѣе кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, такъ какъ граждан-

скій судъ не рѣшаетъ уголовнаго вопроса, былъ ли подсудимый виновенъ въ преступленіи; онъ призванъ только къ разрѣшенію вопроса, было ли дѣйствіе подсудимаго вреднымъ и какіе причинило оно убытки. 2) *Обвинительные* приговоры прямо подходятъ подъ дѣйствіе 30 статьи уст. уг. суд. и прекращаютъ разсмотрѣніе гражданскимъ судомъ вопросовъ, указанныхъ въ этой статьѣ и рѣшенныхъ уголовнымъ судомъ. Коль скоро послѣднимъ опредѣлено, что преступное дѣйствіе было совершено, коль скоро подсудимый обвиняется въ совершеніи этого дѣйствія, то онъ не можетъ уже опровергать въ гражданскомъ судѣ, что преступленія не было или что оно не имъ совершено, гражданскій судъ обязанъ признать эти вопросы окончательно рѣшенными уголовнымъ судомъ. Вообще гражданскій судъ можетъ и долженъ подчиниться рѣшенію уголовнаго суда только тогда, когда *факты, на которыхъ первый опираетъ свое рѣшеніе*, *точно* и *ясно опредѣлены вторымъ*, а такой опредѣленности можно ожидать только отъ обвинительнаго приговора.

По уложенію о наказаніяхъ право на вознагражденіе за причиненные преступленіемъ вредъ и убытки подчиняется правиламъ о *давности*, въ законахъ гражданскихъ о предѣленнымъ (ст. 179). Согласно съ этимъ закономъ, нераспространяющимъ давность по уголовнымъ дѣламъ на иски о вознагражденіи за вредъ и убытки отъ преступленія, въ уставѣ уголовнаго судопр. постановлено, что прекращеніемъ судебнаго преслѣдованія по уголовной давности, не прекращается искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки (ст. 16, п. 2, 17, 18). Такимъ образомъ, какъ уголовные, такъ и гражданскіе суды и судьи, при разрѣшеніи вопроса о давности, въ отношеніи къ гражданскому иску, обязаны сообразоваться съ законами о давности не уголовными, а гражданскими: срокъ этой давности полагается *десяти-лѣтній* со дня открытія права на искъ то есть со дня совершенія того противозаконнаго дѣйствія, изъ котораго возникаетъ искъ объ убыткахъ (св. зак. X т. ч. I ст. 694). Но такъ какъ искъ объ убыт-

кахъ отъ преступленія составляетъ часть уголовнаго дѣла и при предъявленіи въ уголовномъ порядкѣ можетъ возбудить уголовное преслѣдованіе, то искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки не можетъ быть принятъ по истеченіи срока *уголовной давности*, а долженъ быть начатъ въ гражданскомъ судѣ (уст. уг. судопр. ст. 18, уст. гражд. судопр. 5).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.